

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА
1899–1902 ГОДОВ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ**



Москва
ИАФР РАН
2023

УДК 94(680)"1814/1909"

ББК 63.3(6Южн)

А64

Ответственные редакторы:

Б.М. Горелик, с.н.с. Центра исследований Юга Африки
Института Африки РАН, к.и.н.

В.В. Грибанова, с.н.с., зав. Центром истории и культурной антропологии
Института Африки РАН, к.и.н.

А.А. Токарев, с.н.с., зав. Центром исследований Юга Африки
Института Африки РАН, к.и.н.

Рецензенты:

В.Г. Шубин, гл.н.с. Центра истории и культурной антропологии
Института Африки РАН, проф., д.и.н.

И.И. Филатова, проф. Национального исследовательского университета
Высшая школа экономики, проф., д.и.н.

А64 **Англо-бурская война 1899–1902 годов: опыт и перспективы исследования.** – Колл. монография. – М.: Институт Африки РАН, 2023. – 372 с.

ISBN 978-5-91298-294-1

Коллективная монография приурочена к 120-летию завершения англо-бурской войны 1899–1902 гг. Участие в подготовке издания большой группы авторов из России, ЮАР и Намибии позволило получить новые, актуальные результаты в изучении этого важного для Южной Африки и России исторического события рубежа XIX–XX вв. Исследован обширный спектр вопросов, отражающих опыт осмысления этого конфликта в отечественной и зарубежной историографии, намечены возможные направления дальнейшей работы. Книга адресована широкой аудитории: историкам, занимающимся как всеобщей, так и отечественной историей, преподавателям и учащимся ВУЗов, специалистам в области международных отношений и всем интересующимся завершившимся более ста лет назад конфликтом на юге Африки, память о котором активно сохраняется до настоящего времени, в том числе в России.

УДК 94(680)"1814/1909"

ББК 63.3(6Южн)

На обложке: бурский генерал Виллем Йоханнес Кольбе и русский подполковник Евгений Яковлевич Максимов, командир голландского отряда, Оранжевое Свободное Государство, апрель 1900 г. Фото колоризовано и любезно предоставлено Тинусом ле Ру, ЮАР.

ISBN 978-5-91298-294-1

© Институт Африки РАН, 2023

© Коллектив авторов, 2023

© Абишева Г.М., оформление 2023

INSTITUTE FOR AFRICAN STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**RESEARCHING
THE ANGLO-BOER WAR
OF 1899–1902:
THE PRACTICE
AND THE FUTURE**



Moscow
IAS RAS
2023

Executive editors:

B.M. Gorelik, PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for Southern Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

V.V. Gribanova, PhD (History), Senior Research Fellow, Head of the Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

A.A. Tokarev, PhD (History), Senior Research Fellow, Head of the Centre for Southern Africa Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

Reviewers:

V.G. Shubin, D.Sc. (History), Professor, Principal Research Fellow, Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences

I.I. Filatova, D.Sc. (History), Professor, National Research University Higher School of Economics

Researching the Anglo-Boer War of 1899–1902: The Practice and the Future. – Multi-author book. – Moscow, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2023. – 372 p.

This multi-author book is dedicated to the 120th anniversary of the peace treaty that ended the Anglo-Boer War of 1899–1902. The involvement of a multidisciplinary group of scholars from Russia, South Africa and Namibia has resulted in a presentation of new and relevant findings in the studies of an event that became historic for both South Africa and Russia. A wide range of issues has been explored, drawing on a century of experience of Russian and international research into this armed conflict. Promising directions in the Anglo-Boer War studies have been outlined and explored. The book is aimed at general readership: specialists in world and Russian history, lecturers and university students, professionals in the field of international relations, and everyone who is interested in the South African War, a conflict from a distant past which is still well remembered in many countries, including Russia.

Cover illustration: General Willem Johannes Kolbe and Lieutenant Colonel Yevgeny Maximov, commander of the Dutch Corps, Orange Free State, April 1900. Colourised and kindly provided by Tinus le Roux, South Africa.

ISBN 978-5-91298-293-4

© Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, 2023

© Joint authorship, 2023

© Gulzhamal Abisheva, design, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	11
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ. А. Давидсон. Первая война XX века ...	33

Раздел I. ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

ГЛАВА 1. Изучение англо-бурской войны 1899–1902 гг. в России ..	39
ГЛАВА 2. Новые подходы и перспективные направления исследований в историографии англо-бурской войны	63

Раздел II. ВОЙНА

ГЛАВА 3. «Война невыученных уроков»: влияние изучения опыта Первой англо-бурской войны (1880–1881) на подготовку Великобритании ко второй (1899–1902)	83
ГЛАВА 4. Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Германская Юго-Западная Африка (Намибия): забытая история	101
ГЛАВА 5. От России до Южной Африки: Самуил Маркс – миллионер и миротворец	112
ГЛАВА 6. Изучение опыта англо-бурской войны (1899–1902) накануне Второй мировой войны: причины и выводы	134
ГЛАВА 7. Российское добровольческое движение в период англо-бурской войны в контексте изменений внутренней и внешней политики России в XIX в.	156
ГЛАВА 8. Вновь открытые имена российских участников англо-бурской войны 1899–1902 гг.	174

Раздел III. МИР

ГЛАВА 9. Отражение англо-бурской войны в повседневной жизни дворянских детей (на материалах детских дневников 1899–1902 гг. семьи Анатолия Викторовича Половцова)	197
ГЛАВА 10. «Великая тяжба между исполином и лилипутом». Англо-бурская война в восприятии народников	207
ГЛАВА 11. Спасенные из плена буры в России (1901 г.). Мемуары Л.Я. Стейтлера в историческом контексте	224
ГЛАВА 12. Народная песня «Трансвааль» в пространстве русской культуры XX – первой четверти XXI в.	244

ГЛАВА 13. «Солдаты, не ушедшие в бой». Как жители Конкордии (Намакваленд) вновь обрели чувство собственного достоинства	268
ГЛАВА 14. Память о российских добровольцах на англо-бурской войне в современной ЮАР	282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	300
ПРИЛОЖЕНИЯ	
А.Ф. Остальцева. Моя диссертация	310
Л.Я. Стейтлер. Побег из плена. Англо-бурская война 1899–1902 гг.	312
БИБЛИОГРАФИЯ	331
SUMMARY	352
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	368

CONTENTS

INTRODUCTION	11
PREFACE. A. Davidson. The First War of the 20th century	33

Part I. HISTORIOGRAPHY

CHAPTER 1. Studying the Anglo-Boer War of 1899–1902 in Russia....	39
CHAPTER 2. The Anglo-Boer War: New Perspectives and Opening a Dialogue on History, Historiography, Human Suffering, Political Agency and New Pathways for Future Research	63

Part II. WAR

CHAPTER 3. “A War of Unlearned Lessons”: The Impact of the First Anglo-Boer War (1880–1881) on Britain’s Preparations to the Second One (1899–1902)	83
CHAPTER 4. The Anglo-Boer War of 1899–1902 and German South West Africa (Namibia): A Forgotten Story.....	101
CHAPTER 5. From Russia to South Africa: Sammy Marks, a Millionaire and Peacemaker	112
CHAPTER 6. Studying the Practices of the Anglo-Boer War (1899–1902) in the Lead-Up to the Second World War: Reasons and Conclusions	134
CHAPTER 7. The Russian Volunteer Movement during the Anglo-Boer War within the Context of Changes in the Russian Foreign Policy in the 19th Century	156
CHAPTER 8. Newly Discovered Names of Russian Veterans of the Anglo-Boer War of 1899–1902	174

Part III. PEACE

CHAPTER 9. Reflections of the Anglo-Boer War in the Daily Life of Children of Nobility: A Case Study of the 1899–1902 Diaries of A.V. Polovtsov’s Family	197
CHAPTER 10. “The Great Confrontation between a Giant and a Lilliputian”: The Anglo-Boer War as Perceived by the Narodniks ...	207
CHAPTER 11. A Visit to Russia by Boers Rescued from British Captivity (1901). L.J. Steytler’s Memoir in a Historical Context	224

CHAPTER 12. The Folk Song “Transvaal” in Russian Culture from the 20th Century to the First Quarter of the 21st Century	244
CHAPTER 13. “The Men who would not March”: How Concordia, Namaqualand, Regained Her Pride	268
CHAPTER 14. Commemorating Russian Volunteers of the Anglo-Boer War in the Present-Day South Africa	282
CONCLUSION	300
APPENDICES	
A.F. Ostaltseva. My thesis	310
L.J. Steytler. Escape by a Prisoner of War – Anglo-Boer War 1899–1902 (Russian translation and Afrikaans original text)	312
BIBLIOGRAPHY	331
SUMMARY	352
INFORMATION ABOUT AUTHORS	368

*Светлой памяти
Геннадия Владимировича Шубина
посвящается*



ВВЕДЕНИЕ

Англо-бурская война 1899–1902 гг. была противостоянием между Британской империей и двумя странами в самой отдаленной от России части Африки. Вызов сильнейшей армии мира бросили вооруженные формирования Южно-Африканской Республики (Трансвааля) и Оранжевого Свободного Государства. Часто эту войну называют также южноафриканской.

Для внешнего мира «южноафриканская война была гораздо большим, чем яркий пример колониальной войны»¹. Почти три года защитники южноафриканских республик сопротивлялись натиску империи, которая тогда была крупнейшей в мире. Чтобы победить их, британцам пришлось задействовать огромные людские и материальные ресурсы в количестве, невиданном со времен наполеоновских войн². Эта война стала началом упадка британского империализма.

Современники предполагали, что этот вооруженный конфликт может иметь серьезные последствия за пределами континента. Поэтому, как утверждал видный специалист по истории колониализма на Африканском континенте Д. Лоури, «со времен Гражданской войны в США и до Первой мировой войны ни один вооруженный конфликт не привлекал к себе большего внимания международной общественности, чем война в Южной Африке»³.

Иностранные военные агенты поспешили на театр боевых действий, чтобы наблюдать первый крупный вооруженный конфликт нового столетия. Командировавшие их военные ведомства желали знать о способах ведения боевых действий и военной технике, которые получают распространение в следующие десятилетия. Молодые европейцы поступали добровольцами в бурские формирования, чтобы впервые получить боевой опыт.

На южноафриканском театре применялись бронепоезда, автоматическое оружие, скорострельная полевая артиллерия при подготовке наступления. Впервые широко использовалась в военных целях колючая проволока. Когда основные силы республик были разгромлены, а их территория перешла под контроль британской армии, буры стали проводить успешные рейды в тыл неприятеля малыми высококомобильными отрядами. Название этих отрядов – «коммандо» – в эти годы было заимствовано из языка африкаанс, на котором говорили буры. В ответ на переход буров к партизанской тактике британцы наладили систему блокгаузов, улучшили подготовку своих снайперов и сформировали боевые подразделения специального назначения.

Благодаря телеграфным агентствам, оперативно распространявшим сводки с южноафриканских фронтов на многие тысячи километров, война взбудоражила международное общественное мнение. На разных континентах с возмущением обсуждали уничтожение бурских ферм, британскую тактику «выжженной земли», а также гибель тысяч бурских женщин и детей от голода и болезней в концлагерях для гражданского населения оккупированных республик.

В Европе и Северной Америке было гораздо больше сторонников бурской независимости и немедленного прекращения войны, чем сочувствующих Великобритании. На волне симпатий к бурам, а иногда и англофобии начались массовые кампании в поддержку южноафриканских республик, возникло добровольческое движение. Зарубежные наблюдатели с различными политическими убеждениями обнаружили в бурах качества, достойные одобрения. Европейским империалистам импонировала решительность, с которой был брошен вызов их британским соперникам по колониальной экспансии. Националисты и антиимпериалисты восторгались доблестным сопротивлением южноафриканских республик иностранной гегемонии. Противники капитализма восхваляли «бескорыстие» буров. Социалисты и противники колониализма видели в них борцов за свободу, давших отпор заведомо более сильному противнику.

Этот конфликт привлек внимание и в странах, не имевших колоний в Африке. Там следили за событиями южноафриканской войны по причинам, часто не имевшим прямого отношения к бу-

дущему бурских республик. Успешное противодействие буров британским войскам вдохновляло Джавахарлала Неру, будущего первого премьер-министра независимой Индии. Сунь Ятсен, впоследствии лидер антимонархической революции в Китае, пытался понять, почему его народ, в отличие от малочисленных буров, не вел решительную борьбу против иностранного господства в своей стране⁴. И в России, как в большинстве европейских стран⁵, появились движения в поддержку южноафриканских республик.

На рубеже XIX–XX вв. в России преобладали романтизированные представления о бурах. О южноафриканцах знали в основном по приключенческим романам европейских писателей: Г.Р. Хаггарда, Т. Майн Рида или Ж. Верна. Как заметил русский путешественник, посетивший Южную Африку в середине XIX в., она была «совсем другим миром»⁶. Более того, до войны 1899–1902 гг. общественность в Российской империи не проявляла интереса к этому региону. Торговля России с Капской колонией, Наталем и бурскими республиками была незначительной. Эмиграция из Российской империи на юг Африки была строго региональной (из Ковенской губернии и, в гораздо меньшей степени, из соседних). Кроме того, русское правительство не планировало территориальной экспансии в Южной Африке.

«Еще недавно, очень недавно названия “Трансвааль”, “Оранжевая республика”, “Наталь” были для нас мертвыми звуками, ничего или почти ничего не говорившими нашему уму и сердцу. Теперь эти самые слова стали нам сразу понятны, близки, чуть ли не родственны! – можно было прочесть в годы англо-бурской войны в петербургском журнале. – Мы с лихорадочной поспешностью берем утреннюю газету и первый вопрос, который нас занимает, это – что принесла телеграфная проволока из Трансвааля, чем закончился вчерашний день в охваченном пожаром войны уголке далекой Африки?.. Далекое стало близким, чужое, незнакомое своим...»⁷.

Русские, в отличие от нидерландцев, французов или немцев, не имели этнокультурных связей с бурами. Российская «буромания» отчасти была вызвана политикой и идеологией царизма. В Российской империи, соперничавшей за господство в Азии, общественность считала Великобританию наиболее серьезным конкурентом своей страны. Миллионы россиян восхищались малым народом ев-

ропейского происхождения, который в далекой Африке бросил вызов «коварному Альбиону». Южноафриканская война предвосхищала столкновение британцев с Россией, которое, как тогда считалось, обязательно развернется у ее азиатских границ.

Особенно громко звучали голоса националистов и противников британского империализма. Консервативные публицисты обычно трактовали конфликт между бурами и британцами как противостояние цивилизаций. Буры, в их интерпретации, были духовно близки россиянам. Религиозные и патриотичные жители Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства – земледельцы, охотники, проводники европейской цивилизации – защищали свой патриархальный уклад жизни от губительного влияния западного материализма⁸.

Темы и образы далекой войны вошли в русский быт. С 1899 по 1902 г. русская пресса – от ультранационалистической до леворадикальной – уделяла много места статьям, заметкам и очеркам о ходе боевых действий, участии в них соотечественников-добровольцев и восприятии англо-бурского противостояния русским обществом. Понятия, связанные с этим конфликтом, закрепились в новых названиях российских улиц, ресторанов, гостиниц и даже деревень. Жителям Российской империи от Польши до Дальнего Востока были знакомы по фотографиям и лубочным картинкам бурские государственные деятели и генералы, а также британские военачальники. Появились прозвища, связанные с этой войной, например уголовная кличка «Трансвааль»⁹. В трактирах обсуждали события на южноафриканских фронтах. Сюжеты из англо-бурской войны широко использовали артисты, литераторы и художники. В защиту буров или, по крайней мере, за немедленное прекращение войны высказывались авторитетнейшие российские публицисты, писатели, философы¹⁰. Именно в те годы родилась русская народная песня «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...».

В газетах и в обращениях представителей общественности к министрам указывалось, что Россия обязана заступиться за буров, особенно после недавней Гаагской мирной конференции (1899), инициированной Николаем II. Но русское правительство так же, как правительства других великих держав, руководствовалось реальной политикой, а не народными симпатиями¹¹. Царь и его правительство не желали открытой вражды с Британской империей.

Реальную помощь защитникам бурских республик оказывали общественные организации и обычные российские подданные – пожертвованиями на лечение раненых и участием в республиканских вооруженных формированиях. В 1900 г. на театре военных действий работали два санитарных отряда из Российской империи, снаряженных на средства, собранные Российским обществом Красного Креста и Голландским комитетом для оказания помощи раненым бурам в Петербурге. За полгода пребывания в Южной Африке российский медперсонал помог тысячам пациентов по обе стороны фронта.

С начала англо-бурской войны сотни российских подданных разных возрастов и сословий, с военным опытом или без, желали воевать за бурав. На протяжении XIX в. некоторые русские добровольцы участвовали в военных конфликтах за пределами родины. Российское добровольчество как массовое движение зародилось во второй половине 1870-х годов. Тогда славянские народы на Балканах боролись против османского владычества. Более 4 тыс. российских военных и медиков добровольно присоединились к повстанческим отрядам и командам во время восстания в Герцеговине и Боснии (1875–1877) и к частям сербской армии во время сербских войн за независимость (1876–1878)¹². Добровольцы из Российской империи приняли участие и в итало-эфиопской войне (1887–1889) на Африканском континенте.

В южноафриканской войне приняло участие во много раз меньше российских подданных, чем в 1870-е годы на Балканах. Но Трансвааль находился гораздо дальше от России, чем Сербия или Герцеговина, поэтому лишь немногие могли позволить себе отправиться туда. Кроме того, русское правительство не стимулировало отъезд соотечественников на войну в Южной Африке. В 1870-е годы общественные организации в России за свой счет отправили сотни добровольцев на фронт на Балканы. Офицеры по возвращении могли быть вновь приняты в свои полки, а время их отсутствия засчитывалось при исчислении срока действительной службы¹³. Но во время англо-бурской войны большинство добровольцев не получили таких гарантий.

Почти все добровольцы из Российской империи добирались до Южной Африки за свой счет. Молодые офицеры выходили в отставку или брали длительный отпуск, чтобы отвлечься от рутины

и получить практический опыт на современной войне, в столкновении с державой, считавшейся наиболее вероятным противником России – Британской империей. Добровольцев также воодушевлял романтизм пробурской кампании, возможность помочь борцам за независимость^{* 14}. Война в Южной Африке представлялась конфликтом, в котором слабая сторона нуждалась в международной помощи, подобно тому, как это было в Боснии и Сербии двумя десятилетиями ранее¹⁵. Старший по званию среди российских добровольцев, подполковник Е.Я. Максимов, участвовал в боевых действиях на Балканах и применил этот опыт в Южной Африке.

По словам подполковника В.И. Ромейко-Гурко, российского военного атташе, прикомандированного к вооруженным формированиям бурских республик, российские добровольцы были вдохновлены «идеей борьбы за свободу безвинно притесненного народа». В то же время некоторые из них, «быть может, надеялись дешевой ценой приобрести ореол героя, борца за правое дело, а равно занять видное положение среди руководителей военными действиями. Большинство рассчитывало занять офицерские места в бурских войсках, об организации которых они не имели ни малейшего представления»¹⁶.

Бойцы республиканских отрядов не склонны были доверять иностранным добровольцам и даже считали их обузой¹⁷. Тем не менее несколько россиян получили офицерские звания у буров. За отвагу и организаторские способности Максимов был избран генералом. По меньшей мере пять российских офицеров погибли, защищая независимость южноафриканских республик. Четверо из них состояли в партизанских отрядах¹⁸. Некоторые россияне остались в рядах бурских формирований во второй половине 1900 г., когда большинство иностранных добровольцев покинули Южную Африку.

В ЮАР представления об этом вооруженном конфликте, который все чаще называют «южноафриканской войной», значительно изменились за последние полвека. Долгое время она считалась

^{*} Полвека спустя в знак солидарности с освободительной борьбой советские военные были направлены для участия в оказании всесторонней помощи борцам против колониализма и апартеида на Юге Африки.

лишь противоборством двух белых народов в Африке за обладание землей и ее богатствами. Теперь же, благодаря исследованиям южноафриканских историков, признается субъектность африканских народов в этой схватке. В действиях британской армии и бурских вооруженных формирований участвовали, помимо бойцов европейского происхождения, многочисленные разведчики, слуги, рабочие и другие африканцы¹⁹. Они связывали с исходом этой войны надежды и планы; африканцы так же, а иногда и более, чем буры, пострадали от британской тактики «выжженной земли» и массового интернирования гражданского населения.

Война способствовала развитию бурского (африканерского) этнического самосознания и стала ключевым событием истории этого народа. Но, как показывают современные исследования, этот разрушительный конфликт затронул и другие народы, составляющие большинство населения Южной Африки. Эти народы использовали ситуацию на фронте и баланс сил между противоборствующими сторонами в своих целях, в том числе для временного возвращения себе некоторых территорий, отнятых бурскими или британскими переселенцами, завладения имуществом и т.д.²⁰

И все же черное население Южной Африки неохотно включалось в противоборство между Британской империей и бурскими республиками. Большинство из них предпочитало соблюдать нейтралитет и добиваться своих политико-экономических целей в ходе переговоров, а не вооруженным путем. Поэтому историки, стремящиеся исследовать влияние этой войны на разные народы Южной Африки и их участие в ней, пришли к выводу, что ее все же следует понимать в основном как борьбу буров против британского империализма за право на самоопределение²¹.

В южноафриканском обществе отношение к англо-бурской войне неоднозначно. Война эта велась преимущественно белыми поселенцами за владение землей, ранее принадлежавшей африканским народам. У белого населения коллективная память об этом конфликте долгое время культивировалась в политических целях Национальной партией, установившей в стране режим апартеида. В то же время в коллективной памяти чернокожих южноафриканцев эта война почти отсутствует²². Изучение англо-бурской войны, а тем более увековечение памяти о ней не входят в число приоритетов в современной ЮАР, где внимание историков и обществен-

ности сосредоточено на истории африканских народов и их освободительной борьбе.

В трудах южноафриканских историков, придерживающихся афроцентричных взглядов, вооруженный конфликт 1899–1902 гг. часто трактуется исключительно как колониальная война, которую вели европейцы на присвоенной ими земле африканских народов, в том числе за право эксплуатировать эти народы. Интересы противоборствующих сторон были чужды коренному населению. После примирения противников гражданские и политические права африканцев на территориях, в 1910 г. вошедших в Южно-Африканский Союз, были существенно ограничены. С этой точки зрения англо-бурская война – не более чем «домашняя ссора между бурами и британским правительством, а также двумя его колониями на Юге – Капской и Наталем»²³.

С уменьшением политико-идеологического значения англо-бурской войны для южноафриканского общества перестало быть очевидным ее историческое значение. Игнорируется одно из важнейших последствий этого конфликта: возникновение единого политического образования, Южно-Африканского Союза, предшественника нынешней ЮАР. Путь к нему лежал через войну, бедствия и гибель десятков тысяч людей разных рас и народов. Во вновь образованном государстве политическая власть принадлежала белым, и их экономическое благополучие зависело от эксплуатации черного большинства. Но политическое объединение территорий, ныне составляющих Южно-Африканскую Республику, стало возможным лишь в результате англо-бурской войны. При этом в массовом сознании не укоренилось представление о том, что это была «война за Южную Африку»*, вооруженный конфликт, в котором рождалась южноафриканская нация.

Тем не менее общественный интерес к этой войне не угас. В соцсетях действуют популярные группы, посвященные этому конфликту. Крупнейшие издательства ЮАР выпускают книги на темы, связанные с англо-бурской войной. Она по-прежнему считается одним из важнейших событий в истории африканеров.

* Выражение заимствовано из названия монографии видного южноафриканского историка: *Nasson B. The War for South Africa: The Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town: Tafelberg, 2011.*

Англо-бурская война 1899–1902 гг. была событием мирового масштаба, поэтому интерес к ней сохраняется и за пределами ЮАР. На русскоязычных сайтах обсуждаются связанные с нею вопросы, в том числе поддержка бурских республик Российской империей и участие российских добровольцев в боевых действиях на стороне республиканских вооруженных формирований. К событиям англо-бурской войны обращаются российские журналисты, чиновники, дипломаты и общественные деятели, комментируя актуальные события²⁴. Например, директор Службы внешней разведки и председатель Российского исторического общества С.Е. Нарышкин, заявляя о традиционной поддержке нашей страной освободительных движений, указывает, что эта тенденция проявилась еще на южноафриканской войне, когда россияне внесли «определенный вклад в сопротивление английским колонизаторам»²⁵.

На русском языке выходят популярные статьи и даже отдельные книги об англо-бурской войне²⁶. Переиздаются мемуары бурских политических и военных деятелей, выходившие в России еще в первой половине 1900-х годов²⁷. В 2004 г. впервые вышел русский перевод истории этой войны А.К. Дойля, знаменитого британского писателя и участника этого конфликта. С тех пор в России эта книга выдержала уже три издания²⁸.

Публикуются художественные произведения. Почти каждый год выходит в свет очередное переиздание приключенческого романа «Капитан Сорви-голова» Л.А. Буссенара (1901)²⁹. Появляются и новые романы, в которых действие происходит во время южноафриканской войны. Например, в фантастической трилогии С.В. Бузунина «Генерал Сорви-Голова» россиянин из XXI в. попадает в Южную Африку 1899 г. и сразу поступает добровольцем к бурам, чтобы воевать с британцами³⁰.

В постсоветский период к истории англо-бурской войны часто обращаются отечественные исследователи (об этом – глава 1 нашей монографии).

Сегодня редко проводятся крупные научные мероприятия, связанные с южноафриканской войной. В России международная научная конференция на эту тему впервые состоялась в 2022 г. Ее организовали Центр истории и культурной антропологии и Центр исследований Юга Африки Института Африки РАН.

Конференция «Англо-бурская война 1899–1902 гг.: опыт и перспективы исследования» была приурочена к 120-летию завершения этого вооруженного конфликта. Мероприятие было посвящено памяти Г.В. Шубина. Почетными гостями стали представители Посольства ЮАР в Москве. Главной задачей организаторов конференции было налаживание диалога между российскими и зарубежными историками, интересующимися англо-бурской войной. Около сотни собравшихся (очно или подключившись к интернет-трансляции) заслушали 17 докладов отечественных и южноафриканских исследователей, многие поучаствовали в дискуссии.



Участники конференции «Англо-бурская война 1899–1902 гг.: опыт и перспективы исследования» в Институте Африки РАН с представителями Посольства ЮАР в Москве, 9 ноября 2022 г.

На конференции выступили широко известные ученые-африканисты, а также начинающие исследователи, в том числе магистры и аспиранты. Выступление с докладами не только историков, но и специалистов в области филологии и экономики определило междисциплинарный характер конференции. Выступающие представляли научные и общественные организации России, ЮАР и Намибии – от Москвы до Владивостока, от Пскова и Санкт-Петербурга до Виндхука и Кейптауна.

Участники обсудили основные проблемы историографии англо-бурской войны в XX – начале XXI в. Были рассмотрены опыт изучения англо-бурской войны в России и ЮАР, участие российских подданных в англо-бурской войне в контексте истории российского добровольчества, а также влияние опыта, полученного в ходе этой войны, на последующие вооруженные конфликты.

Организаторы конференции стремились выяснить, имеет ли перспективы более активное исследование проблем, относящихся к англо-бурской войне, и расширение тематики ее исследования. Это наиболее изученный вооруженный конфликт в Африке южнее Сахары. Тем не менее в первые десятилетия XXI в. его историография пополнилась десятками монографий, выпущенных на разных языках и на нескольких континентах. Фундаментальные труды в этот период публиковались, прежде всего, в ЮАР, Великобритании и США³¹.

При этом расширяется предметное поле исследований. В предыдущий период историки уделяли основное внимание вооруженной борьбе: стратегии и тактике противоборствующих сторон, их решениям, использованию ресурсов и исходу боевых действий. Также анализировались политико-экономические предпосылки вооруженного конфликта 1899–1902 гг. и его последствия для Южной Африки и Британской империи в целом. А в наше время многие исследователи обратились к темам, порожденным «культурным поворотом» в истории как научной дисциплине. Произошел переход от военно-операционной к антропо-ориентированной истории³².

В поле зрения исследователей, помимо собственно боевых действий, оказались индивидуальный опыт участников войны, включая иностранных добровольцев; фронтовой быт; формы участия в боевых действиях женщин и несовершеннолетних; судьба гражданского населения, в том числе узников концлагерей; влияние представлений, сформировавшихся у населения в ходе войны, на социальные изменения в послевоенной Южной Африке. Активно исследовалось и участие африканцев в этой войне, а также участь африканцев в британских концлагерях³³.

Также расширилась источниковая база. Исследователи все чаще обращаются к документам личного характера (дневники, письма, мемуары), визуальным источникам (плакаты, карикатуры, рисун-

ки, сделанные участниками боев и даже детьми, знавшими об этой войне по рассказам взрослых), аудиозаписям и кинохронике. Кроме того, теперь внимание исследователей привлекает также «эхо» англо-бурской войны, присутствие ее следов в мирной жизни, в быту, ее влияние на самосознание южноафриканских народов и нации в целом.

Эти направления представляются многообещающими. Какой же вклад могут внести в обсуждение актуальных тем, связанных с англо-бурской войной, российские исследователи? Мы попытались ответить на этот вопрос в своей книге. В работе над ней участвовало большинство выступавших на конференции 2022 г. Это первый в России опыт монографии, посвященной южноафриканскому вооруженному конфликту 1899–1902 гг., которая подготовлена большим международным авторским коллективом (18 авторов из России, ЮАР и Намибии).

Монография начинается с предисловия академика А.Б. Давидсона, автора основополагающего исследования участия россиян в англо-бурской войне и восприятия российским обществом этого вооруженного конфликта. События в далеком Трансваале, напоминает автор, вызвали такую бурную реакцию, произвели такое сильное впечатление на взрослых и детей, что образы, связанные с бурами и их сопротивлением, на многие десятилетия сохранились в коллективной памяти и историческом сознании жителей России.

В Разделе I (Историография вопроса) обобщен опыт изучения англо-бурской войны, а также предложены темы, которые еще предстоит изучить и осмыслить историкам, изучающим этот конфликт. Особое внимание уделено исследованиям, вышедшим в Советском Союзе и в постсоветской России (глава 1). Хотя анализ причин, особенностей и последствий этого конфликта начался в Российской империи еще в первые годы XX в., первая русскоязычная диссертация по англо-бурской войне была защищена А.Ф. Остальцевой в 1940 г. В приложении к монографии приведен рассказ Остальцевой о причинах, побудивших ее обратиться к истории южноафриканской войны, и теоретической базе ее исследования.

Характерным для ранних советских работ было сочувствие защитникам бурских республик, ведшим «освободительную войну» с империалистической Англией. В последующие десятилетия акцент сместился: после победы в 1948 г. в ЮАР Национальной пар-

тии и установления режима апартеида «вся история африканеров стала идеологическим вопросом и, таким образом, объектом пропаганды, а не надлежащего исторического анализа»³⁴. Теперь англо-бурский конфликт трактовался советскими историками главным образом как война за преимущественное право на эксплуатацию африканцев.

Но постепенно подход стал более дифференцированным. В 1960-е гг. появляются статьи А.Б. Давидсона, сосредоточившегося на изучении восприятия этого вооруженного конфликта современниками. Он продемонстрировал, что эта война заставила россиян пересмотреть свои экзотизированные представления об Африке, а пробурская кампания была вызвана не только англофобией, но и искренним сочувствием всех слоев российского общества борьбе южноафриканских республик.

В постсоветский период исторический материализм и мнение В.И. Ленина о южноафриканском конфликте перестали определять направление мысли отечественных исследователей. Сегодня преобладает подход видных российских африканистов А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой, которые в 1998 г. опубликовали монографию об участии российских подданных в англо-бурской войне и восприятии этого конфликта русским обществом³⁵. Книга вышла в ЮАР, удостоилась многих положительных рецензий и считается наиболее авторитетным исследованием по этому вопросу.

В лучших отечественных трудах по истории южноафриканского конфликта проводится анализ далекой войны во взаимосвязи с социально-политическими процессами в Российской империи, по материалам отечественных архивов и преимущественно с точки зрения российских наблюдателей или участников событий. В этом случае изучение англо-бурской войны помогает понять не только историю Южной Африки, но и, что, возможно, не менее важно для этих исследователей, историю России. У этого подхода могут быть издержки, но рассмотрение событий англо-бурской войны через российскую призму, в контексте процессов в далекой от южноафриканского театра боевых действий Российской империи демонстрирует международное значение этого вооруженного конфликта, которое часто игнорируется в ЮАР. Англо-бурская война была заметным фактором общественной жизни и внешней политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв.

и заслуживает дальнейшего изучения, помимо прочего, и с этой точки зрения.

В Разделе I также обобщается опыт изучения англо-бурской войны в постапартеидной Южной Африке, в том числе на примере сборника статей, затрагивающих наиболее острые вопросы истории этого конфликта (глава 2). Намечены и перспективные темы и направления для продолжения междисциплинарных исследований: не только история сражений, но и социокультурные и антропологические аспекты, включая фронтовой быт, травматический опыт людей и животных в ходе боевых действий, а также долгосрочные последствия войны.

В следующих главах монографии направления, намеченные в первом разделе, апробируются исследованиями, проведенными историками из России и Южноафриканского региона.

В Разделе II (Война) рассматриваются темы, непосредственно связанные с боевыми действиями в Южной Африке в 1899–1902 гг. Некоторые из этих тем традиционны для военной истории: например, вопрос о влиянии опыта Первой англо-бурской войны (1880–1881) на подготовку Великобритании ко второй (1899–1902) (глава 3). На рубеже XIX–XX вв. британский генералитет вновь столкнулся с проблемами, характерными для предыдущей южноафриканской войны, и по ходу боевых действий корректировал тактику и стратегию для достижения победы. Уроки предыдущих боестолкновений с бурами оказались неусвоенными. Британская армия вступила во Вторую англо-бурскую войну, полагаясь на устаревшие доктрины и практики применения стрелкового оружия.

Рассмотрение англо-бурской войны в трансграничном контексте позволяет впервые проследить воздействие миграции в Германскую Юго-Западную Африку (Намибию) 1600 буров (африканеров) из разных частей Южной Африки (глава 4). Поскольку белое население Юго-Западной Африки было немногочисленным, переселение туда южноафриканцев в 1902 г., еще до окончания вооруженного конфликта, имело заметные культурные, социально-экономические и политические последствия для германской колонии.

Продолжая исследование участия российских подданных и эмигрантов в южноафриканской войне и сопутствующих ей переговорах, мы обращаемся к личности С. Маркса (глава 5). Уроже-

нец Ковенской губернии и один из пионеров индустриализации Трансвааля – Маркс использовал свои тесные связи с военными и политическими руководителями буров, с одной стороны, и британскими колониальными администраторами и крупными предпринимателями – с другой, чтобы усадить противников за стол переговоров. Условия мирного договора 1902 г. были согласованы на территории принадлежащего Марксу предприятия в городе Ферингхине.

Глава 6 посвящена интересу советской военной науки к урокам англо-бурской войны в 1930-е годы. Вопросы маневренной войны на материале южноафриканского конфликта изучались в Краснознаменной Военной академии Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) имени М.В. Фрунзе. Англо-бурская война 1899–1902 гг. показала, что народная милиция способна оказывать эффективное и продолжительное сопротивление кадровой европейской армии. В частности, адъютант В.М. Воронков, чей очерк об этом конфликте Военная академия РККА опубликовала отдельным изданием в 1933 г., считал, что защитникам республик следовало с самого начала войны использовать партизанские отряды наряду и в координации с войсковыми подразделениями. Этот вывод перекликается с решением, принятым во время Великой Отечественной войны, о создании в 1942 г. при Ставке верховного главнокомандующего особого органа управления партизанским движением.

В главе 7 предпринимается попытка осмыслить участие российских добровольцев в англо-бурской войне в контексте важнейших социально-политических процессов, происходивших в Европе, России и Южной Африке в XIX в. Закономерности и предпосылки зарождения российского добровольческого движения связаны с лейтмотивом бескорыстного служения идее свободы и независимости и должны рассматриваться с учетом политической эволюции российского общества в девятнадцатом столетии.

Удалось выяснить имена и другие биографические данные нескольких малоизвестных добровольцев из Российской империи, в том числе писателя Ю.Я. Покоса (Будяка), который, согласно некоторым публикациям, якобы имел отношение к освобождению будущего британского премьер-министра У. Черчилля из бурского плена (глава 8). Данное событие, пока не получившее документального подтверждения, активно распространяется популярными

изданиями. Это пример устойчивого присутствия и востребованности мотивов англо-бурской войны в историческом сознании населения, проживающего на бывшей территории Российской империи.

В Разделе III (Мир) авторы монографии обращаются к восприятию англо-бурской войны вдали от ее фронтов (как территориально, так и во времени). При этом используются необычные для историографии этой войны источники.

Особенности и факторы формирования эмоционального отношения российских детей и подростков к англо-бурской войне 1899–1902 гг. до сих пор не привлекали пристального внимания исследователей. Между тем вооруженный конфликт в далекой Южной Африке произвел глубокое впечатление на детей и подростков в Российской империи, которое не изгладилось десятилетия спустя. Школьники глубоко сопереживали защитникам южноафриканских республик в далекой войне, к которой их страна не была причастна. На материале дневниковых записей 1899–1902 гг. выявлено, как в повседневную жизнь детей дворянской семьи Половцовых вошли образы воюющих буров и англичан благодаря играм, чтению, беседам со взрослыми, а также участию в мероприятиях в поддержку борцов за независимость южноафриканских республик (глава 9). Дневники – это по природе своей неподцензурный источник, где автор фиксирует свои и чужие мысли, эмоции и переживания, не заботясь об их соответствии мнениям и установкам, бытующим в обществе или в сообществах, к которым он принадлежит. Ксения и Кирилл Половцовы записывали свои непосредственные впечатления от сообщений об этом конфликте. Повидимому, в нашей монографии впервые в отечественной историографии англо-бурской войны предпринимается попытка использования детских дневников.

Международная кампания в поддержку буров часто ассоциируется с консервативными и даже реакционными деятелями. Действительно, их голоса звучали особенно громко. Но англо-бурская война произвела впечатление и на прогрессивные силы. Симпатии к бурам преобладали среди русских социалистов: народников и неонародников (эсеров), легальных марксистов и социал-демократов. Российские левые радикалы изучали опыт бурских вооруженных формирований, ожидая, что он пригодится в революционной дея-

тельности на родине. Как показало изучение народнических изданий на рубеже XIX–XX вв., южноафриканский материал помогал осмыслить процессы и тенденции, которые наблюдались в России (глава 10). Южноафриканские реалии давали народникам материал для проверки, подтверждения и совершенствования своих теорий общественного развития и преобразований потому, что бурские республики были преимущественно аграрными. Именно на аграриев (крестьян) и их самосознание рассчитывали народники, мечтая о становлении социалистического общества в России.

Впрочем, некоторым жителям Российской империи довелось повстречаться с защитниками бурских республик у себя на родине. В начале 1901 г. команда русского корабля «Херсон» в порту Коломбо помогла пятерым бурам бежать из плена (глава 11). Британское судно доставило их на Цейлон для заключения в лагерь. Пленники ночью вплавь добрались до русского корабля. Спасенные «пятеро пловцов» на борту «Херсона» прибыли в Крым, посетили российскую столицу, а затем через Западную Европу вернулись на родину и присоединились к отрядам, продолжавшим сражаться с британскими захватчиками. В Южной Африке их дерзкому побегу, путешествию по Европе и возвращению на фронт посвящено три книги. Отечественные историки также обращались к этой теме, используя материалы российской прессы 1901 г. Обобщая сведения о пребывании «пятерых пловцов» в России, мы уточняем данные о В.П. Кисимове, старшем помощнике капитана на «Херсоне». Он поддерживал связь между командиром корабля и спасенными бурами. Его же они благодарили за спасение из плена. В приложении к монографии впервые публикуются мемуары младшего из «пятерых пловцов», Л.Я. Стейтлера, с описанием их спасения и пребывания в России. Записки Стейтлера воспроизводятся в подлиннике, на языке африкаанс, а также в переводе на русский язык с постраничными комментариями.

В последних трех главах монографии (12–14) в центре внимания – нынешние коллективные представления о южноафриканском вооруженном конфликте, их отражение в современной культуре и увековечение памяти об участниках первой крупной войны прошлого века.

В 1900-е гг. в России появилась народная песня об англо-бурской войне – «Трансвааль, Трансвааль, страна моя». За прошедшие

120 лет она, в отличие от многих других народных песен, не вышла из живого бытования, сохранилась в пространстве русской культуры (глава 12). Песня звучала на сцене, в радио- и телепередачах, в художественных фильмах. Но наиболее активный отклик выявлен в литературе. Обнаружено 114 произведений художественной и документальной литературы, мемуаристики и публицистики, научно-популярной литературы, где «Трансвааль» присутствует в виде дословного или неточного цитирования, аллюзии, эпиграфа. Особенно часто к этой песне обращаются в военное время, и каждый раз ее значение переосмысливается в зависимости от исторического контекста. Постоянными остаются ассоциации с борьбой за свободу и независимость родины. Эти ценности актуализируются в связи с вооруженными конфликтами, в которые россияне были вовлечены в XX–XXI вв.

Глава 13 посвящена попыткам скорректировать представления многих южноафриканцев о вооруженном конфликте 1899–1902 гг., показать им, что это не была исключительно «война белых». Поводом для нового взгляда на историю и отказа от стереотипов стали воспоминания о трагическом событии апреля 1902 г, когда бурские партизаны без боя взяли шахтерский поселок Конкордия в полупустынном регионе Намакваленд. Жители, которым британское командование поручило оборонять поселок, сдались партизанам. Почти столетие эти мужчины считались предателями; их стыдились потомки, живущие в Конкордии. Но исследователи обнаружили материалы, проясняющие мотивацию защитников поселка. Необученные и плохо вооруженные, они не были способны успешно сопротивляться захватчикам, которые, в случае победы, могли разорить их дома и жестоко расправиться с ними и их семьями. Переосмысление этого события позволило избавить жителей Конкордии от стыда за прошлое. При содействии одного из авторов нашей монографии в Конкордии сооружен памятник жителям, отказавшимся подчиниться невыполнимому приказу.

Память об участии российских подданных в англо-бурской войне сохраняется на юге Африки благодаря историкам, общественным организациям, нашим соотечественникам, дипломатическим представителям России, а также Русской православной церкви. В заключительной части главы 14 рассказывается о мероприятиях в честь российских добровольцев (военных и медицинского персо-

нала), которые отправились в Южную Африку, чтобы помогать защитникам бурских республик. На территории храма прп. Сергия Радонежского в пригороде Йоханнесбурга действует часовня, посвященная российским ветеранам англо-бурской войны. История российского участия в этом вооруженном конфликте отражена в экспозиции Военного музея бурских республик в Блумфонтейне, а также в докладах на научных конференциях, которые там проводятся. По инициативе Координационного совета российских соотечественников ЮАР в музее открыта мемориальная доска в честь российских добровольцев. Подобные памятные знаки появились и на мемориалах англо-бурской войны в других южноафриканских городах. Представители РПЦ и российские дипломаты заботятся о захоронениях добровольцев из Российской империи, погибших на войне 1899–1902 гг.

В Заключении сделаны выводы относительно тенденций и потенциала российских исследований англо-бурской войны. На основе тем и направлений, апробированных авторами монографии, предлагаются способы налаживания диалога между отечественными и зарубежными исследователями южноафриканского вооруженного конфликта 1899–1902 гг. Это позволило бы российским историкам и в дальнейшем, участвуя в обсуждении актуальных вопросов на должном теоретико-методологическом уровне, обеспечить для своих трудов достойное место в мировой историографии этой войны.

Главы 2, 4, 13 написаны и публикуются на английском языке, а также предваряются развернутыми аннотациями на русском языке для удобства читателей.

* * *

В подготовке монографии приняли участие:

Арбеков А.Б., к.и.н., н.с. Тульского государственного музея оружия (глава 3);

Горелик Б.М., к.и.н., с.н.с. Института Африки РАН (введение, заключение, главы 10, 11, 14, приложения);

Грибанова В.В., к.и.н., с.н.с., зав. Центром истории и культурной антропологии Института Африки РАН (главы 1, 5);

Давидсон А.Б., д.и.н, академик РАН, зав. Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН (Вместо предисловия);

Дю Пизани А. (Du Pisani A.), заслуж. проф. Намибийского университета (глава 4);

Егоров А.М., к.и.н., доцент Псковского филиала Санкт-Петербургского университета ФСИН России (глава 6);

Егоров И.А., м.н.с. Псковского государственного университета (глава 6);

Зданевич А.С., к.и.н., ст. преп. Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (глава 7);

Ивченко Ю.О., магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (глава 9);

Комарова-Тагар Э.Ю., к.мед.н., сотр. Кейптаунского университета (ЮАР), зам. пред. Координационного совета российских соотечественников ЮАР (глава 14);

Краюшкина Т.В., д.филол.н., г.н.с, зав. Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (глава 12);

Либенберг Я. (Liebenberg I.), проф. факультета военных наук Стелленбошского университета (ЮАР) (глава 2);

Прокопенко Л.Я., к.и.н., с.н.с. Института Африки РАН (глава 8);

Роос М. (Roos M.), ст. преп. факультета военных наук Стелленбошского университета (глава 2);

Скубко Ю.С., к.э.н., к.иск., с.н.с. Института Африки РАН (глава 5);

Токарев А.А., к.и.н., с.н.с., зав. Центром исследований Юга Африки Института Африки РАН (глава 1);

Фан дер Вестхейзен Г. (Van der Westhuizen G.), н.с. факультета военных наук Стелленбошского университета (глава 2);

Фон Зейл Э.-Г. (Von Zeil A.-G.), сотр. Кейптаунского университета (глава 13).

¹ *Beckett I.F.W.* The Victorians at War. London: Hambledon and London, 2003. P. 230.

² *Omissi D., Thompson A.S.* Introduction: Investigating the impact of the war // The Impact of the South African War / ed. by D. Omissi, A.S. Thompson. Basingstoke: Palgrave, 2002. P. 10.

³ *Lowry D.* 'The play of forces world-wide in their scope and revolutionary in their operation [J.A. Hobson]': The South African War as an international event // South African Historical Journal. 1999. Vol. 41. No. 1. P. 83.

⁴ Lowry D. 'The world's no bigger than a kraal': The South African War and international opinion in the first age of 'globalization' // *The Impact of the South African War ...* P. 276.

⁵ Porter A. The South African War and the historians // *African Affairs*. 2000. Vol. 99. No. 397. P. 647.

⁶ Вышеславцев А. Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1867. С. 55.

⁷ Трансвааль // *Всходы*. 1899. 1 ноября. С. 759.

⁸ Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны (1899–1902 гг.). Дис. ... к-та. ист. наук. М., 2009. С. 104–106, 125–126.

⁹ Ведомость справок о судимости, издаваемая министерством юстиции, за 1903 год. Кн. 6. СПб, 1903. С. 45.

¹⁰ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. P. 177–178, 183–184; A Russian on Commando: The Boer War Experiences of Yevgeny Avgustus / ed. by B. Gorelik. Johannesburg, Cape Town, London: Jonathan Ball Publishers, 2022. Pp. xiv–xvi.

¹¹ Mommsen W.J. Introduction // *The International Impact of the Boer War*. / ed. by K. Wilson. Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 1, 6.

¹² Огороков А. Русские добровольцы. М.: Яуза: Эксмо, 2007. С. 20–25, 38.

¹³ Там же. С. 35.

¹⁴ См. Shubin G., Shubin V. A century is a short time: Relations between South Africa and Russia 1898–2004 // *A Century is a Short Time: New Perspectives on the Anglo-Boer War* / ed. by I. Snyman, I. Liebenberg, G. Van der Westhuizen, M. Roos. Pretoria: Nexus Publishers, 2005. Pp. 334–347.

¹⁵ Lowry D. 'The world's no bigger than a kraal'... P. 271.

¹⁶ Ромейко-Гурко В.И. Война Англии с южноафриканскими республиками 1899–1901 гг. СПб: Военно-учетный комитет Главного штаба, 1901. С. 62–63.

¹⁷ Pretorius F. Welcome but not that welcome: The relations between foreign volunteers and the Boers in the Anglo-Boer War of 1899–1902 // *War Volunteering in Modern Times* / ed. by C.G. Krüger, S. Levsen. London: Palgrave Macmillan, 2010. Pp. 127–128, 143.

¹⁸ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Т. 8. М.: Издатель И.Б. Белый, 2012. С. 274.

¹⁹ Nasson B. The war for South Africa // *New History of South Africa*. / ed. by H. Giliomee, B. Mbenga. Cape Town: Tafelberg, 2007. P. 221.

²⁰ См., напр.: Marks S. War and Union, 1899–1910 // *The Cambridge History of South Africa*. Vol. 2. / ed. by R. Ross, A.K. Mager, B. Nasson. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Pp. 157–164.

²¹ Cuthbertson G., Grundlingh A., Suttie M.-L. Introduction // *Writing a Wider War: Rethinking Gender, Race, and Identity in the South African War, 1899–1902* / ed. by Cuthbertson G., Grundlingh A., Suttie M.-L. Athens: Ohio University Press, 2002. P. xii.

²² Van der Waag I. Re-fighting the 2nd Anglo-Boer War: historians in the trenches // *Scientia Militaria*. South African Journal of Military Studies. 2012. Vol. 30. No. 1. P. iv.

²³ *Maphalala J.* The African people and the Anglo-Boer War // *A Century is a Short Time: New Perspectives on the Anglo-Boer War...* P. 197.

²⁴ *Розачев И.И.* Россия и ЮАР: 30 лет дипломатических отношений // *Международная жизнь*. 2022. № 3. С. 83; *Тюренов М.* «Последний бастион традиции». Русофил из ЮАР раскрыл тайну России. 08 апреля 2023 г. https://tsargrad.tv/articles/poslednij-bastion-tradicii-rusofil-iz-juar-raskryl-tajnu-rossii_756285 (дата обращения: 23.07.2023).

²⁵ Нарышкин заявил, что благополучие неокOLONиальных держав «построено на крови». ТАСС. 13 февраля 2023 г. <https://tass.ru/politika/17033961> (дата обращения: 23.07.2023).

²⁶ См., напр.: *Дрогозов И.Г.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. Минск: Харвест, 2004.

²⁷ См., напр.: *Крюгер П.* Трансвааль в огне. М.: Вече, 2021. 286 с.; *Девет Х.Р.* Война буров с Англией. М.: Вече, 2017.

²⁸ Недавнее издание: *Дойль А.К.* Англо-бурская война, 1899–1902. СПб: Азбука, 2018.

²⁹ Недавнее издание: *Буссенар Л.* Капитан Сорви-голова. СПб: Азбука, 2022.

³⁰ *Бузинин С.* Генерал Сорви-Голова. «Попаданец» против Британской империи. М.: Яуза: Эксмо, 2012.

³¹ См., напр.: *Cloete P.G.* The Anglo-Boer War 1899–1902: 963 Days. Centurion: African Sun Media, 2020; *Writing a Wider War: Rethinking Gender, Race, and Identity in the South African War, 1899–1902.* / ed. by G. Cuthbertson, A. Grundlingh, M.-L. Suttie. Athens: Ohio University Press, 2002; *A Century is a Short Time: New Perspectives on the Anglo-Boer War* / ed. by I. Snyman, I. Liebenberg, G. Van der Westhuizen, M. Roos. Pretoria: Nexus Publishers, 2005; *Kessler S.* The Black Concentration Camps of the Anglo-Boer War 1899–1902. Bloemfontein: War Museum of the Boer Republics, 2012; *Nasson B.* The War for South Africa: The Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town: Tafelberg, 2011; *The War at Home: Women and Families in the Anglo-Boer War.* / ed. by B. Nasson, A. Grundlingh. Cape Town: Tafelberg, 2013; *The Impact of the South African War* / ed. by D. Omissi, A.S. Thompson. Basingstoke: Palgrave, 2002; *Pretorius F.* The A to Z of the Anglo-Boer War. Lanham; Toronto; Plymouth: The Scarecrow Press, 2010; *The International Impact of the Boer War* / ed. by K. Wilson. Abingdon: Routledge, 2014; *Van Zyl J., Constantine R.J., Pretorius T.* An Illustrated History of Black South Africans in the Anglo-Boer War, 1899–1902: A Forgotten History. Bloemfontein: War Museum of the Boer Republics, 2012.

³² *Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // *Диалог со временем*. 2017. Вып. 59. М.: ИВИ, 2017. С. 137.

³³ См., напр.: *Van Zyl J., Constantine R.J., Pretorius T.* An Illustrated History of Black South Africans in the Anglo-Boer War, 1899–1902: A Forgotten History. Bloemfontein: War Museum of the Boer Republics, 2012.

³⁴ *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. P. 260.

³⁵ Ibidem.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Аполлон Давидсон

Первая война XX века*

Илья Эренбург незадолго до кончины вспоминал, как он в детстве написал письмо Крюгеру – президенту Трансвааля, а потом, стащив у своей мамы десять рублей, «отправился на театр военных действий»¹. Но его поймали и вернули. Поэт Шполянский (известный по псевдониму Дон-Аминадо) отправился «помогать бурам» даже не один, а еще с десятком таких же, как он, гимназистов². Их постигла та же судьба, что и Эренбурга.

Дети играли в войну буров с англичанами, и все хотели быть бурами. «Буром был и я, играя на улицах слободки и на гимназическом дворе»³, писал о своем детстве Маршак. Сестры Марина и Анастасия Цветаевы изрисовали всю бумагу в доме изображениями буров в широкополых шляпах и шаржами на английскую королеву Викторию. Ее они изображали маленькой, толстой и носатой⁴.

Константин Паустовский почти через полвека писал: «Мы, дети, были потрясены той войной. Мы жалели флегматичных буров, дравшихся за независимость, и ненавидели англичан. Мы знали каждый бой, происходивший на другом конце земли... Мы зачитывались книгой “Питер Мариц, юный бур из Трансвааля”»⁵.

Анна Ахматова в стихах 1940 года писала о начале столетия:

*Суровы и хмуры...
С винтовками буры*⁶.

Каким же сильным был в России отклик на эту войну, если он так помнился людям даже через много десятилетий!

Да разве он так сказался только в России!

Из военных столкновений, которые происходили во всем мире на рубеже XIX и XX столетий, наибольшее внимание в Европе, да

* В первоначальной редакции статья была опубликована в журнале «Родина». См.: Давидсон А. Трансвааль, страна моя... // Родина. 2022. № 12. С. 54–56.

и не только в Европе, привлекла война Англии с двумя маленькими государствами: Южно-Африканской Республикой (в просторечии – Трансвааль) и Оранжевым Свободным Государством. Они были созданы бурами – так называли потомков выходцев из Голландии, которые переселялись на юг Африки с XVII столетия.

Внимание к югу Африки резко росло еще до начала англо-бурской войны. Почему? Там с конца 1860-х гг. обнаружались крупнейшие месторождения алмазов и золота (золото нашли на территории Трансвааля). Это привело к острой заинтересованности ряда европейских государств. К золотой и алмазной лихорадке. К приезду множества европейцев.

Тут и началась война Англии, у которой здесь была большая колония, против двух маленьких бурских республик.

И все-таки: казалось бы, война на дальней окончечности Африки и с таким маленьким народом – бурами, может ли она сразу же привлечь внимание в Европе? Но привлекла – и еще какое! Почему?

Ведь на первых порах войны буры одерживали победы над английскими войсками. Да, у англичан были кадровые воинские части, солдаты, офицеры. Но большинство – новобранцы, молодые, необстрелянные. А против них – бурские фермеры. Никакой воинской подготовки у них не было. А что было? Хорошее знание местности, умение охотиться на диких зверей, хорошо стрелять. И главное – стойкость и мужество в защите земель, которые они считали своими.

Новейшее вооружение было не только у англичан. Буры заранее закупали его в Европе и привозили под видом горнорудного оборудования.

Эта война оказала влияние на развитие тактики и военного искусства. Тридцать лет до этого в Западной Европе не было войны – после франко-прусской. За эти годы накопились бесчисленные новшества в военной технике, в стратегии и тактике, но проверить их практически не было случая: «колониальные войны» в этих нововведениях не нуждались. Так что Южная Африка стала первым полигоном.

В этой войне впервые в широком масштабе были применены пулеметы. Впервые – шрапнель и бездымный порох. Сомкнутые колонны войск уступили место рассыпному строю. Нам может ка-

заться, что окопы и траншеи – давние спутники войн, но появились они именно тогда, впервые были применены бурами. Тогда же появилась и форма цвета хаки – защитного. В такие формы потом оделись все армии мира. А началось с того, что англичане заплатили дорогую цену за свои красные мундиры – буры оказались прекрасными стрелками. Говорили, что с той поры у курящих пошла фраза: «Третий не прикуривает». Считалось, что когда в расположении англичан зажигалась спичка, бур хватался за винтовку, когда прикуривал второй – целился, а когда третий – стрелял.

Буры одерживали победы в первые месяцы войны, но затем явное военное превосходство Англии дало о себе знать. В дальнейшем бурам пришлось перейти на партизанскую войну. Англичане в ответ на это сжигали бурские фермы, угоняли скот, уничтожали посевы. Стали загонять женщин, детей, стариков в концентрационные лагеря. Отправили туда 120 тыс. буров. И 80 тыс. африканцев, которых винили в поддержке буров. Условия в лагерях были тяжелыми, смертность высокая.

Во всем «цивилизованном мире» Англию осуждали. На стороне буров сражались добровольцы из Голландии, Германии, Франции, Ирландии, Италии, Черногории, Соединенных Штатов. Правительства европейских стран заявляли о сочувствии бурам, но активно выступать против Англии не решались.

Огромное превосходство английских военных сил и расправы с женщинами и детьми в концлагерях заставили буров прекратить сопротивление. В 1902 г. был заключен мир. Бурские республики стали частью английских владений.

Как отнеслась к этой войне Россия?

Уже 21 октября 1899 г. Николай II писал своей сестре: «Я всецело поглощен войной Англии с Трансваалем; я ежедневно перечитываю все подробности в английских газетах от первой до последней строки». А 14 января 1900 г.: «Сандро^{*}, как и все мы, впрочем, совсем помешался на войне англичан с бурами»⁷.

В России неприязнь к Англии, возникшая с Крымской войны, усиливала симпатию к бурам. А симпатия началась еще с путевых заметок русских моряков, бывавших на Мысе Доброй Надежды. В бурах-фермерах видели сходство с русскими мужиками.

^{*} Сандро – так называли вел. кн. Александра Михайловича.

С начала войны в русских церквях стали собирать пожертвования в пользу буров. Улицам русских городов давали названия в честь бурских героев.

На войну поехали медицинский отряд Российского Красного Креста и Русско-Голландский госпиталь.

Появились желающие воевать добровольцами на стороне буров. Конечно, ехать в Южную Африку было трудно: очень-очень дорого. Все-таки ехали. И немало. Были те, кого влекли мужество и стойкость буров. Были и офицеры, которым Генеральный штаб поручил собрать сведения о новейших достижениях военных искусств.

Самым известным из добровольцев стал подполковник Евгений Яковлевич Максимов. За заслуги в боях буры избрали его одним из своих генералов.

...Буры помнили сочувствие и помощь русских. И принимали участие в южноафриканском обществе «Медицинская помощь для России», которое старалось помочь нашей стране во время Второй мировой войны. Этим обществом только с 1942 г. по июнь 1944 г. среди населения Южной Африки было собрано около 700 тыс. фунтов стерлингов.

Товаров было послано в СССР более чем на 436 тыс.: продуктов – на 200 тыс., медикаментов – на 1295 тыс., теплой одежды и одеял – на 80 тыс., крови для переливания раненым – на 133 тыс.

...Так что в ком-то из нас, может быть, кровь буров или других южноафриканцев!

¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн. 1 и 2. М.: Советский писатель, 1961. С. 27.

² Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. Нью-Йорк: Изд-во Чехова. С. 10–12.

³ Маришак С. Соч. в 4 т. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1960. С. 526.

⁴ Цветаева А. Из прошлого. Новый мир. М., 1966. № 1. С. 81.

⁵ Паустовский К. Далекие годы: Повесть о детстве и юности. М.: Дет. лит.-ра, 1946. С. 45–46.

⁶ Ахматова А.А. Бег времени. Стихотворения. 1909–1965. М.-Л.: Советский писатель, 1965.

⁷ Дневник Николая II. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 240. Л. 35.

Раздел I

ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

ГЛАВА 1. Изучение англо-бурской войны 1899–1902 гг. в России

Введение

Более 120 лет прошло с момента завершения англо-бурской войны 1899–1902 гг. Можно без преувеличения сказать, что и история изучения этой войны в России тоже насчитывает уже 120 лет. Опыт этой войны, ее особенности и новаторский характер стали предметом исследований в нашей стране в той или иной форме еще в ходе самой войны и сразу после ее завершения. Задача этой главы – проанализировать отечественную историографию, посвященную англо-бурской войне 1899–1902 гг., от момента ее возникновения и до настоящего времени.

Изучение англо-бурской войны до 1917 года

Англо-бурская война нашла огромный отклик в России. Большая часть общества, включая императора Николая II, внимательно следила за военными действиями и сочувствовала бурам. Издавались книги о войне, большое количество статей. Буров поддерживали почти все круги российского общества, а не только проправительственные. Отдельная большая страница в истории англо-бурской войны – участие в ней добровольцев из многих стран, в числе которых добровольцы из России занимали заметное и достойное место.

Изучение хода, причин, итогов, особенностей англо-бурской войны началось еще до ее окончания. В таких журналах, как «Русское богатство», «Вестник Европы», «Интендантский журнал», «Мир Божий», «Военный сборник», «Морской сборник» и отдельными изданиями публиковались аналитические статьи и доклады, где главным образом разбирались причины войны, дипломатические вопросы вокруг военных действий, давались характеристики противоборствующих сторон, рассматривались стратегия, тактика, особенности ведения военных действий¹.

Безусловно, работы того периода можно отнести и к источниковой базе для изучения англо-бурской войны. Кроме того, ценными

источниками для исследования разных аспектов данной войны являются публицистические статьи того периода самых разных направлений – от консервативного, до либерального и социалистического. Об этом будет идти речь в другой главе нашей монографии.

Еще до завершения войны или сразу после нее были изданы воспоминания россиян – участников вооруженного конфликта – добровольцев, военных агентов, сестер милосердия².

Но и после завершения войны обращения к ней не иссякают, ее анализ продолжается. Главным образом изучаются уроки и выводы, которые можно было извлечь из анализа военных действий. Практически все публикации – в журналах военной тематики³.

Советский период изучения англо-бурской войны. До Великой Отечественной войны

После Революции 1917 г. исследователи возвращаются к сюжетам англо-бурской войны. Темы определяются временем и идеологией. В журнале «Красный архив» был опубликован ряд интересных документов⁴.

Продолжалось изучение военного опыта, который можно было почерпнуть из этой войны⁵.

Статья В. Кульбакина, опубликованная в первом номере Военно-исторического журнала в 1941 г., в канун начала Великой Отечественной войны, характерна для работ советских военных историков этих лет. Автор указывает, что война империалистической Англии против двух южноафриканских республик была логическим продолжением политики грабежа, насилия и территориальных захватов, которую она осуществляла в Африке на протяжении многих десятилетий. В. Кульбакин отмечает, что «вопрос о юге Африки имел для Англии двоякое значение. С одной стороны, южноафриканские земли с их природными богатствами привлекали внимание английских империалистов как объект для колониальной экспансии. С другой стороны, обладание Южной Африкой обеспечивало Англии сохранение и упрочение гегемонии на великом водном пути, соединяющем метрополию с важнейшими колониями империи, в первую голову с Индией. Существование на юге Африки двух республик – Трансвааля и Оранжевой, основанных потомками голландских колонистов (бурами) во второй половине

XIX в., – являлось серьезным препятствием для реализации планов английского империализма»⁶.

Но главной для автора была задача привлечь внимание к героизму и самопожертвованию буров перед лицом внешней агрессии. «Начало и весь ход войны, каждый из ее многочисленных эпизодов служат живой иллюстрацией высокого духа республиканской армии, героизма и самопожертвования бурских солдат и командиров, отстаивавших свою национальную независимость против многократно превосходившего их своей численностью и вооружением противника»⁷.

Про коренное население автор пишет немного, указывая на его зависимое положение от обеих сторон конфликта: «Негритянские племена, подвергавшиеся жестокой эксплуатации, были в войне нейтральными. Они не видели перспективы улучшения своего положения в случае победы любой из воюющих сторон. Впрочем, ни англичане, ни буры не предпринимали никаких мер для того, чтобы привлечь на свою сторону негров. И те и другие опасались выступления негров против европейцев во время войны»⁸.

Методологически в понимании причин и повода к началу англо-бурской войны эта статья опиралась на предшествующие ей работы невоенных историков, в которых была показана агрессивная роль Великобритании в развязывании этой войны, а также место и роль коренного населения в этих событиях⁹.

Так, Юг (псевдоним Г.Е. Гернгросса) еще в 1929 г. относительно причин начала войны прямо указывал, что «в Южной Африке положение оставалось неудовлетворительным с точки зрения английского империализма. Там шла борьба между англичанами, занимавшими Капскую колонию, и бурами, выходцами из Голландии, которые на протяжении первой половины XIX в., под натиском новых пришельцев – англичан, покинули эту колонию и переселились несколько севернее, образовав Свободные республики Трансвааль и Оранжевую. На протяжении второй половины XIX в. правительство Капской колонии неоднократно пыталось распространить свою власть на эти обе республики, однако ни оно, ни лондонское правительство не решались довести дело до вооруженного конфликта. Лишь в самом конце XIX столетия разыгралась англо-бурская война, имевшая своим результатом образование Южно-Африканского Союза – доминиона Британской империи.

Вместе с тем в этой части Африки последняя четверть XIX в. характеризовалась усилением истребительной политики в отношении местного населения. Совершенно неслыханные зверства имели место в отношении даже туземных негритянских племен – кафров, бушменов и готтентотов; они не только оттеснялись к северу последовательным и систематическим продвижением английских и бурских колонистов, но и прямо физически уничтожались, в целях отобрания у них земли и скота; бушмены и готтентоты, как наименее устойчивые племена, гибли почти целиком»¹⁰.

В работе М. Цетлина (1940) характеристика англо-бурской войны была оформлена уже строго в рамках ленинской концепции как война буров за независимость, которая явилась одним из первых крупных вооруженных выступлений народов колониальных и зависимых стран против империализма. М. Цетлин отмечал, что «империализм, как писал Ленин в 1916 г., – как высшая стадия капитализма Америки и Европы, а затем и Азии, сложился вполне к 1898–1914 гг. Войны испано-американская (1898), англо-бурская (1900–1902), русско-японская (1904–1905) и экономический кризис в Европе 1900 г. – вот главные исторические вехи новой эпохи мировой истории. Таким образом, англо-бурская война 1899–1902 гг. стала одной из ранних войн эпохи империализма. Это была национально-освободительная борьба, которую маленький бурский народ вел против империалистической Англии»¹¹.

Автор отмечал, что англо-бурская война стала крупной вехой в истории борьбы угнетенных народов с империализмом. Это была неравная борьба. Но неудачный для буров исход войны ни в какой мере не преуменьшал ее огромного прогрессивного значения. «Прогрессивность этой войны в том, что она нанесла сильнейший удар империалистической Англии, ослабляя тем самым систему империализма во всем мире. Борьба буров с Англией являлась живым примером для всех колониальных и зависимых народов мира, была действенным призывом к борьбе их со своими угнетателями. Эта борьба подрывала престиж разбойничьей Британской империи, выросшей на крови и костях сотен миллионов колониальных рабов во всех частях мира – в Индии, в Бирме, на Цейлоне, в Ирландии и в Египте»¹².

В работе Г. Гурвича (1936) упор был сделан на итогах англо-бурской войны, отразившихся как на складывании союзного госу-

дарства белых на юге континента, так и на коренном населении. Он писал: «Итогом был залог совершившегося после англо-бурской войны сближения юнионистов и африкандеров. Война положила решительный конец всяким мечтаниям о вытеснении англичан из Южной Африки и доказала совершенную необходимость примириться с владычеством английского капитала и попытаться сотрудничать с ним. Так как при полнейшем теперь господстве в Южной Африке британского капитала национализм буров не представлял никакой реальной опасности, признано было полное равенство голландского языка с английским». Но главным был следующий вывод: «вопрос был лишь в том, будет ли соответствовать весь строй федеративного государства насущнейшим потребностям жестокой борьбы с коренным черным населением, окажутся ли достаточны обычные полномочия федерального правительства для единообразного “разрешения” туземного вопроса, осложненного вскоре после войны усиленным ввозом закрепощенных (“законтрактованных”) китайских, индийских, малайских рабочих»¹³.

Статья Михаила Борисовича Рабиновича (ученика Е.В. Тарле), опубликованная в 1939 г., в которой описывался один из предвестников англо-бурской войны – набег Джемсона¹⁴, стала прологом к защите им в Ленинграде в мае 1941 г., практически накануне начала Великой Отечественной войны, первой в СССР (как считается исследователями¹⁵) диссертации по истории Южной Африки. Ниже будет рассмотрена диссертация А.Ф. Остальцевой, защищенной в Москве годом ранее непосредственно по тематике англо-бурской войны, которую с полным правом можно считать первой в отечественной африканистике диссертацией по истории Южной Африки. Тем не менее диссертация М.Б. Рабиновича стала первым исследованием во всей мировой исторической науке, посвященным набегу Джемсона как шагу к началу англо-бурской войны 1899–1902 гг.¹⁶

В диссертации М.Б. Рабиновича «Набег Джемсона (из истории возникновения англо-бурской войны 1899–1902 гг.)» (1941) рассматривалась попытка Великобритании захватить Трансвааль в середине 90-х годов XIX в. Работа была успешно защищена в Ленинградском государственном университете и рекомендована к публикации. Оппонентами выступили академик Е.В. Тарле и профессор

Н.П. Полетика. Подробно историю написания этой диссертации изложил А.Б. Давидсон. На основе воспоминаний самого М.Б. Рабиновича описан тернистый жизненный и научный путь ученого и обоснование им выбора темы диссертации¹⁷.

Публикацию диссертации задержали сначала война, а затем и арест автора, после чего она стала невозможной. Но позже, уже в 1970–80-е годы М.Б. Рабинович опубликовал ряд статей на эту тему¹⁸.

В 1940 г. в Москве в Институте истории Академии наук Алевтина Федоровна Остальцева защитила диссертацию «Англо-бурская война. Ее влияние на внешнюю политику Англии».

Жизненный и научный путь А.Ф. Остальцевой был типичен для людей ее поколения, «революцией призванных». Родилась она в глухой деревушке Б. Пихтинерь Вятской губернии в 1902 г. После окончания трехклассной школы смогла поступить в гимназию уездного города Малмыжа, где получила хорошее базовое образование. Там и застала ее революция. Она вступила в комсомол, через три года – в ВКП(б). В 1922 г. молодого партийного работника направили на учебу в Вятский педагогический институт, отделение общественных наук, а через год она была переведена в Московский индустриально-педагогический институт имени К. Либкнехта, готовивший преподавателей для школ фабзавуча. Время учебы пришлось на период, когда старые и новые тенденции в развитии исторической науки существовали одновременно, в вузах работали преподаватели еще старой, дореволюционной школы. В духе времени учебу Алевтина Федоровна совмещала с работой и общественной нагрузкой. После окончания института – аспирантура РАНИОН, который был вскоре объединен с Институтом красной профессуры, где она работала над темой «Левые социал-демократы в Европе (1928–1933)».

После завершения аспирантуры, имея все шансы остаться работать в Москве, она уехала с мужем М.С. Персовым, оказавшимся в то время в опале, в Иркутск, где возглавила кафедру всеобщей истории Иркутского педагогического института, позже читала лекции в Иркутском университете. В 1936 г. она самостоятельно приступила к работе над диссертацией по англо-бурской войне и внешней политике Великобритании, резко сменив тематику исследований. Часто приезжала в Москву для работы с источниками¹⁹.

В 1940 г. диссертация была успешно защищена. Оппонентами выступили известные советские специалисты по европейской истории нового времени Ф.И. Нотович и А.Л. Нарочницкий. Работа получила высокую оценку. Особо была отмечена обширная источниковая база диссертации, использование документов английского, германского и русского правительств, парламентских дебатов и прессы. Большую роль здесь сыграло знание автором нескольких иностранных языков. Была дана рекомендация к печати, но началась война, и выполнить ее не удалось. Подробный отчет о защите был опубликован в журнале «Историк-марксист», поскольку в те времена защиты диссертаций происходили редко²⁰.

В нем отмечалось: «4 октября 1940 г. на заседании Ученого совета Института истории Академии наук СССР состоялась защита кандидатской диссертации тов. А.Ф. Остальцевой по теме “Англо-бурская война и ее влияние на внешнюю политику Англии”. Работа тов. Остальцевой состоит из трех глав: первая глава посвящена мотивам колониальной экспансии Англии в XIX в., вторая глава – завоеванию Южной Африки и третья глава – влиянию англо-бурской войны на внешнюю политику Англии. Тов. Остальцева использовала для своей работы наряду с произведениями Маркса и Ленина дипломатические документы германского и русского правительств, английские парламентские документы, речи и письма видных политических деятелей, и другие материалы, имеющие отношение к исследуемому вопросу.

Кроме того, ею использованы разнообразная монографическая литература, а также ряд буржуазных работ об англо-бурской войне, написанных английскими и немецкими буржуазными историками. Автором широко использованы также русские газеты “Русские ведомости”, “Новое время” и журналы “Русское богатство”, “Вестник Европы”.

Официальный оппонент проф. Ф.И. Нотович [Институт истории АН СССР; специалист по истории международных отношений накануне и в годы Первой мировой войны] указал, что ленинская характеристика англо-бурской и испано-американской войн как первых империалистических войн обязывает советских историков показать на конкретных примерах отличие их по характеру и целям от других колониальных войн. Тов. Остальцева первая взялась за исследование вопроса об англо-бурской войне, имея целью по-

казать на конкретном историческом примере правильность ленинской характеристики империалистических войн.

На разнообразном и большом материале тов. Остальцева сумела показать отличие англо-бурской войны от других колониальных войн и роль монополистических компаний в этой войне. Рассматривая англо-бурскую войну с точки зрения влияния ее на внешнюю политику Англии, автор сумел дать вполне четкое освещение этого довольно сложного вопроса. Тов. Остальцева не ограничила свою задачу исследованием англо-германских отношений в этот период, а показала на широком фоне международных отношений подготовку и развитие этой войны, и ее действительные цели.

Одновременно тов. Нотович отметил ряд недочетов в диссертации тов. Остальцевой. В частности, он обратил внимание на то, что автором не освещен такой важный вопрос, как отношение политических партий к англо-бурской войне, благодаря чему осталась неосвещенной внутренняя политическая борьба вокруг войны. Эту борьбу нельзя игнорировать, ибо в ней отразилось отношение к войне различных слоев буржуазии и рабочего класса. Тов. Нотович считает, что работа вполне заслуживает присуждения автору степени кандидата исторических наук. Если автор исправит отдельные недочеты и дополнит работу главой об отношении политических партий к англо-бурской войне, то, по мнению тов. Нотовича, Ученому совету можно было бы рекомендовать ее издать, так как это первая марксистская работа по столь важному вопросу.

Второй оппонент, тов. Нарочницкий, соглашаясь с оценкой диссертации, данной тов. Нотовичем, отметил, что автору следовало бы подробнее остановиться на тех затруднениях, которые пришлось преодолевать британскому империализму в англо-бурской войне, и осветить дипломатические уступки, на которые Англия вынуждена была пойти в ходе войны. По мнению тов. Нарочницкого, автор несколько преувеличивает возможность военного союза держав против Англии в 90-х годах. Тов. Нарочницкий отметил, что пресса использована автором недостаточно, в силу этого в характеристике внутренней борьбы в Англии оказались некоторые пробелы. Наряду с этим работу следует освободить от лишних цитат, а вместе с тем подробнее рассказать о рейде Джонсона и об

отношении к этому рейду английского правительства и отдельных политических деятелей.

Выступивший тов. Кларк* указал на необходимость исправить в диссертации некоторые нечеткости в характеристике национально-освободительного движения. После заключительного слова тов. Остальцевой, признавшей правильными замечания оппонентов, Ученый совет единогласно высказался за присуждение ей ученой степени кандидата исторических наук»²¹.

Интересный рассказ самой Алевтины Федоровны о своей защите и подготовке к ней был размещен в 1940 г. в газете «Восточно-Сибирская правда», выходившей в Иркутске (приведен в Приложении).

В дальнейшем научная судьба А.Ф. Остальцевой сложилась достаточно благоприятно. После войны она переехала в Саратов, где до конца жизни работала в Саратовском университете на кафедре новой и новейшей истории. В 1970–1973 гг. она возглавляла кафедру. В 1963 г. на ученом совете МГУ ею была защищена докторская диссертация «Англо-русское соглашение 1907 года». Опубликована эта работа была в 1977 г. – к 75-летию автора – и стала последней в ее научной карьере. Ушла из жизни А.Ф. Остальцева в 1980 г.²²

Советский период изучения англо-бурской войны. Послевоенное время

Великая Отечественная война прервала на десятилетие процесс изучения англо-бурской войны 1899–1902 гг., но уже в 1949 г. в Ленинграде А.Л. Витухновский защитил диссертацию на тему «Россия и англо-бурская война»²³. Его научным руководителем был М.Б. Рабинович, арестованный в том же 1949 г., что все же не помешало защитить эту диссертацию.

А.Л. Витухновский был первым, кто исследовал тему англо-бурской войны в контексте российской истории. Он не был допущен к работе в архивах, в то время было сложно получить разрешение, но привлек большое количество доступных тогда источников, рассматривал, какие силы в России симпатизировали бурам и

* Г.С. Шкляр, бывший эмиссар Коминтерна в Южной Африке.

почему, включая и представителей демократического лагеря, и монархистов²⁴.

А.Б. Давидсон пишет о его дальнейшей судьбе: «После успешной защиты Витухновского не оставили в университете. Работу он нашел только на севере, в Петрозаводске. Там, конечно, для изучения Африки условий не было: ни архивов, ни литературы. Так что эти занятия ему пришлось забросить. После защиты диссертации он опубликовал по ее теме лишь две статьи, и то только спустя много лет и в не очень широко известных «Ученых записках» Петрозаводского университета. Но, хотя сам Витухновский и не смог опубликовать результаты своей работы, они все же увидели свет, во всяком случае немалая их часть. В 1981 г. в Южно-Африканской Республике издали книгу под тем же названием, что и диссертация Витухновского: «Россия и англо-бурская война». Автором была Елизавета Кандыба-Фокскрофт. Она родилась в Российской империи. Во время революции мать увезла ее в Болгарию. Затем – Франция, Англия. В 1960 г. Кандыба-Фокскрофт основала первую в Южной Африке кафедру русского языка. Готовя книгу, она несколько раз приезжала в Москву, работала в Библиотеке им. Ленина и в библиографии к своей книге указала, что знакомилась там с неопубликованной диссертацией А.Л. Витухновского. Но в книге нет ни одной ссылки на нее, хотя она, разумеется, была для автора путеводной звездой. Правда, к чести Кандыбы-Фокскрофт надо сказать, что ей удалось найти немало источников, которые не были использованы Витухновским»²⁵.

Надо заметить, что Е. Кандыба-Фокскрофт все же один раз сослалась на диссертацию своего предшественника²⁶. Диссертация А.Л. Витухновского не была издана в виде монографии; бумажный ее вариант хранится в библиотеке СПбГУ, а микрофильм – в Российской государственной библиотеке в Москве. Но позже в Петрозаводске автору удалось опубликовать ряд статей²⁷.

В 1950–1980-е гг. выходит достаточно много работ, где так или иначе анализируется проблематика, связанная с англо-бурской войной. Война в них рассматривается строго в рамках идеологии марксизма – как одна из первых империалистических войн, ознаменовавшая начало периода схваток за передел уже поделенного мира. Также четко прослеживается мысль, что англо-бурская война была войной за преимущественное право на эксплуатацию аф-

риканцев: интересы промышленников-англичан оказались в противоречии с интересами бурских фермеров²⁸.

А.З. Зусманович в 1959 г. писал: «В 1899 г. южноафриканский вопрос вновь выдвинулся на авансцену мировой политики. Уже трансваальский кризис 1895–1896 гг. выявил вполне отчетливо, что между колонизаторами английскими и колонизаторами бурскими существуют непримиримые противоречия, разрешить которые можно лишь при помощи войны. Что еще существеннее – буры защищали земли, захваченные ими за несколько десятилетий перед тем в свою очередь у африканского населения, подвергнутого бурами жестокой эксплуатации и частичному истреблению. В Южной Африке столкнулись два потока колонизации: британского империализма и бурских государств. И буры, и англичане вели войну с оглядкой на миллионы коренных жителей, не имевших основания сочувствовать ни одной из воюющих сторон. Захватническая со стороны Англии англо-бурская война была войной империалистической, войной за долю каждой из воюющих сторон в эксплуатации населения и природных ресурсов Южной Африки»²⁹.

В работе «Формирование национальной общности южноафриканских банту» (1955) И.И. Потехин отмечал, что «колонизаторы на протяжении всего XIX в. были расколоты на две враждующие группы – буров и англичан. Кульминационной точкой столетней борьбы явились англо-бурская война 1899–1902 гг. и окончательное поражение буров... Захватническую, грабительскую войну Англии против бурских республик В.И. Ленин считал одной из первых империалистических войн»³⁰.

Среди работ этого периода, в той или иной степени освещавших англо-бурскую войну, выделяется монография Ф.А. Ротштейна «Международные отношения в конце XIX века» (1960). Большая часть работы посвящена дипломатическим переговорам европейских стран и США вокруг англо-бурской войны. До настоящего времени это наиболее полное исследование данной темы на русском языке. Ротштейн впервые опирался на архивные материалы в исследовании вопросов, связанных с изучением этого конфликта, цитировал их и давал ссылки. Основа была заложена еще в 1940–1941 гг., когда он готовил том об англо-бурской войне 1899–1902 гг. в качестве члена Комиссии по изданию документов цар-

ского и Временного правительства в серии «Международные отношения в эпоху империализма». Эта работа так и не увидела свет. Но в разных архивах СССР были собраны и переведены самые интересные документы, связанные с позицией России и других держав по отношению к англо-бурскому конфликту³¹.

Работа Ф.А. Ротштейна представляет собой исследование, которое опирается на чрезвычайно широкий круг источников: документы, мемуарную и биографическую литературу, специальные работы, посвященные отдельным проблемам. Автор строго документирует свое изложение, что делает все его выводы и соображения убедительными. Ротштейн описывает подготовку, ход боевых действий и работу дипломатов вокруг англо-бурской войны, не делая каких-то крупных обобщений. Но важно отметить использование огромного количества первичных источников, что было сделано впервые в российской историографии этого вопроса.

В 1967 г. докторскую диссертацию «Захват бурских республик Англией (1899–1902)» в Московском педагогическом институте защитила И.А. Никитина. Это было первое комплексное советское историческое исследование, специально посвященное англо-бурской войне 1899–1902 гг., со времени защиты диссертации А.Л. Витухновского. Методологически автор также опиралась на ленинскую концепцию империалистических войн. В работе автор исследует колонизаторскую политику Англии в Южной Африке, положение африканского большинства ее населения в начале XX в., а также почти не изученные ранее вопросы об отношении коренного южноафриканского населения и великих держав к англо-бурской войне, о борьбе в связи с нею классов и партий в Англии. Попытка осветить в рамках одной работы сложный комплекс указанных вопросов была предпринята в советской исторической литературе впервые. Также надо отметить охват автором большого количества разноплановых источников и тщательную работу в архивах.

И.А. Никитина опубликовала несколько статей, посвященных вопросам, анализируемым в ее диссертации, а после защиты на ее основе опубликовала монографию «Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.)»³².

В работе «История Африки в XIX – начале XX в.» (1967) главы, посвященные истории Южной Африки, написаны А.Б. Давидсо-

ном, который также уделил внимание событиям и анализу англо-бурской войны 1899–1902 гг. Наряду с традиционной характеристикой конфликта как одной из империалистических войн и борьбы европейских колонизаторов за преимущественное право эксплуатации африканских народов, А.Б. Давидсон в анализе этих событий вновь фокусирует внимание на том, что это была борьба более слабого, но мужественно защищавшегося противника, упорно противостоявшего сильному государству. Отмечает широкую международную поддержку сражавшихся буров. Автор указывает, что африканцы не принимали широкого участия в этом конфликте, и в целом как одна, так и другая воюющая сторона придерживались взгляда, что это война между «белыми», и предпочитали терпеть поражения, но не апеллировать к африканцам, не развязывать инициативу многомиллионных масс коренного населения³³.

Отдельно можно выделить статью А.Б. Давидсона «Первая большая война XX в. (англо-бурская война 1899–1902 гг.)», вышедшую уже в 1982 г. В освещении англо-бурской войны – новая для советской историографии интонация, новый подход: акцент не на международной политике и разоблачении империализма, а на восприятии этой войны современниками, на ее особенностях, в том числе новых видах вооружений, тактике ведения боя и т.п. Автор отмечает, что та война ознаменовала собой и новую ступень в представлениях европейцев об Африке, заставила по-новому увидеть континент в российском обществе³⁴.

Также новым видением истории англо-бурской войны отличается и статья Руфины Рудольфовны Вяткиной «Англо-бурская война 1899–1902 гг. в русских документах»³⁵. Здесь уже намечена новая тенденция в изучении конфликта: работа с недоступными ранее документами.

Англо-бурская война в российских исследованиях в постсоветский период

В постсоветское время работа над изучением конфликта на юге Африки, произошедшего почти 100 лет назад, не прекращалась. Тема не только продолжала вызывать интерес у отечественных историков-африканистов, занимавшихся изучением Южной Африки, но и оказалась, наверное, одной из наиболее исследуемых. Среди

главных причин – интерес к участию в той войне на стороне буров российских добровольцев.

Исследовательской работе в этой области способствовала смена политического режима в ЮАР, обеспечившая доступность документов для российских историков-африканистов. Однако тяжелая экономическая ситуация, сложившаяся в России после распада СССР, резкое снижение финансирования науки и научных сотрудников, другие причины привели к массовому оттоку научных кадров.

Тем не менее исследование участия российских добровольцев в англо-бурской войне не прекращалось. В 1990-е годы его активно вели, в частности, Аполлон Борисович Давидсон и Ирина Ивановна Филатова*.

Известный российский ученый-африканист А.Б. Давидсон увлекся темой англо-бурской войны еще в юности под впечатлением от приключенческих романов, действие которых разворачивалось в Южной Африке³⁶. В 1980-е годы появились его первые публикации об этом вооруженном конфликте (см. выше). А в 1998 г. в ЮАР вышла на английском языке его совместная с И.И. Филатовой книга «Россияне и англо-бурская война»³⁷.

В монографии Давидсона и Филатовой представлен интересный, изобилующий неизвестными или малоизвестными в России фактическими данными материал, собранный исследователями на протяжении десятилетий как в исторических архивах России и ЮАР, так и из других источников. И хотя эта книга состоит из двух разделов, из которых только один посвящен участию российских добровольцев в англо-бурской войне, но все же тема учеными была поднята, правда, не в России. В центре внимания авторов – роль Африки в общественно-политической жизни России, трансформация представлений россиян о юге этого континента. Авторы не только прослеживают судьбы участников этой войны, прибывших в Южную Африку специально, чтобы вступить в ряды защитников бурских республик или оказывать им медицинскую помощь,

* А.Б. Давидсон, являясь сотрудником Института всеобщей истории РАН, также работал в эти годы в Центре российских исследований при Кейптаунском университете, а И.И. Филатова заведовала кафедрой истории Университета Дурбан-Вествилл.

но и анализируют отношение к далекому вооруженному конфликту российского правительства и общественности.

Примечательно, что на эту книгу было опубликовано не менее 27 рецензий в российской, южноафриканской и британской прессе³⁸! Это говорит не только о большом резонансе, который получило издание в России и за рубежом, но и о том, что тема до сих пор интересует историков в мире. В отечественной и зарубежной историографии монография А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой остается одним из наиболее авторитетных трудов, посвященных российскому участию в южноафриканской войне.

Достоинным преемником А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой в изучении англо-бурской войны стал с.н.с. Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН Геннадий Владимирович Шубин (1966–2016). Большинство его трудов посвящены военной истории. Он считается одним из самых компетентных исследователей англо-бурской войны и участия в ней российских добровольцев.

К теме Г.В. Шубин пришел под влиянием А.Б. Давидсона. Защитив диссертацию по проблеме развития демократической Южной Африки в Российском университете дружбы народов, после аспирантуры Г.В. Шубин вернулся к теме англо-бурской войны и почти «поселился» в исторических архивах. Результаты этой самоотверженной работы не замедлили отразиться в его научных статьях и выступлениях на конференциях.

Первая большая работа Г.В. Шубина об участии российских подданных в южноафриканском конфликте вышла в серии «Ученые записки Института Африки РАН» в 1999 г.³⁹ В следующем году в издательстве «21 век-согласие» под грифом Института Африки РАН вышла монография Г.В. Шубина «Российские добровольцы в англо-бурской войне 1899–1902 гг.» (по материалам Российского государственного военно-исторического архива), посвященная участию российских военнослужащих и военных медиков в первой крупной войне XX столетия⁴⁰. В книге на основании собранного и скрупулезно изученного автором богатого материала военно-исторического архива и воспоминаний российских офицеров-добровольцев и гражданских лиц, воевавших на стороне буров, дается картина англо-бурской войны. Эта работа также интересна тем, что она в хронологической последовательности прослеживает этапы деятельности наших добровольцев в описываемый период.

В издательстве «Восточная литература» была издана книга «Англо-бурская война 1899–1902 гг. по архивным материалам и воспоминаниям очевидцев», приуроченная к 100-летию окончания англо-бурской войны⁴¹. Она составлена Н.Г. Воропаевой (Институт Африки РАН), Р.Р. Вяткиной (Центр африканских исследований ИВИ РАН) и Г.В. Шубиным по архивным материалам и включает воспоминания очевидцев. Г.В. Шубин гордился отзывом на нее А.Б. Давидсона, в котором тот отметил, что это самое полное на сегодняшний день собрание документов по англо-бурской войне, изданное в нашей стране.

Работа автора в архивах продолжалась, и в 2008 г. в издательстве «Memories» появилось 2-е, переработанное и дополненное издание книги «Англо-бурская война 1899–1902 гг. и ее отражение в художественной литературе»⁴². В книге представлены три повести, изданные в начале XX в. и посвященные событиям войны, а также тексты русских песен о буре.

В 2009 г. в Москве в том же издательстве вышел приключенческий роман в 3 томах об англо-бурской войне «Роза Бургер, бурская героиня, или Золотоискатели в Трансваале», написанный в начале XX в. Здесь Г.В. Шубин выступил в качестве соавтора-редактора⁴³.

В 2012 г. увидел свет 13-томник «Англо-бурская война 1899–1902 гг. глазами российских подданных»⁴⁴. В этом сборнике Г.В. Шубин также выступил основным автором-составителем. Вместе с ним в подготовке сборника принял участие крупный южноафриканский исследователь – проф. Я. Либенберг, один из авторов нашей монографии.

Нельзя не сказать и о преданности Г.В. Шубина теме и делу, которым он занимался. Значительную часть зарплаты он без раздумий вкладывал в издание своих содержательных книг. Он был убежден, что ветераны войн – не только англо-бурской, но и других конфликтов на Африканском континенте – не должны быть забыты, и сделал многое для сохранения памяти о них.

В конце 2015 г., незадолго до безвременного ухода из жизни Г.В. Шубина, в серии «Ретро библиотека приключений и научной фантастики. Авантюрная коллекция» издательства «Престиж Бук» вновь вышел роман «Роза Бургер, бурская героиня, или Золотоискатели в Трансваале»⁴⁵. Введение к этому новому изданию также написал Г.В. Шубин.

Интерес к англо-бурской войне в России не проходит и сегодня, а спектр тем, связанных с ее изучением, очень разнообразен. После 1991 г. были защищены, причем не только в Москве, не менее пяти кандидатских диссертаций на темы, непосредственно связанные с южноафриканским вооруженным конфликтом 1899–1902 гг. Среди них «Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Россия» Т.В. Шаповаловой (Московский государственный открытый педагогический университет, 1995); «Англо-бурская война 1899–1902 гг. в донесениях российских дипломатов и военных агентов» Н.Г. Воропаевой (Институт Африки РАН, 2004); «Англо-бурская война в английской историографии XX – начала XXI вв.» Т.Н. Черкашиной (Омский государственный университет, 2007)⁴⁶.

На русском языке выходят популярные статьи и даже отдельные книги об англо-бурской войне. Переиздаются мемуары бурских политических и военных деятелей, изданные в России еще в первой половине 1900-х годов⁴⁷. В 2004 г. впервые опубликован русский перевод истории этой войны А.К. Дойля, знаменитого английского писателя и участника этого конфликта. С тех пор в России эта книга выдержала уже три издания⁴⁸.

После 1991 г. было опубликовано много статей (в том числе в электронной версии), в которых рассматривались проблемы, связанные с англо-бурской войной. В подавляющем большинстве работ была продолжена тема изучения участия российских добровольцев в войне на стороне буров и отражение этой войны во внешней и внутренней политике России⁴⁹.

Не остались в стороне от темы и бывшие союзные республики, ныне независимые государства. В Минске вышла популярная история южноафриканской войны И.Г. Дроговоза (2004)⁵⁰. В Черновицком национальном университете защищена кандидатская диссертация О.Н. Петраш «Позиция правящих кругов России и общественная мысль относительно англо-бурской войны 1899–1902 гг.» (2005)⁵¹.

Изучение темы англо-бурской войны и сегодня продолжается сотрудниками Института Африки РАН, в частности, в Центре исследований Юга Африки, где работал Г.В. Шубин. В 2022 г. в ведущем южноафриканском издательстве «Джонатан Болл» увидели свет в английском переводе мемуары российского участника англо-бурской войны Евгения Августуса «Русский в бурском отряде»

(«A Russian on Commando»)⁵². Книгу подготовил известный российский африканист, с.н.с. Б.М. Горелик. Издание осуществлено при участии Института Африки РАН.

9 ноября 2022 г. в Институте Африки РАН состоялась международная конференция, посвященная 120-летию завершения англо-бурской войны. Ее итогом стала эта монография, что подтверждает актуальность темы и интерес к ней, а также востребованность книг и статей, написанных и изданных при участии отечественных ученых-африканистов.

¹ Южаков С.Н. Война в Южной Африке // Русское богатство. 1899. № 9 (12). Ч. 2. С. 54–68; Южаков С.Н. Южно-Африканская война. Операции в Натале. Успехи Роберта и вторжение в Оранж. Переговоры о мире и посредничестве // Русское богатство. 1900. № 3. Ч. 2. С. 94–112; Южаков С.Н. Военное положение в Южной Африке. Финансовое положение в Южной Африке // Русское богатство. Ч. 2. 1901. № 6. С. 167–178; Южно-Африканская война. СПб., 1901. 139 с.; Южно-Африканская война. Сесиль Родс // Вестник Европы. 1902. № 4. С. 824–826; Южно-Африканская война и ее последствия для Англии. Полемика против Чемберлена в германской печати. Англичане перед судом международного права. Обычные проявления права войны. Вопрос о третейском суде по южно-африканским делам // Вестник Европы. № 12. СПб., 1901. С. 842–852; Шелковников Б. Бота и Девет (Эпизоды из англо-бурской войны по рассказам очевидцев) // Вестник иностранной военной литературы. 1901. № 4. С. 428–435; № 5. С. 546–551; Чистович С.Я. Медицинская помощь в Трансваале. СПб., 1901. 27 с.; Штиглиц А.Н. Великобритания и ее южноафриканская политика. Новый век. 1900. № 5–9; Трансвааль // Военный сборник. 1900. № 2. Отд. 2. С. 47–56; Трансваальская война и неожиданный британский шовинизм. Образчики воинственной поэзии. Речи лорда Солсбери, Бальфура и Чемберлена. Фактические недоразумения и недомолвки. Особенности английского настроения // Вестник Европы. 1899. № 12. С. 839–848; Странник. Трансваальская война и ее итоги. Причины и цели войны. Значение войны для России // Русский Вестник. 1900. № 6. С. 698–707; Скворцов О. Из-за золота и бриллиантов у буров. СПб., 1900. 112 с.; Сатурин Д. Война, печать и дипломатическая мораль (в Трансваальской войне) // Жизнь. 1900. № 3; Протасов М. Буры и англичане. СПб., 1900. 48 с.; Попытка голландского посредничества в бурской войне // Вестник Европы. 1902. № 3. С. 366–368; Поздняков Д.М. Буры и Англия перед судом современной науки. (Публичная лекция). Борисоглебск, 1900. 84 с.; Певницкий А. Об огнестрельных ранениях в англо-бурскую войну // Военно-медицинский журнал. 1900. № 8. С. 2271–2282; Перевозка английских войск в Южную Африку // Морской сборник. 1900. № 10. Отд. 2. С. 81–84; Павлович М. (Вельтман М.Л.) Что доказала англо-бурская война? Регулярная армия, или милиция в современной обстановке. Одесса. 1901. 44 с.; Нездевецкий В. Продовольствие английских войск в Южной

Африке // Интендантский журнал. 1900. № 3. С. 115–127; *Нездевецкий В.* Продовольствие английских войск во время похода на Блумфонтейн // Интендантский журнал. 1900. № 8. С. 97–107; *Нездевецкий В.* Служба железных дорог и обозов в южноафриканскую войну // Интендантский журнал. 1902. № 5. С. 26–39; Начало и конец англо-бурской войны 1899–1900. (Составлено по новейшим иностранным сочинениям.). СПб., 1900. 31 с.; *Монкевиц Н.* Англо-бурская война // Варшавский военный журнал. 1899. № 12; 1900. № 1–4, № 6–7; *Марков В.* Война в Южной Африке. Очерк тактических действий англичан и буров // Военный сборник. 1900. № 2. Отд. 1. С. 329–361; *Маевский В.* Трансваальская война и самобытная тактика буров. Тифлис, 1900. 28 с.; *Лебедев В.Т.* Начало и конец англо-бурской войны. СПб., 1900; *Летц А.Ф.* История бурского народа, политика Англии в Южной Африке и причины последней англо-бурской войны. Ташкент, 1901. 191 с.; *Котляр Д.* Герои Южной Африки. Республики Трансвааль и Оранжевая. История, страна, нравы. СПб., 1900. 144 с.; Конец южноафриканской войны. Печальные итоги. Содержание и характер мирных условий // Вестник Европы. 1902. № 7. С. 364–371; Колония пленных буров на Цейлоне // Мир Божий. 1901. № 4. С. 49–50; Капские женщины и трансваальская война // Мир Божий. 1900. № 9. Отд. 2. С. 47–48; Железные дороги южноафриканского театра военных действий // Журнал Министерства путей сообщений. 1899. № 8. С. 113–116; *Виноградский В.* Англо-бурская война в иностранной военной литературе // Вестник иностранной военной литературы. 1902. № 3. С. 299–308; *Aйн В.Т.* Война Англии с бурами. Книга для народных чтений в частях войск. СПб., 1901. 26 с.

² *Рубанов В.* От Петербурга до Претории. СПб., 1900; *Ромейко-Гурко В.И.* Война Англии с южноафриканскими республиками 1899–1901. СПб., 1901; *Изъединова С.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия. СПб., 1903. 325 с.; *Мария З.* Как я была добровольцем в Трансваале. Киев, 1901. 48 с.; Донесения военного агента в Лондоне Генерального штаба полковника Ермолова о военных действиях англичан в Трансваале. СПб., 1900; *Гурко В.И.* Донесения Генерального штаба подполковника Гурко, командированного на театр военных действий в Южной Африке. СПб., 1900. 55 с.; *Баумгартен Ольга.* Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия. 1899–1900. СПб., 1901. 44 с.; *Августус Е.Ф.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. // Варшавский военный журнал. 1900. № 11, 12; 1901. № 1, 3, 7, 9; 1902. № 1, 3, 6.

³ Некоторые итоги англо-бурской войны // Вестник иностранной военной литературы. 1902. № 8. С. 839–850; Милиции и постоянные армии // Вестник иностранной военной литературы. 1902. № 10. С. 1023–1036; *Юревич.* Уроки южноафриканской войны в области обмундирования и снаряжения // Интендантский журнал. 1905. № 1–2; *Эммануэль В.* Военно-административный очерк англо-бурской войны // Интендантский журнал. 1904. № 10, 11, 12; 1905. № 1, 2; *Щеглов В.* Возобновление разрушенных дорог в англо-бурской войне 1899–1902 гг. // Инженерный журнал. 1905. № 12. С. 1283–1330; *Щеглов В.* Железные дороги на театре войны в Южной Африке 1899–1902 // Инженерный журнал. 1903. № 1. С. 121–157; *Толкушкин П.* Конная пехота по опыту англо-бурской войны // Военный сборник. 1903. № 8; *Пименова Э.* Президент Крюгер и англо-

бурская война (по его мемуарам) // Образование. 1903. № 1. Отд. 2. С. 126–152; № 2. Отд. 2. С. 75–94; Головачев В. Война Англии с южноафриканскими республиками // Морской сборник. 1901. № 5–12; 1902. № 1–12; 1903. № 1–9; Головачев В. Война Англии с южноафриканскими республиками. СПб., 1905. 68 с.; Виноградский А.Н. Англо-бурская война в Южной Африке. Вып. 1–3. СПб., 1901–1903.

⁴ Англо-бурская война в донесениях русского военного агента (документы 1899–1901 гг.) // Красный Архив. 1940. Т. 6. С. 1340–1359; Николай Романов об англо-бурской войне // Красный Архив. 1934. Т. 2. С. 124–126.

⁵ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. II. Гл. 8. Англо-бурская война 1899–1902 гг. М.-Л., Военгиз, 1928; Воронков (Воронов) В.М. Англо-бурская война (1899–1902): Краткий военно-политический очерк. Издание Военной Академии РККА им. М.В. Фрунзе. М., 1933. 68 с. Подробнее об этом издании см. главу «Изучение опыта англо-бурской войны 1899–1902 накануне Второй мировой войны».

⁶ Кульбакин В. Англо-бурская война (1899–1902) // Военно-исторический журнал. 1941. № 1. С. 73–93.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Юг. Империализм на черном континенте. М.: Московский рабочий, Моск. обл. отд., 1929; Гурвич Г. Политический строй Южноафриканского союза // Советское государство. 1936. № 5; Цетлин М. Война буров за независимость (1899–1902 гг.) М.: Гос. Воен. Изд-во Нарк. Обор. Союза ССР, 1940. 40 с.; Стамбулов В. Именем Джинго (к 40-летию англо-бурской войны) // Красная новь. 1940. № 5–6. С. 264–276.

¹⁰ Юг. Указ. соч. С. 52.

¹¹ Цетлин М. Указ. соч. С. 5.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Гурвич Г. Указ. соч. С. 36.

¹⁴ Рабинович М.Б. «Набег Джемсона» и телеграмма Вильгельма II Крюгеру (от 3 января 1896 г.). К вопросу о методах провокации войны германским империализмом // Ученые записки Ленинградского университета. Серия Исторические науки. Вып. 3. Л., 1939. С. 241–256.

¹⁵ Давидсон А.Б. Тема пришла из детства (М.Б. Рабинович) // Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х. Сборник / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 2003. С. 193–197.

¹⁶ Там же. С. 193.

¹⁷ Там же. С. 193–196.

¹⁸ Рабинович М.Б. Вторжение Джемсона в Трансвааль в 1895 году // Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973. С. 113–125; Рабинович М.Б. Подготовка к вторжению в Трансвааль в конце XIX в. (Из прошлого британского колониализма) // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 344–359; Рабинович М.Б. Суд над доктором Джемсоном (Об одном из последствий британской провокации в Южной Африке) // Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1987. С. 221–232.

¹⁹ *Креленко Н.С.* А.Ф. Остальцева: провинциальный историк в интерьере эпохи // Историк и общество: отечественное англоведение 1917–1991 гг. / Отв. ред. М.П. Айзенштадт. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 102–115.

²⁰ Защита диссертации А.Ф. Остальцевой // Историк-марксист. 1940. № 12. С. 138–139.

²¹ Там же. С. 138–139.

²² *Парфенов И.Д.* Полвека научно-педагогической деятельности (К 75-летию профессора А.Ф. Остальцевой) // Новая и новейшая история. Межвузовский научный сборник. Вып. 4. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978. С. 144–154.

²³ *Витухновский А.Л.* Россия и англо-бурская война. Дис. ... к-та. ист. наук. Л., 1949.

²⁴ *Давидсон А.Б.* О Трансваале и бурах (А.Л. Витухновский) // Становление отечественной африканистики... С. 204–206.

²⁵ Там же. С. 204.

²⁶ *Kandyba-Foxcroft E.* Russia and the Anglo-Boer War, 1899–1902. Roodepoort: CUM Books, 1981. P. 287.

²⁷ *Витухновский А.Л.* Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны // Ученые записки Петрозаводского университета. Т. 7. Вып. 1. Петрозаводск, 1957; *Витухновский А.Л.* Англо-бурская война в оценке русской периодической печати // Ученые записки Петрозаводского университета. Т. XI. Вып. 1. Исторические науки. Вопросы истории. Петрозаводск, 1962. С. 96–121.

²⁸ *Каценельбаум З.С.* Южноафриканское золото и обострение англо-американских противоречий. М.: Госфиниздат, 1954; *Потехин И.И.* Формирование национальной общности южноафриканских банту. М.: Изд-во АН СССР, 1955; *Зусманович А.З.* Империалистический раздел Африки: Популярные очерки. М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1959; *Ротштейн Ф.А.* Международные отношения в конце XIX века. Изд-во АН СССР, 1960; *Кертман Л.Е.* Англо-бурская война и английский рабочий класс // Ученые записки Пермского института. Т. 21. Вып. 4. Пермь, 1962. С. 3–12; *Юровская Е.Е.* Первые империалистические войны. М.: Высшая школа, 1963; *Ерусалимский А.С.* Германский империализм и возникновение англо-бурской войны // Германский империализм: история и современность (Исследования, публицистика). М., 1964; *Суслина И.В.* Английская социал-демократия и «рейд Джемсона» // Ученые записки Пермского университета. Т. 149. Пермь, 1966. С. 104–111; История Африки в XIX – начале XX в. М.: Наука, Гл. ред. восточ. лит-ры, 1967; *Никитина И.А.* США и англо-бурская война // Новая и новейшая история. 1960. № 1. С. 40–52; *Никитина И.А.* Борьба классов и партий в Англии во время англо-бурской войны // Труды кафедры новой и новейшей истории Московского государственного педагогического института. Из истории национально-освободительного движения. Т. 244. М., 1967. С. 195–297; *Никитина И.А.* Империалистическая агрессия Англии в Южной Африке в конце XIX – начале XX вв. в освещении буржуазных историков // Ученые записки Мос. гос. пед. ин-та. № 275. Вопросы историографии. М., 1967. С. 184–197; *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899–1902). М., 1970. 213 с.; *Курякин В.В.* Некоторые вопросы американско-английских отношений

в период англо-бурской войны // XXX Герценовские чтения: Научные доклады. Исторические науки. Л., 1977. С. 77–81; *Давидсон А.Б.* Первая большая война XX в. (англо-бурская война 1899–1902 гг.) // *Азия и Африка сегодня*. 1982. № 8. С. 58–61; *Славкина Г.Б.* Английский рабочий класс и англо-бурская война (К критике концепции Р. Прайса). Новая и новейшая история. Вып. 7. Саратов, 1983. С. 136–148; *Гелла Т.Н.* Либерал-империалисты и англо-бурская война 1899–1902 гг // Некоторые проблемы внешней политики Англии XIX–XX вв. Курск, 1986. С. 54–63; *Вяткина Р.Р.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. в русских документах // Преподавание истории в школе. 1991. № 4. С. 14–27.

²⁹ *Зусманович А.З.* Указ. соч. С. 140.

³⁰ *Потехин И.И.* Указ. соч. С. 142.

³¹ *Ротштейн Ф.А.* Указ. соч.

³² *Никитина И.А.* США и англо-бурская война... С. 40–52; *Никитина И.А.* Борьба классов и партий... С. 195–297; *Никитина И.А.* Империалистическая агрессия Англии... С. 184–197; *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией...

³³ История Африки в XIX – начале XX в. ...

³⁴ *Давидсон А.Б.* Первая большая война XX в. ... С. 58–61.

³⁵ *Вяткина Р.Р.* Указ. соч. С. 14–27.

³⁶ *Давидсон А.* Я их люблю. Страницы жизни. М.: МИК, 2008. С. 103–104.

³⁷ *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War, 1899–1902. Cape Town, Johannesburg, Pretoria: Human & Rousseau, 1998.

³⁸ *Карташова Л.А.* Аполлон Борисович Давидсон. Итоги многолетних размышлений, 1956–2019 (К 90-летию со дня рождения). М., 2019. С. 50–51.

³⁹ *Шубин Г.В.* Участие российских подданных в англо-бурской войне (1899–1902 гг.) М.: Институт Африки РАН, 1999. 132 с.

⁴⁰ *Шубин Г.В.* Российские добровольцы в англо-бурской войне 1899–1902 гг. М.: XXI век-Согласие, 2000.

⁴¹ Англо-бурская война, 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. М.: Восточная литература, 2001.

⁴² Англо-бурская война 1899–1902 гг. и ее отражение в художественной литературе. М.: Memories, 2008.

⁴³ Роза Бургер, бурская героиня, или Золотоискатели в Трансваале. Роман из англо-бурской войны. М.: Memories, 2009.

⁴⁴ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 т. М.: Memories: Издатель И.Б. Белый, 2012.

⁴⁵ *Маркс Ш.* Роза Бургер, бурская героиня, или Золотоискатели в Трансваале. В 4 т. М.: Престиж Бук, 2016.

⁴⁶ *Шапвалова Т.В.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Россия. Дис. ... к-та ист. наук. М., 1995; *Баштанов В.И.* Политика правительства и позиция общественного мнения Германии в связи с англо-бурской войной, 1899–1902 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999; *Воропаева Н.Г.* Англо-бурская война 1899–1902 годов в донесениях российских дипломатов и военных агентов. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; *Черкашина Т.Н.* Англо-бурская война в английской историографии XX – начала XXI вв. Дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2007; *Петухов Л.А.*

Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны: 1899–1902 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008.

⁴⁷ См. напр.: *Крюгер П.* Трансвааль в огне. М.: Вече, 2021. 286 с.; *Девет Х.Р.* Война буров с Англией. М.: Вече, 2017. 412 с.

⁴⁸ Последнее издание: *Дойль А.К.* Англо-бурская война 1899–1902. СПб.: Азбука, 2018. 732 с.

⁴⁹ *Меновицков Р.* Россия и южноафриканские республики в конце XIX – начале XX в. // Дипломатический вестник МИД. 1991. № 7; *Воропаева Н.Г., Вяткина Р.Р., Шубин Г.В.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. глазами русских военных агентов // Мир Истории. 1999. № 4; *Шапалова Т.В.* Эта война – величайшее безрассудство наших дней // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 48–58; *Хритинин В.Ю.* Документы по истории дипломатических отношений России и Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в конце XIX – начале XX в. // Вестник восточного института. № 2 (10). Т. 5. СПб., 2001; *Мельникова Т.* Англо-бурская война на страницах русской прессы // Международный исторический журнал. 2000. № 8; *Кузнецова О.Н.* Русские подданные против английского правительства (дела о возмещении убытков после англо-бурской войны) // Исследовано в России. 2002. С. 1676–1685; *Воропаева Н.Г., Шубин Г.В.* Англо-бурская война. Вооруженные силы Оранжевой Республики и Трансвааля // Сержант. 2003. № 27 (3); *Петров А.А.* Англо-бурская война. Регулярные формирования бурских республик // Сержант. 2004. № 28 (1). С. 3–12; *Воропаева Н.Г., Логинов Н.А.* Вооруженные силы Великобритании // Сержант. 2005. № 30 (1); *Сокин А.А.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. в отечественной историографии // Исторический ежегодник. 2005/2006. Омский гос. университет им. Ф.М. Достоевского. Омск, 2007; *Пахмури Ю.В.* Иностранные добровольцы в англо-бурской войне // Доброволец – XX век. М., 2007; *Петухов Л.А.* Между варварством и цивилизацией: англо-бурская война на страницах российского внешнеполитического официоза // Отечественная история. 2007. № 1.; *Окроков А.В.* Русские добровольцы. М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 49–72; *Варакса А.Н.* Англо-бурская война и ее повседневность глазами русских добровольцев // Военная повседневность. М., 2018. С. 9–22; *Орловский С.Н.* Русский добровольческий отряд Красного Креста под руководством Н.И. Кускова на англо-бурской войне // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 3; *Кривоногова С.А.* Англо-бурская война и эволюция образа Англии в российском общественном сознании // Вестник ЮУрГУ. Социально-гуманитарные науки. № 9(226). 2011. С. 31–33; *Новичков А.В., Резников А.А.* Военно-стратегическая подготовка Великобритании в годы второй англо-бурской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2018. № 4(90). Тамбов: Грамота; *Заболотный В.М.* Англо-бурская война 1899–1902 гг.: начало упадка Британской империи // Вестник РУДН. Всеобщая история. 2011. № 3. С. 63–73.

⁵⁰ *Дрогозов И.Г.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. Минск: Харвест, 2004.

⁵¹ *Петраш О.Н.* Позиция правящих кругов России и общественная мысль относительно англо-бурской войны 1899–1902 гг. Дис. ... к.и.н. Черновицкий нац. университет, 2005.

⁵² *Gorelik B. (ed) A Russian on Commando: The Boer War Experiences of Yevgeny Avgustus. Johannesburg, Cape Town, London: Jonathan Ball, 2022.* Рецензия Грибановой В.В. на эту книгу: *Грибанова В.В. Русский в отряде командос (к истории участия российских добровольцев в англо-бурской войне 1899–1902 гг.) // Азия и Африка сегодня. 2023. № 4. С. 77–80.*

ГЛАВА 2. Новые подходы и перспективные направления исследований в историографии англо-бурской войны

Выдающийся историк К.В. де Кивит считал, что англо-бурская война – ключ к пониманию большинства проблем современной Южной Африки. Из-за этого вооруженного конфликта обострились и без того серьезные противоречия между различными расовыми и этническими группами южноафриканского населения. Поэтому каждое поколение должно заново изучать ее историю.

В 2005 г. в ЮАР вышел сборник статей под редакцией И. Снейман, Я. Либенберга, Г. фан дер Вестхейзена и М. Роос, в котором были намечены новые направления исследований. В этой книге под названием «Столетие – это недолго: новые взгляды на англо-бурскую войну» подняты вопросы о социально-политических последствиях войны, которым не уделялось должного внимания в публикациях к столетию этого конфликта. Составители выбрали междисциплинарный подход. В этом проекте, помимо историков, участвовали специалисты в области философии, права, литературоведения, социологии, политологии и медицины. Почти двадцать лет спустя эта работа все еще вызывает дискуссии среди исследователей.

В книге обсуждались международные аспекты англо-бурской войны и ее последствий: взаимоотношения между бурскими республиками и европейскими странами, такими как Нидерланды и Ирландия, в конце XIX в. и в следующем столетии; преемственность между солидарностью россиян с бурами и поддержкой Советским Союзом антиколониальной вооруженной борьбы в 1960–1980-е годы в Южной Африке. Российские историки, участвовавшие в подготовке книги (Г.В. и В.Г. Шубины, А.Б. Давидсон и И.И. Филатова), отметили, что некоторые добровольцы из Российской империи после англо-бурской войны сражались на других войнах или стали революционерами, борцами против царизма.

По мнению другого участника проекта, философа-африканиста М. Рамосе, англо-бурский вооруженный конфликт был войной между белыми народами за землю, которая была похищена у первоначальных владельцев в результате колонизации. В других главах рассмотрены литературные произведения и работы по политиче-

ской философии, посвященные англо-бурской войне, в соответствии с принципами деконструктивизма (глава III Пьера-Нодие, южноафриканского поэта и писателя, и П. де Кока, политического философа и писателя). Сравнивалась тактика бурских партизан, с одной стороны, и военного крыла Африканского национального конгресса (АНК) во время освободительной борьбы 1960–1990 гг., с другой стороны (Р. Уильямс). В другой главе рассмотрено, как опыт ведения партизанских действий повлиял на участников войны, включая бурского генерала Я. Смэтса (Я. Либенберг).

Южноафриканский конфликт 1899–1902 гг. был одной из последних войн, в которых важную роль в тылу и на поле боя играли лошади. В книге рассмотрены вопросы соблюдения прав животных на англо-бурской и других войнах (М. Роос и Я. Либенберг).

Англо-бурская война нередко трактуется как ресурсная война. Британские предприниматели были заинтересованы в контроле над месторождениями золота на территории республик. Колониальной схваткой за ресурсы в ущерб интересам большинства населения Южной Африки считает этот вооруженный конфликт один из авторов книги, политолог Б. Магубане. Другая глава посвящена ирландским ветеранам этой войны, которые позднее участвовали в борьбе за независимость Ирландии.

И. Снейман сосредоточилась на «шрамах», которые оставляет после себя война. Это психологические травмы и коллективные представления, повлиявшие на южноафриканскую политику после 1902 г.

Историки часто упускают из виду, что спорт сыграл важную роль в процессе колонизации. Г. фан дер Вестхейзен изучил роль регби в становлении южноафриканской нации после англо-бурской войны. Сначала этот вид спорта был атрибутом британского культурного империализма, затем был перенят африканерами, а позже использовался в целях примирения южноафриканцев, носителей английского и африкаанс. Увы, надо отметить, что спорт может лишь временно сплотить разделенные общества.

Использование междисциплинарного подхода при изучении истории как человеческого опыта позволяет поддерживать содержательную дискуссию специалистов по англо-бурской войне. Некоторые аспекты этого конфликта не были изучены авторами книги «Столетие – это недолго», но по-прежнему достойны внимания ис-

следователей. В частности, необходимо выявить роль индийских иммигрантов, принятых британскими колониальными властями на военную службу во время вооруженного конфликта 1899–1902 гг.

В большинстве исследований англо-бурской войны в центре внимания находятся события, разворачивавшиеся в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве. Имеет смысл активнее расширять территорию исследований, включая северную часть Капской колонии (Намакваленд) и Германскую Юго-Западную Африку. Представляют интерес боестолкновения в этих регионах между бурскими партизанами и «цветными» ополченцами, сражавшимися на стороне Британской империи в Намакваленде.

Большого внимания также заслуживает восприятие англо-бурской войны в среде немецких колонистов в Германской Юго-Западной Африке. Предстоит выяснить степень поддержки ими бурских республик, в том числе их участие в бурских вооруженных формированиях. Возможно, немецкое оружие попадало через границу в партизанские отряды, сражавшиеся на территории Капской колонии. Историки могут установить, какую роль играли в снабжении защитников бурских республик торговцы – немецкие, английские или еврейские (преимущественно выходцы из Российской империи).

The Anglo-Boer War: New Perspectives and Opening a Dialogue on History, Historiography, Human Suffering, Political Agency and New Pathways for Future Research

Introduction

The centenary of the end of the Anglo-Boer War (Anglo-Boer War, or South African War) was an important historical event. It was a time for reflection on a war and earlier epoch of history whose influence can still be felt today. As the historian C.W. de Kiewiet so aptly remarked in the Whidden Lectures in 1956: “An understanding of the Boer War is the gateway to most of the issues of modern South Africa. More than any other single event the Boer War intensified, complicated and embittered the already ensnarled relationships of Boer and Briton, Bantu and Indian, white and non-white¹.” This was all the more reason

to interrogate history anew, to ask new questions of the past as it is incumbent on every generation to do². The authors felt that several socio-political outcomes of the era were ignored in many a centenary publication. The idea of a book to cover some of these neglected themes started with late-night discussions between Gert van der Westhuizen (journalist and historian) and Ian Liebenberg (sociologist and political scientist with an intense interest in history). Soon the late Tienie du Plessis, an independent publisher, and Dr Ina Snyman, then a senior program leader at the South African Human Sciences Research Council (HSRC), and Mariaan Roos (an accountant by profession) became involved.

The authors agreed that they should look at the Anglo-Boer War from new angles making use of a multi-disciplinary approach. A wider view was to be taken over time with the Anglo-Boer War as a historical nexus. They realized that this approach may not be popular and that it could perhaps even be viewed as eccentric by some and unnecessarily unconventional by others. Nonetheless, a South African publishing house accepted the idea to publish the work, but on final submission the publisher changed his mind. The editing team, believing in the possible value of the book, pressed on, even if no publisher was guaranteed.

The purpose of this contribution is to reflect on some of these socio-political consequences of the Anglo-Boer War and is also an attempt to identify gaps and potential further future research areas. *A Century is a Short Time: New Perspectives on the Anglo-Boer War* attempted to demonstrate how what happened during the Anglo-Boer War could be interpreted after a century. The editors decided to include topics not usually covered in books about the history of the Anglo-Boer War. They believed that the book made a unique contribution in that it provided new insights through a multi-disciplinary approach. It contains contributions by historians, social scientists, sociologists, political scientists, social workers, military-practitioners, philosophers, even medical experts, animal health experts, social workers and poets.

Notes on a book published in 2005 and the implications for today

The book started off with a chapter by the African philosopher, Mogobe Ramose entitled the “Philosophy of the Anglo-Boer War”³.

Ramose argued that the Anglo-Boer War was a war between white nations over land that was stolen from the original owners through acts of colonization. It was thus a war on a country and its black people, the original inhabitants, and was not the geographical space belonging to those who fought the war. At heart it speaks about colonialist and imperial greed and a war of scarce resources on land already stolen from the indigenous inhabitants. Ramose's contribution chapter touches on issues of international law, justice, mass land-theft by colonialists and its outcomes. Indeed, a lot more can be written by approaching African (and Africanist) philosophers, legal experts, historians and anthropologists to generate more critical research in the field. Much more needs to be done by future researchers where it concerns the values, norms, cultural differences, colonialism, and black suffering within a wider historical context.

Other chapters dealt with literary works and analysed the political philosophy and interpretive moments that could be seen as a deconstructionist approach to the war. The contributions by Charl Pierre-Naude, celebrated South African poet and recipient of the prestigious Hertzog Prize for Literature and author, and Petrus de Kock, political philosopher and author, are examples.

De Kock contributed a chapter on the fictional work by Christoffel Coetzee *Op soek na Generaal Mannetjies Mentz* (In Search of General Mannetjies Mentz) which was disconcerting to some Afrikaans readers as it was a bit too much against the grain and close to the bone – the reason being that Coetzee, perhaps unintentionally, deconstructed the lasting hero image of the Boer guerillas. Many of them did not participate in the war out of patriotism, but for profit (an interesting retro look at warlords becoming beneficiaries while others lost their possessions and lives). De Kock discussed this work in depth, pointing out moments of heroism and brutality, the lack of consideration for others, and the pure exploitation of people including the killing of Boer people and Black people in the areas in which Mentz was operating. Ironically, Mannetjies Mentz was a Boer version of Breaker Morant, the Australian officer sentenced to death by a British military court for war crimes during the Anglo-Boer War⁴. Delving into literature (either fictional or deconstructive in nature) deserves more attention. This would apply to English, Afrikaans, German and Russian fictional works or literary works that appeared between 1906 and today. Fiction on the

war touched on facts and reality but also explored the possibility that “it was never said” and could only be told in novels or fictional works. Future research could focus on the role that fictional works play during and long after a war. Historians, social historians, social philosophers, anthropologists and persons well versed in literature from and about that era can make contributions in future.

The Anglo-Boer War following its conventional phase morphed into a guerrilla war of note. Guerilla wars as the fight of the so-called weak against a “strong” or hegemonic force are both generic and organic and are frequently won against a superior or arrogant hegemon. South African history has two examples – the Anglo-Boer War and the liberation struggle to dislodge the apartheid regime. The Boer guerillas lost (but won the peace) and the ANC’s armed struggle from the early 1960s to the end of the 1980s contributed to a stalemate and eventually a political transition and negotiated settlement that resulted in South Africa becoming a fledgling constitutional democracy.

The contribution by the late Col (Dr) Rockland (Rocky) Williams, an ex-member of Umkhonto we Sizwe (MK) and later a pivotal role player during the first South African Defence Review Process (1997/1998), compared the Boer guerilla tactics with those of MK, the military wing of the African National Congress (ANC) during the liberation struggle between 1960 and 1990⁵. Another chapter looked at how guerrilla experiences shape those that fought an irregular war. Jan Smuts, the Boer leader, was analysed but wider guerrilla experiences in Latin America and the Far East was touched upon. In this chapter socialization through guerrilla war, the role of leadership characteristics and its later impact was explored using the young Smuts as an example⁶.

No war takes place in isolation. Therefore, the editors decided to include chapters on relationships between the Boers and people from countries in the Northern Hemisphere. These relationships included sentiments, solidarities of various sorts, the influencing of political ideas in some countries as well as military the contributions for to the Boer cause. The chapter by the late Gennady Shubin and Vladimir Shubin of the Institute for African Studies, Moscow, touched extensively on Russian-South African relationships and foreign policy during the Anglo-Boer War and the later the war in Angola⁷. The role of the Russian volunteers, the then Russian Tsarist State as an actor in the *Grosse Welt Politik* in Europe were discussed as well as what

happened afterwards to famous Russians involved in the Anglo-Boer War. The Russians made an indelible historical imprint on the Anglo-Boer War and many continued to soldier on in other wars in other parts of the world or became revolutionaries seeking to overthrow the Tsar in Russia⁸. The chapter by Gennady Shubin and Vladimir Shubin recalls interesting political and historical moments of solidarity between the countries, both under Tzarist rule and later with the Soviet Union. The Russians/Soviet Union supported South Africans fighting for their liberation in the Anglo-Boer War and during the armed struggle against apartheid.

In 2022, Boris Gorelik of the Institute for African Studies, Moscow, published *A Russian on Commando: The Boer War Experiences of Yevgeny Avgustus*, a welcome addition to the literature on Russia and the Anglo-Boer War⁹. The book was like a breath of fresh air. It related Yevgeny's experiences in the Transvaal and Natal during the first part of the war and is valuable in portraying the Boer forces from within. One wonders how many historical gems such as these are hiding in archives waiting to be translated. It also opened a whole lot of further questions on Russian participation in the Anglo-Boer War and the political effect the struggle of a peasant republic against a mighty imperialist power had in Russia, where monarchists as well as anti-monarchists supported the Boer cause. According to Gorelik, there is still a huge amount of Russian interest in the Anglo-Boer War. One other area that is still unexplored is the changing Russian view on the Boers since the Anglo-Boer War, from fearless guerrilla fighters to sjambok-wielding oppressors during apartheid¹⁰. Russian participation in the Anglo-Boer War was also highlighted with the outbreak of hostilities between Russia and Ukraine in 2022. It was pointed out that the Russian government was the only one in the Northern Hemisphere that really had sympathy for the Boers. This could be another fascinating area for further research. The hostilities with Ukraine led to disagreements in South Africa. Supporters of Russia pointed out the country's involvement in the Anglo-Boer War as well as the anti-apartheid struggle as a reason for their stance. The fact that Russia never had any colonies in Africa was mentioned as another reason for widespread Russian support on the continent¹¹.

The late prof. Vernon (Vernie) February, an exile from the apartheid system who lived in the Netherlands for many years, exposed the mixed

sentiments during the time of the Anglo-Boer War in the Netherlands in his chapter before touching on how some radical Dutch groups later supported the struggle against the apartheid state¹².

Another chapter dealt with the fascinating relationship between the Irish people and the Boers. In fact, it pointed out the deep bonds between the Boers fighting against colonialism and British Imperialism and the Irish trying for centuries to throw off the British yoke. The chapter also shares with the reader what happened to some of the staunch Irishmen that fought with the Boers and then returned to Eire to fight for their freedom against Britain¹³. Freedom usually comes at a high cost and both the Boers and the Irish, then and in the years to come before liberation, are striking historical examples well worth an historical comparison. It was especially interesting to see how attitudes in Eire towards white South Africans changed in the course of the 20th century. Although much has been written, the involvement by other nations such as the Irish, Scandinavian, Dutch, Germans and Russians deserve much more attention by researchers as Gert van der Westhuizen argues in this chapter. Attention has also been paid to the effect that the Anglo-Boer War had on colonies like New Zealand and Australia¹⁴. They joined the British war effort to prove their loyalty as imperial subjects. Their motivations and their experiences of the Anglo-Boer War can be a rich field of study. More attention should also be paid to the role played by Rhodesia (now Zimbabwe) in the war.

The editorial team for obvious reasons chose to re-examine the role of black South Africans during the Anglo-Boer War. Research on the role of black people in the war was neglected for many years. One reason for this historical neglect is the writing of South African history through the lenses of (Christian) Afrikaner Nationalism. This stream of historical writing gained in influence with the rise of Afrikaner Nationalism and Afrikaners told their own story of oppression and neglect after the Anglo-Boer War. This left deep scars and created a historical consciousness of pain and wrongs that was infused with the narrative of the white Afrikaner in South Africa in search of a “new” independence and sovereignty. In the Afrikaner Nationalist paradigm of writing history, the role and history of black people during the Anglo-Boer War were largely neglected by Afrikaner historians and to a degree by liberal (mostly English speaking) historians. Indeed, it was a sad oversight.

In their attempt to share the narrative of black South Africans during the Anglo-Boer War, the authors were fortunate to have contributions by Prof. Jabulani Maphalala and Prof. Louis Changuion. Maphalala dealt with the “African people in the Anglo-Boer War” and “The immediate impact and later consequences of the war in Southern Africa”. Changuion’s chapter, “Settling old scores or just caught in the crossfire”, was an innovative work, even provocative, as it dealt with the role of black people in the far north of the then Transvaal Republic. His chapter did not only touch on actions during the war, but also simmering tensions and antagonisms between white and black people dating from long before the war. Changuion’s work points to the possibility of new research projects on the role of black people from other regions and cultural groups during the war. Much more exploration is needed here.

The edited volume also touched on the medical history of the Anglo-Boer War. Prof. Kay de Villiers wrote about the Anglo-Boer War, the national Red Cross Societies and the Geneva Convention¹⁵. His work added to important observations and reminiscences of Russians that served as medics, nurses and doctors during (especially the conventional) stage of the war. De Villiers later published a comprehensive medical history of the Anglo-Boer War in two volumes but depending on the interests and curiosity of a new generation of historians more can perhaps be attempted here. This area of research also opens up possible opportunities for historians to collaborate with other social scientists and persons in the medical profession with an interest in this war.

The term “resource wars” is not new. In fact, Russian and Soviet academicians played an important role in coining, explaining and applying the concept. Ben Magubane, the South African exiled sociologist who returned to South Africa during the 1990s, contributed a chapter on “Gold, imperialism and racism: White hegemony and oppression in the aftermath of the Anglo-Boer War”. It made linkages between a grab for scarce resources, minerals and land from black people from before the Anglo-Boer War until the symbolic end of apartheid. Magubane’s linkage of British colonialism and post Anglo-Boer War apartheid as resounding mirror images were innovative, both in sociological analyses and citing concrete historical examples over a period of at least 200 years in South Africa¹⁶. Obviously if the full

extent of colonialism is seriously studied, a far longer period should be considered: from the Portuguese and later Dutch seafarers and the settlements they left behind on African shores. From colonial intervention to the evolution of apartheid indeed a *colonialism of a special type* evolved as radical South African historians suggested. The continent of Africa is replete with examples of other Western powers that in collective greed subjugated and oppressed Africans, and since the era of independence, still exploit Africa. Just think of colonialism and neo-colonialism still perpetrated by the Netherlands, France, Belgium, Germany, Italy, the United Kingdom and late arrivals such as the United States that will intervene on the continent to spread its hegemonic aspirations.

Using the Anglo-Boer War as a nexus, Arlene Grossberg and Liebenberg shared the narrative of Pretoria, capital city of the Transvaal Republic, the apartheid regime and now the democratic South Africa. They picked up the historic line from before Boer settlers arrived and followed the evolution, transformation, trials and tribulations of a city known as Pretoria/Tshwane¹⁷.

In the chapter on animal rights Roos and Liebenberg describe the suffering of animals in the Anglo-Boer War and paints a more complete picture of the ravages of war and its negative impact on society and animals. Horses played a decisive role as combat and logistical instruments in the Anglo-Boer War. Their horsemanship gave the Boers a distinct advantage over their British counterparts and to a large extent determined the tactical results. The chapter also explored the role and tremendous suffering of animals in subsequent wars. This included the destruction of animals and humans during the USA's mass carpet bombing in Vietnam and the use of Agent Orange. The chapter also touched on the attempts by the USA to wage biological warfare against the Cubans and introduce African Pork Fever and Newcastle sickness aimed at chicken farming. The fact that pork fever and Newcastle germs came from apartheid South Africa gave another macabre twist to this bizarre attempt at destabilisation. With this chapter and the Anglo-Boer War as pivot a far broader historical spectrum was covered, extrapolating it to a wider global context of animals and war. This chapter is internationally still widely consulted and quoted. However, additional research on the role of animals and the suffering in the Anglo-Boer War and other wars deserve more attention¹⁸.

Sport played a very important part in the colonialisation process; a fact often completely overlooked by popular sports historians. Gert van der Westhuizen wanted to ascertain the role of rugby in this process – how it was used as an instrument of cultural imperialism and, when it was embraced by Afrikaners, the attempts to use it to reconcile the two “races”. Many of the statements made back then, reminded one of Nelson Mandela’s “rainbow nation” project in 1995. But, alas, sport can bring only temporary cohesion in divided societies, then and now¹⁹. Further research especially into the role played by rugby in Afrikaner nationalism is needed, although the use of sport as a tool of colonialism has a rich literature thanks to valuable additions over the past decade²⁰.

All wars have social consequences such as poverty and leave behind scars and collective memories that influence future politics. The social effects and “human scars” of the Anglo-Boer War were addressed by Snyman in her summaries of war, suffering and scars of war (that remain for decades)²¹. In stark, realistic words she described the suffering of people and rightly asked when real forgiveness or reconciliation can be expected. The historical memories of the Anglo-Boer War certainly deserve more attention. Snyman, an astute observer of the consequences of war, did future researchers a huge favour. Her chapters entitled “Choices and re-memories (on the causes of war and how they play themselves out)” and “Processing the scars of war” did not only touch on the trauma of war during the Anglo-Boer War and its aftermath. Should one forgive and forget? Ironically, the Afrikaner nation after attaining their white republic inflicted immense suffering for decades on other South Africans through the structural and related violence of the apartheid. No lessons were learnt.

Snyman’s thoughtful contributions also hinted at other comparable historical moments. How did it come that the Jewish generation that lived through the horrors of the Holocaust suffered from seemingly political amnesia when violently establishing their new Zionist state? Today the very people of apartheid Israel are inflicting a slow genocide on the Palestinian people with no end in sight. What does it say about forgiveness of historical misdeeds in politics and ethic for enemies, now and in the future, for past, current and future mass killing in declared and undeclared wars? Indeed, in terms of a moral imagination of history, here are pathways to explore about morality, justice and ethics in war.

Further areas for future research

No single work on the Anglo-Boer War can comprehensively cover all aspects of the conflict and the people that were involved. The editors did not trace the role of Indian immigrants, originally indentured labourers, during the Anglo-Boer War. There is evidence that many of the Indian work force imported to Natal, a British Colony, felt that they should support the British in order to gain favour with the victor. Arguably they and Mahatma Gandhi, then, known as Mohandas Gandhi, were naïve. The British – nor the Boers – would recognise the Indian people as equals or citizens²². With regards to the British, Gandhi changed his mind, playing a role in liberating India from the British yoke. More focused research on the role of Indians during the Anglo-Boer War is needed, to paint a more complete picture.

One area that also deserves more attention is the relationship between the colony of German West Africa and the attitudes of then German settlers in the territory around the time of the Anglo-Boer War²³. Did their feelings and emotions keep them from supporting the Boer Republics? Did some German colonists decide to join Boer forces in the Republics or south of the Orange River (now the Gariep or !Xarip* River)? Did German arms find their way to Boer guerrillas that fought in the North Western Cape and Namaqualand? If so, in what numbers and how? What was the role of merchants and traders and their attitudes about the rebels fighting the English south of the Orange River, be they German, English or Jewish traders?

This unexplored area of research in Namaqualand, the Northern Cape and Boesmanland districts, also provides an opportunity for further research as identified by Professor Jo-Ansie van Wyk, Department of Political Sciences, University of South Africa during an interview following the Moscow conference of November 2022^{**},²⁴. Van Wyk was born and grew up in the Namaqualand town of Kamieskroon and argues that a closer look at Russians and the people of Namaqualand could prove to be another interesting angle. Another interesting development during and after the Anglo-Boer War is the naturalization of Russians in South Africa.

* На одном из койсанских языков.

** Interview via e-mail, 28 January 2023.

Although the role of so-called coloured people in the service of the British has been explored already, the views of the Boer guerrillas and the “coloured” home guards serving in British uniform deserve more attention as well as some smaller battles such as that at Kamieskroon where a contact between Boer guerrillas and the coloured home guard, led to the brutal killing of a young coloured boy by a revengeful Manie Maritz after some Boers were killed in the skirmish. The names of the home guards that died are inscribed in the community of Leliefontein’s Anglican Church (33 km from Kamieskroon) where they are hailed as heroes and martyrs. Indeed, small histories are important and should be investigated by historians. The Anglo-Boer War deeply interested historians and researchers, but the bulk of the work was done on the war in the Transvaal and the Orange Free State. Namaqualand was a side affair, but also had its own experiences of war and its effects on communities. Perhaps it is time to shift focus to this “side-show” and its trials and tribulations during the war.

According to Van Wyk, one possible unexplored area that warrants further research is the role of Russian volunteers in these areas. Research between 2005 and 2022 is limited to a few self-published pieces.

Regional histories and so-called smaller battles thus deserve a lot more attention. A brilliant micro-study on Winburg during the Anglo-Boer War was one of the outstanding books published in the last decade²⁵.

It would be well-nigh impossible to name all the aspects of the Anglo-Boer War that deserve further attention from researchers. But we should mention some of these pointed out by experts. The story of black people’s involvement in the war warrants further study. Unfortunately, there is a dearth of oral sources as the war took second place to black people’s struggles to cope during the eras of segregation and apartheid. This can be problematic as they would mostly have to be portrayed through the eyes of others, but a thorough search of archives can be rewarding. The experiences of Boer women in the period after their farms were burned down and before they arrived at concentration camps is another aspect of the war that needs further research²⁶. The immediate period after the Anglo-Boer War, for example Afrikaner coping strategies and attempts at economic revival after the devastation of the war should keep researchers busy in future. British attempts to

establish a modern capitalist state with an efficient civil service could also prove to be a worthwhile field of research. A lot has been written on the Cape Rebels, but a lot more can still come to light, especially regarding the experiences during and after the war for the rebels and their families²⁷.

Conclusion

The authors trust that they at the time and within their capabilities keeping past, present and future in mind, provided a fair overview of the 2005 edited volume and what the goals were and that the work played some role in providing points for historical reflection that may have value for future researchers or new research projects.

The important workshop that was set up in Moscow during November 2022 by Boris Gorelik and a dedicated team in memory of the late Dr Gennady Shubin, indeed revived an interest in the war, its outcomes and consequences. It could not have been timelier. The conference brought serious historians, committed “amateur” historians and people from other subject disciplines that are deeply interested in this era together. This augurs well for the future.

The workshop also facilitated the meeting of and interaction with people over a wide spectrum. This, in turn, led to some new ideas for research or enabled people to identify gaps for future research. The same happened at a similar South African event where the historical spotlight was turned on the rape of women during the Anglo-Boer War. The 120th centenary of the end of the Anglo-Boer War also led to reflective articles and lively discussions in the Afrikaans press in South Africa. This once again showed that history, even when viewed through a multidisciplinary lens, is indeed a discussion without end.

¹ *De Kiewiet C.W.* The Anatomy of South African Misery. London, 1957. P. 8.

² For an interesting view on the interrogation and re-examination of history, see *Carr H., Lipscomb S.* What is History Now? How the Past and Present Speak to Each Other. London, 2021.

³ *Ramose M.* The Philosophy of the Anglo-Boer War // A Century is a Short Time: New Perspectives on the Anglo-Boer War / ed. by I. Snyman, I. Liebenberg, G. Van der Westhuizen, M. Roos. Pretoria: Nexus Publishers, 2005. P. 11–24. Also see: Naude’s essay in the same collection. Windows 1900; and Other Office Packages We Inherited. P. 25–36.

⁴ *De Kock P.* Who do the Boers Think They are? Manneljies Mentz: Becoming-Boer, Becoming-Animal, Becoming-Afrikaner // *A Century is a Short Time...* P. 37–58. Breaker Morant's story has been reviewed constantly by Australian authors who feel that his execution was unjustified. *Bleszynski N.* Shoot Straight, You Bastards! Sydney, 2003, and *Fitzsimons P.* Breaker Morant: The Epic Story of the Boer War and Harry 'Breaker' Morant: Drover, Horseman, Bush Poet, Murderer or Hero? London, 2020. After the publication of "A Century is a Short Time", a second collection of modern fiction on the Anglo-Boer War appeared: *Ferreira J.* (ed and comp) *Boereoorlogstories 2: 32 Verhale oor die Oorlog van 1899–1902.* Cape Town, 2012. This collection proves that it is also possible to interrogate history through fiction. For a black fictional viewpoint on the Anglo-Boer War, see: *Khumalo F.* The Longest March. Cape Town, 2019. It will be more than worth anyone interested in war literature's while to consult: *Rice M.* From Dolly Gray to Sarie Marais: The Boer War in Popular Memory. Noordhoek, 2004.

⁵ *Williams R.* From the Magaliesberg Campaign to Sasolburg: A Comparative Overview of the Guerrilla Campaigns of the Boer Republics and Umkhonto We Sizwe // *A Century is a Short Time...* P. 59–88.

⁶ *Liebenberg I.* Jan Christiaan Smuts and Somatic Experience: From Guerrilla to Holist and Back Again // *A Century is a Short Time...* P. 89–122. Smuts has been under the spotlight again lately. His whole career was re-examined in: *Du Pisani K.* (ed) Jan Smuts: Son of the Veld, Pilgrim of the World. A Reappraisal. Pretoria, 2019. His career as military commander and strategist, including his generalship during the Anglo-Boer War, was re-examined in: *Katz D.* General Jan Smuts and His First World War in Africa, 1914–1917. Oxford, 2022. A thorough examination of the archives resulted in dispelling several myths around Smuts, even those propounded by eminent military historians.

⁷ *Shubin G., Shubin V.* A Century is a Short Time: Relations between South Africa and Russia, 1898–2004 // *A Century is a Short Time...* P. 334–347.

⁸ *Ibidem* and *Davidson A., Filatova I.* Russia and South Africa at the Beginning of the Twentieth Century: Five Episodes // *A Century is a Short Time...* P. 348–376.

⁹ *Gorelik B.* (ed) *A Russian on Commando: The Boer War Experiences of Yevgeny Avgustus.* Johannesburg, 2022.

¹⁰ Recording of Teams-interview with Boris Gorelik by Gert van der Westhuizen, 11 August 2022. Also see: *Van der Westhuizen G.* Boere se oorlog, deur die oë van 'n Rus // *Beeld*, 9 September 2022. Also see: *Moolman N., Oosthuizen W.* Boere & Russe: Persoonlike Vriendskappe. Allen's Nek, 2021. This work appeared in Afrikaans and Russian.

¹¹ See the columns by Fransjohan Pretorius in *Beeld*, 30 March 2022, 13 April 2022; *Van der Westhuizen G.* Oekraïne: SA se buitelandse beleid 'behoort gewild te wees' // *Beeld*, 14 July 2022. Also see: *Liebenberg I.* History, the US and Nato's push against the East drives the Ukraine War // *Mail & Guardian*, 29 April–5 May 2022; *Liebenberg I.* More than one culprit? Notes on the Ukraine Conflict // *Confidante*, 2022; *Liebenberg I.* Viewing "the other" over a hundred and a score more years: South Africa and Russia (1890–2010) // *The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa*. December 2010. Vol. 6. No. 2. P. 428–460.

¹² *February V.* South Africa and Holland // A Century is a Short Time... P. 377–392.

¹³ *Van der Westhuizen G.* A Distant Mirror: Ireland and the Anglo-Boer-War // A Century is a Short Time... P. 275–333.

¹⁴ *Robson N.* Our First Foreign War: The Impact of the South African War 1899–1902 on New Zealand. Auckland, 2021. Also see: *Navala Z.* Croats in the Anglo-Boer War South Africa 1899–1902. Zagreb, 2020.

¹⁵ *De Villiers K.* The Geneva Convention, National Red Cross Societies and the Anglo-Boer War // A Century is a Short Time... P. 160–182. See his: *Healers, Helpers and Hospitals: A History of Military Medicine in the Anglo-Boer War.* Vol. 1. Vol. II. Pretoria, 2008.

¹⁶ *Magubane B.* Gold, Imperialism and Racism: White Hegemony and Racial Oppression in the Aftermath of the Anglo-Boer War // A Century is a Short Time... P. 231–250.

¹⁷ *Grosberg A., Liebenberg I.* Pretoria: A Tale of Cities and a Century is a Short Time // A Century is a Short Time... P. 251–274.

¹⁸ *Roos M., Liebenberg I.* Rights or no rights: A moment of silence for the fallen // A Century is a Short Time... P. 123–159. Also see: *Pickover M.* Animal Rights in South Africa. Cape Town, 2005.

¹⁹ *Van der Westhuizen G.* Something Deeper than Football: Rugby and Reconciliation in the Era of the Anglo-Boer War, 1891–1907 // A Century is a Short Time... P. 393–450.

²⁰ *Alegi P.* African Soccerescapes: How a Continent Changed the World's Game. London, 2010; *Alegi P.* Laduma! Soccer, Politics and Society in South Africa. Scottsville, 2010; *Allen D.* Empire, War & Cricket in South Africa: Logan of Matjiesfontein. Cape Town, 2015; *Grundlingh A.* Potent Pastimes: Sport and Leisure Practices in Modern Afrikaner History. Pretoria, 2013; *Empire & Cricket: The South African Experience 1884–1914* / ed. by B. Murray, G. Valed. Pretoria, 2009; *Divided Country: The History of South African Cricket Retold 1914–1950s* / ed. by A. Odendaal; K. Reddy; C. Merrett. Cape Town, 2018; *Cricket & Conquest: The History of South African Cricket Retold 1795–1914* / ed. by Odendaal A.; Reddy K.; Merrett C.; Winch J. Cape Town, 2016; *Winch J., Parry R.* Too Black to Wear Whites: The Remarkable Story of Krom Hendricks, a Cricket Hero Who was Rejected by Cecil John Rhodes's Empire. Cape Town, 2020.

²¹ *Snyman I.* Choices and memories (on the causes of war and how they play themselves out) // A Century is a Short Time... P. 451–473; *Processing the Scars of War.* Op. cit. P. 474–501. See *Opperman Lewis H.* Apartheid: Britain's Bastard Child. Wandsbeck, 2016. Opperman Lewis seeks the origins of apartheid in the trauma experienced by Afrikaners during and after the Anglo-Boer War. She has some intriguing arguments although it is not wholly convincing. For another perspective, see: *Pretorius F., Boje J.* 'Kent gij dat volk': The Anglo-Boer War and Afrikaner Identity in Postmodern Perspective // *Historia.* 2011. Vol. 56. No. 2. P. 59–72.

²² *Guha R.* Gandhi before India. London, 2013.

²³ Interview with prof. A. Du Pisani by Ian Liebenberg, Windhoek, 18 February 2023.

²⁴ Also see: *Thomas D.* The Men Who Would not March: The Surrender of Concordia Namaqualand, 4 April 1902. Noordhoek, 2011.

²⁵ *Boje J.* An Imperfect Occupation: Enduring the South African War. Urbana, 2015. Also see: *De Jager P., Raath A.* Wes-Transvaal: Militêre Brandpunt van die Anglo-Boereoorlog, 1899–1902. Pretoria, 2018. A recent book concentrated on the art of prisoners-of-war: *Heunis V.* Krygsgevangenekuns in die Anglo-Boereoorlog. Pretoria, 2022. An interesting volume on blockhouses deals with the life of the soldiers that manned these fortifications: *Green S.* Anglo-Boer War Blockhouses: A Military Engineer's Perspective. Johannesburg, 2020.

²⁶ Interview with prof. Fransjohan Pretorius by Gert van der Westhuizen, Pretoria, 3 May 2022. Two excellent works on black people's involvement in the Anglo-Boer War were published by the War Museum of the Boer Republics in Bloemfontein: *Kessler S.* The Black Concentration Camps of the Anglo- Boer War 1899–1902. Bloemfontein, 2012; *Van Zyl J.; Constantine R., Pretorius T.* An Illustrated History of Black South Africans in the Anglo-Boer War 1899–1902. Bloemfontein, 2012. Another book that deserves mention is: *The War at Home: Women and Families in the Anglo-Boer War.* / ed. by B. Nasson, A. Grundlingh. Cape Town: Tafelberg, 2013. Also see *Pretorius F., Boje J.* Black Resistance in the Free State during the Anglo-Boer War // *Historia*. 2013. Vol. 58. No. 1. P. 1–17.

²⁷ Interview via e-mail with prof. Albert Grundlingh by Ian Liebenberg, 2 February 2023.

Раздел II

ВОЙНА

ГЛАВА 3. «Война невыученных уроков»: влияние изучения опыта Первой англо-бурской войны (1880–1881) на подготовку Великобритании ко второй (1899–1902)

История... ничему не учит,
а только наказывает за незнание уроков.

В. О. Ключевский. Записная книжка

Признаемся по-деловому, честно и наперед:
Мы получили урок, а впрок ли нам он пойдет?

Р. Киплинг. Урок

Введение

Вторая англо-бурская война 1899–1902 гг. имеет огромное историческое значение. Она стала не только первым вооруженным конфликтом XX столетия, значительно повлиявшим на дальнейшую судьбу Южной Африки, но и выявила структурный кризис организации сухопутных вооруженных сил Великобритании и системы высшего военного управления ими, прежде всего отсутствие Генерального штаба. В результате обозначенный комплекс проблем привел к масштабным коренным реформам, под знаменем которых происходила подготовка Соединенного Королевства к Первой мировой войне¹.

Сразу после серии чувствительных поражений на первом этапе «джентельменского периода» второй англо-бурской войны Разведывательный департамент Военного министерства, частично выполнявший функции Генерального штаба, подвергся резкой критике со стороны как политиков, так и широкой британской общественности. Российский военный агент в Лондоне полковник Н.С. Ермолов сообщал 8 ноября 1899 г. в Петербург, что «в метрополии стали резко упрекать отдел сбора сведений (Intelligence Department) за то, что он неверно оценил силы и средства противника, оказавшегося многочисленнее, лучше снабженным артилле-

рией, нежели то полагали»². В высшей степени характерно, что подобная апелляция к «профнепригодности» интеллектуального ядра британской военной системы поздней Викторианской эпохи имела место и раньше. Например, в метрополии на фоне провала экспедиции генерала Г. Уолсли 1884–1885 гг. с целью деблокады осажденного махдистами Хартума, согласно донесениям российского военного агента в Лондоне полковника С.С. Бутурлина, также раздавались голоса, упрекавшие Генеральный штаб* в недостоверных сведениях о силах неприятеля: «полагали, что число неприятельских войск гораздо менее, чем оказалось на деле»³.

Аналогичную критическую точку зрения разделяет и ряд британских исследователей. Историк Т. Пакенхэм в своем классическом труде «Бурская война» писал, что специалисты Разведывательного департамента Великобритании «не рассматривали буров как серьезного военного противника»⁴. Р. Этвуд также указывает, что глава аналитического центра Военного кабинета генерал-майор Джон Чарльз Арда «предсказывал боевые действия и точно оценивал бурское вооружение, но постоянно недооценивал их количество, возможности и намерения...»⁵.

Поскольку сложности, с которыми столкнулось британское командование во время Второй англо-бурской войны, были характерны и для первой войны Великобритании с Трансваалем (с поправкой на меньший масштаб), то представляется необходимым подвергнуть более пристальному изучению именно проблему рефлексии высшим британским командованием событий 1880–1881 гг. и влияния этого «урока» на процесс подготовки Британской империи к новой вооруженной конфронтации, состоявшейся на рубеже XIX–XX столетий.

Изучение опыта Первой англо-бурской войны: достижения и просчеты

Разведывательный департамент Великобритании был сформирован 24 мая 1873 г. в результате масштабных военных реформ,

* Российские военные агенты нередко именовали в своих донесениях Разведывательный департамент Великобритании «Генеральным штабом» из-за схожих функций.

проводившихся военным министром Э. Кардвеллом⁶. Главной задачей новой структуры являлся сбор и анализ информации, касавшейся обороноспособности Британской империи. Сюда входили:

- 1) изучение актуальных сведений о военной географии, ресурсах и вооруженных силах иностранных государств, британских колоний и сопредельных с ними территорий;

- 2) распространение этой информации посредством различных разведывательных сводок и военно-статистических сборников;

- 3) составление карт и переводов иностранных документов.

На протяжении всей последней трети XIX столетия Разведывательный департамент подвергался последовательной модернизации, что способствовало повышению его роли в формировании внешней политики Соединенного Королевства. К началу Второй англо-бурской войны директор департамента военной разведки имел право вести прямую переписку по вопросам обороны Британской империи с руководителями других ведомств, такими как Министерство иностранных дел, Министерство колоний и Адмиралтейство⁷.

Однако на практике Разведывательный департамент был строго подчинен верховному главнокомандующему лорду Г. Уолсли, являвшемуся лишь советником военного министра маркиза Лансдауна*. В этой связи все стратегические планы специалистов Разведывательного департамента носили для главы Военного кабинета и всего действующего правительства строго рекомендательный характер и были не обязательны для исполнения. Наиболее рельефно этот недостаток британской военной системы проявился именно в процессе подготовки ко Второй англо-бурской войне.

Наряду с функциями, очерченными выше, Разведывательный департамент занимался подготовкой и публикацией исторических описаний колониальных войн, которые Великобритания вела в конце XIX столетия. Подобная практика получила распространение после окончания англо-зулусской войны 1879 г., тяжелые поражения в которой вызвали широкое общественное недовольство в метрополии⁸. Издание официальных исторических описаний свидетельствует о попытке систематического анализа британской военной элитой событий различных колониальных кампаний, по-

* Такое написание фамилии принято в отечественной историографии.

скольку эти материалы публиковались на основе конфиденциальных отчетов и военно-статистических данных.

Однако Первая англо-бурская война 1880–1881 гг. так и не удостоилась официального анализа со стороны военного ведомства Великобритании. В ходе боевых столкновений с бурами при Лейнгс-Нэке 28 января 1881 г., у р. Ингого 8 февраля 1881 г. и холма Маджуба 27 февраля 1881 г. британские войска под командованием генерал-майора Джорджа Колли потерпели чувствительные поражения, последнее из которых стоило главнокомандующему жизни. В итоге либеральное правительство У. Гладстона, несмотря на заявления в парламенте о готовности вести войну с Трансваалем до победного конца, пошло на мирное урегулирование вооруженного конфликта⁹.

Отсутствие официального описания событий Первой англо-бурской войны было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, в 1882 г. либеральный кабинет У. Гладстона осуществил военную интервенцию в Египет, успех которой затмил неудачи в Южной Африке. Официальный российский военный наблюдатель при штабе экспедиционного корпуса генерала Г. Уолсли полковник В.У. Соллогуб писал: «Англичанам немало льстит то обстоятельство, что их кампания в Египте продолжалась всего тремя днями дольше кампании Наполеона»¹⁰. В таком случае поражения британцев от буров воспринимались как случайность, а не как симптоматичное явление, требующее детального анализа для извлечения соответствующих уроков. Во-вторых, как следствие первого фактора, внимание специалистов Разведывательного департамента было сосредоточено преимущественно на составлении исторического описания Египетской кампании¹¹, а затем и неудачной Суданской экспедиции, организованной для деблокады осажденного махдистами Хартума в 1884–1885 гг.¹² Этот провал так же, как и в случае с англо-зулусской войной, вызвал широкий общественный резонанс¹³.

Тем не менее Первая англо-бурская война 1880–1881 гг. избежала полного забвения. В качестве примера следует привести теоретическую работу майора Ч. Коллвелла «Малые войны: их принципы и практика», впервые опубликованную в 1896 г. и переизданную в июле 1899 г.¹⁴ Она была подготовлена в Разведывательном департаменте как обобщающее пособие для офицеров британской

армии, аккумулировавшее практический опыт, накопленный в предшествующих колониальных войнах. В своем фундаментальном труде Ч. Коллвелл уделил внимание и событиям Первой англо-бурской войны. Он писал, что «буры были идеалом конной пехоты <...> и отличными стрелками»¹⁵. Но в то же время в качестве основных причин неудач британского оружия в ходе событий 1880–1881 гг. «Клаузевиц колониальных войн» называл в первую очередь малую численность отряда генерала Дж. Колли и недостаток кавалерийских подразделений, находившихся в его распоряжении: «Если бы в состав британских войск входили несколько кавалерийских эскадронов, буры были бы абсолютно беспомощны за пределами своих окопов у Лейнгс-Нэка, и очень сомнительно, что они попытались бы удержать их, если бы обнаружили, что с фланга идет целая туча солдат»¹⁶.

В контексте данного отрывка трудно не согласиться с точкой зрения историка Э. Спирза, который утверждал, что недооценка буров, прежде всего в области изучения тактического искусства, была характерна для изданий британских армейских теоретиков последнего десятилетия XIX в.¹⁷ Уже после Второй англо-бурской войны ее ветеран полковник Дж. Хендерсон*, анализируя события битвы при Лейнгс-Нэке 28 января 1881 г., констатировал, что британская атака в тот день «вряд ли могла быть организована еще хуже». «Пехотинцы, вместо того чтобы подняться на холм в открытом порядке, двигались плотной колонной и пытались развернуться прямо перед дулами вражеских винтовок. Резерв, вместо того чтобы выдвинуться вперед для поддержки атаки в критический момент и для защиты флангов, так и не произвел ни одного выстрела. Таким образом, половина отряда была разбита, а другая половина наблюдала за этим»¹⁸. Поэтому поражения отряда Дж. Кол-

* Полковник Джордж Фрэнсис Роберт Хендерсон – британский военный теоретик, с 1890 г. являлся инструктором по тактике и военному праву в Королевском военном колледже в Сандхерсте, во время Второй англо-бурской войны занимал пост начальника разведки в штабе фельдмаршала Ф. Робертса и генерала Г. Китченера. После войны трудился над официальной историей вооруженного конфликта в Южной Африке, но работа осталась незаконченной по причине его скоропостижной смерти 5 марта 1903 г. В отличие от официального издания по истории Второй англо-бурской войны, черновой вариант труда полковника Дж. Хендерсона содержит ценную аналитику ключевых сражений Первой англо-бурской войны.

ли были обусловлены не только нехваткой людей под его началом, но и недостаточным уровнем подготовки личного, офицерского и командного состава британской армии в целом. Эти важные факторы высшего военного командование Соединенного Королевства так и не учло к моменту эскалации очередного вооруженного конфликта с бурами.

Совершенно иной подход к изучению опыта Первой англо-бурской войны демонстрируют аналитические записки директора департамента военной разведки генерал-майора Дж. Арда, составленные по горячим следам после событий набега Джемсона¹⁹. Одна из них – «Трансваальские буры с военной точки зрения», подготовленная в октябре 1896 г., как следует из ее названия, была посвящена анализу военно-экономического потенциала бурских республик. Также автор документа подверг детальному рассмотрению театры потенциальных военных действий и вероятные операционные линии как со стороны Наталя, так и со стороны Капской колонии. При изучении данных вопросов генерал-майор Дж. Арда в значительной степени опирался на опыт событий 1880–1881 гг., с которыми в записках проводятся соответствующие аналогии.

Обращение к прошлым боевым столкновениям с бурами было обусловлено потребностью обозначить невыгодные условия Наталя как основного стратегического плацдарма в случае вооруженного конфликта с Трансваалем и Оранжевым Свободным Государством. Довольно примечательно, что директор департамента военной разведки не ставил под сомнение факт того, что будущую войну Великобритании придется вести одновременно против обеих бурских республик. В подтверждение своей точки зрения он указывал на союзный договор между Южно-Африканской Республикой и Оранжевым Свободным Государством, существование которого требовало от британцев совершать все свои военные приготовления, «исходя из предположения, что они (буры Свободного Государства. – А.А.) враждебны»²⁰.

Генерал-майор Дж. Арда писал, что «конфигурация натальской границы, которая образует остроугольный клин, ограниченный на западе Свободным Государством, а на востоке – Трансваалем... была бы очень невыгодна нам в начале войны...». По его мнению, горный ландшафт, характерный для данного региона, был в большей степени приспособлен для бурской – партизанской – тактики

ведения войны, делавшей упор на мобильность и эффективное использование местности при ведении стрельбы из укрытий, но при этом Натальский военный театр совершенно не подходил «для за действия хорошо обученных вооруженных сил с максимальной выгодой». Поэтому операционная линия, исходившая из Наталя, была, как считал генерал Дж. Арда, «совершенно непригодной» для британского наступления, поскольку она пересекала границу Трансвааля в районе Лейнгс-Нэка и холма Маджуба, которые, учитывая историю Первой англо-бурской войны 1880–1881 гг., «наверняка будут заняты бурами задолго до того, как мы (британцы. – А.А.) сможем туда добраться»²¹.

Далее в записке директор департамента военной разведки аргументировал необходимость в случае войны с бурами развивать наступление из Капской колонии через территорию Оранжевого Свободного Государства фактически вдоль железной дороги, ведущей из Спрингфонтейна через Блумфонтейн в Йоханнесбург и Преторию. «Железнодорожная линия через Свободное Государство проходит по плоской открытой местности, хорошо приспособленной для действий всех родов войск и обладающей лишь немногими чертами, подходящими для бурской тактики»²². В высшей степени характерно, что подобного контура наступления впоследствии успешно придерживался фельдмаршал лорд Робертс, возглавивший британскую армию в Южной Африке после серии неудач зимой 1899 г.²³

При обсуждении наиболее эффективной операционной линии генерал-майор Дж. Арда, очевидно, опирался на заметки своих предшественников, изучавших аналогичные вопросы еще в период первой войны с бурами. Так, в записке от 14 февраля 1881 г., составленной после поражений британских войск под командованием Дж. Колли при Лейнгс-Нэке и Ингого, глава Разведывательного департамента генерал-майор А. Элисон предложил осуществить фланговый обход Дракенсберга (Драконовых гор) из Капской колонии через территорию Свободного Государства, пока войска под командованием Дж. Колли продолжают наступление, организованное ранее из Наталя²⁴. «Атакуя Трансвааль со стороны Наталя, мы берем быка за рога и цепляемся головой за мощные перевалы Дракенсберга, – писал генерал-майор Элисон, – при этом, действуя на другой, более длинной линии от Капа, мы обходим это грозное

препятствие, двигаемся по плоской, холмистой и открытой местности и врезаемся, как клин, между бурами и их лучшим средством снабжения и подкрепления – Оранжевым Свободным Государством»²⁵. Однако либеральное правительство У. Гладстона, как и колониальные власти в Южной Африке, прежде всего волновал вопрос сохранения нейтральности Свободного Государства в войне с Трансваалем, поэтому эти замыслы не осуществились.

Стоит подчеркнуть, что генерал-майора Дж. Арда, используя аргументацию, выстроенную на опыте Первой англо-бурской войны, призывал «извлечь урок» и склонить действующее юнионистское правительство лорда Солсбери к игнорированию нейтралитета Оранжевого Свободного Государства, чтобы воспользоваться его территорией для наступательных операций, поскольку именно этот фактор не позволил британцам успешно завершить кампанию в 1880–1881 гг. Определенные параллели, с некоторыми оговорками, здесь можно провести с вторжением Германии во время Первой мировой войны на территорию нейтральной Бельгии с целью обхода пограничных оборонительных укреплений Франции, так как оба маневра в указанных исторических эпизодах расширяли стратегические возможности при планировании наступательных действий.

Верховный главнокомандующий лорд Уолсли полностью соглашался с аргументацией директора департамента военной разведки и переслал записку генерала Дж. Арда военному министру маркизу Лансдауну для дальнейшего обсуждения. В свою очередь военный министр показал ее лорду Солсбери. Ознакомившись с документом, глава юнионистского кабинета заявил, что был «поражен, прочитав рекомендации сэра Дж. Арда». По его мнению, директор департамента военной разведки не имел права комментировать политику действующего правительства²⁶, поэтому лорд Солсбери отказался принимать конкретное решение о том, следует ли считать Оранжевое Свободное Государство враждебным в случае войны с Трансваалем. Даже после назначения в июле 1899 г. генерала Р. Буллера командующим экспедиционным корпусом, когда вооруженный конфликт с бурами стал практически неизбежным, кабинет министров так и не определился с конкретным планом действий²⁷.

С проблемой нейтралитета Оранжевого Свободного Государства был связан стратегически важный вопрос не только об опреде-

лении оптимальной операционной линии в случае войны с бурскими республиками, но и о скорости передислокации имеющихся у Великобритании вооруженных сил на южноафриканский театр военных действий. Генерал-майор Дж. Арда в записке от 15 апреля 1897 г. указывал, что между отдачей в метрополии приказа об отправке экспедиции и прибытием войск на театр военных действий должно пройти около двух месяцев, «в это время британские силы в Южной Африке будут вынуждены оставаться в обороне, а правительство Трансвааля получит возможность предпринять наступательные операции»²⁸. С аналогичной проблемой высшее британское командование столкнулось в ходе первой войны с бурами. Имея накануне столкновения всего 3600 человек, дислоцированных поровну в Натале и Капской колонии²⁹, правительство У. Гладстона было вынуждено в срочном порядке собирать войска со всех концов империи, чтобы обеспечить численное превосходство над противником. Российский посол в Лондоне князь А.Б. Лобанов-Ростовский докладывал в Петербург, что «подкрепление отправляется отсюда со всей поспешностью, и генерал сэр Ф. Робертс, который недавно сражался с Аюб-ханом около стен Кандагара, назначен вместо генерала Колли»³⁰. Только после серии неудач к марту 1881 г. в Южной Африке удалось сосредоточить 14 тыс. чел., однако к этому моменту военные действия были прекращены, а 23 марта заключено перемирие³¹.

Таким образом, не имея возможности в короткие сроки увеличить собственное военное присутствие в регионе, британские политики были вынуждены пойти на серьезные уступки Трансваалю. Комментируя события британских колониальных кампаний в Южной Африке и Центральной Азии, российский военный агент в Лондоне генерал-майор А.П. Горлов резонно отметил, что «собрание войск со всех концов света по крохам <...> показало величайшую несостоятельность Военного министерства и вообще военной организации Англии»³². Поэтому под влиянием неудач в колониальных конфликтах мобилизационные планы британской армии подвергались последовательной модернизации и к началу Второй англо-бурской войны приобрели довольно гибкую форму.

В случае конфликта с европейской державой проводилась подготовка экспедиции из двух корпусов, кавалерийской дивизии и отряда тылового обеспечения общей численностью до 90 тыс. чел.

и более 200 орудий³³. Для заморской экспедиции в рамках «малых войн» формировался небольшой полевой отряд (Field Force for Service Abroad) из состава 1-го корпуса численностью 21 тыс. человек при 30 орудиях и 10 картечницах. При этом, по мере возникновения такой потребности, за рубеж мог отправиться весь 1-й корпус в 35 тыс. чел. при 90 орудиях и 14 картечницах³⁴. Тем не менее директор департамента военной разведки Дж. Арда считал, что концепция формирования экспедиционной армии из ограниченного военного контингента представляла собой «совершенно неадекватную страховку от рисков, от которых мы должны защищаться»³⁵. Уже к 1898 г. военным кругам удалось добиться утверждения единой штатно-организационной структуры тактических единиц для всех вариантов мобилизационного расписания. В теории это позволяло высшим эшелонам Военного кабинета отправить для заморской экспедиции армию из трех армейских корпусов и четырех кавалерийских бригад общей численностью около 120 тыс. чел., изначально предназначенных для обороны самой метрополии³⁶.

Согласно сведениям российского военного агента в Лондоне Н.С. Ермолова, для полной мобилизации британской армии требовалось примерно две недели³⁷. В случае же частичной мобилизации по третьему сценарию, который лег в основу подготовки экспедиционного корпуса генерала Р. Буллера, затрачивалось всего девять дней³⁸. «Насколько хорошо был организован механизм мобилизации, показала гибкость системы, которая позволила нам устроить численность (войск в Южной Африке. — А.А.)»³⁹, — писал во время Второй англо-бурской войны генерал Дж. Арда. Действительно, за все время войны в Южную Африку было направлено около 450 тыс. чел., что позволило британцам добиться решающего преимущества над бурами за счет численного превосходства⁴⁰. Однако мобилизационный механизм, устоявшийся в позднюю викторианскую эпоху, имел существенный недостаток, который являлся прямым следствием системы попарно связанных батальонов.

В результате военных реформ 70–80-х годов XIX в. в Великобритании состав всех армейских пехотных полков стал двухбатальонным. Пока один батальон находился в колониях, второй, дислоцированный в метрополии, производил набор и обучение рекрутов для смены батальона-близнеца за границей. При этом ка-

ждые несколько лет два связанных батальона менялись обязанностями. Из-за их постоянной ротации между метрополией и колониями подготовка различных тактических единиц мирного базирования и их сведение в более крупные подразделения имела четко выраженный спорадический характер. Российский военный агент в Лондоне полковник Н.С. Ермолов, комментируя процесс мобилизации британской армии, накануне войны с бурами сообщал в Петербург: «Состав штабов и крупных тактических единиц (корпуса Буллера. – А.А.) совершенно случайный, импровизированный: но это особенность, недостаток, присущий английской военно-организационной системе, по которой в мирное время не существует ни одних, ни других»⁴¹. В этой связи британские войска и командующие ими офицеры нередко оказывались не в состоянии продемонстрировать на поле боя высокую степень боевой организации, что наглядно продемонстрировало катастрофическое поражение британцев в битве при Колензо 15 декабря 1899 г., когда генерал Р. Буллер не справился с координацией действий различных воинских частей при попытках форсировать р. Тугелу⁴². Поэтому при отсутствии рабочего механизма развертывания вооруженных сил в колониальных конфликтах на передний план выходили именно индивидуальные качества офицерского состава – умение быстро и грамотно адаптировать стратегию и тактику ведения войны к местным условиям.

Таким образом, можно заключить, что с точки зрения осмысления стратегических аспектов Первой англо-бурской войны, а именно: изучения театров военных действий, совершенствования механизма мобилизации и развертывания войск по определенным операционным линиям, специалисты Разведывательного департамента старались учесть уроки событий 1880–1881 гг. Однако специфика британской военной системы поздней Викторианской эпохи не позволяла сделать эти выводы императивом для действующего правительства в случае войны с бурскими республиками, что, в свою очередь, привело к очень тяжелыми издержкам для Великобритании, особенно на первом этапе вооруженного конфликта. Перед началом Второй англо-бурской войны генерал-майор Арда в частной переписке указывал: «Мы столкнемся с серьезным отпором, прежде чем наши основные силы придут в район боевых действий, и это не из-за военного руководства, которое, включая меня,

предупреждало об этом многие годы, но из-за тех, кому мы служим, и из-за бессовестного и самодовольного невежества наших господ»⁴³.

Тем не менее стоит признать, что в области осмысления тактических аспектов Первой англо-бурской войны аналогичных серьезных выводов в Разведывательном департаменте сделано не было. Оценка военных экспертов в Лондоне оставалась неизменной в течение практически двух десятилетий, прошедших после первой войны, и была далека от реального положения вещей. Так, еще до первой англо-бурской войны, в разведывательной сводке за 1878 г. военные специалисты метрополии делали основной упор на индивидуальные качества бурских отрядов (коммандо) – умение прекрасно управляться с лошадью, стремительно передвигаться по сложной пересеченной местности, точно и быстро стрелять из винтовок, а также адаптироваться к тяжелым условиям вельда*. Но в то же время отмечалось отсутствие среди буров какой-либо формы дисциплины. Из этой предпосылки делался довольно непоследовательный вывод, что бурские коммандо будут неспособны выстоять в борьбе даже с небольшим отрядом регулярной армии⁴⁴. Аналогичной точки зрения придерживались и авторы «Военных заметок о голландских республиках», составленных в Разведывательном департаменте Великобритании накануне Второй англо-бурской войны. В разделе № 7 «Бурская тактика и военно-полевая организация» вновь указывалось, что отряд из дисциплинированных солдат достаточной численности, укомплектованный всеми тремя родами войск – пехотой, кавалерией и артиллерией, будет иметь значительное превосходство над бурскими коммандо, и после крупного поражения буры окажутся неспособны к дальнейшему сопротивлению⁴⁵. Как показал ход двух англо-бурских войн, в столкновениях небольших войсковых группировок именно индивидуальные боевые качества доминировали над армейской муштрой и строгой выучкой по лекалам европейской военной науки того времени.

Примечательно, что в период первой войны с бурами после поражений при Лейнгс-Нэке и Ингого аналитики Военного кабинета сделали правильные выводы относительно возможностей своего

* Южноафриканские плато с преобладающей степной растительностью.

противника. В меморандуме от 14 февраля 1881 г. генерал-майор А. Элисон верно указывал на недостатки британской армии и подчеркивал превосходство военной тактики буров с их ставкой на повышенную мобильность: «Буры – враг, отличный от любого, с кем нам до сих пор приходилось бороться. Верхом на подвижных, выносливых маленьких лошадях, вооруженные лучшим огнестрельным оружием и с ранних лет приученные к его использованию, они сочетают в себе быстроту азиатской кавалерии с точностью стрельбы, превосходящей самую высококвалифицированную европейскую пехоту... Двигаясь с большой скоростью и не обремененные поклажей, на открытой местности они всегда могут обогнать, обойти с фланга и перерезать пути сообщения пехоты, не обеспеченной сильной и хорошо обученной кавалерией...»⁴⁶. Тем не менее в «Военных заметках о голландских республиках» составители приходили к прямо противоположным заключениям. В частности, в документе указывалось, что «настоящий гений бура заключается в том, чтобы сражаться под прикрытием», которое окажется, по мнению авторов, малоэффективным в наступательных операциях⁴⁷. Стремительное вторжение буров в Капскую колонию и Наталь и блокада британских городов Кимберли, Мафекинг и Ледисмит на первых этапах войны полностью опровергли эти далекие от реальности выводы.

Извлечь уроки из столкновения с бурами в 1880–1881 гг. британцам не удалось и в области стрелковой подготовки. Бурские коммандо стали первыми соперниками викторианской армии, успешно применявшими в бою казнозарядные винтовки в рассредоточенном боевом порядке. Несмотря на широкую эксплуатацию нового скорострельного оружия во всех европейских странах в то время, британские войска по-прежнему сражались преимущественно в сомкнутых построениях, полагаясь на устаревшие военные доктрины. Военный теоретик полковник Дж. Хендерсон в своем неопубликованном труде по истории Второй англо-бурской войны подверг резкой критике систему подготовки британской армии, остававшейся практически неизменной со времен войны 1880–1881 гг.: «В боестолкновениях с казнозарядным оружием решающую роль играют мастерство и находчивость человека, а не механическая дисциплина, в то время как индивидуальность в британской армии систематически подавлялась <...> Главной проверкой

боеспособности батальона были не стрельба, не умение обращаться с оружием, но точность, с которой он мог выполнять движения, необходимые на королевском смотре. Батальон мог состоять из застрельщиков, таких же искусных, как буры, каждый солдат мог быть метким стрелком, каждый офицер мог быть искусным тактиком, и тем не менее, если бы роты не прошли маршем мимо проверяющего офицера, как кирпичные стены, – процесс, настолько же совершенно не связанный с современной войной, как формирование греческой фаланги, – они были бы признаны негодными для службы»⁴⁸.

О таком положении дел ярко свидетельствуют военные маневры, проведенные летом в 1898 г. на равнине Солсбери. Они имели необычайно большой размах: в них участвовали около 60 тыс. чел., разделенных на две армии – синюю под командованием сэра Р. Буллера и красную под командованием герцога Артура Коннаутского. Главный руководитель маневров лорд Уолсли по их итогам громко заявил «об искусном руководстве старших начальников тактическими операциями, о стараниях офицеров быть на высоте положения и о точной связи, существующей между войсками всех родов оружия»⁴⁹. Однако на практике ход учений выявил ряд критических недостатков в системе подготовки британской армии.

Войска под командованием Р. Буллера во время маневров передвигались в классических боевых порядках – каре и линейными шеренгами. В результате синяя армия потерпела поражение в каждом столкновении с красной армией герцога Коннаутского, бойцы которой нередко совершали атаки небольшими мобильными группами с целью обхода противника с фланга и прерывания его коммуникаций. В высшей степени характерно, что подобная прогрессивная тактика по итогам маневров подверглась резкой критике со стороны представителей высшего британского генералитета⁵⁰.

Недостаточно эффективно проявила себя и кавалерия, применявшаяся во время маневров исключительно в разведывательных целях, без участия в столкновении обеих сторон⁵¹.

Фактически учения на равнине Солсбери стали прообразом будущей «Черной недели», когда экспедиционный корпус Р. Буллера, атаковавший бургские позиции 10 декабря 1899 г. при Стомберге, 11 декабря при Магерсфонтейне и 15 декабря при Колен-

зо, понес очень тяжелые потери, в том числе из-за устаревшей тактики и военной доктрины применения стрелкового оружия. Трудно не согласиться с выводами В. Недзвецкого, обозревателя отечественного издания «Военный сборник», который писал, что «опыт маневрирования больших войсковых масс в Англии был не вполне удачен и не принес ожидаемой пользы ни войскам, ни высшему командному составу»⁵².

Заключение

Таким образом, документы однозначно свидетельствуют о попытках теоретического осмысления британскими военными специалистами неудачного опыта Первой англо-бурской войны с целью его преломления на будущие вооруженные конфликты. В первую очередь это затрагивало аспекты стратегической подготовки, которые, несмотря на старания сотрудников Разведывательного департамента, так и не учли высшие эшелоны военного ведомства и представители юнионистского кабинета лорда Солсбери.

Невзирая на анализ ошибок, допущенных в боестолкновениях с бурами в 1880–1881 гг., урок оказался совершенно неусвоенным, и британская армия вступила во Вторую англо-бурскую войну, полагаясь на устаревшие доктрины и практики применения стрелкового оружия.

В целом можно констатировать, что изучение опыта Первой англо-бурской войны не оказало существенного влияния на процесс подготовки Великобритании к войне 1899–1902 гг., поскольку важнейшим индикатором усвоения уроков является удачное применение теории на практике. История же Второй англо-бурской войны однозначно свидетельствует, что британскому генералитету вновь пришлось столкнуться с проблемами, свойственными конфликту 1880–1881 гг., и уже по ходу боевых действий изменять собственную тактику и стратегию для достижения победы. Поэтому Вторая англо-бурская война без преувеличения может именоваться «войной невыученных уроков».

¹ Подробнее см.: *Barnett C. Britain and Her Army, 1509–1970: A Military, Political and Social Survey*. L.: Allen Lane the Penguin Press, 1970. P. 353–370;

Spiers E.M. The Late Victorian Army, 1868–1914 // The Oxford History of the British Army / ed. by D.G. Chandler, I.F. Beckett. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 202–210.

² Донесение XII от 27 октября/8 ноября 1899 г. // Донесения военного агента в Лондоне Генерального штаба полковника Ермолова (о военных действиях англичан в Трансваале). СПб, 1900. С. 2.

³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 401. Оп. 4. 1885. Д. 4. Л. 61/об.

⁴ *Pakenham T.* The Boer War. N.Y.: Avon Books, 1992. P. 75.

⁵ *Atwood R.* Roberts and Kitchener in South Africa: 1900–1902. L.: Pen and Sword Military, 2012. P. 108.

⁶ *Fergusson T.G.* British Military Intelligence, 1870–1914: The Development of a Modern Intelligence Organization. Frederick: University Publications of America, 1984. 280 p.

⁷ *Ardagh S.H.* The Life of Major-General Sir John Ardagh. L.: John Murray, 1909. P. 272–273.

⁸ Narrative of the Field Operations connected with The Zulu War of 1879. L.: H.M. Stationery Office, 1881; об общественной реакции в Великобритании на события англо-зулусской войны 1879 г. см.: *Гелла Т.Н.* У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века. Орел: Изд-во ОГУ, 2008. С. 111–112.

⁹ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 т. Т. 1. М.: Издатель И.Б. Белый, 2012. С. 142–151.

¹⁰ РГВИА. Ф. 401. Оп. 4. 1882. Д. 41. Л. 72.

¹¹ *Maurice J.F.* Military History of Campaign of 1882 in Egypt. L.: H.M. Stationery Office, 1887.

¹² *Colville H.E.* History of Sudan Campaign 1884–1885. Vol. 1–2. L.: H.M. Stationery Office, 1889.

¹³ *Гелла Т.Н.* Указ. соч. С. 197–199.

¹⁴ *Callwell C.E.* Small Wars: A Tactical Textbook for Imperial Soldiers. L.: H.M. Stationery Office, 1896; *Callwell C.E.* Small Wars: Their Principles and Practice. L.: H.M. Stationery Office, 1899.

¹⁵ Ibidem. P. 353.

¹⁶ Ibid. P. 354.

¹⁷ *Spiers E.M.* The Learning Curve in the South African War: Soldiers' Perspectives // *Historia*. Vol. 55. No. 1. May 2010. P. 1–17.

¹⁸ University of Birmingham. United Kingdom. Cadbury Research Library: Special Collections (UB CRLSC). Joseph Chamberlain Collection (JC) 32/6/1/1–3. Colonel Henderson's the War in South Africa. Chapter VIII. P. 6.

¹⁹ О рейде Джемсона см.: Англо-бурская война... Т. 1. С. 19–20; *Гелла Т.Н.* Указ. соч. С. 242.

²⁰ The national archives (TNA, United Kingdom). War Office (WO) 32/7844. Major-General J.C. Ardagh. The Transvaal Boer from a Military Point of View. October 1896. P. 6.

²¹ Ibidem. P. 7.

-
- ²² Ibid.
- ²³ Atwood R. Op. cit. P. 105, 138.
- ²⁴ TNA. WO 32/7806. Major-General A. Alison. Memorandum upon an advance upon the Transvaal, 14 February 1881. P. 2–4.
- ²⁵ Ibidem. P. 2.
- ²⁶ Kochanski H. Planning for War in the Final Years of Pax Britannica, 1889–1903 // British General Staff: Reform and Innovation / ed. by D. French, B.H. Reid. L.: Routledge, 2002. P. 14.
- ²⁷ Kochanski H. Wolseley and the South African War // The Boer War: Direction, Experience and Image / Ed. by J. Gooch. L.: Psychology Press, 2000. P. 61.
- ²⁸ TNA. WO 32/7844. Major-General J.C. Ardagh. Recent Letters from South Africa, 15 April 1897. P. 2.
- ²⁹ TNA. Cabinet Office (CAB) 37/5/10. Memorandum on Transvaal affairs by Earl of Kimberley, 29 April 1881. P. 9.
- ³⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 133. Оп. 470. 1881. Д. 89. Л. 168/об.
- ³¹ Laband J. The Transvaal Rebellion: The First Boer War, 1880–1881. L.: Routledge, 2014. P. 213–228.
- ³² РГВИА. Ф. 401. Оп. 3. 1879. Д. 1. Л. 31, 52.
- ³³ РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 60. Л. 15–15/об.
- ³⁴ Там же. Л. 15; Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств. Британская империя. СПб: Воен.-учен. ком. Глав. штаба, 1902. С. 26–27.
- ³⁵ Ardagh S.H. Op. cit. P. 331–332.
- ³⁶ Сборник новейших сведений... С. 27.
- ³⁷ Там же. С. 25.
- ³⁸ Там же. С. 45.
- ³⁹ Ardagh S.H. Op. cit. P. 331–332.
- ⁴⁰ Вооруженные силы Британской империи: (по данным к 1 января 1911 года) / Гл. упр. Ген. штаба. СПб.: Изд-во Отдела Генерал-квартирмейстера, 1911. С. 103.
- ⁴¹ Донесение VIII от 28 сентября/10 октября 1899 г. // Донесения военного агента в Лондоне Генерального штаба полковника Ермолова (о военных действиях англичан в Трансваале). СПб, 1900. С. 18–19.
- ⁴² Англо-бурская война... Т. 1. С. 426–427.
- ⁴³ Ardagh S.H. Op. cit. P. 358.
- ⁴⁴ Précis of Information concerning South Africa. Orange River Free State and Griqualand West. L.: H.M. Stationery Office, 1878. P. 62.
- ⁴⁵ Military Notes on the Dutch Republics of South Africa. York: Boer War Books, 1983. P. 51.
- ⁴⁶ TNA. WO 32/7806. Major-General A. Alison Memorandum upon an advance upon the Transvaal, 14 February 1881. P. 4.
- ⁴⁷ Military Notes... P. 50.
- ⁴⁸ UB CRLSC. JC 32/6/1/1–3. Colonel Henderson's the War in South Africa. Ch. VIII. P. 8–9.

⁴⁹ Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1898. № 12. С. 158.

⁵⁰ *Atwood R.* Op. cit. P. 104.

⁵¹ Иностранное военное обозрение // Военный сборник. 1898. № 12. С. 159.

⁵² Там же.

ГЛАВА 4. Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Германская Юго-Западная Африка (Намибия): забытая история

Несмотря на разнообразие трудов, связанных с англо-бурской войной 1899–1902 гг., в историографии этого конфликта имеется пробел. До сих пор не проанализировано влияние этой войны на население Германской Юго-Западной Африки (нынешняя территория Намибии, за исключением Уолфиш-Бея и Пингвинных островов). В этой главе в общих чертах рассмотрены культурные, социально-экономические и политические последствия войны 1899–1902 гг. для Германской Юго-Западной Африки. Рассмотрение англо-бурской войны в трансграничном контексте позволяет впервые проследить воздействие миграции в Германскую Юго-Западную Африку буров (африканеров) из разных частей Южной Африки.

Миграция в Намибию носителей африкаанс, а ранее южноафриканского варианта нидерландского языка с нынешней территории ЮАР имеет долгую историю. По-видимому, нидерландские колонисты впервые пересекли реку Гарип (позже названную «Оранжевой» путешественником Р.Дж. Гордоном) в 1738 г.

В январе 1901 г. делегация потенциальных южноафриканских мигрантов при содействии консула Оранжевого Свободного Государства в Нидерландах заключила соглашение с правительством Германии о переселении африканеров в Германскую Юго-Западную Африку. Этот договор был благоприятен для мигрантов и предусматривал, помимо прочего, добровольное принятие германского подданства. Они освобождались от обязательной военной службы, хотя годы спустя некоторые из них воевали на стороне Германии против нама и гереро. Потомки мигрантов, рожденные в колонии, автоматически становились германскими подданными. Африканеры настаивали на обучении на родном языке. Поскольку в колонии было всего две государственные школы (в Виндхукке и Гибеоне), они вскоре открыли собственные школы с преподаванием на нидерландском.

Ожидания, что в Германскую Юго-Западную Африку переедут до 15 000 африканеров, не оправдались. Важно различать

тех, кто мигрировал на территорию современной Намибии по экономическим, семейным и культурным причинам на рубеже веков, и тех, кто покинул Южную Африку в результате войны 1899–1902 гг.

Во время этого вооруженного конфликта в германскую колонию переселилось около 1600 африканеров из разных частей Южной Африки – Трансвааля, Оранжевого Свободного Государства и с севера Капской колонии. Около 600 из них остались жить там и после войны. Учитывая, что в Германской Юго-Западной Африке европейское население было относительно небольшим, мигранты-африканеры играли значительную роль в культурной, экономической, а затем и политической жизни страны. Их влияние было наиболее заметным в южных районах Китмансхуп, Гибсон, Мариенталь, но некоторые южноафриканские мигранты поселились в центральной части колонии, в окрестностях города Хрутфонтейн.

Власти германской колонии в целом поддерживали новых поселенцев, но следили за тем, чтобы те не доминировали в сфере культуры и образования. Мигранты из Южной Африки считались опытными фермерами, способными внести вклад в экономику колонии. Некоторые германские официальные лица сочувствовали южноафриканским республикам и их попыткам противостоять британскому империализму. Фон Эстдорф, один из этих чиновников, собрал в Германии значительные пожертвования для защитников республик. Благодаря его усилиям бургские женщины и дети в концентрационных лагерях на территории Южной Африки получали дополнительное питание и предметы личного пользования.

The Anglo-Boer War of 1899–1902 and German South West Africa (Namibia): A Forgotten Story

Introduction

Afrikaner-Dutch-speaking migration from neighbouring South Africa to Namibia has a long history that falls outside the scope of this impressionistic contribution. As far as we know, the first Afrikaner

(Boers)* crossed the Gariep (also known as the *Grootrivier* and later named the Orange River by Robert J. Gordon, an explorer and hunter) in 1738. They clashed with the local Gaminun (Bondelswarts), a Nama community that resided at Aikams (Warmbad)¹.

In 1786 seven Afrikaner farmers from the Piketberg area in the Western Cape crossed the Gariep. This group of farmers exchanged land from the Nama people in the *Swartmodder* (Keetmanshoop) area and farmed successfully with cattle, goats and sheep. The period 1868 to 1902 saw significant migration from South Africa into the former German South West Africa (GSWA), the present Namibia. For example, in 1885, Stephanus Johannes Jurgens and his family settled on the farm Onchas east of the Karas Mountains, the first Afrikaner family to settle in the South of the country. In 1892 a group comprising of 100 Boer families from the Transvaal under the leadership of J.M. Lombard reached Grootfontein. With the permission of the South-West Africa Company (SWACO) forty families settled on land around the town. For historical contextualisation, it is interesting that these settlements of Boers in German West Africa, took place in the era stemming from the Slag van Boomplaats (Battle of Boomplaats), 29 August 1848 where the Boers first resisted the British colonisers and the First Anglo-Boer War between 20 December 1880 and 23 March 1881. During the First Anglo-Boer War campaigns, the British forces were defeated at the Battle of Amajuba in February 1881. These two cases of resistance by the Boers against British expansionism in South Africa was a harbinger to the Anglo-Boer War of 1899–1902. The scene for future conflict in South Africa was set and would impact later Boer migration, also into German West Africa.

The settlement of Lombard in the vicinity of Grootfontein in German West Africa mentioned above, had interesting outcomes. In the year 1906, Lombard became a member of the first Governor's Council

* According to research by Prof. Hermann Giliomee, the term 'Afrikaners' was used for indigenous people of the Cape, as well as for persons of mixed race, slaves and free slaves at the beginning of the 18th Century. The first use of the term came from a youthful Hendrik Biebouw in 1707, "*Ik ben een Afrikaander!*" as he defended himself against the magistrate of Stellenbosch. The term "*Boor*" obtained a derogatory meaning, that also finds expression in the term "*boorish*", meaning "a rustic or peasant typically rough, crude, insensitive, uncommunicative, or dull" or a person "devoid of civilized graces and refinements" (*Webster's Third New International Dictionary*).

of the erstwhile German South West Africa (GSWA). Thus, with the advent of the Second Anglo-Boer War, in October 1899, German South West Africa (GSWA) had a long history of Afrikaner migration from that country. Migration as a direct result of the War, followed on from earlier Afrikaner migration into GSWA.

War clouds gather

During the 1890s, parts of southern Africa experienced considerable turbulence. There was a growing perception among the Afrikaners that the independence of the then Boer Republics, was under threat. In 1896 when the abortive Jameson Raid (under the leadership of Leander Starr Jameson, a close ally of the Premier of the Cape, Cecil John Rhodes) was repelled by Transvaal Boers, the German Kaiser Wilhelm II sent a telegram to President Paul Kruger of the Zuid Afrikaanse Republiek (South African Republic), congratulating him on thwarting the Jameson Raid. Attempts by Great Britain to gain control over the rich gold mines and reserves of the Witwatersrand, was the direct cause of the outbreak of the war between the former country and the erstwhile two Boer Republics – the Transvaal and the Orange Free State – in October 1899.

The outbreak of the Anglo-Boer War in 1899 had several differential impacts on German South West Africa (GSWA), all of which need to be further researched. The German authorities held different views on the desirability of large numbers of Afrikaners migrating to and settling in German South West Africa. The War also affected the position of Afrikaners who by then had settled in the former German colony. It also impacted in different ways on the indigenous communities as some of the new migrants competed for grazing and water for their livestock with local communities. According to the writer Lawrence Green, one of the local Baster leaders, Dawid Vilander, took up arms against the incoming Afrikaner farmers and was killed in 1902 by the latter on his farm Rietfontein².

In 1884, German South West Africa became part of the German colonial empire. Officially, Germany took a neutral stance on the War between the former two Boer Republics and Great Britain. Complex international developments dictated such a stance. This, however, did not mean that the German government was unsympathetic towards the

two republics. Public opinion in Germany was in favour of supporting the cause of the two erstwhile republics and some German citizens joined them in their war with Great Britain.

Farmers from the Transvaal, the Orange Free State and the Cape Colony were favourably regarded and welcomed by the German authorities in GSWA before the outbreak of the war in October 1899. Moreover, few German citizens were interested in and willing to settle in the more marginal south of the Colony. Central Namibia was regarded as the preferential area for German settlers. In respect of the southern part of the Colony, the German authorities offered favourable conditions to Afrikaner farmers to settle there and engage in farming activities.

With the outbreak of the War in South Africa, the then Governor of GSWA, Major Theodor Leutwein, was concerned that large scale Afrikaner immigration would destroy the 'German character' of the Colony. In 1895, Leutwein introduced stricter conditions for Afrikaners to qualify as migrants and settlers in the Colony. At the same time, he expressed opposition to settling large concentrations of Afrikaners in the country. District Chief Duft was instructed to strictly apply the new conditions. Afrikaans and English-speaking migrants would not be allowed "to disturb the peace" in the Colony. The police posts at Koes, Hasuur, Kais and Ukamas along the eastern boundary of the Colony with Bechuanaland (Botswana) were instructed to strictly enforce the revised regulations. Duft, however, was more positively inclined towards the Afrikaner farmers and expressed his admiration for their ability to farm successfully in a marginal part of the country.

As the war took a negative turn for the two republics, there were those in GSWA and Germany that expressed their concern about an estimated 15,000 Afrikaners that may migrate to GSWA in their attempt to escape British rule. In 1890, the German Kaiser, Wilhelm II, expressed his concern that a large influx of Afrikaners into GSWA would have a negative impact on German culture³. *Landeshauptmann* (Governor of German South West Africa) Curt von François, following three visits to Namaland in 1891 and 1892 in the south of the country, expressed a positive opinion on the presence of Afrikaner farmers and hailed their contribution to farming. A few years after he left for Germany, von François, recommended that Afrikaner farmers should be allowed to settle up to the 26th parallel (the current Karas Region)⁴.

Others in the Colony, such as Graf Von Kageneck, District Head of Warmbad and Hansen who in 1900 became District Head at Keetmanshoop, were of the view that Afrikaners were poor, but hard working, and generally got along well with the local population. Afrikaner women, in particular, could once they married Germans, contribute towards increasing the size of the European population in the Colony⁵.

In April 1900, an influential opinion article appeared in Germany under the heading “*Die Bureneinwanderung nach Deutsch-Südwestafrika*” (The migration of Boers into GSWA) issued by the Alldeutscher Verband (All-German League). This secret document was sent by the *Auswärtiges Amt* (Ministry of Foreign Affairs) to Leutwein the Governor of GSWA. The document expressed the hope that Afrikaner migrants would assimilate with the local German population, and that Afrikaner women, in particular, would make good spouses for German men who had a limited choice of partners. Moreover, the estimated 15,000 Afrikaner migrants would not live entirely on their own but would fall under the laws of a sophisticated and competent ‘cultured State’. Of great import was the reason for the Afrikaners to leave their own country – British imperialism. Consequently, their migration to GSWA would materially assist in protecting the Colony from further British influence and expansion*. At the same time, Governor Leutwein bolstered German forces along the border with the Northern Cape with the view towards limiting English influence in the Colony⁶.

In January 1901 a delegation of prospective migrants to GSWA, accompanied by Dr Hendrik Muller, the ambassador of the Free State to the Netherlands negotiated an agreement with the German Government that provided for the migration of Afrikaners to GSWA. This agreement worked largely in the interest of the migrants and provided inter alia for the Afrikaners to become German citizens if they so wished; they were exempted from military service, although some of them fought on the German side against the Nama and Herero a few years later. Offspring born inside the Colony would become German citizens. The Afrikaners insisted on their own mother tongue education, and since there were only two government schools, in Windhoek and Gibeon, they soon established their own schools. Two years later, the

* The port of Walvis Bay and its environs were under British control since 1878.

German authorities allowed them to establish their own schools and churches with Dutch as the language of instruction.

Another interesting aspect of the war was that many skirmishes between Afrikaners and British forces took place near or along the border between GSWA and the Northern Cape. One of the most experienced military officers of the *Schutztruppe* (German colonial troops), Major Ludwig von Estorff, with the permission of the British authorities visited the battle front in 1901 as an observer⁷. Estorff was a friend of the Afrikaner migrants. In May 1901, he left Durban for the battlefields of Colenso and Ladysmith in Natal. He also travelled to Pretoria, where he met with the British Commander, Lord Kitchener. Besides, he visited Johannesburg, where he witnessed the suffering of Afrikaner women and children in a concentration camp. By July 1901, von Estorff concluded that the Afrikaners would lose to the might of the British Empire, but that over time they would revenge their defeat and take control of the entire South Africa. What prophetic insight!

The Anglo-Boer War of 1899–1902 gave the opportunity to some German citizens to join the war on the side of the two Boer republics. One such person was Dr Oskar Hintrager who spent four months as a member of the artillery of the Free State with General Christiaan De Wet and President Steyn. When he subsequently returned to Germany, he raised 1 million German Marks that subsequently went to the concentration camps in different parts of South Africa. In 1905, Hintrager became an official in the colony and later acted as governor.

Migrants

While the estimate and speculation that as many as 15,000 Afrikaners would migrate to GSWA as a direct consequence of the Anglo-Boer War of 1899–1902⁸ did not materialize, the pattern of migration was more complex and differential. It is important to distinguish between those Afrikaners who migrated to GSWA for economic, familial and cultural reasons earlier and over a much longer period, and those who left South Africa as a direct consequence of the war of 1899–1902.

A few Afrikaner families left Upington in the Northern Cape after British forces occupied the town in March 1900, but later returned to

the town. By the end of that year, when the War had raged on for fifteen months, only 42 farmers had settled in the South of GSWA/Namibia, mostly as *bywoners* (free labourers for the benefit of the farm owner) on the farms of Afrikaners and on properties owned by the so-called “Cape Rebels” who faced charges of high treason in South Africa. One of these rebels was Willem Spangenberg, an early pioneer farmer of doubtful character, that settled in the Warmbad area and became a ‘Cape Rebel’ under the command of Gen. Edwin Conroy. The German authorities declared him *persona non grata*, but his prohibition was revoked in May 1904 and Spangenberg was allowed to stay on in the Colony and became a successful farmer in the Rietfontein area. One of his daughters married a German farmer Müller of the farm Groendorn, south of Keetmanshoop.

In 1901, the numbers of Afrikaner farmers in GSWA swelled significantly. The Berlin agreement of January of that year made it possible for more farmers to migrate to GSWA. Forty farmers, mostly from the Kimberley district in the Northern Cape migrated to GSWA in the period from February to April 1901 via Swakopmund, and settled in the districts of Gibeon, Berseba and Bethanie. Some became German citizens. This scheme, however, was not particularly successful as the migrants were not allowed to bring their money in from South Africa with them which provided financial challenges. Most of the farmers also came without their families, while they found it difficult to accept the laws of the German Colonial Administration. Some elected to return to the Cape Colony by the end of that year.

The number of Afrikaner farmers that chose to migrate to GSWA outside the January 1901 framework was significantly larger. For example, the number of Afrikaans-speaking people in the Keetmanshoop district increased during 1901 from 412 to 1138. Among them were 400 women and children pre-eminently from the environs of Kakamas, who fled destruction caused by English soldiers. Other farmers crossed the Gariep River with large herds of cattle and sheep and hired grazing for their stock from local Afrikaner farmers and the Bondelswarts, a Nama grouping. Some of the wealthy farmers had as many as 3000 to 4000 sheep. All-in-all, almost a thousand people crossed the southern border between the Northern Cape and GSWA at the time.

Based on the available evidence, some 600 Afrikaners permanently migrated to GSWA on account of the South African/Anglo-Boer War.

Considering the small European population in the country, this was most significant and contributed greatly to Afrikaners becoming the majority of the European population in the south of the country.

Another noteworthy story of the war is that of Gen. S.G. (Manie) Maritz who refused to accept the armistice between Britain and the two former Boer Republics and the Treaty of Vereeniging. During the war, Maritz, together with the young Boer General, Jan Christiaan Smuts fought a guerilla war in the northwestern part of the Cape Colony in areas as far afield as Van Rhynsdorp (then known as Rhijnsdorp), Springbok, O’Kiep (a mining town) and Concordia (also a mining town) in Namaqualand. Their actions were intended to tactically distract some British forces and resources from the Transvaal to relieve the pressures on the guerrillas there. In the area of the town of Kamieskroon in Namaqualand, 68 km south of Springbok, a skirmish ensued between Maritz and his men, which led to the death of some of the Maritz guerrillas. In a controversial revenge mission Maritz attacked a missionary station in Leliefontein, 30 km from Kamieskroon, brutally murdered a teenager and set fire to the houses of some of the (“coloured” people), since some of them fought as “scouts” in British uniform against his men at Kamieskroon (British forces frequently deployed members of the local indigenous communities in British uniform to the deep discontent of the Boers; an action that would leave divisive collective historical memories between Boer and other racial groups after the war and the latter is indeed another area for future researchers to investigate).

The names of the fallen scouts are still inscribed today on a memorial plaque in the church of Leliefontein and is worth a visit. At the end of the war, Maritz chose not to return immediately to the now British controlled South Africa. He moved northwards over the Gariep Rivier at the end of the war (1902). He travelled from Windhoek to Swakopmund and from there by ship to Germany. Details about the travel to Germany is sketchy. He must have returned soon from Europe since he participated on the German side against the rebellious Nama in 1904. A decade later he spent some time in South West Africa after his forces in the northern Cape around Kakamas and Upington were defeated in 1914 during the abortive Afrikaner rebellion against the government of Genl. Louis Botha and Genl. Jan Smuts. Once fighting the same war against Britain Colonialism, the paths between the

generals split with Maritz now a sworn enemy of his erstwhile comrades and countrymen.

A further aspect that relates to the impact of the War on GSWA, was that the Nama leader Jakob Morenga, one of the bravest, resolute and early opponents to German colonial rule in the country, proudly referred to himself as the “De Wet of Namaland” (after General Christian De Wet a feared guerrilla leader of the War). Not only was Morenga inspired by De Wet, but he also made extensive use of his guerrilla tactics. Maybe of different “races”, but one at heart they were in the same resolute resistance to European colonialism...

Conclusion

The Anglo-Boer War of 1899–1902 and the resistance of Afrikaners to British imperialism resulted in strengthening the cultural, economic and social importance of Afrikaners in GSWA. The war and its aftermath underlined the connected histories of South Africa and Namibia and shaped the trajectory of GSWA for years to come. Afrikaans-speaking migrants soon outnumbered Germans in the south of the country and became particularly important in commercial farming, education and church affairs.

Indirectly, the War fuelled local resistance to German colonial rule in GSWA, particularly among the Nama communities in the South of the country. The resolve of the two Boer republics to rise against the might of the British Empire had a demonstrative effect on them and inspired them to take up arms against German rule. Internationally, the war impacted meaningfully on relations between Great Britain and Germany, with the former taking an increasingly negative view of German colonialism in Africa. Not long after the war came to an end, the German Colonial Administration in GSWA made use of concentration camps and a policy of extermination when it faced internal resistance from the Nama and Herero groupings in the period 1903–1908. Sadly, the British mode and conduct of war in South Africa (1899–1902), including concentration camps and a scorched earth policy by Kitchener during the war against the Boers, provided an exemplar for German brutality in GSWA.

This research note is a beginning on a topic of greater importance, and hopefully, will ignite the interest of other historians to research it in

a more comprehensive and grounded manner. For historians and social scientists, the challenge remains of how to integrate the trans-frontier history of Namibia and South Africa along the lines of the pioneering work of Martin Legassick and Nigel Penn^{9,10}.

¹ *Stals E.L.P.* Wie is jy? 'n Bundel historiese opstelle oor die Afrikaner in die voormalige Suidwes-Afrika. Windhoek, 2008. P. 6.

² *Green L.G.* To the River's End. Cape Town, 1955. P. 51.

³ ZBU Zentralbureau, National Archive, Windhoek. 1060 L. II. A. 4. Bd. 1. Auswärtiges Amt – Göring, 19/02/1890. P. 158.

⁴ *Von François C.* Deutsch-Südwest-Afrika. Geschichte der Kolonisation bis zum Ausbruch des Krieges mit Witbooi, April 1893. Berlin, 1899. Reprinted in Swakopmund, 1993. P. 117. See also: *Leutwein T.* Elf Jahre Gouverneur in Deutsch-Südwestafrika. Berlin, 1908. Facsimile, Windhoek, 1997.

⁵ *Stals E.L.P.* Morewind oor die Karasberge 'n Kultuurhistoriese verkenning van die Karasstreek van die laat negentiende eeu. Pretoria, 2009. P. 423.

⁶ *Ibidem.* P. 424–427.

⁷ *Kutscher C.F.* Geschrieben unter dem Kameldornbaum. Die Briefe und Berichte Ludwig von Estorffs aus dem alten Südwestafrika 1894–1903. Berlin, 1905. P. 135–138.

⁸ *Ibidem.* P. 138.

⁹ *Legassick M.* The Frontier Tradition in South African History // *Marks S. and Atmore A. (eds).* Economy and Society in Pre-Industrial South Africa. London, 1980. P. 44–79. *Penn N.* The Forgotten Frontier: Colonist and Khoisan on the Cape's Northern Frontier in the 18th Century. Cape Town; Athens, Ohio, 2005, and again *Legassick M.* Gordonias: A Hidden History. Cape Town, 1999.

¹⁰ The late Martin Legassick (historian and member of the Marxists Workers Tendency (MWT), driven out of the ANC during the 1980s) and others such as Nigel Penn did pioneer work on the historical nexus between the colonial and up till apartheid times, the latter colonialism 'of a special type', as it was called, within the nexus of the Northern Cape, Namaqualand, the southern areas of Namibia, the Nama people and British and German colonial oppression. Little of their important work was explicitly linked to the epoch of the Anglo-Boer War of 1899–1902. A dearth of information remained to be mined here as observed by Prof. Jo-Ansie van Wyk of the University of South Africa (Unisa), Pretoria, during the path-breaking conference of November 2022 held at the Institute for African Studies in Moscow. For future historians much remain to be done in this area. One trusts that this small contribution will spur such interest among serious historians and related social science disciplines.

ГЛАВА 5. От России до Южной Африки: Самуил Маркс – миллионер и миротворец

...он читает Южную Африку как открытую книгу,
и его репутация здесь такова, что его шутливо
называют «некоронованный король Трансвааля».

Уильям Томас Стед

Вступление

Вскоре после окончания англо-бурской войны 1899–1902 гг. один из самых известных в то время английских журналистов, претендент на Нобелевскую премию мира 1912 г. Уильям Томас Стед посетил Трансвааль, чтобы рассказать о недавнем приобретении Великобритании, доставшемся ей чрезвычайно болезненно. Среди тех, у кого он брал интервью, был невысокий, седовласый пожилой еврей, бывший подданный Российской империи. «Один из самых замечательных людей в Южной Африке, – писал он впоследствии, – мистер Самуил Маркс, Сэмми Маркс, как его иногда фамильярно называют. Русский еврей, который много лет назад приехал в Южную Африку с несколькими серебряными ножами, а через некоторое время стал миллионером. Он послал своего сына в Харроу для получения элитного образования, а сам не умеет ни читать, ни писать. Но он читает Южную Африку как открытую книгу, и его репутация здесь такова, что его шутливо называют “некоронованный король Трансвааля”»¹.

Приведя столь восторженный отзыв, журналист ошибся в одном: Сэмми Маркс умел читать и писать. Он знал иврит, поскольку окончил начальную школу (хедер), где преподавание велось на этом языке. Иврит был обязателен для изучения. Дома же употреблялся идиш – еврейский язык германской группы, в котором использовался еврейский алфавит. Обучение, конечно, велось на очень слабом уровне, иврит учили только для молитв и чтения Писания и Талмуда. Специальных учебников не было. Изучение Писания в детстве дало Марксу большой запас знаний этого рода, которые емугодились в жизни. Он постоянно ссылаясь на библейские истории.

Получить же среднее образование в талмудической академии Сэмми, как выходец из бедной семьи, не мог; в дальнейшем он часто выражал большое сожаление по поводу своего ограниченно-го образования. Он действительно с трудом выучился писать по-английски и предпочитал диктовать свои письма секретарям. Более ранние письма написаны им самим на идиш, причем это гибрид английских слов и слов на иврите. Начиная с середины 1890-х годов его документы уже напечатаны на пишущей машинке. Еще в 1896 г., когда пишущая машинка была такой же редкостью, как велосипед, электричество и фотоаппарат, Маркс приобрел одну из последних и лучших моделей. Сначала он медленно диктовал письма своему секретарю, а потом обязательно перечитывал и правил то, что было написано. Как он сам писал: «Люди, которые печатают мои письма, не несут ответственности ни за что, выраженное в них»².

Маркс писал много писем знакомым и друзьям; старшим детям, которые учились в Англии; жене, которая была далеко во время англо-бурской войны; своему деловому партнеру Исааку Льюису, который представлял интересы фирмы в Лондоне. Сэмми Маркс, таким образом, смог оставить большое эпистолярное наследие. Долгое время о нем не знали, и только в 1984 г. архив Маркса в отличном состоянии был передан из его имени Сварткоппис (Zwartkoppies), находящегося в 12 км от Претории, в университет Кейптауна для изучения.

Но, несмотря на недостаточность формального образования, восприимчивый ум Самуила извлек много важных уроков из той среды, в которой он вырос. Она сформировала в нем трудолюбие, самообладание, усердие. Здесь были заложены основы его будущих успехов, и среди этих основ не последнее место занимала склонность к благотворительности и преданность семье.

От России до Южной Африки

Шмуэль (Самуил) Маркс родился 11 июля 1844 г. в бедной семье портного Мордехая Фейта Маркса на окраине Российской империи, в местечке Ковенской губернии под названием Новое Место (позднее переименовано в Александровск). Оно было расположено на нынешней территории Литвы, у границы с Пруссией. Ев-

рейское население называло его Нейштот, а литовское – Науместис (это отразилось в современном названии города Жемайчю-Науместис). Это местечко было частью территории, доставшейся после раздела Польши сначала Пруссии в 1795 г., а в 1815 г. – России, и входило в черту оседлости.

Со второй половины XIX в. до Первой мировой войны Российской империю покинуло 3 млн евреев-иудеев (немногие выбирали крещение, спасавшее от дискриминации в России), не желавших мириться с чертой оседлости и погромами. Эмигрировали также десятки тысяч старообрядцев и адептов различных сект (особенно после введения всеобщей воинской повинности в 1874 г.). Справедливости ради отметим, что далеко не все пути были закрыты для иноверцев и внутри страны – множество тех же евреев-литваков переехало из родных мест и успешно участвовало в бурном развитии, например, губерний Новороссии, а антисемитизм и национально-религиозная дискриминация отнюдь не ограничивались царской Россией. Здесь можно привести пример Моисея Карпаса (1852–1917), жившего и преуспевшего в тот же период, что и Сэмми Маркс, и во многом схожего с ним, – тоже родился в Литве (Вильно) в небогатой семье и вынужден был начать работать с 16 лет, не завершив образования. Переехав не в далекие страны, а в Екатеринослав (будущий Днепропетровск) расцветавшей Новороссии, он «сделал себя сам» как очень успешный промышленник-предприниматель (одно из его «детищ» – металлургический комбинат в Днепродзержинске) и благотворитель-меценат, гласный городской думы, один из основателей Днепропетровского университета, купец первой гильдии³.

Хотя главный поток еврейской эмиграции из Российской империи в указанный период направлялся в Америку (1,5 млн переехали в США), заметный «ручеек» шел и на юг Африки. Для Южной Африки этот «ручеек» был вполне зримым – около 40 тыс. человек⁴. Способствовал он и формированию экономических связей Российской империи с Южной Африкой. Ко времени Первой мировой войны уже в четырех городах были российские консулы, правда, пока еще не штатные дипломаты, а так называемые почетные. В дополнение к консульству в Кейптауне, которое существовало давно, Россию представляли в Йоханнесбурге, Претории и Порт-Элизабете. Большинство еврейских эмигрантов из России,

приехавших в Южную Африку в конце XIX в., занимались мелким кустарным производством и торговлей, а также работали извозчиками, приказчиками, трудились старателями на золотых приисках, были среди них и каменщики, и кузнецы. Сэмми Маркс оказался в Южной Африке в самом начале первой волны этих переселенцев и сумел стать самым успешным.

В возрасте 17 лет Самуил эмигрировал из родного местечка в Англию, в город Шеффилд. Там он подружился с семьей Тобияса Гутмана, ювелира, который сыграл важную роль в его жизни, подав ему отличный совет уехать в Южную Африку и оплатив билет. Позднее, в 1883 г., дочь главы семьи, Берта Гутман, станет его женой и подарит ему восьмерых детей. Маркс в 1869 г. на пароходе прибыл в Кейптаун с подаренными Гутманом тремя дюжинами серебряных ножей; продав их, он получил начальный капитал. Он торговал ювелирными изделиями и столовыми приборами в сельской местности вокруг Кейптауна, развозя товар на телеге, запряженной лошадью. Затем Сэмми открыл первый магазин ювелирных изделий в Южно-Африканской Республике (Трансваале).

С двоюродным братом Исааком Льюисом (1849–1927), также эмигрировавшим из Нового Места и ставшим его деловым партнером в 1870 г., Самуил открыл магазин, где продавал одежду, обувь, инструменты, лекарства и другие вещи, нужные старателям в Кимберли. Часто покупатели расплачивались алмазами, что делало торговлю чрезвычайно выгодной. Братья быстро заработали репутацию честных торговцев и вскоре вышли на первые роли в местной торговле алмазами. Они стали посредниками между Кимберли и алмазными центрами Европы, такими как Лондон и Амстердам. В Кимберли к ним присоединился Барнетт Льюис, брат Исаака, который был принят в качестве третьего партнера.

В 1877 г. Льюис и Маркс стали партнерами братьев Паддон и основали «Горнодобывающую компанию Кимберли». Два года спустя эта компания объединилась с компанией Жюля Поржа, образовав «Французскую компанию», которая стала первой южноафриканской алмазной компанией, открытой для европейских инвесторов. Однако их связи с этой компанией были недолгими, так как в 1880 г. они продали большую часть своих акций. После этого братья переехали на новый прииск в Дутойтспане, где в 1880 г.

был открыт алмазный рудник, а затем возродили «Горнодобывающую компанию Кимберли».

Исаак Льюис вернулся в Англию в 1881 г., чтобы открыть офис в Лондоне, где он мог бы заниматься международной деятельностью их растущей империи, приобретением акций и продвижением компании, а Маркс остался для контроля ведения горных работ и развития фирмы Lewis and Marks & Company.

После торговли алмазами братья сосредоточили внимание на Витватерсрандских месторождениях золота и переехали в Восточный Трансвааль, в быстро растущий городок Барбертон. Здесь в 1880 г. они купили акции известного золотого рудника Шеба. Со временем они приобретали все больше и больше акций, пока к концу десятилетия не стали крупнейшими акционерами.

В 1881 г. кузены Сэмми и Исаак перебрались в Преторию, где сумели наладить отношения с правительством и непосредственно с президентом Паулем Крюгером. Они купили концессии и запустили спиртовой, стекольный, консервный, кирпично-черепичный, кожевенный заводы, мельницу для кукурузы. Также кузены основали пивоваренную промышленность в стране.

Самый большой вклад Льюиса и Маркса в промышленность Южной Африки заключается в создании и развитии угольных шахт. Из-за активной добычи полезных ископаемых большие участки леса были вырублены на топливо, что привело к увеличению цен на дрова. Дешевый уголь был бы идеальным решением. Льюис и Маркс решили приобрести и разрабатывать угольные месторождения, открытые в конце 1870-х годов на берегу р. Ваал. Еще в 1880 г. Льюис и Маркс открыли компанию De Zuid Afrikaansche en Oranje Vrijstaatse Kolen en Mineralen Vereeniging (Южноафриканская и Оранжевая ассоциация) по добыче угля и полезных ископаемых, позже название было изменено на Vereeniging Estates. В нее входили угольные шахты Корнелия и Кэмп на берегах р. Ваал Оранжевого Свободного государства и Трансвааля соответственно, а также лес Маккауей, где было более 4 млн деревьев, в основном хвойных.

Благодаря деятельности Льюиса и Маркса и добыче угля их компанией на берегу р. Ваал возник поселок. Официально он был провозглашен городом в 1892 г. Новое поселение получило название от компании, которой оно обязано своим существованием, —

Феринихинг. У Маркса было намерение создать в Южной Африке город, подобный английскому Шеффилду, где будет развита промышленность и предпринимательство, и он видел в Феринихинге множество возможностей. По мнению правительственного горного инженера: «Месторождение Феринихинг является если не лучшим, то одним из лучших в Южной Африке для промышленных целей, в основном из-за наличия воды и угля в сочетании со здоровым климатом на Хайвельде»⁵.

Здесь Маркс создал несколько фабрик и предприятий. Одно из них – компания Vereeniging Brick and Tile Company, позднее ставшая Vereeniging Refractories. Здесь, помимо кирпичей, производился удивительно разнообразный ассортимент товаров: керамические трубы, сельскохозяйственные водосточные плиты, садовые и цветочные горшки, винные кувшины и кислотостойкая посуда. Эта компания поставляла кровельную черепицу для правительственных зданий ЮАС (после 1910 г.) и железнодорожного вокзала в Претории⁶.

В Феринихинге был построен первый в стране металлургический завод, «родоначальник» будущей сталелитейной корпорации ISCOR (Iron and Steel Corporation), а вскоре братья приняли участие в строительстве первой в стране электростанции. К концу XIX в. Сэмми Маркс и Исаак Льюис были миллионерами. Партнеры были среди основателей таких важных южноафриканских компаний, как South African Breweries, Anglo Vaal, De Beers. В южноафриканском городе Феринихинг до настоящего времени работают построенные ими предприятия. В 1904 г. Маркс и Льюис, владевшие большим количеством ферм, вошли в пятерку крупнейших землевладельцев Трансвааля. В сельском хозяйстве С. Маркс был пионером в использовании тракторов и других передовых технологий. Он с ностальгией вспоминал леса, обильно покрывавшие территорию Российской империи, включая окрестности родного местечка, и на принадлежавших ему землях в Южной Африке активно занимался лесопосадками и разведением садов.

В Претории С. Маркс сумел наладить отношения с правительством и непосредственно президентом П. Крюгером, став его другом и советником (один из удачных советов – построить железную дорогу в портовый город Лоренсу-Маркиш в португальском Мозамбике). Дружба Маркса с президентом Трансвааля Крюгером

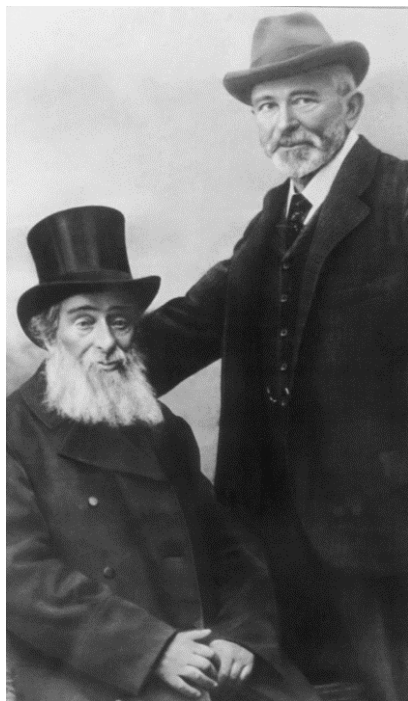
была тесной и продолжительной. В 1898 г. Сэмми была предоставлена исключительная привилегия использовать государственный монетный двор в течение одного дня. Маркс воспользовался возможностью и отчеканил 215 золотых трехпенсовых монет, хотя обычно они были серебряными, – на память о своих родственниках и друзьях, включая президента Крюгера⁷.

Маркса отличало отсутствие свойственного многим нуворишам высокомерия: он всегда оставался для окружения «своим парнем», готовым прийти на помощь нуждающимся. Идеологически был «равноудален» и от сионизма (вежливо отказывался возглавить местные организации под предлогом занятости), и от революционного социализма. Уважал людей дела, реализующих свои природные таланты, им и помогал в первую очередь, избегая как начетчиков-талмудистов, так и отречшихся от своих корней, не помнящих родства преобразователей всего человечества.

Сэмми, учившийся формально только в хедере (частной еврейской начальной школе для мальчиков), а по существу – всю жизнь, к концу которой говорил на пяти языках, постарался дать детям лучшее образование, предпочтительно в Англии. Соблюдая нормы иудаизма лишь поверхностно (как пишет его биограф Ричард Мендельсон, семья отмечала традиционными лакомствами не только еврейские праздники, но и Рождество Христово⁸), Маркс все же не смог выйти из плена догм, незыблемых для местечкового еврея, и, когда его любимая дочь Гертруда, учась в Англии, влюбилась в англичанина и хотела выйти за него замуж (для чего нужно было перейти в христианство), Сэмми категорически запретил ей это делать, фактически сломав дочери жизнь (больше она выйти замуж не пыталась). Отметим, что в то время смена веры уже не делала человека изгоем в своей среде: другой еврейский олигарх (германского происхождения), создатель крупнейшей горнопромышленной империи Южной Африки Anglo American Corporation (1917) Эрнст Оппенгеймер в связи с женитьбой перешел в англиканство, за ним последовала и его семья, но, когда его внучка решила выйти замуж за иудея и вернуться в иудаизм, дедушка не возражал.

К сожалению, детство, проведенное на окраине Российской империи в черте оседлости, и связанные с этим и с бедностью семьи лишения на всю жизнь оставили в душе Самуила нелюбовь к царской России. Когда в 1905 г. Россия потерпела поражение от Япо-

нии при Порт-Артуре, Маркс написал своему другу, что «это не вызывает у меня ни малейшего сожаления». А за несколько лет до начала русско-японской войны, в 1901 г., он предположил, что «революция в России произойдет, возможно, через много лет, но, несомненно, из этого выйдет доброе дело»⁹.



Самуил Маркс со своим отцом.

Тем не менее Маркс не забывал о своей семье и отправлял отцу*, оставшемуся на малой родине, которому он выстроил большой дом и обеспечил полное содержание, деньги на благотворительность. Кроме того, Маркс перевез в Лондон младшую сестру и хорошо «пристроил» ее. Трех племянников он устроил в Йоханнесбурге, один из них стал управляющим заводом, второй – магазином, третий – хозяином аптеки¹⁰. Льюис и Маркс финансировали

* Мордехай Маркс прожил 98 лет и умер в 1908 г.

строительство школы для бедных и сирот у себя на родине, выделили около 1000 ф. ст. (огромную сумму для еврейского местечка) на реставрацию местной синагоги. Успех Маркса и Льюиса стал наглядным примером для тысяч русских евреев, которые вслед за предприимчивыми партнерами устремились за пределы России в поисках больших возможностей. Только в 1884 г. и только из Александровска эмигрировало 200 человек, большинство – в Южную Африку¹¹.

Примером этому служит отрывок из воспоминаний земляка С. Маркса: «Когда я вернулся домой в начале 1890-х годов после двухлетнего отсутствия, я обнаружил, что многие из моих одноклассников и друзей уехали или собирались уехать в Южную Африку. Причина этого исхода – отдельная история. Около двадцати лет назад два бедных мальчика из Нейштота эмигрировали в Южную Африку, где стали мультимиллионерами; они стали владельцами алмазных рудников и ведущими банкирами в Трансваале и Лондоне. Они не только содержали своих родителей в роскоши, но и щедро вносили свой вклад в содержание раввина и еврейских учреждений в своем родном городе. Таким образом, грубо говоря, большинство молодых людей из Нейштота, эмигрировавших в Африку, сделали это в надежде найти алмазные рудники!»¹².

В Санкт-Петербурге в 1900 г. в приложении к еврейскому еженедельнику «Будущность» вышла статья «Евреи в Южной Африке», где в подробностях была описана судьба С. Маркса (правда там он назван Максом) и его кузена. Обращая внимание на огромные достижения братьев и их склонность к благотворительности, анонимный автор, называющий себя эмигрантом, пишет: «Примеру “Луи и Макс” последовали многие евреи Ковенской области: разные неудачники, пасынки судьбы оставили свою родину и пустились в далекий путь за безбрежный океан, надеясь там, где-то далеко, в богатой Африке найти свое счастье. Некоторые остались в Капштадте, другие направились в Наталь, Порт-Элизабет, Кимберлей, а позже начали селиться в Йоханнесбурге, Претории и Боловае [Булавайо]. Перед началом нынешней войны в Южной Африке находилось много евреев. Они имели не только кусок хлеба для себя, но еще и посылали деньги домой, на далекую родину, чтобы поддержать существование жены и детей, помочь бедным родителям, пристроить сестру, брата, родственника»¹³.

Южная Африка стала новой родиной для Сэмми Маркса, и здесь он не только смог достичь высот богатства и благополучия, но и чувствовал себя как дома. Недалеко от Претории был построен его загородный дом, целое имение, Сварткоппис, где он, имевший недвижимость в разных частях страны, в том числе в правительственном районе Кейптауна, предпочитал находиться все время и вести отсюда дела. В имении был построен большой и удобный семейный дом в викторианском стиле. Когда он начал строительство особняка, то сам разработал проект и сам руководил стройкой. Он любил говорить: «Если хочешь, чтобы что-то было сделано правильно, сделай это сам». Дом был готов к концу 1880-х годов.

В наше время в Сварткопписе открыт музей, где сохранены подлинные вещи семьи Маркс и воссоздан быт правящего класса Южной Африки конца XIX – начала XX в. Многие вещи Маркс и его жена выписывали из Англии или привозили из регулярных поездок туда. Маркс мог позволить себе купить любые технические новинки. Сэмми Маркс и его семья жили здесь с 1885 по 1909 г., а потом этот дом служил им дачей. После смерти Маркса в 1920 г. его вдова, дети и внуки жили там до 1978 г. В 1980 г. Национальный музей истории и культуры купил у родственников дом Сэмми Маркса с участком и превратил его в музей (был открыт в 1986 г.). В 1989 г. здание объявлено национальным памятником. В музее собрана коллекция фарфора, картин, серебряных изделий конца XIX – начала XX в. Есть большая библиотека. 98% экспонатов музея изначально принадлежали семье Маркса. В центре столицы Южной Африки – Тсване (Претории) – одна из площадей получила его имя. В настоящее время музей С. Маркса входит в систему государственных музеев Дитсонг (Ditsong), наряду, в частности, с домом-музеем Пауля Крюгера.

Миротворческая роль С. Маркса в англо-бурской войне

С точки зрения истории большой интерес представляет политическая область деятельности Сэмми Маркса. Он играл активную роль в переговорах между Англией и президентом Трансвааля накануне англо-бурской войны 1899–1902 гг., затем делал попытки положить ей конец.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. была первой крупной войной уже не за раздел, а за передел территорий в Африке. Бурские республики в конце XIX в. оказались в центре мировой политики, поскольку занимали важное стратегическое положение в центре южноафриканского субрегиона, ставя британские колонии Капскую и Наталь в уязвимое положение, если бы в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве утвердилось влияние другой европейской державы. А открытие залежей золота и алмазов поставило их в центр экономической жизни всего региона.

Иногда англо-бурскую войну 1899–1902 гг. называют второй, имея в виду, что первая произошла в 1880–1881 гг. Первая англо-бурская война была следствием обнаружения алмазов в Западном Грикваленде – землях, населенных гриква и тсвана и входивших с 1854 г. в бурское Оранжевое Свободное Государство. Великобритания аннексировала эти земли в 1871 г., присоединив их к Капской колонии. Открытие столь богатых месторождений алмазов радикально изменило отношение Великобритании к своим южноафриканским владениям. В 1877 г. англичане аннексировали и Трансвааль. В 1880 г. буры Трансвааля подняли восстание против английского господства, и началась первая война. После ряда поражений английских войск была подписана Преторийская конвенция (1881), по которой Трансвааль получал полное внутреннее самоуправление, но взамен признавал сюзеренитет Великобритании (постоянный представитель в Претории, право перемещения английских войск по территории республики, контроль над внешней политикой). В 1884 г. конвенция была переписана, оставалась только обязанность Трансвааля согласовывать свою внешнюю политику с Лондоном.

В 1884 г. в Трансваале было найдено золото. Страну охватила настоящая золотая лихорадка. На золотых приисках стремительно вырос новый город, Йоханнесбург. Открытие богатейших месторождений алмазов и золота называют «вторым открытием» Южной Африки. Она из отсталой аграрной провинции и морской перевалочной базы превратилась в один из мировых центров горно-рудной промышленности. Все это существенно усилило интерес к Южной Африке представителей английских финансовых и промышленных кругов.

В этом перспективном регионе переплелись также англо-германские интересы. В 1884 г. была образована Германская Юго-Западная Африка, в 1894 г. вступила в строй железная дорога, соединившая Трансвааль с заливом Делагоа в португальском Мозамбике, что позволило бурам почувствовать себя независимыми от английских колоний в транспортном отношении. Этим путем в Трансвааль поступали германские пушки и винтовки. Объединение Южной Африки под британским флагом становилось не просто колониальным вопросом, а серьезной внешнеполитической проблемой.

Первоначально колониальные чиновники и С. Родс (бывший премьер-министром Капской колонии в 1890–1896 гг. и контролировавший практически всю добычу алмазов в Южной Африке) возлагали надежды на усиливавшийся приток в Трансвааль европейских эмигрантов – уитлендеров, численность которых к 1898 г. практически сравнялась с численностью бурского населения. Победа уитлендеров и их союзников на выборах в Фольксраад могла привести к мирному присоединению бурских республик к британским владениям. Но правительство Трансвааля, вполне осознававшее опасность этого, отказывалось предоставить уитлендерам равные с бурами избирательные права. Английские колониальные власти взяли курс на вооруженное решение проблемы. В последние дни декабря 1895 г. границу Трансвааля перешел вооруженный отряд из подконтрольной С. Родсу Британской южноафриканской компании под командованием Л.С. Джемсона. Внезапности не получилось – отряд был арестован практически сразу после того, как перешел границу. Это заставило Трансвааль заключить в 1896 г. оборонительный союз с Оранжевым Свободным Государством. А кайзер Германии Вильгельм II направил телеграмму президенту П. Крюгеру с поздравлениями по поводу победы над «вооруженными бандами», вторгшимися в Трансвааль. Учитывая все это, Великобритания фактически начала подготовку к войне.

9 октября 1899 г. Трансвааль выдвинул Англии ультиматум с требованием отвести войска от границ бурских республик. Ультиматум был отклонен и 11 октября 1899 г. республиканские вооруженные формирования перешли границу Капской колонии. Поначалу успех был на стороне буров. Они собрали большое ополчение, состоявшее практически из всех здоровых мужчин, и были хорошо подготовлены. Буры осадили три крупных города на терри-

тории Капской колонии и Наталя – Кимберли, Мафекинг и Ледисмит. За «черную неделю» с 11 по 16 декабря 1899 г. англичане потеряли в трех сражениях около 2,5 тыс. человек. Война приобрела затяжной и кровопролитный характер для обеих сторон. Но постепенно англичане стали брать верх. Из Великобритании прибыли значительные подкрепления, англичане смогли довести численность войск до 180 тыс. человек, и в феврале 1900 г. наступил перелом. Британским войскам под командованием лорда Роберта удалось снять осаду с Кимберли. 27 февраля капитулировал отряд буров во главе с генералом Питом Кронье численностью 4 тыс. человек. Это открыло англичанам дорогу на столицу Оранжевого Свободного Государства – Блумфонтейн, который был сдан без единого выстрела. Затем сражения перешли на территорию Трансвааля. Англичане смогли захватить Йоханнесбург и столицу бурской республики – Преторию.

Но буры не сложили оружие, а развернули партизанскую войну. Максимальная численность всех партизанских отрядов доходила до 20 тыс. человек, командовали ими такие талантливые военачальники и будущие политические деятели объединенной Южной Африки, как Л. Бота, Дж. Герцог, Я.Х. Смэтс, Х. Де Вет и др. Война приобрела крайне жестокий характер. Англичане сжигали фермы буров, уничтожали посевы, угоняли скот. Гражданское население, в основном женщин и детей, поместили в концентрационные лагеря, где из-за невыносимых условий, болезней и голода умерло почти 28 тыс. человек, в подавляющем большинстве женщины и дети. В ходе войны британцы потеряли убитыми и умершими от болезней 22 тыс. человек, еще более 100 тыс. солдат и офицеров лишились трудоспособности, в основном из-за тяжелых инфекционных заболеваний. Буры недосчитались 4 тыс. военных и 28 тыс. гражданских лиц. К этому списку следует добавить 14–20 тыс. африканцев, также умерших в концлагерях, причем условия их содержания были гораздо хуже, чем у белых.

Война закончилась подписанием 31 мая 1902 г. Феринихингского мирного договора, согласно которому буры признавали власть британской короны, а взамен правительство объявляло амнистию участникам боевых действий, обещало предоставить бурам в будущем самоуправление, разрешало использовать нидерландский язык в школьном обучении и в судопроизводстве, обяза-

лось возместить убытки, нанесенные фермерам в результате военных действий.

На фоне всех этих поистине переломных для Южной Африки событий развивалась личная история С. Маркса. Весной 1899 г. он возвратился из Европы в Трансвааль – республику, охваченную политическими разногласиями. Вдохновленные лордом А. Милнером* агитаторы уитлендеров активно выступали за отмену ограничений избирательных прав, которые фактически лишали их возможности влиять на политические решения. Президент Пауль Крюгер решительно противился этому, понимая всю угрозу независимости Трансвааля, с таким трудом завоеванной в минувшей войне, исходящую от этих изменений. Как многие в политической элите Республики, Маркс очень надеялся, что встреча в Блумфонтейне между Милнером и Крюгером, намеченная на конец мая 1899 г., сможет предотвратить кровопролитие. Перед отъездом президента на встречу тот заверял в личной беседе своего друга, что «сделает все, что в его силах, чтобы прийти к мировому соглашению, при условии, что не будет вмешательства в независимость Республики»¹⁴. Маркс очень надеялся на результативность личных переговоров (которые всегда помогали ему в коммерческих делах), пытаясь еще в Лондоне примирить позиции Крюгера и Дж. Чемберлена** после кризиса, связанного с набегом Джемсона. Но встреча в Блумфонтейне закончилась полным провалом мирной инициативы.

13 июня Льюис сообщил Марксу из Лондона, что банкирский дом Ротшильдов выразил желание, чтобы он тайно обратился к президенту и предложил Ротшильдов в качестве посредников в переговорах между правительством Трансвааля и Великобританией. Это предложение было передано, но Крюгер отклонил саму возможность такого посредничества, выразив недовольство тем, что Ротшильды, выдвинув крайне невыгодные условия для получения займа, запрошенного в начале 1899 г. Республикой, действуют заодно с Дж. Чемберленом и Родсом, желая ликвидировать независимость Трансвааля. Как писал Маркс: «Я спорил со стариком по

* А. Милнер – с мая 1897 г. по март 1899 г. Верховный комиссар Великобритании по делам Южной Африки.

** Дж. Чемберлен – министр по делам колоний Великобритании в 1895–1903 гг., один из главных инициаторов англо-бурской войны.

этому вопросу, но тот всегда возвращается к тому, что Англия никогда не будет удовлетворена, пока у нее не будет Трансвааля»¹⁵. Ротшильды были крайне разочарованы партнерами.

Побывав в Кейптауне и Блумфонтейне, Маркс попытался привлечь к мирному урегулированию члена исполнительного совета Оранжевого Свободного Государства Абрахама Фишера, а также лидера буров Капской колонии Яна Хофмейера. Он надеялся, что их вмешательство будет иметь сильное влияние на Крюгера и его консервативных сторонников. В ожидании этого он опять встретился с президентом Крюгером 24 июня. Интересно содержание их беседы. Маркс обратился к своеобразной арифметике войны и показал, что даже при поддержке буров Капской колонии Трансвааль и Оранжевое Свободное государство могли бы мобилизовать только 40 тыс. солдат, что совсем недостаточно для борьбы с Англией. Крюгер не мог не согласиться с этим, но ответил лишь, что он не отдаст свою страну без борьбы. Бог поддерживал их до настоящего времени, не оставит их и сейчас.

Под давлением сторонников уступок Великобритании 9 июля 1899 г. Депутаты парламента проголосовали за предоставление права натурализации всем благонадежным лицам после пятилетнего пребывания в стране и увеличение представительства уитлендеров в высшем законодательном органе. Маркс был очень доволен этим результатом и верил, что мирное урегулирование теперь может быть достигнуто, гарантией чего выступала позиция Милнера, который, казалось, искренне хотел избежать конфликта. Здесь он, видимо, ошибался. Но в отношении Дж. Чемберлена он оказался проницательнее. В своих письмах он отмечал: «Хотя все здесь полны оптимизма, я не могу не думать, что горизонт не совсем ясен. Я полагаю, что Чемберлен и партия [Тори] не заботятся об интересах уитлендеров, как они об этом говорят. Они хотят чего-то большего, у них есть еще карты для игры, и я не удивлюсь, если очень скоро такая карта будет положена на стол»¹⁶.

Маркс оказался прав. 28 июля Чемберлен разыграл эту карту в своем выступлении в Палате общин, снова спровоцировав кризис в Южной Африке. Начав с агрессивных нападок на правительство Трансвааля, он заявил, что Великобритания имеет право вмешиваться во внутренние дела Республики, и настаивал на создании совместной англо-бурской комиссии по разъяснению закона о на-

турализации. В конце августа кабинет министров направил Трансваалю ультиматум, в котором требовал увеличения представительства в Фольксрааде жителей золотоносных областей, уравнивания английского и нидерландского языков в политической сфере, а также предоставления равных избирательных прав коренным и натурализованным гражданам на президентских выборах. Это была прямая атака на независимость Трансвааля.

Несмотря на обострение политической обстановки, ставшую очевидной подготовку к войне, массовый отъезд уитлендеров, Маркс еще в сентябре хотел верить, что мир может быть сохранен. «Ведется много разговоров [о войне], но люди все же становятся более цивилизованными, чтобы не убивать друг друга по пустякам»¹⁷. Тем не менее он принял все возможные меры, чтобы обезопасить свои фабрики и шахты. Маркс обратился к правительствам Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства за письменной гарантией безопасности его рабочих в случае начала военных действий, сформировал отряды охраны для предотвращения случаев грабежа и мародерства, получив на это официальное разрешение, объявил о гарантиях сохранения заработной платы своим рабочим в условиях войны. В конце сентября он отправил беременную жену и младших детей в Капскую колонию. Его единственной надеждой было скорое окончание войны.

После начала войны Маркс, с одной стороны, оказывал материальную помощь воюющим бурам, а с другой – поддерживал английских военнопленных, которые находились в заключении на ипподроме в Претории. Первое лето войны выдалось дождливым и богатым на урожай, в Сварткопписе было много фруктовых деревьев, и Сэмми лично возил в Преторию фрукты для больных и раненых.

После первоначальных военных успехов буров перевес сил оказался на стороне англичан. Армия генерала Робертса продвинулась на территорию Оранжевого Свободного Государства и в марте 1900 г. захватила столицу Блумфонтейн. В условиях надвигающегося британского вторжения лидеры Трансвааля заговорили о возможности уничтожения шахт и оборудования. Одни видели в этом месть англичанам, которым принадлежала эта собственность, другие надеялись таким образом привлечь внимание лидеров европейских стран к войне. Маркс с ужасом воспринял эти новости, счи-

тая, кроме того, что это в первую очередь нанесет ущерб репутации буров, и сразу начал действовать. Понимая бесполезность обращения к фанатично настроенным политикам, он начал вести переговоры с военными. Заручившись поддержкой Петруса Жубера (командующего вооруженными силами Трансвааля во время войны, а также сторонника умеренных уступок Великобритании), он направил послания о недопустимости уничтожения шахт своим друзьям, занимавшим важные посты в воюющей армии: Джону Риссику, близкому другу Луиса Боты (в то время адъютанта Лукаса Мейера, командующего бурскими отрядами в Натале), самому Мейеру (который недавно провел три недели в Сварткопписе, выздоравливая после ранения) и Коосу де ла Рею, одному из самых знаменитых бурских генералов.

При личной встрече Бота заверил Маркса, что он гарантирует неприкосновенность имущества и подаст в отставку, если намерение взорвать шахты будет осуществлено. Гарантии Боты были соблюдены. Когда отступающие бурские отряды прошли через Йоханнесбург, все шахты остались невредимыми. Британские войска быстро продвигались, и 31 мая 1900 г. был захвачен Йоханнесбург. Двумя днями ранее президент Трансвааля и его ближайшее окружение тайно покинули Трансвааль, направляясь в Европу, где Крюгер безуспешно попытался добиться вмешательства правительств европейских государств в защиту буров, а фактически отправляясь в изгнание. Точных свидетельств нет, но более чем вероятно, что Маркс провожал своего друга на станции. Эта была их последняя встреча.

5 июня 1900 г. Претория была сдана без боя, несмотря на хорошие укрепления, построенные под руководством Жубера накануне войны. В тот же день бурские генералы провели совещание на одной из фабрик Маркса, на котором присутствовал и сам хозяин. Все были подавлены неудачами и отъездом лидеров Трансвааля, но в конце концов было решено продолжить войну партизанскими методами. Маркс пытался убедить генералов, что продолжение войны является совершенно безнадежным делом, и указывал на то, что иностранная интервенция, последняя надежда буров, представляется совершенно невероятной. Также он позже призывал бурских командос, проходивших через Сварткоппис, сложить оружие, за что едва не был застрелен одним из них.

Английские войска пришли в Сварткоппис 6 июня. Маркс встретил их достаточно гостеприимно, он не оставлял попыток прекратить эту войну. Утром 8 июня он пересек линию фронта, которая проходила совсем недалеко от его имения, вместе с Анни Ботой, женой генерала Луиса Боты, которая также надеялась убедить мужа сложить оружие. Как Маркс вспоминал позже, после эмоциональных слов миссис Боты он был почти уверен, что им удалось склонить генерала на свою сторону, но тому доставили телеграмму, в которой сообщалось о крупной победе буров под командованием Де Вета в Оранжевом Свободном Государстве: английское войско было разгромлено, буры захватили более 2 тыс. пленных. После того как телеграмма была зачитана, Бота, по словам Маркса, повернулся к нему и спросил: «И что мне теперь делать?» «Если вы верите этой телеграмме, то мне нечего сказать», – ответил Маркс¹⁸. После этого Бота попросил собеседников удалиться, поскольку должен был начаться обстрел. И действительно, Анни Бота практически чудом на обратном пути избежала гибели от артиллерии своего мужа.

11 и 12 июня произошло последнее значительное сражение в окрестностях Сварткопписа – бой за Алмазный холм. После чего бурская армия начала отступление. Маркс был представлен командующему английскими войсками генералу Робертсу, с которыми у него сложились хорошие отношения и который с женой и дочерьми, приехавшими к нему в Южную Африку, посещал Сварткоппис. Маркс принес клятву о нейтралитете, как и многие известные люди Трансвааля.

Последней попыткой повлиять на исход войны было обращение Маркса к главным командующим оставшихся бурских отрядов Коосу де ла Рею и Луису Боте в октябре 1900 г. На обращение к де ла Рею Маркс мог рассчитывать особенно в связи с тем, что их связывала давняя дружба и особые отношения, о которых сам бурский генерал, по воспоминаниям современника, говорил так: «Старый еврей был моим самым лучшим другом, он спас меня и мою семью. Люди говорят, что он просто еще один старый торговец, который заберет твои деньги так же легко, как человек высосет апельсин и бросит прочь. Но он сделал для меня то, что, я думал, не сделает ни один из моих людей, ни христианин, ни англичанин, ни кто-либо вообще»¹⁹.

Маркс писал де ла Рею: «Мой дорогой старый друг. Вы помните, что я неоднократно указывал Вам на бесполезность борьбы против такой могущественной державы, как Великобритания. Страны, имеющей почти неограниченные средства для ведения войны. Я встречался с британскими генералами, и они рисуют страшную картину страданий стариков, женщин и детей по всей стране, которая должна тронуть таких храбрых мужчин как Вы. Чем дольше длится эта война, в которой невозможно одержать победу, тем хуже будут страдания ее жителей, и я советую в интересах человечности без промедления подчиниться неизбежному. Теперь, мой дорогой Коос, я хочу, чтобы Вы прочитали это письмо не как боевой генерал, а как отец, муж и христианин. Вы, несомненно, задаетесь вопросом, как Сэм Маркс может советовать вам как христианину. Но в течение всей войны Президент много раз цитировал Писание, хотя его действия показывают, что он не достиг до духа Христианства. Каждая религия учит нас человечности. Вы высказывали мнение, что сделаете все возможное, чтобы предотвратить войну, но, если начнутся военные действия, вы доведете их до конца. То, что вы храбро сражались, вынуждены признать даже Ваши враги. Но Вы не можете принести никакой пользы, продолжая борьбу, в то время как Вы можете спасти людей от многих страданий»²⁰. Ответа не последовало.

В конце октября Маркс подготовил аналогичное обращение к Л. Боте. Маркс попросил в своем письме прочитать его президенту Стейну и другим заинтересованным лицам. Но ответа он также не получил. Единственный полученный им ответ был от командира капских буров Абрама Малана, где в крайне резкой форме тот назвал людей, подписавших петицию, предателями и заявил, что буры готовы вести переговоры с англичанами напрямую, а не через посредников. Маркс был крайне уязвлен этим письмом и сложившейся ситуацией.

Постепенно в Сварткопписе, мало пострадавшем от войны, налаживалась мирная жизнь. Маркс, имевший право свободного передвижения, выхлопотал разрешение вернуться своему племяннику и управляющему. Все это указывало на его влияние среди новой английской администрации Трансвааля. Много офицеров посещало его имение, где по воскресеньям собирались с довоенным размахом. В августе 1900 г. из Англии стали приходить тревожные

сообщения о болезни его 12-летнего сына, который обучался там. Монти Маркс умер 12 декабря 1900 г. Личное горе на время заслоило от Сэмми политические хитросплетения.

Тем не менее, будучи лично знаком со многими участниками войны, С. Маркс, занявший нейтральную позицию, пользовался уважением и доверием руководителей военных действий с обеих сторон (не только бурских генералов Боты, де Вета и де ла Рея, но и британских военачальников – лордов Китченера и Милнера) и сыграл значительную роль в подготовке договора, положившего конец этой войне и началу современной южноафриканской государственности в ныне существующих границах (первоначально в качестве британского доминиона): заключительные переговоры и подготовка мирного договора прошли в мае 1902 г. на территории предприятия Маркса в Феринихинге. Сэмми Маркс, владелец Феринихинга, сам предложил бурам и британцам эту площадку для переговоров о мире.

Туманным утром 15 мая 1902 г. 60 делегатов от бурских республик и 60 делегатов от Великобритании встретились для переговоров в шатре, который назывался «Палатка для собраний». Колючая проволока окружала место переговоров, а часовые усиленно охраняли его. Переговоры шли в обстановке секретности, что вызвало серьезное разочарование у прессы, которая тщетно пыталась определить, что происходит внутри лагеря. Изобретательный журналист лондонской газеты «Дейли Мейл» Эдгар Уоллес благодаря знакомству с одним из часовых получил важное преимущество. Каждый день он ездил из Претории в Феринихинг на поезде. Знакомый охранник подходил к забору, ближайшему к станции, и вытирал нос одним из трех цветных носовых платков. Красный означал, что в переговорном процессе есть заминка, синий – что переговоры идут гладко, а белый – что мир определенно будет подписан. Таким образом, Уоллес смог передать сообщение о том, что буры готовы подписать соглашение, в Лондон за сутки до того, как новость стала официальной*.

* Место переговоров располагалось на поле для крокета (*Vereeniging Refractories*), где 31 мая 1992 г. Фредерик де Клерк, уже миротворец нашей эпохи, удостоенный, наряду с Нельсоном Манделой, Нобелевской премии мира за мирную ликвидацию апартеида, торжественно открыл мемориал к 90-летию окончания англо-бурской войны.

Заключение

Мирный договор между англичанами и бурами, заключенный на территории фабрики Маркса в Феринихинге, был официально подписан 31 мая 1902 г. в Мелроуз-хаусе в Претории. Впоследствии бурские республики (Трансвааль, Оранжевое Свободное Государство) и британские владения (Капская колония, Наталь) были объединены в Южно-Африканский Союз (ЮАС), что стало краеугольным камнем южноафриканской государственности в XX в. ЮАС, как и другие британские самоуправляющиеся доминионы, такие как Австралия и Канада, быстро превращался в фактически независимое государство, а составлявшие большинство привилегированного белого населения буры-африканеры уже без кровопролития взяли в свои руки политическую власть в стране в 1948 г.

В 1909 г. Маркс перебирается в Йоханнесбург, активно занимается благотворительностью. В 1905 г. он был избран почетным президентом еврейской конгрегации Претории. Продолжал активно заниматься бизнесом и политикой. После образования в 1910 г. Южно-Африканского Союза Сэмми Маркс был избран в парламент этого нового британского доминиона и до конца жизни оставался сенатором. В 1911 г. стал вице-президентом Витватерсрандского сельскохозяйственного общества. Умер Сэмми Маркс от инсульта в 1920 г.

В Южной Африке помнят и чтут Сэмми Маркса и его дела, а на малой родине, в бывшем местечке со значительным еврейским населением Жемайчю-Науместис, вспомнить о нем некому. Все еврейское население, включая женщин и детей, было расстреляно немцами уже в начале оккупации в июле-сентябре 1941 г. Как считают некоторые историки, поистине вдохновленный Сэмми Марксом массовый выезд литовских евреев в Южную Африку предотвратил их гибель в условиях последующего нацистского геноцида и сделал новую родину своеобразным Ноевым ковчегом для них²¹. Открывшая XX век англо-бурская война стала провозвестником последовавших за ней еще более ужасных мировых войн.

¹ *Mendelsohn R. Sammy Marks: The Uncrowned King of the Transvaal. Cape Town: David Philip, 1991. P. vii.*

-
- ² Ibidem. P. ix.
- ³ Быстряков А.Г. Евреи Екатеринослава-Днепропетровска. Днепропетровск: Арт-Пресс, 2001. С. 30.
- ⁴ The Jews in South Africa. A History. Cape Town; London; New York: Geoffrey Cumberledge, 1955. P. 61.
- ⁵ Malan A. Sammy Marks. The Lewis and Marks Partnership. A Success Story. Pretoria: Northern Flagship Institution, 2006. P. 13.
- ⁶ Ibidem. P. 14.
- ⁷ Mendelsohn R. Sammy Marks... P. 90.
- ⁸ Mendelsohn R. The Gilded Cage: Bertha Marks at Zwartkoppies // Dis-location: Exploring Issues of Alienation and Identity in South Africa / ed. by B. Law-Viljoen. Johannesburg: David Krut Publishing, 2008. P. 38.
- ⁹ Mendelsohn R. Sammy Marks... P. 5.
- ¹⁰ J. Евреи в Южной Африке. Пережитое и виденное // Будущности. Прил. к еженед. изд. / Под. ред. д-ра С.О. Грузенберга. Т. I. СПб., 1900. С. 276.
- ¹¹ Горелик Б.М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 24–25.
- ¹² Gordon B. L. Between Two Worlds: The Memoirs of a Physician. New York: Bookman Associates, Inc., 1952. P. 109.
- ¹³ J. Евреи в Южной Африке... С. 272–276.
- ¹⁴ Mendelsohn R. Sammy Marks... P. 111.
- ¹⁵ Ibidem. P. 111–112.
- ¹⁶ Ibid. P. 113.
- ¹⁷ Ibid. P. 114.
- ¹⁸ Ibid. P. 121.
- ¹⁹ Fitzpatrick J.P. South African Memories. L.: Cassell and Company Ltd., 1932. P. 208.
- ²⁰ Ibidem. P. 125.
- ²¹ Mendelsohn R. Sammy Marks...

ГЛАВА 6. Изучение опыта англо-бурской войны (1899–1902) накануне Второй мировой войны: причины и выводы

Толпа дрогнула, откатилась врассыпную
и снова хлынула вперед, опять рассыпалась
и опять набежала, возвращаясь упорно,
как приливная волна

Дж.Р.Р. Толкин

«Малая война» в Африке как преддверие Новейшей эпохи

Период между двумя мировыми войнами стал временем повышенного интереса зарубежной и отечественной науки к проблемам «малых» вооруженных конфликтов недавнего прошлого, в том числе к историческим урокам англо-бурской войны 1899–1902 гг., для чего имелись серьезные практические причины. Эта война произвела на современников глубокое впечатление, прежде всего, из-за упорного сопротивления, которое вооруженные фермеры-бурсы оказали регулярным британским войскам. Необычным был и сам характер войны, в которой лицом к лицу столкнулись кадровая европейская армия и бурская народная милиция. После того как на полях открытых сражений были разбиты последние бурские отряды, еще два года продолжалась жестокая партизанская война. При внимательном взгляде здесь можно было уловить тревожные приметы грядущих вооруженных столкновений новейшего времени – с их концлагерями, облавами, блокпостами, засадами снайперов, подорванными эшелонами, заложниками из числа гражданских лиц и прочими атрибутами тотальной войны. Не менее серьезными были изменения в непосредственном ведении боевых действий, повлиявшие на эволюцию военного искусства в целом: тактические формы боя, приемы обороны, организация огня в наступлении, значение тяжелой артиллерии в полевой маневренной войне и борьбе с современной полевой фортификацией, особенности массовой партизанской войны.

Многое из этого опыта оказалось мало востребованным в период первой из мировых войн, быстро принявшей затяжной позиционный характер. Зато этот опыт стал предметом отдельного внимания, в том числе в Краснознаменной Военной Академии Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) имени М.В. Фрунзе, позднее – в межвоенный период. Этот интерес к англо-бурской войне 1899–1902 гг. в какой-то степени можно объяснить тем обстоятельством, что по своему характеру и некоторым способам ведения Гражданская война 1918–1922 гг. в России оказалась ближе к англо-бурской войне 1899–1902 гг. в Южной Африке, чем к непосредственно предшествовавшей ей траншейной Первой мировой войне 1914–1918 гг. в Европе.

Конечно, ни о каком повторении характера боевых действий в целом говорить не приходится, но в некоторых чертах указанные вооруженные конфликты оказались отчасти схожи. Это и так называемая эшелонная война в начальный период Гражданской войны в России, когда вооруженная борьба велась главным образом вдоль железнодорожных магистралей с использованием для маневра и базирования войск воинских эшелонов, и масштабное партизанское движение в течение последующих ее этапов. В частности, партизаны сыграли значительную роль в достижении решающих побед Красной армии, в том числе при отражении иностранной военной интервенции. И хотя по мере насыщения районов боевых действий войсками, роста численности армий, совершенствования их организационно-штатной структуры, оперативного и стратегического управления, повышения уровня боевой подготовки и дисциплины, а также образования устойчивых фронтов указанные выше формы отходили на второй план, их элементы сохранялись во время Гражданской войны в России вплоть до самого ее окончания – совместного вступления советских войск и партизан во Владивосток в октябре 1922 г.

Гражданская война в России, помимо прочего, создала особый стихийный эпос, частью которого стала популярная еще до революции и прочно вошедшая в народный фольклор песня «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...»¹, удивительным образом закрепившаяся в коллективном сознании нескольких поколений. Ее уникальность для российской культуры, по-видимому, заключается не только в действительно имевшем место сочув-

ствии современников к борьбе буров, но и в подсознательном отражении драматизма переходной исторической эпохи первой половины XX века в целом. Более того, глубинные смысловые импульсы этой необычной песни, скрытые в ней дискурсы инстинктивно улавливались даже поздними поколениями советских людей вплоть до 1970-х годов включительно. Во всяком случае, одному из авторов этой главы запомнилась фраза ведущего популярной когда-то радиопередачи «Встреча с песней», который сказал в эфире, что не будет зачитывать письма слушателей о песне «Трансвааль, Трансвааль...»^{*}, так как их слишком много, и во всех либо вопрос, что это за песня, либо просьба исполнить ее еще раз^{**},².

Идеологически и психологически интерес советских интеллектуалов 1920–1930-х годов к событиям англо-бурской войны можно объяснить как уже сложившейся до революции 1917 г. традицией, так и новыми реалиями международного положения, в котором оказалось Советское государство после гражданской войны и сопутствовавшей ей иностранной военной интервенции. Еще в начале 1920-х годов большевики продолжали считать революцию в России прологом мировой революции. Существовали надежды на экономическую и технологическую помощь Запада в русле социалистического интернационализма. Однако вместо мировой революции и экономической помощи Советская Россия получила экономическую блокаду. И хотя она была в основном прорвана к середине 1920-х годов, политическая изоляция страны со стороны империалистических держав, обладавших колоссальными материальными преимуществами, еще сохранялась.

В этих условиях анализ положения бурских республик на международной арене на рубеже XIX–XX вв. мог дать советской научной школе определенный исторический урок, связанный с ненадежностью формальных деклараций мирового сообщества о поддержке независимости буров от агрессивных поползновений Британской империи, которые внушали бурскому правительству ложные надежды на официальную помощь со стороны других европейских держав. В качестве наглядного примера можно привести

^{*} Стихи Г. Галиной легли в основу народной песни «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...», речь о которой пойдет в другой главе монографии.

^{**} Этот сюжет подробно рассмотрен в другой главе монографии.

телеграмму 1895 г. германского императора Вильгельма II президенту Крюгеру. Он поздравлял буров с отражением вторжения Джемсона, с которым они справились на этот раз без помощи других держав. Здесь буры могли усмотреть прозрачный намек на возможность прямой военной помощи в случае повторения нападения на них.

В 1930-е годы подобные дипломатические реверансы могли напоминать о безуспешных попытках французского министра иностранных дел Л. Барту, реально поддержанные только СССР, создать систему взаимопомощи восточноевропейских стран – так называемый «Восточный пакт» – на случай агрессии со стороны гитлеровской Германии. Безнаказанное вторжение фашистской Италии в Эфиопию, ставшее одним из заметных этапов на пути развязывания Второй мировой войны и, по сути, одной из ее репетиций, также ясно показало, что, несмотря на словесное осуждение агрессии, далеко не все европейские политики готовы к решительному противодействию ей на деле. Таким образом, события на Африканском континенте могли находиться в поле зрения советского руководства при формировании его внешнеполитической программы, а также при анализе действовавших там основных социальных и национальных сил.

С одной стороны, идеология и внешнеполитическая линия СССР, ориентированная на интернациональную помощь и поддержку народов мира в борьбе с колониализмом, конечно, не позволяла сочувствовать политической системе господства белого меньшинства, сформировавшегося на юге Африки в межвоенный период (1919–1939 гг.)³.

С другой стороны, официальная советская историография оценивала непосредственную борьбу буров с англичанами в 1899–1902 гг. в общем и целом благожелательно и трактовала ее как национально-освободительную. Такая оценка не противоречила идеям В.И. Ленина, выделявшего в своей работе «Социализм и война» (1915) справедливые и несправедливые войны. Первые, согласно его мнению, ведутся в целях освобождения народов от классового, национального или колониального гнета⁴. Для определения прогрессивности или реакционности каждого отдельного военного конфликта ленинская концепция предлагала исследовать его с учетом конкретных исторических условий.

Двойственная оценка англо-бурской войны 1899–1902 гг. с поправкой на уже упомянутые выше конкретно-исторические условия отчетливо прослеживается в учебнике по истории колониальных и зависимых стран, выпущенном для советских исторических факультетов в 1940 г. В частности, в нем отмечалось, что важным обстоятельством, способствовавшим поражению буров, являлась враждебность со стороны туземного населения: «Угнетенные и эксплуатируемые бурами массы коренного населения относились с безразличием к происходившей войне, а в некоторых случаях они поддавались английской агитации и активно выступали против буров»⁵.

Тем не менее непосредственные действия буров против англичан на поле боя квалифицировались отечественными историками рассматриваемого периода как справедливое сопротивление борцов за независимость, а многие бурские генералы (в частности, Христиан Де Вет) характеризовались с явной симпатией как талантливые и решительные полководцы.

Исходя из данной теоретической установки и оценивалась англо-бурская война 1899–1902 гг. в СССР накануне Второй мировой войны и Великой Отечественной войны советского народа⁶. Так, в пособии профессора Г.А. Деборина, выпущенном весной 1941 г. военным издательством Народного комиссариата обороны в помощь марксистско-ленинской учебе начальствующего состава Красной Армии, отдельно упомянутая в нем англо-бурская война 1899–1902 гг. однозначно интерпретировалась как «справедливая освободительная борьба с угнетателями»⁷.

Как видим, содержание указанного выше пособия свидетельствует об использовании сведений из истории англо-бурской войны в Южной Африке для политических занятий с военнослужащими Красной армии почти через 40 лет после ее завершения в условиях подготовки к схватке Советского Союза с гитлеровскими захватчиками.

Повышение интереса со стороны военных профессионалов различного профиля к событиям англо-бурской войны с началом 1930-х годов, на которые пришлось нарастание новой милитаристской угрозы всемирного масштаба, представляется совсем не случайным. Период исторически недолгой передышки между Первой и Второй мировыми войнами, известный еще как «эпоха интербел-

лума» (от лат. *inter* – «между» и *bellum* – «война»), стал временем переосмысления предыдущего боевого опыта в контексте соотношения так называемых малой и большой империалистических войн, представленных соответственно англо-бурской войной 1899–1902 гг. и Первой мировой войной 1914–1918 гг. Несмотря на конечные стратегические итоги, определенные тактические достижения буров в ходе первой из них объективно побуждали некоторых военных аналитиков задумываться о тех преимуществах, которые можно получить при правильном сочетании регулярных и иррегулярных форм военных действий. Поводом для такого мнения могла быть высокая боевая эффективность бурской тактики, которая отражалась на соотношении потерь английских и бурских комбатантов. Их десятикратная разница – в среднем 408 англичан против 41 бура⁸ – способствовала нарастанию беспокойства в правящих кругах Великобритании и являлась одной из основных причин их жестких действий в отношении мирного бурского населения.

Профессиональный интерес к возможностям и, соответственно, историческому опыту малых и партизанских войн в период интербеллума подтверждался содержанием учебных планов некоторых военных образовательных заведений. Учебная программа соответствующей направленности была, например, введена в английском штабном колледже в Камберли⁹. Неудивительно, что подобный интерес существовал и среди военных ученых СССР, международное положение которого оставалось весьма уязвимым. Соперничество ведущих империалистических держав за рынки сбыта, передел сфер влияния негативно сказывались на международной стабильности. СССР с его огромной территорией и внутренним рынком, природными богатствами и национально неоднородным населением мог оказаться, подобно Китаю того времени, заманчивой мишенью для возможных экспансионистских притязаний.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. показала, что партизанская война отнюдь не является уделом исключительно отсталых стран¹⁰. Ее опыт оставался чрезвычайно актуальным и востребованным при исследовании перспектив соответствующих способов и форм ведения оборонительной войны против превосходящих сил внешнего агрессора. Он привлек внимание научных сотрудников Военной академии РККА, возможно, по той причине, что к началу

1930-х годов в Советском Союзе уже имелись и продолжали активно разрабатываться проекты подготовки и организации профессиональных партизанских кадров на случай вражеского вторжения.

Эта работа была непосредственно связана с одним из важных направлений деятельности командования РККА еще в период гражданской войны, когда ему удалось организовать достаточно мощное партизанское движение в тылу противника, что ускорило окончательный разгром Белого движения и изгнание с территории Советской республики иностранных интервентов. Положительный опыт революционных партизанских действий не был отброшен и после формирования кадровой Красной армии.

Логическим продолжением проводившейся в течение 1920-х годов работы по созданию предпосылок для развертывания в случае необходимости заранее подготовленной партизанской сети стали попытки теоретического обобщения этого вопроса. В 1931 г. была выпущена книга М.А. Дробова «Малая война»¹¹, которая использовалась советским командованием в качестве официального наставления по организации и реализации партизанского сопротивления. События англо-бурской войны в этой книге не были предметом прямого анализа, но подчеркивалась необходимость и эффективность партизанских методов в принципе.

Практическим результатом развития теории партизанской войны в СССР являлись организованные Народным комиссариатом обороны курсы по подготовке командиров партизанских соединений и хорошо замаскированных партизанских баз на наиболее опасных направлениях. Насколько известно, всего было организовано три партизанских учебных центра: два из них находились в ведении Главного разведывательного управления (ГРУ) РККА и один функционировал под эгидой ОГПУ¹². Таким образом, проблеме малой иррегулярной войны уделялось достаточно большое внимание.

Стоит оговориться, что «парадокс силы», связанный с довольно эффективным противодействием иррегулярных вооруженных сил регулярным армиям, не потерял своей актуальности и во второй половине XX – начале XXI в. Например, Карл Шмитт начал исследовать это явление как раз в межвоенный период, в 1932 г., а продолжил в 1962 г.¹³. В 1970-е годы к этой же проблеме обратился

Эндрю Макк в своей статье «Почему великие державы проигрывают малые войны»¹⁴. Автор акцентировал внимание на дальнейшем развитии данной тенденции в современном мире¹⁵. И со временем она стала привлекать внимание социологов, политологов, историков и правоведов все больше.

Безусловно, указанная проблема была актуальна и в эпоху интербеллума. По мере нарастания военной напряженности с началом 1930-х годов ведущие субъекты мировой политики начинают увеличивать военные расходы. По сведениям Народного комиссариата обороны СССР, содержащимся в докладной записке «О направлении роста вооружений капиталистических стран в 1927–1934 гг.», военные расходы ведущих держав на душу населения оценивались следующими цифрами (в долл. США): Франция – 13,2; Англия – 11,8; Италия – 8,1; США – 6,0; СССР – 4,1¹⁶. Таким образом, расходы СССР оказались на последнем месте среди ведущих европейских стран и США. Именно на таком фоне и появляются новые научные обзоры, связанные с анализом колониальных войн начала XX века.

Англо-бурская война 1899–1902 гг. была одной из первых полноценных «ресурсных» войн современной эпохи¹⁷. Для более объективного понимания причин этой войны не следует забывать, что она совпала с заметным снижением золотых резервов Великобритании, которые уменьшились между с 1896 по 1902 г. с 44 до 35 млн фунтов стерлингов¹⁸.

В связи с постепенным отставанием Англии по темпам экономического роста от более молодых и динамично развивающихся промышленных держав, таких как Германия, усилением конкурентной борьбы между ними, сокращение ее золотого запаса рассматривалось правящими кругами как крайне нежелательный для ее положения на международной арене фактор. Аннексия Южно-Африканской Республики (Трансвааля) и Оранжевого Свободного Государства, в недрах которых залегали открытые незадолго до этого значительные залежи золотоносных руд, могла серьезно поддержать курс английской валюты на мировых финансовых рынках. Золотая лихорадка, захватившая юг Африки, была не последней в цепи причин, спровоцировавших англо-бурскую войну 1899–1902 гг.¹⁹

О захватнических планах английского истеблишмента в отношении экономики бурских республик свидетельствуют и другие

факты. До 1895 г. практически вся внешняя торговля Трансвааля находилась под контролем англичан, так как железнодорожные линии, связывавшие его с внешним миром, замыкались на морские порты и таможни в Капской колонии и Натале. Постройка кратчайшей железной дороги от Претории до португальского порта Лоренсу-Маркиш в Мозамбике неизбежно снизила удельный вес и монополистические позиции британского капитала в экономике бурских республик. Для восстановления своих пошатнувшихся позиций в ней английский империализм и обратился к использованию насильственных мер, предвзявших одной из первых в истории полномасштабных информационных войн. Сложные пропагандистские технологии сопровождали англо-бурский конфликт на всех этапах его эскалации²⁰.

Известно, что в целях воздействия на общественное мнение против буров была организована в значительной степени клеветническая информационная атака, в ходе которой британская пресса обвиняла бурское правительство в «тираническом» отношении к иностранцам (уитлендерам), буквально хлынувшим в страну после открытия золотых приисков Витватерсранда. Но менее известно о том, что еще до завершения англо-бурской кампании британские военные власти сами арестовали и репатриировали с территории оккупированных бурских республик несколько тысяч уитлендеров неанглийского происхождения, выходцев из стран континентальной Европы и из России²¹.

Предложенная министром по делам колоний Дж. Чемберленом летом 1902 г., уже после заключения мирного договора, программа «реконструкции» Южной Африки противопоставляла английский «прогрессивный империализм» патриархальному укладу буров. Чтобы увеличить количество рабочих, африканское население стало активнее принуждаться к миграции в промышленные центры для трудоустройства на местных предприятиях. Предлагавшиеся меры в теории противопоставлялись «сентиментальному стремлению сохранить туземцев в естественном состоянии»²², а на практике приводили к разорению африканцев из-за увеличения налогового бремени при одновременном сокращении заработной платы. Именно в это время (1901 г.) один из британских владельцев южноафриканских приисков Дж. Албу откровенно объяснял в английском парламенте: «Чтобы заставить туземца работать, надо обло-

жить его налогом. Если у меня есть 5 фунтов стерлингов, то я не захочу работать; но если правительство примет закон о том, что все должны ежемесячно платить налог размером в 3 фунта стерлингов, то у меня останутся только 2 фунта стерлингов и я буду принужден работать»²³.

Всего через 7 лет после включения Трансвааля в Британскую колониальную империю прибыль английских золотопромышленников вдвое превысила их доходы здесь же за 1898 г.²⁴ Для обеспечения оптимальных позиций английских правящих и монополистических кругов в Южной Африке им потребовался сговор с бурами, который в конечном итоге и состоится на компромиссной основе после долгих переговоров.

Однако до этого Великобритания целенаправленно стремилась к захвату бурских республик, независимо существовавших в окружении ее колониальных владений в Южной Африке. Достаточно продолжительное время в защите своего суверенитета буры действовали смело и решительно, с воодушевлением и стойкостью сражаясь против врага. Война с ними потребовала от Англии большого напряжения, изучение причин которого было особенно важно в условиях зарождения теории «асимметричного» военного конфликта между несопоставимыми по своему экономическому и мобилизационному потенциалу противниками. Впечатляющая твердость и мотивированность буров в отстаивании своих позиций сами по себе могли вызвать немалый научный интерес у военных специалистов. Кроме того, в этой войне впервые на практике были проверены многочисленные новшества, которые со временем стали неотъемлемой частью современного военного искусства²⁵.

Советские военные исследования англо-бурской войны в период нарастания новой военной угрозы

В 1933 г. в Советском Союзе выпускается краткий военно-политический очерк, посвященный Второй англо-бурской войне 1899–1902 гг. Его автором был адъютант Военной Академии РККА Виктор Михайлович Воронков (1899–1938), в прошлом участник Первой мировой войны и Гражданской войны в России, являвшийся не случайным человеком в военной науке. Свое первое военное образование он получил еще до революции в Александровском во-

енном училище. Непосредственно начав военную карьеру в годы Первой мировой войны в качестве ротного командира, В.М. Воронков был направлен на ускоренные курсы Николаевской академии Генерального штаба и встретил революцию 1917 г. в чине поручика.

Приняв Советскую власть, он связал свою дальнейшую судьбу со службой в Красной Армии, до создания которой служил инструктором 2-го батальона Красной гвардии в родном для него Баку. В июне 1918 г. Воронков назначается старшим пулеметным инструктором Кавказских военных курсов, по мере развертывания Гражданской войны последовательно занимает все более ответственные командные и штабные должности в РККА. Уже в июле 1918 г. он становится начальником обороны и чрезвычайным комиссаром боевого участка стратегически важной в военном отношении Владикавказской дороги. В период иностранной интервенции Воронков был захвачен в плен англичанами, но вскоре совершил побег из тюрьмы и вновь присоединился к Красной армии. В мае 1919 г. он переводится на должность начальника связи штаба Туркестанского фронта в Центральную Азию, после чего становится начальником оперативного отдела штаба Южной группы войск Восточного фронта, а с октября того же года возглавляет оперативный отдел штаба 11-й армии РККА. Ко времени затухания основных сражений Гражданской войны, имея внушительный командный опыт и боевые ранения, Воронков продолжает занимать ответственные должности в действующих частях Красной армии на Кавказе: начальника штаба Терско-Дагестанской армии и 1-го Кавказского корпуса (в 1921 г.), а затем – 1-й Кавказской стрелковой дивизии (в 1922 г.).

После завершения Гражданской войны В.М. Воронков несколько лет продолжает повышать уровень своего военного образования, оканчивает в 1925 г. двухгодичные курсы основного факультета Военной Академии РККА и сразу же становится слушателем восточного факультета той же академии, который успешно оканчивает в 1927 г.

Вплоть до января 1929 г. Воронков находился в распоряжении 4-го (Разведывательного) управления Штаба РККА. В этот период он был вновь переведен для практической работы в войска: сначала в качестве командира стрелкового полка, затем начальника шта-

ба стрелковой дивизии и наконец начальника ПВО одной из армий. В ноябре 1930 г. он обучается в адъюнктуре Военной Академии РККА им. М.В. Фрунзе и углубленно занимается научными исследованиями в области истории военного искусства²⁶.

В сферу научных интересов Воронкова попадают, прежде всего, вопросы маневренной войны, что находит отражение в двух его работах 1932 и 1933 гг.: «Лодзинская операция» и «Англо-бурская война» соответственно. В последней автора особо занимали актуальные проблемы ведения этой войны на оперативном и тактическом уровне, особенности применения в ее ходе стрелкового и артиллерийского вооружения, достижения в военно-инженерном деле и маскировке на поле боя, управление войсками и, безусловно, специфика масштабной партизанской войны, так ярко продемонстрированной бурами.

В процессе своего небольшого, но достаточно содержательного исследования автор сделал некоторые важные выводы относительно указанных выше аспектов англо-бурской войны 1899–1902 гг. В частности, он с большим уважением отзывается о военно-инженерном искусстве буров, их полевой фортификации и искусстве маскировки своих позиций: «Мы не ошибемся, если скажем, что ни в одной войне до англо-бурской использование фортификационных построек и сооружений не имело столь широкого применения в полевой войне, как на южноафриканском театре...»²⁷.

По оценке автора при обороне своих позиций буры систематически прибегали к инженерному искусству, широко применяя новейшие для того времени технические средства. Сильное укрепление хорошо выбираемых позиций достигалось ими в кратчайшие сроки. По мнению Воронкова, искусство маскировки у буров достигало степени совершенства. Маскировка позиций и их камуфлирование «до степени полной невидимости» со стороны противника, создание скрытых ходов сообщения между отдельными ячейками окопов и огневых позиций давали возможность скрыть маневрирование живыми силами обороны и усилить ее на опасных участках. В качестве примера военной хитрости автор выделяет искусную маскировку бурами проволочных заграждений своих позиций, что еще больше осложняло для противника их штурм.

Военно-инженерное искусство буров подтверждалось не только выполнением ими легких полевых саперных работ, но и фактом

наличия тяжелых казематированных сооружений, которые строились в период затяжного противоборства с англичанами в Натале при осаде Ледисмита для защиты от навесного огня вражеской артиллерии. Для маневрирования собственными немногочисленными тяжелыми орудиями буры использовали узкоколейную железную дорогу, позволявшую незаметно перебрасывать их вдоль фронта своих позиций, так как полотно узкоколейки тщательно маскировалось от глаз противника²⁸.

В ночных условиях буры одними из первых начали применять прожектора для наблюдения за впереди лежащей местностью. Данный метод будет творчески развит в советской армии и использован для обеспечения не только обороны, но в исключительных случаях для атаки фортификационных сооружений противника в ночное время (например, при взятии Зееловских высот в начале Берлинской наступательной операции 1945 г.). Прямых доказательств того, что здесь был использован опыт англо-бурской войны нет, но использование буров в боевой обстановке прожектора свидетельствует, как минимум, о том, что они были новаторами в этом деле.

Не менее важным, по сути революционным, новшеством буров в военном деле представляется Воронкову использование крупнокалиберной дальнобойной артиллерии непосредственно на поле боя. Военным наблюдателям были продемонстрированы ранее скрытые возможности и влияние на результаты маневренной войны артиллерийского огня с больших дистанций: дезорганизация резервов противника в районах их сосредоточения, разрушение долговременных земляных и иных оборонительных сооружений полевого типа, подавление живой силы и артиллерии противника и т.д.

Развитие традиционной гладкоствольной артиллерии достигло предела своих возможностей к середине XIX в., что долгое время не позволяло добиться заметного увеличения ее дальнобойности и скорострельности. Однако промышленная революция создала необходимые предпосылки для качественного скачка в этой области. 60–70-е годы XIX в. вошли в историю артиллерии как период повсеместного перехода к нарезным казнозарядным орудиям, что оказало существенное влияние на совершенствование способов ее боевого применения²⁹. В результате значительно возросли возможности артиллерии по выполнению огневых задач. В полевых усло-

виях, наряду с легкими пушками для поражения укрытой живой силы противника, стали применяться мортиры и гаубицы. В войнах конца XIX в. выдвигались некоторые новые положения по боевому применению артиллерии и, как было указано выше, буры внесли заметный вклад в совершенствование тактического применения артиллерийского вооружения. Их действия в период войны 1899–1902 гг. наглядно показали эффективность использования тяжелой артиллерии в полевой маневренной войне.

В ходе своих рейдов буры использовали крепостные орудия, изначально предназначавшиеся для укрепления Претории: четыре 155-мм пушки французской фирмы Шнейдер-Крезе и четыре 120-мм гаубицы немецкой фирмы Круппа. У англичан крупнокалиберная артиллерия была взята с морских кораблей и поставлена на импровизированные лафеты. Дальнейшая практика показала, что дальность стрельбы, которой обладали крупные калибры артиллерии, затрудняла (особенно для англичан) расположение резервов и передвижение колоннами в ближнем тылу. Это обстоятельство заставляло перестраивать сомкнутые походные строи в боевые порядки задолго до вступления в полосу действия легких полевых орудий. В результате в течение англо-бурской войны стрельба на большие дистанции становилась не исключительным явлением, а все более обычной практикой.

Пожалуй, не будет большим преувеличением утверждать, что бурские команды впервые на деле продемонстрировали и другие эффективные способы дезорганизации тылов противника – подобные тем, что применил бурский офицер-разведчик Даниэль Йоханнес Стефанус (Дани) Терон, взорвавший железнодорожный мост на Глен-Сайдинг. Со временем как неотъемлемая часть они войдут в наставления по диверсионной подготовке. Недаром одной из крупнейших партизанских операций СССР времен Великой Отечественной войны станет именно «рельсовая война», дополнившая действия регулярной Красной армии и способствовавшая коренному перелому ее хода. Сам факт централизованного планирования подобных операций в середине XX в. показывает новаторство и приоритет буров в развитии данного способа борьбы с противником.

Особое внимание Воронкова привлекли действия бурского генерала Христиана Де Вета, которые он рассматривал как достойный образец партизанской борьбы против численно превосходя-

щих сил противника. В своей работе автор утверждал, что уже в период Паардебергской операции партизанские действия Де Вета против транспорта снабжения наступающей английской армии поставили под угрозу срыва весь план ее командующего Робертса. Нам представляется символичным, что непосредственно после окончания адъютантуры автор рассматриваемого научного обзора будет назначен на должность заместителя начальника штаба Белорусского военного округа³⁰, территория которого в годы Великой Отечественной войны станет местом разворачивания одного из самых мощных партизанских движений в истории.

Переход буров к методам партизанской борьбы обусловил и соответствующие контрмеры со стороны регулярной английской армии. Британские войска замкнули бурскую территорию в стальной обруч из блокгаузов и проволочных заграждений. В отместку за налеты на железные дороги и подрывы своих поездов с провиантом и войсками англичане ответили жестокими репрессиями по отношению к местным жителям. Так, в частности, ими практиковалось изъятие всех продуктов питания в пределах десятимильной зоны от эпицентра подобных диверсий. В связи с продолжением партизанской борьбы англичане усилили давление на бурское население, сжигая и уничтожая фермы буров, выселяя их семьи в концентрационные лагеря или просто выбрасывая под открытое небо на произвол судьбы³¹. Результатом данных акций стала массовая гибель бурских женщин и детей от голода и инфекционных болезней.

Стремясь повлиять на материальное положение отказывавшихся сложить оружие партизанских отрядов буров, англичане использовали элементы тактики «выжженной земли», уничтожая бурские посевы и стада. Таким образом, враг на систематической основе опустошал гражданскую инфраструктуру буров, ослабляя тыловое снабжение и социальную поддержку бурских комбатантов³².

Разочарование и неверие в успех у одних, усталость и нежелание вести дальнейшую борьбу у других, и, наконец, стремление скорее прекратить кровопролитие ценой хотя бы потери самостоятельности и независимости у третьих в комплексе ослабляли бурское сопротивление, раскалывали его ряды и затрудняли дальнейшее ведение войны. Пользуясь раздробленностью буров, англичанам удалось привлечь на свою сторону некоторых из их командиров и сформировать несколько бурских отрядов, которые действо-

вали под английским флагом против своих же сограждан (под командованием таких бурских генералов, как Марэ, Селлье и молодой Кронье³³). Наличие таких отрядов имело в большей степени не столько военное, сколько политическое значение; сам факт их существования был призван доказать общественности обострение противоречий в бурском обществе, что само по себе, по мнению Воронкова, облегчало им борьбу с партизанами.

Отдавая должное героическим рейдам Де Вета, Воронков вместе с тем приходит к заключению, что в качестве самостоятельной формы противостояния партизанская борьба не могла привести к победе буров в войне и скорее была направлена на ее затягивание – в надежде на поддержку со стороны общественного мнения европейских стран и оказание помощи их правительствами. С этой целью после перехода к партизанским методам борьбы престарелый президент Трансвааля П. Крюгер выехал в Европу для соответствующей агитации. Однако расчеты бурских политиков себя не оправдали, и, оставшись в одиночестве, буры были вынуждены принять условия англичан и прекратить сопротивление.

По мнению Воронкова, в конечном счете эффективность партизанского движения была бы выше, если бы оно осуществлялось не в качестве вынужденной меры, а сразу после начала войны и происходило бы в тесном контакте с действиями полевых армий буров, а не после их разгрома. Большим недостатком в управлении бурской милиции являлось отсутствие упорядоченной штабной службы, необходимой для организации преследования разбитого противника, которое буры, с точки зрения Воронкова, явно недооценивали³⁴.

Вердикт, вынесенный в стенах Военной академии РККА, заключался в необходимости параллельных и скоординированных действий войсковых подразделений и партизанских отрядов. Данное Воронковым заключение перекликается с будущими решениями Государственного комитета обороны (ГКО) СССР периода Великой Отечественной войны о создании при Ставке верховного главнокомандующего особых органов управления: Центрального штаба партизанского движения и Особого Главного командования партизанского движения.

В своей работе Воронков отмечал также, что серия поражений, нанесенных бурами англичанам на первом этапе войны, не была в

надлежащей мере использована победителями. Буры, по его мнению, имели полную возможность довести поражение Буллера у Колензо до полного разгрома, так же как и отбросить колонны Метьюэна и Гатакра к южноафриканским портам. Однако они, ограничившись осадой приграничных крепостей англичан, даже не попытались развить свой первый наступательный порыв и продолжить активные наступательные действия. В целом опыт англо-бурской войны приводит Воронкова к выводу о бесперспективности стратегии пассивной обороны для победы над противником.

Интересной представляется и общая военно-политическая характеристика англо-бурской войны 1899–1902 гг., сделанная с высоты опыта 1920–1930-х годов. Она вытекала из достаточно взвешенной попытки объективно оценить соотношение формальных и фактических причин и сопутствующих им обстоятельств начала этой войны.

Еще осенью 1899 г. Англия начала стягивать к границам бурских республик значительные военные силы, одновременно проводя в метрополии мобилизацию дополнительных резервов, предназначенных для отправки в Южную Африку. 9 октября 1899 г. президент Крюгер предъявил Лондону ультимативную ноту с требованием прекратить переброску английских войск. Для стабилизации обстановки он предложил взаимно отвести войска от границы. В случае неполучения положительного ответа в течение 48 часов, гласила нота, буры будут вынуждены рассматривать действия Англии как фактическое объявление войны. 11 октября английская сторона заявила, что считает сделанные предложения «неподходящими для обсуждения». Тем самым она своими конклюдентными действиями фактически признала обвинения в провоцировании войны с бурскими республиками.

В этих условиях, по словам профессора А.А. Шийка*, «ждать нападения англичан, сложа руки, было бессмысленно»³⁵. Вечером

* Шийк Андрей Александрович (1891–1978) – настоящее имя Шик Эндре, венгерский политэмигрант, в Советской России с 1918 г., член Коминтерна, сотрудник Коммунистического университета трудящихся Востока. Автор первой теоретической платформы советской африканистики – доклада «К постановке марксистского изучения социально-экономических проблем Черной Африки». После войны – посол Венгерской народной республики в США, впоследствии – министр иностранных дел Венгрии.

11 октября 1899 г., после получения ответа английского правительства на ноту Крюгера, бурские войска перешли границы английского Натала и Капской колонии и в нескольких кровопролитных боях нанесли противнику ряд крупных поражений. Перелом в ходе кампании наступил лишь в начале 1900 г., когда численность английской армии вторжения была существенно увеличена. Всего, по подсчетам Воронкова, за время войны в Южной Африке оказалось задействовано 400 тыс. английских военнослужащих – против примерно 45 тыс. постоянно активных бурских комбатантов³⁶. В итоге, по мнению советского исследователя, противник задавил бурские отряды своей массой и возросшими возможностями для маневра.

Таким образом, в начале англо-бурской войны 1899–1902 гг. первыми к открытым боевым действиям перешли бурские войска, что формально делало их нападающей стороной. Однако в действительности, по замечанию В.М. Воронкова, буры вынуждены были это сделать, обороняясь против натиска английского империализма. По его мнению, эта война со стороны буров являлась прогрессивной, так как они боролись против английской колониальной экспансии за сохранение независимости своего национального государства. Сделанный им вывод был в русле принятой идеологической доктрины, изложенной в работе В.И. Ленина «Социализм и война»³⁷. Отдельное внимание в ней было уделено, в частности, определению «справедливой» и «оборонительной» войны. Согласно указанной диалектической логике оборонительной является любая справедливая война, независимо от того, кто первый напал.

Современной иллюстрацией идеи о том, что действия буров, включая их превентивное наступление в самом начале войны, выглядят как акт самозащиты, если позволить себе немного отвлечься на художественные образы³⁸, служит сцена начала осады из экранизации 2001–2003 гг. романа Дж.-Р.Р. Толкина, уроженца Блумфонтейна, столицы Оранжевого Свободного Государства, и ветерана Первой мировой войны³⁹, «Властелин колец – Две крепости». Имеется в виду эпизод, где подошедшая в боевом порядке к крепости армия, готовясь к нападению, делает паузу и угрожающим воем и бряцанием оружия провоцирует ее защитников. Стрела, произвольно выпущенная в состоянии нервного напряжения одним из осажденных, служит формальным поводом для атаки.

Однако зритель понимает, что этот выпад является специально подстроенным предлогом для последующего неизбежного штурма.

Советский военный исследователь Воронков в 1933 г. сделал вывод, что «национально-освободительный характер войны для буров подтверждается и тем фактом, что в войне активно приняли участие подлинные массы бурского народа, выставившего на войну около 20% всего бурского населения и упорно отстаивавшего свою независимость в течение 32 месяцев»⁴⁰.

А в целом, по мнению историков, англо-бурская война на африканской земле продемонстрировала нарастание общих империалистических противоречий между европейскими державами. Война англичан с бурами обнажила растущую напряженность в их отношениях, став одним из катализаторов международных трений, которые через двенадцать лет будут способствовать началу уже настоящей мировой бойни⁴¹.

Заключение

Уникальность англо-бурской войны 1899–1902 гг. состоит в том, что она, по сути, послужила прологом для будущих военных конфликтов одновременно двух типов – мировых и локальных войн, связанных с попытками установления гегемонии различного уровня. Она непосредственно повлияла на развитие современного международного права вооруженных конфликтов, что нашло отражение в содержании Гаагского устава сухопутной войны 1907 г. и Женевских конвенций 1949 г., закрепляющих правовой статус участников военных действий и юридические гарантии защиты жертв войны, режим военного плена и военной оккупации, условия нейтралитета и пр. В результате были сформированы современные представления о положении милиционных, партизанских и других ополченческих формирований на театре боевых действий, а также выработаны базовые правовые требования, при соблюдении которых они приравниваются к регулярным вооруженным силам⁴².

В итоге можно констатировать, что переоценка под влиянием англо-бурской войны 1899–1902 гг. роли регулярной и иррегулярной армий сохраняет свою актуальность и в реалиях современного мира. В конце XX – начале XXI в. человечество в очередной раз столкнулось с новым витком международной напряженности.

На первое место выходят задачи нераспространения оружия массового уничтожения, запрещения производства и ликвидации отдельных видов оружия, поддержание эффективной системы международной безопасности. Одновременно, согласно Глобальному индексу миролюбия, число погибших в вооруженных конфликтах на планете достигло максимума за последние 25 лет, а число беженцев практически сравнялось с таковым в период Второй мировой войны⁴³. Война как явление по-прежнему остается побочным эффектом развития человеческой цивилизации, продолжая трансформироваться в новые формы вместе с ней, а параллельно с этим процессом остаются актуальными и точно так же эволюционируют научные исследования, пытающиеся объективно переосмыслить эту проблему в современных условиях⁴⁴. Можно сказать, что англо-бурская война 1899–1902 гг., в каком-то смысле открывшая эпоху глобализации, по-прежнему дает массу эмпирического материала для понимания ее закономерностей.

¹ Краюшкина Т.В. Народная песня «Трансвааль» в русской прозе 20-х гг. XX в. – начала XXI в. // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 160.

² Татарский В. Встреча с песней. Вып. 41. 1969. <https://youtube.com/watch?v=r2gJi6xWouk> (дата обращения: 26.10.2022).

³ Разумный В.В., Чаленко В.В. Влияние националистических идей на становление режима апартеида в ЮАС в первой половине XX века // Вестник Донецкого нац. ун-та. Серия Б: Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 71.

⁴ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 312–313.

⁵ См.: Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1: Допущено ВКВШ при СНК СССР в качестве учебника для историч. фак-тов гос. ун-тов и пед. ин-тов / Под ред. С.Н. Ростовского, И.М. Рейснера и др. Институт истории АН СССР. Сектор истории колониальных и зависимых стран. М.: Соцэкгиз, 1940. С. 512.

⁶ См.: Кульбакин В. Англо-бурская война 1899–1902 гг. // Военно-исторический журнал. 1941. № 1. С. 75; Цетлин М. Война буров за независимость (1899–1902 гг.). М.: Гос. воен. изд-во Наркомата обороны СССР, 1940. С. 3.

⁷ Деборин Г.А. Международные отношения до Первой мировой империалистической войны (1871–1914 гг.): В помощь марксистско-ленинской учебе начального состава Красной Армии. М.: Воениздат, 1941. С. 36.

⁸ Задорожнюк И., Задорожнюк Э. Неусвоенные уроки преддверия Первой мировой войны // Свободная мысль. 2017. № 5 (1665). С. 71.

⁹ Малкин С.Г. От малых войн к герилье: имперская школа военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 24.

¹⁰ *Валецкий О.В.* Теория и практика партизанской войны // Информационные войны. 2016. № 4(40). С. 59.

¹¹ *Дробов М.А.* Малая война: партизанство и диверсии. М.: Гос. воен. изд-во, 1931. 147 с.

¹² *Валецкий О.В.* Указ. соч. С. 65.

¹³ *Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М.: Праксис, 2007. С. 9.

¹⁴ *Mack A.* Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975. Vol. 27. № 2. P. 175–200.

¹⁵ *Голосова А.А.* Ассиметричные конфликты в Британской империи в сочинениях У. Черчилля // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 309.

¹⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593с. Л. 23–24.

¹⁷ *Михайлова О.А.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. как переломный момент в истории британской дипломатии // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее. Сб. матер. XVI Всероссийской (с международным участием) научной конференции, Томск, 21–23 апреля 2021 г. / Отв. ред. Д.Н. Шевелев, И.А. Дунбинский. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2021. С. 411.

¹⁸ *Andreades F.* History of the Bank of England. 1640–1903. London, 1966. P. 379.

¹⁹ *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией. (1899–1902 гг.) М.: Наука, 1970. С. 5.

²⁰ *Антонова Л.В., Дронова Н.В.* Британский милитаризм и общество: опыт военных выставок 1901 года в Лондоне // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4 (20). С. 59.

²¹ *Никитина И.А.* Империалистическая политика Англии в Южной Африке в 1902–1914 гг. // Международные отношения и внешняя политика СССР: история и современность. М.: Наука, 1977. С. 269.

²² *Amerly J.* The Life of Joseph Chamberlain. Vol. 4. L., 1951. P. 67.

²³ *Parliamentary Debates.* Ser. 4. Vol. 98. P. 1461–1462.

²⁴ *Никитина И.А.* Империалистическая политика Англии в Южной Африке... С. 276.

²⁵ *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Англо-бурская война и Россия // Новая и Новейшая история. 2000. № 1. С. 32; *Давидсон А., Филатова И.* Россия и Южная Африка: три века связей. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С. 107.

²⁶ *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА. Комбриги и им равные. 1937–1941. М.: Кучково поле, 2014. С. 47–48.

²⁷ *Воронков В.М.* Англо-бурская война. (1899–1902 гг.): Краткий военно-политический очерк. Краснознаменная военная академия РККА им. М.В. Фрунзе. М.: Лит. им. К. Ворошилова, 1933. С. 61.

²⁸ Там же. С. 62.

²⁹ См.: *Прочко И.С.* История развития артиллерии: с древнейших времен и до конца XIX века. СПб.: АОЗТ «Полигон», 1994. С. 343.

³⁰ *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Указ соч. С. 48.

-
- ³¹ *Воронков В.М.* Указ. соч. С. 52.
- ³² *Бояринцев Д.К.* Бурская тактика и британские контрмеры в 1899–1902 гг. глазами современников // Псковский военно-исторический вестник. 2021. № 7. С. 35.
- ³³ *Воронков В.М.* Указ. соч. С. 49.
- ³⁴ Там же. С. 63.
- ³⁵ Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1. С. 511.
- ³⁶ *Воронков В.М.* Указ. соч. С. 19.
- ³⁷ *Ленин В.И.* Социализм и война. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 347.
- ³⁸ *Егоров А.М., Егоров И.А.* Норне-Гест и Гэндалф: сравнительный анализ образа вечного странника в произведениях Йенсена и Толкина // Творчество Дж.Р.Р. Толкина в историко-литературном контексте. Сб. матер. Международной научной конференции к 130-летию со дня рождения Дж.Р.Р. Толкина (13–16 января 2022 г.) / Отв. ред. А.Л. Гумерова, В.С. Сергеева. ИМЛИ РАН. М.: ТРП, 2022. С. 101.
- ³⁹ *Гарт Дж.* Толкин и великая война. На пороге Средиземья. М.: АСТ, 2022. С. 10.
- ⁴⁰ *Воронков В.М.* Указ. соч. С. 66.
- ⁴¹ См.: *Покровский М. Н.* Империалистическая война. 1915–1930. М.: Кн. дом ЛИБРОКОМ, 2010. С. 111; *Фергюсон Н.* Горечь войны. М.: АСТ: Corpus, 2019. С. 24.
- ⁴² *Егоров А.М.* Иррегулярные формирования в истории правоохранительной деятельности // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия. Матер. науч.-практ. конференции с международным участием, Псков, 11–12 ноября 2021 г. Псков: Псковский филиал Академии ФСИН РФ, 2022. С. 88.
- ⁴³ *Зыгарь М.* Война и миф. М.: АСТ, 2018. С. 6.
- ⁴⁴ *Егоров А.М., Егоров И.А.* Философский анализ современных войн: соотношение теоретических подходов // Трансформация современной войны. Матер. II Всероссийской научной конференции, Омск, 21 октября 2022 г. Омский автобронетанковый инженерный институт, 2022. С. 63–69.

ГЛАВА 7. Российское добровольческое движение в период англо-бурской войны в контексте изменений внутренней и внешней политики России в XIX в.

Если бы мир не приводил к войне,
тогда войны не было бы вообще –
ибо война не может продолжать
сама себя¹.

Эдвард Люттвак

Введение

Замысел, который лег в основу этой главы, предполагает поиск подходов к переосмыслению факта участия российских добровольцев в англо-бурской войне (1899–1902) – важном историческом эпизоде, объединившем на короткий период времени Россию и бурские республики Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство в противостоянии Британской империи.

Современный взгляд на эволюцию российского общества в XIX в. позволит нам отследить закономерности и предпосылки зарождения русского добровольческого движения. Отметим, что участие российских добровольцев в национально-освободительных движениях в Европе и Африке прослеживается на всем протяжении XIX в.

Фоном повествования для нас станет главным образом событийная канва, включающая предпосылки либеральных реформ в России, реакцию правящей династии Романовых, особенности внешней политики. Стоит подчеркнуть, что роль России на международной арене в XIX в., впрочем, как и во все времена, определялась географическим положением, геополитическими, стратегическими и экономическими интересами, а также военным потенциалом и богатейшими ресурсами.

Представляется, что именно сейчас настал подходящий момент для того, чтобы переосмыслить глобальное противостояние Великобритании и России, фокусируя взгляд на социально-поли-

тических процессах и событиях XIX в. Современность в этой связи для нас имеет первостепенное значение, так как мы до сих пор наблюдаем, что особенно важно, схожее настороженное отношение к внешней политике Великобритании зарубежных коллег-историков. Вот лишь один из примеров: «Всегда несгибаемая, без малейшего снисхождения, всегда готовая к войне, в одиночку или в союзе с другими, Англия проводила неизменно враждебную политику»².

Внешнеполитический и социо-экономический аспекты развития России в XIX в.

Начиная с момента подведения итогов Отечественной войны 1812 г. общественное сознание в России переживало подъем патриотических чувств, понимаемых нами как духовное единство народа, проявляющее себя наиболее ярко в годы лишений и опасности. К концу века накал страстей несколько не снизился. Борьба за свободу поработенных, сохранявшаяся в умах людей, накладывалась на обостренное чувство справедливости и стремление помочь «слабым», столь характерное для русского человека как тогда, так и в наши дни: «...события 1812 г., в силу исторических обстоятельств, дают наиболее чистое выражение идеи русского патриотизма <...> красной нитью проводится идея готовности умереть “за Дом Богородицы” (символическое название России) и упоования на Божью помощь. Это стержень патриотизма XIX в.»³.

Вектор приложения общественного возмущения за неполный век сместился от Франции к ненавистой «Владычице морей» – Великобритании. Однако, «не надо думать о том, что все российские подданные видели в Англии врага: некоторые из них поддерживали буров не из-за неприятия Англии, а потому, что помощь слабейшей стороне – это правое дело»⁴.

Почву для подобного рода внутренней эволюции сознания российского общества давали практически не прекращавшиеся на протяжении всего XIX в. конфликты внутри и за пределами Российской империи. Разнообразное по накалу противостояние объединялось широчайшей географией геополитических и экономических интересов Великих держав, стремившихся к окончательному переделу мира. В различной степени и в разные периоды Россия

была вынуждена вовлекаться в конфликты с Османской империей, Великобританией, Францией. Там, где противостояние не носило прямого характера, но имело большое стратегическое значение, достаточно часто «честь и свободу» угнетенных народов отстаивали российские добровольцы. Однако участие добровольцев из России в англо-бурской войне (1899–1902 гг.) заслуживает особого обсуждения.

Из длинного списка ключевых событий, под влиянием которых развивалась Россия в XIX в., стоит выделить два: ограничение самодержавия, так и не достигнутое, несмотря на воистину колоссальные усилия, и отмена крепостного права, к которой пришли лишь в период правления Александра II Освободителя. Однако справедливости ради мы должны оговориться: к уже упомянутым вехам придется добавить многое из того, что, на наш взгляд, привело ситуацию к трагическому финалу Империи в начале XX в.

К началу XIX в. Россия была одним из крупнейших государств Европы, основной отраслью экономики которого было земледелие, поскольку подавляющее большинство населения проживало в деревне и занималось сельским хозяйством. Тем не менее значительная часть земли оставалась собственностью государства, и земельный вопрос стоял весьма остро.

В первой четверти XIX в. Россия находилась в поиске новых форм организации общественно-экономической и политической жизни страны. С начала XIX в. вопрос о крестьянской реформе рассматривался как царским правительством, так и радикальными кругами российского общества. В поисках путей разрешения противоречий представители молодого поколения (дворяне и либералы-академисты) требовали изменения общественно-политического строя, свободы личности и собственности, перехода к ограничивающему самодержавие конституционному строю.

Реформы, проведенные Александром I в начале его царствования, не привели к существенным изменениям в политической системе российского общества, так как носили избирательный характер. Более того, со временем усилия царствующего дома свелись к укреплению самодержавного строя. Более радикальные преобразования в западной части страны – Прибалтике и Финляндии, по сути, были направлены на создание либерального образа России в Европе.

В период после Отечественной войны 1812 г. (1815–1825 гг.) внутренняя политика Александра I была реакционной, отличалась неприятием любого рода либеральных реформ. Главным проводником этого курса стал председатель военного отдела Государственного совета А.А. Аракчеев, демонстрировавший полную противоположность мягкой и вдумчивой политике М.М. Сперанского, предложившего путь реформ в начале царствования Александра I.

В конце царствования императора усилился произвол полиции и чиновничества, свирепствовала цензура, запрещались обсуждение политических вопросов и разглашение деталей судебных процессов в печати. Сплачивающий потенциал «общей победы» над агрессором был утрачен. Результатом реакционной политики стал окончательный раскол в обществе. Идея модернизации России противопоставлялась постулату укрепления самодержавия. Ветераны Отечественной войны и юные представители дворянского сословия утратили надежду на мирное преобразование страны. В России зарождалась революционная идеология. На практике это проявилось в восстании декабристов на Сенатской площади в Петербурге в 1825 г.

Смерть Александра I, отречение от престола великого князя Константина Павловича и трагический финал восстания декабристов стали своеобразным фоном для утверждения на российском престоле нового самодержца – Николая I. Тридцатилетнее правление Николая I, по общему мнению исследователей, – время жесткого подавления свободомыслия, либерализма и свобод как внутри страны, так и в Европе. Вместе с тем, как это часто бывало в истории, тирания сопутствует расцвету культуры. Вторая четверть XIX в. для России – золотой век русской литературы, расцвет молодой русской науки, театра, искусства, подъем общественной мысли.

Николай I, заняв резко консервативную позицию и строго ее придерживаясь, старался сохранить сложившийся за века государственный и общественный строй, что не способствовало росту международного влияния России и решению внутренних проблем.

Поражение России в Крымской войне (1853–1856 гг.), с одной стороны, показало глубокий кризис государственного управления, настойчиво диктовало необходимость коренных преобразований во всех сферах жизни и, с другой стороны, вывело страну из со-

стояния политической стагнации, вызвало протест в широких слоях общества против существующих порядков, рост крестьянских восстаний. Самодержавие как форма управления империей, пожалуй, впервые пошатнулось. Страна тяжело выходила из кризиса, порожденного поражением в Крымской войне, и последовавшим за ним унижением Парижским миром 1856 г. Наступало время дипломатов.

Обширная программа реформ, проводившихся при Александре II, существенно изменила положение дел как в самом государстве, так и за его пределами. По-прежнему острым оставался вопрос расширения границ империи в условиях активного противодействия со стороны Великобритании и других заинтересованных игроков. Подспудно общество ожидало изменений в системе управления государством. Ограничение полномочий царствующего дома в теории могло быть инициировано путем введения конституционной монархии. Но Александр II на радикальные меры так и не решился. Усилия императора сосредоточились на освобождении крестьян от ига крепостного права. В историю он вошел под славным именем – царь-освободитель.

Эпоха Александра II Освободителя завершается трагедией, к которой император шел долгие годы, не в силах преодолеть инерцию традиции, сосредоточившись в конце своего правления на сохранении самодержавия как оплота государства. Традиция эта во всей полноте досталась в наследство преемнику.

Вступивший на престол Александр III в какой-то степени был обречен оказаться вовлеченным в череду внутренних и внешних деяний, носивших «охранительный и реакционный характер». Крамола внутри имперских границ была подавлена, и деятельность террористов практически прекратилась. Однако во внешней политике империи Александр III демонстрировал неизменное последовательное стремление к балансу сил на европейском театре.

В течение всего царствования Александра III наблюдалась склонность к проведению национальной центростремительной политики внутри границ империи. В Прибалтике, Польше и Финляндии предпринимались масштабные последовательные шаги по продвижению русского языка и культуры. Правительственный контроль над внутренними делами был усилен, принимались меры по «ограничению обособленности» провинций империи.

1 ноября 1894 г. Александр III умер, и ему наследовал его сын, Николай II, который, как показало время, к своей высокой миссии оказался совершенно не готов. На первом этапе, отчасти из уважения к памяти отца, он продолжал существующую политическую линию во внутренних и внешних делах. Но, строго говоря, в его действиях на протяжении всего периода правления трудно улавливается какая-либо склонность проводить политику вообще, как внутреннюю, так и внешнюю. Исключением можно считать лишь инициативу проведения в 1898 г. международной конференции по ограничению вооружений в Гааге.

Николай II последовательно стремился лишь к сохранению твердой власти монарха. На высшем уровне государственного управления подобная линия поведения самодержца откровенно устарела и оказалась, ввиду внешних и внутренних угроз, неприемлемой. Однако совершенно противоположную позицию занимала императрица Александра Федоровна (урожденная принцесса Гессен-Дармштадтская), проявлявшая деятельный интерес к государственным делам, наводнившая покои императора случайными людьми и оказывавшая на супруга огромное влияние.

В итоге к трагической развязке 1918 г. императорскую семью привел абсолютизм с налетом богословской мистики и фатализма.

Сделаем небольшое отступление и перенесемся в Южную Африку конца 60-х – начала 80-х годов XIX в. А.Б. Давидсон и И.И. Филатова в своем исследовании, посвященном англо-бурской войне, пишут о том, что с момента открытия короткого пути в акваторию Индийского океана через Суэцкий канал (1869) многим в Европе стало казаться, что Южная Африка «обречена на забвение». Но, как отмечают исследователи: «получилось так, что именно с этого времени, с конца 60-х и начала 70-х годов, о Южной Африке стали говорить так много, как никогда раньше. На протяжении полутора десятилетий, с 1869 по 1886 г., здесь, и к тому же на удалении друг от друга всего в несколько сотен километров, были обнаружены крупнейшие в мире месторождения алмазов и золота. Это открытие произвело такое ошеломляющее воздействие на весь тогдашний мир, что стали говорить о втором открытии Южной Африки»⁵.

Вектор внешней политики Великобритании сместился, и от глаз внимательных наблюдателей-современников не укрылся тот факт,

что будущее независимых бурских республик Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства оказалось под большим вопросом. Однако надо признать, что осознаваемая всеми участниками процесса необходимость развития горнорудного дела привела к тому, что на юг Африканского континента, говоря современным языком, хлынули люди и технологии. Не секрет, что в числе прочих авантюристов, искателей приключений, желавших разбогатеть, на юг континента приезжали и горные инженеры, инженеры-путейцы и пр. Немало среди них оказалось и выходцев из России. Подавляющее большинство переселенцев составляли тем не менее англичане.

«К концу XIX в. число иностранцев (в большинстве своем англичан) в Трансваале уже превышало число буров. Они владели более чем двумя третями всей собственности. Иностранцы настаивали на снижении налогов и равноправии английского языка с нидерландским (официальным языком буров). Но главным являлось требование о предоставлении местного гражданства»⁶.

Возвращаясь к событиям российской истории, мы подходим к выводу об итогах развития России на протяжении всего XIX в. и роли правящей династии в сложившейся к началу XX в. ситуации. Длившееся без малого сто лет дистанцирование правящего дома Романовых от общества и элит в лице служилого дворянства порождало уныние и, как следствие, создавало почву для бунта и революций. Ровно такой же эффект имела национальная политика на границах империи, особенно в Польше и на прилегающих территориях. Лишенная возможностей социального продвижения и перспектив деятельная молодежь с окраин империи неустанно вовлекалась в революционные круги.

Внутренние реформы, необходимость в которых назрела еще в первой четверти XIX в., так и не были (в большинстве своем) воплощены в жизнь. Метания самодержцев и окружения между либерально-демократической и консервативной повестками приводили к дисбалансу внутри- и внешнеполитических усилий. Ощущался «имперский перегрев», отчасти провоцируемый перекосом в сторону силового стиля решения вопросов внутренней и внешней безопасности в противовес дипломатическим усилиям. Стремление (исключением, по сути, был лишь период правления Александра III) вовлечься в войну за «весь славянский/право-

славный мир» по большому счету ни к чему созидательному не приводило, тем более что сам «славянский мир» был весьма разобщен и отнюдь не всегда приветствовал инициативы, насаждавшиеся Петербургом.

Прирастая землями на Кавказе и в Азии, теряя потенциал развития в войнах и усобицах на границах, империя в лице правящих монархов и окружения переходила от абсолютизма к реакции, от популизма к полному равнодушию и усталости от происходящих событий. Баланс сближения с европейскими правящими кругами и опоры на служилое дворянство екатерининской поры остался в прошлом. М.-Ж. Палеолог, в подтверждение мнения Лучано Канфоры, приведенного выше, называл самодержавие «географическим анахронизмом»⁷.

«Имперский перегрев» стал возможным ввиду целого ряда обстоятельств, среди которых необходимо выделить: несбалансированную внешнюю и внутреннюю политику (как следствие – трагические в своей поспешности шаги на Дальнем Востоке в начале XX в.), отдаление правящего дома от народа (скатывание в мистицизм и фатализм), недоверие приближенным элитам. Это привело к смуте в общественных кругах, а затем – к революционным событиям 1905 и 1917 гг.

Тем не менее необходимо сказать о том, что последние активные попытки диалога с властью предпринимались реакционными кругами еще в конце правления Александра II. «Царю неоднократно предлагали мир в обмен на политические свободы, на то, в сущности, чтобы он продолжил начатое им же самим. Он все не шел на соглашение, и тогда “тормоз” был ликвидирован...»⁸. Затем давление сверху на массы сменилось равнодушием, а разочарование снизу – отсутствием продвижения к переменам, и влияние извне (не стоит об этом забывать) привело к череде революций и краху империи.

Российское добровольческое движение

Прежде чем перейти к рассмотрению российского добровольчества как социально-политического явления, мы поставили перед собой ряд вопросов, позволяющих переосмыслить процессы, в которые Россия была вовлечена на рубеже XIX–XX вв.

Приведем некоторые из них и, отталкиваясь от этих тезисов, попробуем разобраться в феномене добровольчества как таковом:

- какая часть российского общества была вовлечена в процесс бескорыстной помощи;

- стало ли появление добровольческого движения следствием эволюции российского общества;

- можно ли рассматривать это явление как черту русского национального характера;

- было ли добровольчество реакцией на действие или бездействие царствующего дома и правительства в вопросах, имевших первостепенное значение для всех уровней общественных институтов;

- стало ли добровольчество на этапе зарождения подтверждением причастности к некой общности (славянский или православный мир), и почему оно эволюционировало в некий «интернационализм»;

- было ли добровольчество связано с информационной политикой в России, и в какой степени на эволюцию этого социального явления влияло общественное мнение.

Вторжение Великобритании на территорию Оранжевого Свободного Государства и Трансвааля вызвало широкий общественный резонанс во всем мире. Россия не стала исключением и на этот раз. Солидарность российского общества в борьбе за независимость африканеров обусловлена целым рядом факторов, о которых мы скажем особо. В немалой степени подобное явление было вызвано «слабой» позицией европейских государств, не пытавшихся противостоять Великобритании на международной арене. «Основную вину за развязывание войны и бесчинства англичан русское общество приписывало британскому правительству и политическим кругам Англии...»⁹.

Впрочем, ни Николай II, ни представители органов государственной власти Российской империи не препятствовали национальному добровольческому движению, напрямую не вовлекаясь в конфликт из-за опасений прямого столкновения с Британской империей.

Тем не менее «Русские добровольцы, движимые чувством солидарности и жадой освобождения от национального и религиозного гнета, принимали активное участие во многих вооруженных конфликтах, временами даже вопреки официальной позиции

государства. Одним из важнейших факторов, обуславливающих феномен добровольчества, стало осознание необходимости оказания помощи тем, кто в ней нуждался, тем более, если это было связано с сохранением и завоеванием свободы и независимости»¹⁰.

Эволюция сознания общества в России как таковая прошла долгий путь от надежд и размышлений о судьбах Отечества, относящихся ко времени подъема популярности философских штудий, до периода расцвета движения славянофилов и западников, возникшего в общественных кругах (преимущественно городской интеллигенции) как ответ на реакционную политику Николая I. Путь этот в неменьшей степени пролегал сквозь разочарование бюрократизмом и цензурой, косностью мышления облеченных властью, «казенщиной» и «аракчеевщиной». Разочарование привело к осознанию неизбежной необходимости перемен. В конечном счете и патриоты, и западники-либералы оказывались плечом к плечу в рядах оппозиции правящей династии. Между государем и обществом разверзлась пропасть, заполнить которую не представлялось возможным, ибо утрачена была воля к созидательным действиям внутри государства.

Таким образом, российское добровольческое движение можно рассматривать как альтернативу или компромисс между революционными порывами дворянской молодежи и едкой критикой со стороны студенчества, осторожными философскими измышлениями умудренной жизненным опытом интеллигенции и крайним радикализмом представителей общества, выступавших за господство террора.

Место действия со временем размылось и утратило значение. Активная фаза российского добровольчества вполне объяснимо пришлась на период, последовавший за поражением в Крымской войне и, как следствие, чередой событий в южной Европе. Феномен российского добровольчества интересен, прежде всего, тем, что может быть объектом изучения для всего спектра общественных наук – от философии до политологии.

Участие добровольцев из России в англо-бурской войне (1899–1902 гг.) хорошо изучено в нашей стране и постепенно становится все более известным за рубежом. Вкратце можно охарактеризовать его как сплав политических обстоятельств и личного отношения

участников к процессам, которые стали следствием «большой игры» – стратегического противостояния Великобритании и России на мировой арене, зародившегося в самом начале XIX в. Именно в этой связи в нашем исследовании мы отнюдь не случайно выбрали точкой отсчета убийство Павла I в 1801 г., ставшее поворотным трагическим событием в истории отечества, давшим толчок деструктивным процессам.

Ломка традиционных устоев русского общества началась с эпохи Петра I, что является общеизвестным, но принимается отнюдь не всеми. Проникновение новых, по некоторым оценкам, «чужеродных» идей из Европы в Россию воспринималось крайне неоднозначно. Со времени восшествия на престол царя-реформатора граница архаики и современности пролегла по самой ткани русского традиционного общества, жившего испокон века верой, укладом, и, говоря современным языком, в рамках общественного договора правящей династии с народом.

На наш взгляд, сто́ит согласиться с мнением Эдварда Люттвака: «...Когда правление опирается на согласие, когда конфликты и столкновения ограничиваются законом и обычаем, линейная логика получает полное применение, а парадоксальная логика стратегии оказывается неуместной. Оказываются возможными стабильность и постоянный прогресс, нет необходимости в изнурительных усилиях сопротивляться распаду того, что имеется в наличии, и его замене на нечто противоположное. Вот почему правители и режимы, обретшие власть не благодаря “естественному закону”, всегда стремятся к легитимации...»¹¹.

Привнесенные Петром традиции рассудочности, прагматизма соседствовали с глубокой религиозностью и национальной терпимостью. В качестве примера последнего можно привести приглашение в Россию огромного количества иностранных специалистов, призванных вдохнуть новое в самые разные сферы жизни патриархального общества.

Со времени французской революции к общему либеральному фону, подменявшему собой устои веры и общественного уклада, добавилось дистанцирование царя от общества и парадоксальное «заигрывание» с самой идеей перемен. Революционные порывы, затрагивавшие лишь незначительную прослойку общества (дворянство, интеллигенция), отрицались правящей династией в поль-

зу самодержавия, что само по себе говорит об устойчивости архаического представления о форме власти в России*.

Тесные контакты России со странами Европы временами перерастали в противостояние. Весь XIX в. – практически непрерывающаяся череда конфликтов на широчайшем театре – от Черного моря до Балтики, от Каспия до Амура. Лишь изредка старания «сынов отечества» – полководцев и дипломатов – приводили к славным стратегически важным победам, доставшимся малой кровью.

Итогом постепенного дистанцирования правящей династии от народа стала утрата веры в царя в среде образованных людей – меньшинства – и брожения в среде простых жителей империи – подавляющего большинства. Краеугольным камнем или своеобразным «якорем» социальных процессов стала подготовка к отмене крепостного права. За решение этой проблемы брались лучшие умы империи на всем протяжении первой половины XIX в., но пришли к нему лишь в 1860-х годах, совершенно неподготовленными.

Сближению и приятию идей европейского либерализма по понятным причинам не могли поспособствовать беды, принесенные на русскую землю нашествием Наполеона, а результаты Крымской войны погрузили страну в затяжной экономический кризис. Высокий градус неприязни ко всему европейскому в обществе усугублялся отстраненным отношением к внутренним проблемам со стороны правящей династии. Не стоит забывать о такой деликатной теме, как династические браки русских самодержцев времен царствования Романовых.

Значительное большинство пассионарно настроенных жителей тогдашней России не питало иллюзий по поводу перемен в границах империи, поэтому участие этой части общества в конфликтах за пределами имперских границ можно рассматривать как пример социально-психологической разгрузки. С известной регулярностью добровольцы из самых разных слоев населения вовлекались в свой личный бой с «супостатом». География российского добро-

* Здесь нужно оговориться, что мы отнюдь не склонны идеализировать либо критиковать прошлое. Задачей, стоящей перед нами, является попытка дать свой, по возможности объективный, взгляд на события, навсегда закрепленные на неизменной исторической канве времени.

вольчества и его цели весьма широки. Воевать шли за весь славянский мир на Балканах, сражались за православную веру в противостоянии с Турцией, отстаивали честь и свободу как таковую в рядах гарибальдийцев в Италии и буров в Южной Африке.

Последняя (но не по значимости) стала самой отдаленной и экзотической географической точкой, куда устремлялись добровольцы из России. Можно предположить, что на достаточно длительном промежутке времени, коим представляется XIX в., российское добровольческое движение эволюционировало в некое подобие «интернационализма». Не будучи в силах исправить ситуацию в границах отечества и смиренно взирать на постепенный крах некогда могущественной державы, российские пассионарии могли устремляться на борьбу за честь и свободу угнетенных. Причины их поступков весьма различались. Безусловно, в подавляющем большинстве речь идет о «служилых людях». К вопросу изучения мотивации этой прослойки российского общества нужно подходить крайне осторожно. Но среди достойнейших встречались, как и на любой войне, авантюристы и романтики. Необходимо отметить, что наиболее полный анализ событий, впечатлений и отношения ко всему происходившему на юге Африки в конце XIX в. в отечественной науке дал коллектив авторов под руководством Г.В. Шубина, опубликовавший в 2012 г. многотомное издание «Англо-бурская война глазами российских подданных». Вот лишь небольшая выдержка из мемуаров русского агента при войсках буров подполковника Василия Иосифовича Ромейко-Гурко, опубликованных в упомянутом исследовании: «Добровольцев, прибывавших из Европы, можно разделить на две категории. Первая состояла из лиц, прибывших на собственный риск и средства. Побуждаемые возвышенной идеей борьбы за свободу безвинно притесненного народа, они чужды были всякой корыстной мысли, но при этом, быть может, надеялись дешёвой ценой приобрести ореол героя, борца за правое дело, а равно занять видное положение среди руководителей военными действиями...

В другой категории были люди, ехавшие не по личному почину, а принявшие предложения от различных комитетов во Франции и в Германии, которые вербовали добровольцев по собственной инициативе на средства, собранные добровольными пожертвованиями... Что касается немногих русских, прибывших в каче-

стве добровольцев в Трансвааль, то все они без исключения могут быть причислены к первой категории, но, конечно, и между ними были такие, которые питали несбыточные честолюбивые замыслы»¹².

Итак, российское добровольческое движение представляет собой сплав личных качеств человека, оказавшегося в ситуации, когда внутренняя готовность к действию и обостренное чувство справедливости совпадают с текущей политической конъюнктурой. В нашем исследовании мы говорим лишь об искреннем порыве души русского человека – благородном в основе своей и безвозмездном по сути стремлении помочь ближнему, претерпевшему от сильных мира, либо обстоятельств, неблагоприятных и ведущих к утрате справедливости, острую нехватку которой русский человек испытывал во все времена.

Парадокс российского добровольчества заключался еще и в том, что царствующей династией эти порывы рассматривались с позиций отстраненного интереса, а не искренней сопричастности.

Нужно отметить, что российское добровольческое движение можно воспринимать как феномен духовности в чистом виде. Сражаясь плечом к плечу с бурскими ополченцами, которые о помощи со стороны никого никогда не просили, чем вызывали еще большее уважение в широких кругах российского общества, добровольцы забывали о религиозных и социальных различиях. Приведем слова русского волонтера Леонида Покровского:

«Русские добровольцы, покинувшие своих родных, бросившие службу, карьеру, решившиеся на всевозможные лишения, встали в ряды и потянули общую неприглядную лямку, своим мужеством и выносливостью поощряя падающих духов воинов, смело идя на опасные предприятия, с ежеминутным риском для собственной жизни за народ для них совершенно чужой. Это ли не самопожертвование!»¹³

Не лишним будет также сослаться на воспоминания российского добровольца Евгения Федоровича Августуса:

«Правительство республики за все время войны никого не приглашало на службу, никого не вербовало, а приехавшим на свой страх и риск волонтерам не платило жалованья; сами буры относились порой к этим современным крестоносцам недоверчиво. А волонтеры между тем шли сотнями и тысячами в Трансвааль...»¹⁴.

Вполне вероятно, что противостояние с Великобританией на юге Африки российским обществом воспринималось как некий «громоотвод», виделось компенсацией внутренних проблем в отечестве. Итогом совместной ожесточенной борьбы с британскими регулярными войсками стало уважительное приятие и восхищение храбростью и стойкостью российских бойцов со стороны бурского ополчения. «Защищая от Англии Южную Африку, многие верили, что тем самым защищают Россию от своего старого противника – Англии»¹⁵.

Информационная политика монархических кругов в России и добровольческое движение

Необходимо несколько слов сказать о том, что немаловажную роль в развитии и укреплении российского добровольческого движения сыграли средства массовой информации. В те далекие годы рупором эпохи была пресса.

В одном из наиболее подробных исследований, посвященных 100-летию англо-бурской войны, А.Б. Давидсон и И.И. Филатова подчеркивают тот факт, что монархическая печать использовала затянувшийся конфликт на Юге Африки в качестве социального «громоотвода». В прессе подчеркивалась важность и праведность участия соотечественников в далекой войне.

Обратимся к упомянутому исследованию: «Активную роль в пробурской кампании играли монархические и черносотенные силы. Им эта война была крайне выгодна: на мировой арене ослаблялся главный соперник, Англия, в самой России бедствия народа отодвигались на задний план перед сочувствием бедствиям чужого народа. Они стремились использовать войну для разжигания шовинизма.

С этой целью у буров подчеркивались черты подлинного и надуманного сходства с русскими – те черты, которые правящая верхушка хотела бы культивировать в своем народе: патриархальность, фанатичную религиозность, неприятие “растленного” Запада. Все это должно было помочь властям бороться внутри страны с любыми силами протеста, кому были по душе достижения западных демократий. Так откликнулась на начало англо-бурской войны влиятельная газета “Новое время”»¹⁶.

Инструментарий, использовавшийся журналистами, был весьма разнообразен и давал вполне ощутимые результаты. Представляется, что если бы не географическая удаленность и существенная для участников стоимость вояжа на юг Африканского континента, количество добровольцев было бы значительно выше. Однако точные значения, к сожалению, восстановить не представляется возможным.

Тем не менее стоит обратить также внимание на то, что в российском обществе, весьма озабоченном судьбой бурских республик, не было единого мнения по вопросу участия в конфликте соотечественников. В частности, против выступали представители либеральных кругов и социалисты-народники.

А.Г. Туманов так оценивает сложившуюся в России ситуацию: «Немалую роль в столь активном внимании к проблемам далеких для русских бурских республик, сыграла пресса, которая своими материалами целенаправленно провоцировала интерес общественности к событиям в Южной Африке. Интересно на наш взгляд то, что в российском обществе существовала и другая точка зрения на данную проблему: не имеет смысла так сильно сопереживать проблемам бурских республик и отвлекаться от решения насущных проблем в своей стране»¹⁷.

Однако, судя по свидетельству исследователей, консервативная повестка в материалах, доступных широким слоям населения, превалировала. Приведем пример: «Дорогой русскому сердцу образ народа, старающегося достичь справедливости и доброты, с ее миролюбивыми инициативами, которые постоянно отвергались “коварным Альбионом”, сохранялись в российской печати в течение всей войны»^{*, 18}.

Заключение

Обращаясь к событиям, столь отдаленным от нас по времени, необходимо подчеркнуть тот факт, что любые войны, сколь бы жестокими, длительными и кровопролитными они ни были, заканчивались миром. Англо-бурская война подошла к своему финалу в конце мая 1902 г. в городе Феринихинг, где сторонами был подпи-

^{*} Стиль сохранен (*прим. ред.*).

сан мирный договор. Некогда свободные бургские республики и их жители стали подданными Британской короны¹⁹.

В настоящий момент мы ощущаем некий стык времен, сопровождающийся неизбежным повторением уже, казалось бы, усвоенных уроков истории, что лишь подчеркивает важность и насущную необходимость исторических исследований.

Немаловажно в этой связи то, что теплые и дружественные отношения между Россией и ЮАР – столь разными, но в чем-то очень похожими странами – продолжают и сегодня.

События далекого прошлого вызывают неподдельный интерес как в отечественной, так и в зарубежной исторической науке. В силу указанных причин мы, опираясь на опубликованные труды специалистов и открытые источники, постарались сделать обзор ключевых социально-политических процессов, происходивших в Европе, России и Южной Африке в XIX в.

Пожалуй, можно согласиться с тем, что российское добровольческое движение в числе прочих стало для всего мира одним из примеров бескорыстного служения самой идее Свободы и Независимости. Это, на наш взгляд, само по себе в достаточной степени характеризует суть эволюции общественного сознания в России в сторону формирования «нового» человека, того, кто ценой собственной жизни готов отстаивать будущее мира, свободного от предразсудков и насилия.

¹ Люттвак Э. Стратегия: логика войны и мир. М., 2022. С. 122.

² Канфора Л. Демократия. История одной идеологии. СПб., 2012. С. 87.

³ Лесовиченко А.М. Современный русский патриотизм и опыт войны 1812 года // Вестник Сибирского гос. ун-та путей сообщения. 2012. № 27.

⁴ Кривоногова С.А. Англо-бургская война и эволюция образа Англии в российском общественном сознании // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. 2011. № 9(226). Социально-гуманитарные науки. Вып. 16. С. 33.

⁵ Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бургская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 4.

⁶ Шубин Г.В. Российские добровольцы в англо-бургской войне (1899–1902) (по материалам Российского государственного военно-исторического архива). М., 2000. С. 7.

⁷ Савицкий В.Д. Три века российского самовластия: сомнения, недоумения, коррективы. СПб., 2004. С. 218.

⁸ Там же. С. 185.

⁹ *Туманов А.Г.* Англо-бурская война 1899–1902 годов в оценке русских современников // Запад–Восток. 2010. № 3. С. 47.

¹⁰ *Бочарников И.В.* Русские добровольцы в национально-освободительных войнах XIX в. <https://nic-pnb.ru/analytics/russkie-dobrovoltsy-v-natsionalno-osvoboditelnyh-voynah-xix-veka/> (дата обращения: 01.02.2023).

¹¹ *Люттвак Э.* Указ. соч. С. 145.

¹² Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 т. Т. 7. М., 2012. С. 11–12.

¹³ Там же. С. 241.

¹⁴ Там же. С. 313–314.

¹⁵ *Туманов А.Г.* Указ. соч. С. 48–49.

¹⁶ *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Указ. соч. С. 14.

¹⁷ *Туманов А.Г.* Указ. соч. С. 49.

¹⁸ *Кривоногова С.А.* Указ. соч. С. 32.

¹⁹ *Давидсон А.Б., Филатова И.И.* Указ. соч. С. 8.

ГЛАВА 8. Вновь открытые имена российских участников англо-бурской войны 1899–1902 гг.

Всем солдатам воевавшим – низкий наш поклон...
По солдатам, в битве павшим, – колокольный звон...

Юлия Друнина

Введение

В англо-бурской войне 1899–1902 гг. принимали участие по приблизительным подсчетам 225 добровольцев из Российской империи, сражавшихся на стороне буров. 25 фамилий (в основном это офицеры) стали известны из отчета военного атташе России в Южной Африке Василия Иосифовича Гурко¹. Тщательный анализ отношения царской России к англо-бурской войне и участия в ней российских добровольцев дан в монографии российских ученых А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой «Россияне и англо-бурская война 1899–1902 гг.»², вышедшей в 1998 г.

Четырнадцать фамилий российских добровольцев открыла южноафриканка русско-украинского происхождения Елизавета Григорьевна Кандыба-Фокскрофт (E.G. Kandyba-Foxcroft) (1912–1989) – педагог и активист русской общины в Южной Африке. Она родилась в мае 1912 г. в Полтаве. В эмиграции вышла замуж за выходца из Южной Африки Фокскрофта и в 1947 г. переехала жить на его родину. Кандыба-Фокскрофт была инициатором создания кафедры русского языка и литературы в Университете Южной Африки в Претории. Кроме преподавания она изучала отношение в России к англо-бурской войне и судьбы добровольцев из Российской империи. Результатом ее исследований стала вышедшая в 1981 г. монография «Россия и англо-бурская война 1899–1902»³, в которой и были приведены все четырнадцать фамилий российских участников той войны.

Неизвестных участников войны намного больше. В их числе были не только русские, но и евреи, литовцы, украинцы, поляки, которые приехали в Южную Африку из Российской империи как до начала англо-бурской войны, так и непосредственно для уча-

ствия в ней. Проблема идентификации добровольцев из Российской империи заключается в том, что, если они не проходили по документам государственных ведомств, то найти их имена очень сложно. В главе приведены подробности биографий как мало известных в российской историографии англо-бурской войны Джозефа Сигала, Вольфа Джейкобсона, Хаима Юделевича, Саши Шмахманна, так и ранее вообще не упоминавшихся в российской историографии Дионизия Шукальского и Юрия Будяка (Покоса).

Евреи и поляки – участники англо-бурской войны

В числе тех, кто сражался на стороне буров, были евреи – выходцы из Российской империи. Несколько имен евреев – участников англо-бурской войны (например, Бенцион Аарон (Benzion Aaron), Джозеф Сигал (Josef Segal), Вольф Джейкобсон (Wolf Jacobson)) упомянуты в книге российских ученых А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой⁴. О Б. Аароне писали также российские исследователи Б.М. Горелик⁵ и Г.В. Шубин.

О Джозефе Сигале и Вольфе Джейкобсоне информации меньше. Известно, что они оба были родом из латвийского города Пильтен (ныне Пилтене). У Сигала было прозвище Яккалс (в пер. с африкаанс «шакал»), у Джейкобсона – Волф (в пер. с африкаанс «волк»). А.Б. Давидсон и И.И. Филатова отмечают, что эти молодые люди стали «легендарной парой, когда служили разведчиками под командованием генералов Джеймса Герцога и Христиана Девета»⁶. Об этом же пишут южноафриканские авторы. Ричард Мендельсон отмечал, что Дж. Сигал, приехавший в Оранжевую Республику в 1898 г., «всю войну храбро воевал бок о бок со своим другом В. Джейкобсоном»⁷. Когда началась война, Сигалу было всего шестнадцать лет, но это не помешало ему стать хорошим разведчиком. Самый известный его подвиг состоял в том, что он переплыл бурную реку Оранжевая, чтобы доставить жизненно важное сообщение своему командованию. Генерал Х. Девет потом даже выдал ему свидетельство о том, что он выполнял свой долг добросовестно и храбро⁸. Незадолго до окончания войны Сигал был ранен и попал в плен. Кстати, на стороне буров сражались также его отец Авраам и дядя Моисей, они тоже попали в плен к англичанам. В. Джейкобсон остался жив и в плену не был.

В 1995 г. в южноафриканском журнале *Military History Journal* была опубликована статья Дэвида Сакса об англо-бурской войне, в которой были названы еще два имени ее участников – выходцев из Российской империи. Это Хаим Давид Юделевич (Chaim David Judelewitz) и Саша Шмахманн (Sascha Schmahmann). В 2019 г. в южноафриканском журнале *Jewish Affairs* вышла его новая статья по этой теме⁹. Но необходимо отметить, что впервые о Юделевиче написал в конце 1940-х годов главный раввин Южной Африки, профессор Луис Рабинович в статье «Русский бунтарь»¹⁰.

Х. Юделевич родился в России в 1876 г. Юноша участвовал в революционном движении, спасаясь от преследований, бежал в США, и, прожив там два года, в 1897 г. переехал в Южную Африку.

Он довольно быстро выучил английский язык, а также язык бу ров – африкаанс, стал успешным фермером и предпринимателем. Любил лошадей, был опытным наездником и стрелком, членом стрелковой ассоциации города Волмарансстад. После начала войны, в октябре 1899 г., Юделевич вступил в отряд под командованием генерала Пита Кронье; там его знали под именем Херрман¹¹. Он участвовал в крупных сражениях на западном (Кимберлийском) фронте. По свидетельствам очевидцев, Юделевич был храбрым бойцом и не кланялся пулям под огнем противника. За взятие в одиночку в плен группы шотландских гвардейцев (семь человек) он был произведен в чин фельдкорнета.

После капитуляции генерала Кронье в феврале 1900 г. Юделевичу удалось прорваться через кордон англичан и собрать отряд в 300 человек, который недалеко от г. Приска совершал диверсии на железной дороге. В мае того же года на их лагерь было совершено нападение, и в ожесточенном бою Юделевич погиб. Похоронен в братской могиле на кладбище г. Приска.

Саша Шмахманн родился в 1882 г. в Риге в семье Лейба Шмахманна и Минны Хормер¹². Он приехал в Трансвааль подростком в 1895 г. Когда началась война, ему было всего семнадцать лет, но он пошел сражаться добровольцем наравне с бурами. Сначала он ухаживал за ранеными в госпитале. Позже стал снайпером, участвовал в известной битве при Коленсо 15 декабря 1899 г. В огне войны он не утратил человечности и позже, вспоминая англичан, говорил: «Нам, бурам, было жалко их убивать»¹³. Буры его любили

и даже считали своеобразным талисманом, так как с момента появления Шмахманна ни один из них не был убит.

После окончания войны Шмахманн остался жить в Южной Африке, был женат на Рэйчел (Рэй) Химмельхох из городка Луи Трихарт, семья которой также приехала в Южную Африку из Российской империи. Скончался в возрасте 81 года 17 февраля 1963 г. в г. Ист-Лондон.

Но большинство имен евреев-добровольцев из Российской империи до сих пор не упомянуты в историографии в качестве именно российских добровольцев, потому что их как эмигрантов, то есть выбывших из России, не включали в отчеты и сводки российского военного атташе. Не попадали такие лица и в военные сводки буров, так как те считали их российскими добровольцами.

В англо-бурской войне на стороне буров принимала участие также небольшая группа поляков¹⁴. Среди них были и поляки, приехавшие в Южную Африку с той части территории Польши, которая входила в состав Российской империи. Один из них – Дионизий Шукальский (Dionizy Szukalski) (1864–1913) – отец известного польского и американского скульптора и художника Станислава Шукальского (1893–1987).

Дионизий Шукальский жил в городке Варта недалеко от города Серадза (Калишская губерния Российской империи)¹⁵. Работал кузнецом. Был революционно настроен, мечтал о независимости Польши. Попав под наблюдение полиции, в самом начале 1890-х годов уехал с женой Констанцией (урожденная Садовская) в Бразилию, где у молодой семьи родилась дочь Альфреда. Через год они вернулись в Варту, где в 1893 г. родился их сын Станислав. Через год из-за финансовых трудностей Дионизий уехал на заработки в Южную Африку. После начала англо-бурской войны он пошел добровольцем сражаться на стороне буров и воевал до их поражения в 1902 г.¹⁶

После окончания войны Дионизий вернулся к семье в Польшу, и они переехали жить в деревню Гидле (Петроковская губерния, на западе Российской империи). Но через несколько лет он эмигрировал в США, жил в Чикаго, работал кузнецом. В 1907 г. к нему переехала жена с двумя детьми. Дионизий был мастером своего дела: современники говорили, что он превращает металл в произведения

искусства. Сын Станислав хорошо рисовал, и родители отправили его учиться живописи сначала в Чикаго, а потом в Краков. В 1913 г. в Чикаго Д. Шукальский трагически погиб в автомобильной катастрофе на глазах у своего сына. Тогда молодому Шукальскому было 20 лет.

Сын боготворил отца и как замечательного кузнеца, и как равнодушного к судьбе Польши человека. Знаменитый голливудский сценарист Бен Хект (Ben Hecht)^{*}, который был другом юности Станислава в период его жизни и учебы в Чикаго, в автобиографии приводит его слова об отце: «Я очень любил отца – больше, чем кого бы то ни было в мире...»¹⁷. Станислав разделял взгляды отца, которые повлияли и на его мировоззрение. Он увековечил отца в скульптуре «Отец-кузнец», закончив работу над отлитой в бронзе скульптурой незадолго до его гибели в 1913 г.

Интересно, что имя Дионизия Шукальского снова прозвучало через 105 лет после его гибели. Еще в 1983 г. в Лос-Анжелесе С. Шукальский познакомился и подружился с американским писателем, издателем и художником Джорджем Ди Каприо, отцом голливудской звезды Леонардо Ди Каприо. Мальчик с отцом бывал в гостях у скульптора, позже даже называл его своим польским дедушкой¹⁸. В 2018 г. Л. Ди Каприо вместе со своим отцом стали продюсерами польско-американского документального фильма «Борьба. Жизнь и утраченное искусство Шукальского»^{**}, снятого польским режиссером Ирениушем Добровольским. Участники фильма говорили также об отце скульптора Шукальского. Кстати, по утверждению Л. Ди Каприо, его бабушка по материнской линии, Елена Степановна Смирнова, была русской, русским был также один из его дедушек¹⁹.

Ю. Будяк и спасение У. Черчилля – миф или реальность?

В Интернете тема англо-бурской войны остается популярной, в том числе, потому что в этой войне принимали участие добровольцы из самых разных стран. Но, помимо научных работ, в Интерне-

^{*} По его сценарию в 1939 г. был снят легендарный фильм «Унесенные ветром».

^{**} Struggle: The Life and Lost Art of Szukalski.

те много публикаций журналистов и историков-любителей, чьи материалы не всегда подтверждаются источниками.

Интересна история еще одного из российских добровольцев – писателя и поэта Юрия Яковлевича Будяка (настоящая фамилия Покос), который был родом с Украины.



Ю.Я. Будяк (Покос)

В последнее десятилетие на Украине в СМИ и на различных сайтах о Ю. Будяке появилось много публикаций, в которых говорилось о спасении им Уинстона Спенсера Черчилля во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. в Южной Африке. Оба этих обстоятельства – участие в войне на далеком Африканском континенте и возможное пересечение с деятелем мирового масштаба – достойны более пристального внимания. Важен и сам факт появления нового имени в числе забытых участников англо-бурской войны, приехавших из Российской империи.

Возможно, толчком для возникновения интереса к этой истории послужила небольшая статья (фактически биографическая справка) о Ю. Будяке в Энциклопедии современной Украины, которая с 2001 г. издается Институтом энциклопедических исследований На-

циональной академии наук Украины. Ее автор, украинский поэт, писатель и теоретик литературы, профессор Степан Андреевич Крыжановский (1910–2002) написал, что Будяк «принимал участие в войне буров против англичан (1899–1902) и помог убежать из плена будущему британскому политику У. Черчиллю»²⁰. Однако ссылок на документы не приводилось.

История Будяка – спасителя Черчилля приобрела большую значимость благодаря вниманию к ней местных историков. Так, в 2012 г. в журнале «Рідний край» («Родной край») о Будяке вышла небольшая статья историка, преподавателя вуза и журналиста Валерия Козюры и его сына Игоря Козюры «Писатель-земляк Юрий Будяк»²¹. А в 2015 г. была опубликована статья доктора исторических наук, профессора Полтавского национального технического университета Ирины Григорьевны Передерий с громким говорящим названием «Юрий Будяк (Покос) – украинский просветитель и литератор, который повлиял на мировую историю»²². О спасении Ю. Будяком У. Черчилля написано также в статье (на украинском языке) «Наш преподаватель Юрий Яковлевич Покос (Будяк) – спаситель У. Черчилля (к 140-летию со дня рождения)» местного историка Александра Мартыненко и сотрудницы музея Белоцерковского национального аграрного университета Елены Полищук²³. В то же время в вышедшей в 2016 г. книге «Они создавали наше величие»²⁴ Владимира Максимовича Власенко (на протяжении 30 лет был ректором этого университета) в статье о Ю. Будяке ничего не сказано о его участии в англо-бурской войне²⁵.

Чтобы прояснить ситуацию с участием Ю. Будяка в англо-бурской войне и якобы имевшим место эпизодом спасения им У. Черчилля, необходимо скрупулезно сопоставить имеющиеся факты и их трактовку, представленные в ряде публикаций о нем, вышедших в разное время. В них содержится ряд разночтений и нестыковок. Необходимо отметить, что в 1935 г. Ю. Будяк был осужден, а биографии репрессированных часто отличались в разные периоды их написания. Касается это и биографии Ю. Будяка.

В советский период об этом писателе и поэте были публикации биографического характера, например в 1-м томе Украинского советского энциклопедического словаря (1966 г.), во 2-м томе Украинской советской энциклопедии (1978 г.), в 1-м томе Украинской литературной энциклопедии (1988 г.). Но в них не отражен факт

участия Будяка в англо-бурской войне, что отмечают и украинские исследователи²⁶.

В 1995 г. биографическая справка о Будяке вошла в 1-й том Энциклопедии украиноведения, изданной в Киеве²⁷.

Ю.Я. Будяк (Покос) родился в селе Красногорка Константиноградского уезда Полтавской губернии 30 ноября (17 ноября по старому стилю) 1878 г. (в некоторых источниках – 1879 г.)²⁸ в семье православных Якова Касьяновича и Евдокии Антониевны Пукась, которые называли сына Григорием. Эту не очень благозвучную фамилию литератор сменил на фамилию Покос в 1912 г., а имя Григорий «постепенно превратилось в Георгий, Юрий»²⁹. Об этом же пишет Евгений Чернецкий³⁰. В автобиографии, опубликованной в 1926 г. в журнале «Плужанин», Будяк писал: «Мой отец, безземельный крестьянин, плотник, умер, когда мне было 5 лет»³¹. Мальчик воспитывался в семье родственников. Окончил церковно-приходскую школу. Чтоб заработать на жизнь и продолжить учебу, уехал в г. Екатеринослав. Потом были Крым и Кавказ, где молодой человек успел поработать грузчиком, пастухом, кровельщиком, помощником аптекаря и матросом³². Он продолжал учиться самостоятельно в надежде окончить гимназию экстерном. Все эти биографические данные, приведенные в перечисленных выше публикациях, в основном совпадают с данными текста статьи «Юрий Будяк (К 20-летию юбилею литературной деятельности)», опубликованной в журнале «Плужанин» за 1926 г.³³

Литературный псевдоним «Будяк» (в пер. с укр. «чертополох» или «репейник») Ю. Покос взял еще в юности. По некоторым сведениям, он прочитал другу одно из первых своих стихотворений, в которых чувствовался бунтарский дух. Тот сказал, что стихи очень хлесткие, будто удар колючим чертополохом по пяткам. Это сравнение очень понравилось юному поэту, и он взял его как псевдоним.

К двадцати годам Ю. Будяк уже писал стихи, много поездил по Российской империи. Поэты – романтики, их влекут дальние страны и приключения. Он много читал, поэтому не мог не знать об англо-бурской войне. Тогда многие молодые люди разделяли настроения, выраженные писателем Константином Паустовским, который писал об этом времени так: «Мы, дети, были потрясены этой войной. Мы жалели флегматичных буров, дравшихся за неза-

висимость, и ненавидели англичан. Мы знали во всех подробностях каждый бой, происходивший на другом конце земли... Мы зачитывались книгой “Питер Мариц, молодой бур из Трансвааля”»³⁴. Возможно, молодой Юрий тоже читал повесть немецкого писателя и путешественника Августа Нимана (Pieter Maritz, der Burensohn von Transvaal) и, как другие добровольцы из России, решил поехать в далекую Южную Африку помогать бурам воевать с англичанами.

Если и был в жизни Ю. Будяка «африканский» период, то сам он практически никогда об этом не рассказывал: он не оставил никаких письменных воспоминаний, не было также намеков об этом в его литературных произведениях. Возможно, у него были причины не предавать огласке эти события своей биографии. Интересно, что в своих мемуарах «Записки учителя» в 1909 г. он писал: «...в сентябре 1899 года я получил свидетельство на звание учителя, а в октябре-ноябре того же года инспектор народных школ в Полтавской области [тогда это была губерния] “предоставил” мне место в с. У-вцы...»³⁵. Из текста также следует, что накануне Рождества 1900 г. Будяк работал в этой школе: «Однажды, уже перед Рождеством, школьники старшей группы попросили у меня разрешения прийти вечером в школу»³⁶. Поэтому встретиться с У. Черчиллем 15 ноября 1899 г. (дата взятия будущего британского премьер-министра в плен) в Южной Африке Будяк не мог. Впрочем, украинский литератор мог отправиться в Трансвааль после Рождества 1900 г. и участвовать в англо-бурской войне.

Указания на то, что Ю. Будяк был в Южной Африке, могут сохраниться в его собственной публикации (80 страниц) на украинском языке «Дикие люди. Где и как они живут. Австралийцы. Океанийцы. Малайцы. Африканцы» 1909 года в ежемесячном научно-литературном журнале «Літературно-Науковий Вістник» («Литературно-научный вестник»), который под редакцией историка М.С. Грушевского издавался в Киеве в издательстве «Лан». Африканскому континенту (при этом Мадагаскар рассматривался отдельно от Африки) автор посвятил двадцать страниц (с. 58–78). Будяк рассказывает о природе Африки, местных народах, их жилищах, одежде, семейном укладе, верованиях, традиционном праве, музыке, танцах. Отдельно пишет о войнах между местными народами и работорговлей³⁷. О Южной Африке и о бурах информация

практически отсутствует. Есть только упоминание, что «многие местности заселили здесь и европейцы, как например буры, которые недавно воевали с Англией, и другие»³⁸ и несколько абзацев о зулусах³⁹. Почему автор упомянул именно буров, а не французов или англичан, которые жили тогда во многих африканских колониях? Возможно потому, что он сам общался с бурами в Африке. В конце текста Будяк приводит четыре книги, которые использовал в своей работе. Для характеристики африканцев автор использует выражения, которые могут указывать на личный опыт общения с ними. О пребывании Ю. Будяка в Африке может свидетельствовать сам факт интереса к ней тогдашнего учителя украинского языка и литературы (а не географии или истории, что было бы более закономерным). Этот интерес и мог побудить Будяка написать книгу о жителях далеких и мало известных его соотечественникам стран. К тому же она вышла через семь лет после англо-бурской войны.

Сведения об африканском периоде жизни Ю. Будяка впервые были опубликованы в автобиографической повести «Красный Парнас: исповедь бывшего плужанина» украинского прозаика и драматурга Василия Петровича Минко (1902–1989), вышедшей на украинском языке в Киеве в издательстве «Радянський письменник» («Советский писатель») в 1972 г.

Будяк и Минко в 1920-е годы дружили и вместе состояли в литературной организации крестьянских писателей «Плуг». Минко пишет, что однажды в доверительной беседе Будяк откровенно рассказал ему о своих приключениях в Южной Африке. При этом он описывал эту страну как «алмазно-золотое дно континента»⁴⁰.

В повести говорилось, что Будяк сначала был обычным бойцом, но позже стал командиром небольшого отряда буров, который по ночам нападал на лагеря англичан и уничтожал их. Будяк говорил другу, что гуманизм в такой войне противопоказан, но уточнял, что «иногда он во мне просыпался, и я спасал некоторых от смерти, брал в плен»⁴¹. А про эпизод с У. Черчиллем Будяк, по словам Минко, не уточняя, когда происходили эти события, рассказал следующее. Во время одного из нападений на лагерь англичан 22-летний Будяк столкнулся с молодым человеком, у которого в руках был не револьвер, а блокнот и карандаш, которые он демонстративно показывал противнику. На вопрос Будяка «Корреспондент?»

англичанин кивнул и показал свое удостоверение. Это и был корреспондент английской газеты *The Morning Post* 25-летний Уинстон Черчилль. Будяк понял, что перед ним стоит коллега (ведь он сам до этого работал в газете), и проникся к нему сочувствием. Он не смог сразу отослать своего пленного в штаб. А на следующий день отряд Будяка попал в окружение и сам оказался в плену у англичан. «Поменявшись ролями пленник Будяка тоже проявил гуманность: устроил так, что вместо лагеря для пленных Будяк оказался в Англии, у родного отца того офицера. Этим отцом оказался наследник герцогов Мальборо лорд Черчилль»⁴².

Те же события в информативной подробной статье И.Г. Передерий и О.Я. Домаренко (в ней много материала о педагогической и литературной деятельности Будяка) описаны несколько иначе. Якобы Будяк понял, что перед ним стоит коллега, проникся к нему сочувствием и, решив его спасти, не стал вести в штаб. И потом выкупил его за 25 фунтов⁴³. При этом авторы ссылаются на страницу 32 повести В. Минко. Однако тот рассказ Будяка в своей книге передал на страницах 91–93, а на странице 32 Будяк не упоминался.

Это не единственное расхождение текста И.Г. Передерий и О.Я. Домаренко с текстом В. Минко. Главное, что И.Г. Передерий и О.Я. Домаренко в своей статье пишут о Будяке как об офицере русской армии, участвовавшем добровольцем в англо-бурской войне⁴⁴. Возможно, они нашли такую информацию, но источник не указали. Минко писал, что «Будяк воевал рядовым, а потом, немного овладев языком и обычаями того края, стал командиром небольшого отряда»⁴⁵. Но Передерий и Домаренко утверждают, что Будяк уже хорошо владел местным языком и знал местные обычаи. При этом ни литератор Минко, ни доктор исторических наук Передерий не уточняют, о каком языке идет речь.

В вышеупомянутой статье историка А. Мартыненко и сотрудницы музея Белоцерковского национального аграрного университета Е. Полищук «Наш преподаватель Юрий Яковлевич Покос (Будяк) – спаситель У. Черчилля (к 140-летию рождения)» содержится много биографических данных Ю. Будяка и интересный, подробный рассказ о его литературной деятельности. В ней повторяется рассказ о выкупе Будяком Черчилля за 25 фунтов стерлингов, сообщается о пребывании Будяка в Англии по приглашению Черчилля и о кратком периоде его учебы в Оксфорде, оплаченной семьей спасенно-

го⁴⁶. Но в статье неверно указан год начала англо-бурской войны – 1910 г. вместо 1899 г. Скорее всего, это опечатка. Ведь в 1910 г. 35-летний Черчилль был министром внутренних дел Великобритании, а Будяк жил и работал на родине, активно публиковался. В статье Мартыненко и Полишук, датированной 2018 г., информация о Будяке во многом совпадает с данными из статьи Передерий и Домаренко, опубликованной тремя годами раньше. А у Передерий и Домаренко, как уже сказано, сведения о жизни Будяка немного расходятся с информацией из книги Минко, благодаря которой и начала распространяться в литературе и различных СМИ эта любопытная, но не подтвержденная конкретными надежными источниками история спасения У. Черчилля писателем Ю. Будяком.

В статье о Ю. Будяке, опубликованной в 1926 г. в журнале «Плужанин», говорилось, что в начале XX в. он побывал в Англии, Франции, Америке, Турции и в Азии «как эмигрант или путешественник»⁴⁷. И В. Минко сообщает, что Будяк сам рассказал ему, что после Англии он, благодаря финансовой помощи отца У. Черчилля, побывал еще в Америке, а потом, возвращаясь домой на Украину, побывал также во Франции, Италии и Турции⁴⁸. В те годы подобные факты биографии не могли не привлекать внимание к его персоне.

Таким образом, по поводу истории спасения Ю. Будяком крупнейшего государственного деятеля Британии возникает много вопросов. Участие У. Черчилля в англо-бурской войне – факт общеизвестный. 15 ноября 1899 г. молодой военный корреспондент У. Черчилль с отрядом под командованием капитана Эйлмера Холдейна (Aylmer Haldane) (они были знакомы по службе в Индии) участвовал в разведывательной операции на вражеской территории, надеясь позже написать хороший материал для своей газеты. Отряд ехал на бронепоезде, попал в засаду и оказался в плену у буров⁴⁹. Позже Черчилль описал свое пребывание в плену. Но, по его словам, он был в плену целых два месяца и спасся в результате побега, сопряженного с большой опасностью⁵⁰.

Такова история двух молодых людей, родившихся в один и тот же день (30 ноября)*, но в разные годы. Возможно, судьба

* Черчилль родился 30 ноября по григорианскому стилю календаря, а Будяк – 17 ноября по действовавшему тогда в Российской империи календарю юлианскому, что с 1918 г. соответствует 30 ноября.

свела их вместе далеко от дома, на одной войне, но по разные стороны фронта. Если допустить, что история их встречи правдива, то у обоих молодых людей были причины не предавать ее огласке. У Черчиллю побег принес известность, и вскоре журналист начал успешную политическую карьеру. Если он действительно организовал поездку Будяка в Англию, то это свидетельствует о его способности быть благодарным. А для Будяка рассказывать на родине в 1920–30-е гг. о таком военном прошлом и общении за рубежом с высокопоставленной персоной могло быть опасным.

В начале 1900-х годов Ю. Будяк продолжил учебу и литературные занятия. Первая его публикация, по одним данным, появилась в 1895 г.⁵¹, по другим – в 1905 г. в Херсоне в альманахе «Перша ластівка» («Первая ласточка»)⁵². В 1906–1910 гг. он был членом редколлегии журнала «Українська хата» («Украинская хата»), в котором публиковал свои стихи и отдельные статьи, печатался также в газете «Рада» и в историческом журнале «Київська старина». В 1909 г. вышел его поэтический сборник «На полях життя» («На полях жизни»), в 1910 г. – историческая поэма «Пан Базилей». Одной из его лучших публикаций того времени считаются «Записки учителя», о которой уже шла речь. Есть сведения, что в 1912–1916 гг. Будяк учился в Киевском политехническом институте. Потом два года работал учителем в церковно-приходской школе и в одной из частных школ. Институт окончить не смог, так как в 1916 г. началась мобилизация, и многие преподаватели ушли на фронт. Согласно статье С.А. Крыжановского, в том же году Будяк поступил в Одессе в школу прапорщиков, но не окончил ее из-за болезни⁵³. В Центральном государственном архиве общественных объединений Украины в Киеве сохранилось фото Будяка в военной форме, датированное 1916 г.⁵⁴, оно опубликовано в статье сотрудников Белоцерковского национального аграрного университета кандидата философских наук А.В. Ярмолы и Е.И. Великой⁵⁵.

После февральской революции 1917 г. Ю. Будяк (Покос) стал активным деятелем украинского национального движения⁵⁶. Его избрали заместителем председателя общества «Просвіта» («Просвещение») в г. Белая Церковь. В январе 1918 г. Будяк жил в Киеве и некоторое время работал в аппарате Центральной Рады⁵⁷. Об этом

же пишут А.В. Ярмола и Е.И. Великая⁵⁸, ссылаясь на материалы Центрального государственного архива общественных объединений Украины в Киеве⁵⁹.

В 1916–1924 гг. Будяк жил и работал в г. Белая Церковь, где занимался преподаванием. Сначала преподавал украинский язык и литературу в государственной женской гимназии. Был внештатным сотрудником, так как не имел диплома об окончании университета. Там же работала и его жена. В конце 1917 – начале 1918 г. Будяк был одним из активных организаторов украинской гимназии и сам преподавал в ней. После закрытия гимназии в 1920 г. преподавал на трехгодичных педагогических курсах, а в 1920–1924 гг. читал курс лекций по украинской литературе в Белоцерковском педагогическом техникуме⁶⁰. Будяк также участвовал в создании Белоцерковского краеведческого музея.

В 1922 и 1924 гг. Будяка арестовывали за участие в церемонии встречи С. Петлюры в Белой Церкви в 1918 г.⁶¹, но суд его оправдал⁶². В 1924 г. он переехал в Киев, работал библиотекарем, стал членом литературной организации крестьянских писателей «Плуг». Именно тогда Будяк и подружился с писателем Василием Минко.

Наибольшую популярность писателю и поэту Юрию Будяку принесли его детские произведения, некоторые были переведены на русский и белорусский языки⁶³. Он пробовал себя также в драматургии, в 1924 г. написал пьесу «Под лучами Красного Октября»^{*}.

1 февраля 1935 г. Будяк снова был арестован. Его обвинили в причастности к контрреволюционной организации и в активной контрреволюционной деятельности⁶⁴. В числе обвинений были также его работа в Центральной Раде, утаивание происхождения (в его метрике указывалось, что отец владел земельным наделом, а в автобиографиях^{**} он писал, что тот был безземельным крестьянином). 28 октября 1935 г. Ю. Будяк был приговорен к пяти годам исправительных трудовых лагерей. Отбывал наказание в лагерях в Караганде (Казахстан), Ухте и Воркуте. После освобождения в

* «Під промінням Червоного Жовтня».

** Например, в автобиографии, которую он подал при вступлении в литературную организацию крестьянских писателей «Плуг».

1940 г. вернулся в Киев больным и изможденным, некоторое время работал учителем, литературным творчеством больше не занимался.

Зимой 1942 г. Ю. Будяк вместе с украинскими писателями Дюкией Гуменной и Павлом Нечаем пытались возобновить литературную жизнь в оккупированном Киеве. Они даже намеревались открыть букинистический магазин, но оккупационные власти не дали на это разрешение⁶⁵.

Умер Ю. Будяк (Покос) в оккупированном Киеве 23 сентября 1942 г. Похоронен на Куреневском кладбище города. 7 февраля 1958 г. был посмертно реабилитирован Верховным судом СССР⁶⁶.

В биографии писателя, поэта и педагога Юрия Будяка (Покоса), жившего в непростой исторический период, много неясностей и противоречивых моментов. Отсутствие достоверных архивных источников вместе с противоречивостью информации о нем в его мемуарах и в воспоминаниях современников придало образу писателя некую таинственность, окутали легендой.

Кстати, об этом пишут сами некоторые украинские историки. В 2019 г. на одной из краеведческих конференций доклад сотрудников Белоцерковского национального аграрного университета кандидата философских наук А.В. Ярмола и Е.И. Великой был назван «Юрий Будяк (Покос) – писатель и гражданин: между реальной жизнью и легендами»⁶⁷. Авторы признают необходимость «установления действительных фактов жизни и творчества» писателя⁶⁸ и дают объяснения некоторых нестыковок в фактах его биографии.

Важный факт. А.В. Ярмола и Е.И. Великая, ссылаясь на материалы следственного дела Ю. Будяка, которое хранится в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины, упоминают о существовании еще одной, более ранней, записи рассказа писателя о его участии добровольцем в англо-бурской войне. Запись датирована 1957 г., то есть за 15 лет до выхода книги В. Минко. Речь идет о записи писателя Б.Д. Антоненко-Давидовича, в которой говорилось, что Будяк рассказывал ему про свое ранение, плен у англичан, лечение в госпитале в Лондоне, откуда тот вернулся в Россию⁶⁹. Авторы указывают источник – фонд 263, опись 1, дело 45982. С. 21⁷⁰.

На Международной научно-практической конференции «Восьмые Бердяевские чтения», которая состоялась в г. Белая Церковь в июне 2020 г., исследователи жизни и творчества Ю. Будяка А.В. Ярмола и Е.И. Великая выступили с новым докладом о нем. Относительно его участия в англо-бурской войне и истории спасения им У. Черчилля, они употребили выражение «по некоторым воспоминаниям»⁷¹.

История писателя Ю. Будяка далеко не единственный пример того, как биографию человека окутывает пелена таинственности, и имеющиеся в ней лакуны заполняются легендами, которые потом многократно тиражируются в СМИ. Установление исторической правды невозможно без достоверных источников. При их отсутствии имеющиеся о человеке или событии факты подменяются, идеализируются, даже романтизируются.

Кроме С.А. Крыжановского, большинство названных в главе авторов, писавших о Ю. Будяке, являются или его земляками, или работниками высшей школы в г. Белая Церковь, где писатель некоторое время жил и преподавал. Их стремление отдать должное памяти земляка похвально и заслуживает уважения. Участие Ю. Будяка в англо-бурской войне кажется достоверным. Но архивных документов, подтверждающих реальность встречи Ю. Будяка с У. Черчиллем во время англо-бурской войны в Южной Африке, пока не найдено.

Возможно, история со спасением У. Черчилля добровольцем из Российской империи Юрием Будяком возникла в результате вымысла, фантазии последнего, что было присуще ему как писателю, или она появилась из-за его неправильно понятых и растиражированных слов. Но благодаря ряду публикаций о нем было привлечено внимание к человеку, имевшему отношение к истории Южной Африки. Таким образом, еще один российский доброволец, участвовавший в англо-бурской войне, обрел имя и был из списка безвестных участников давней войны на Африканском континенте.

Писатель и поэт Юрий Будяк (Покос) теперь в числе выживших в той войне и продолживших по возвращении на родину творческую и педагогическую деятельность. История жизни Ю. Будяка нашла отражение и в художественной литературе. В 2015 г. на украинском языке вышла книга Наталки Доляк «Потерянный между войнами»⁷².

Заклучение

На южноафриканских сайтах, посвященных иностранным участникам англо-бурской войны⁷³, есть сообщения, что участников войны, родившихся в Российской империи, было гораздо больше, чем 200. Остается широкое поле для продолжения научных изысканий по этой теме, которые помогут вернуть новые имена российских добровольцев, принимавших участие в той войне.

¹ Давидсон А., Филатова И. Россия и Южная Африка. Три века связей. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики, 2010. С. 124.

² Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human & Rousseau, 1998.

³ Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War 1899–1902. Roodepoort: CUM Books, 1981.

⁴ Davidson A. Filatova I. Op. cit. P. 51.

⁵ Горелик Б.М. Российская эмиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 29.

⁶ Цит. по: Davidson A., Filatova I. Op. cit. P. 51–52.

⁷ Mendelsohn R., Shain M. The Jews in South Africa. Johannesburg & Cape Town: Jonathan Ball Pub., 2009. P. 59.

⁸ Saks D.Y. Jews on Commando // Southern Africa Jewish Genealogy. 2005. <https://jewishgen.org/safrica/military/commando.htm> (дата обращения: 05.03.2023).

⁹ Saks D. Jewish Bittereindes of the Anglo-Boer War // Southern Africa Jewish Board Deputies. 30 August 2019. <https://www.sajbd.org/media/jewish-bittereindes-of-the-anglo-boer-war>

¹⁰ Saks D.Y. Three 'Boerejode' and the South African War // Military History Journal. 1995. Vol. 10. № 2.

¹¹ Ibidem.

¹² Wiener C. The history of the Pietersburg (Polokwane) Jewish community. MA thesis. University of South Africa. 2006. P. 323.

¹³ Saks D.Y. Jews on Commando...

¹⁴ Kałuski M. Polacy w Republice Południowej Afryki // AzPolonia. 18.05.2006. <http://www.azpolonia.com/index.php?siteId=en&p=article&aid=210> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁵ Matusielńska A. Niepokorny geniusz. Artystyczna biografia Stanisława Szukalskiego // Desa Unicum. <https://desa.pl/pl/historie/niepokorny-geniusz-artystyczna-biografia-stanisława-szukalskiego> (дата обращения: 05.03.2023).

¹⁶ Pogorzelski D. Stanisław Szukalski: The Human Riddle // The Warsaw Institute Review. 2020. Qr. 1. No. 12. P. 107.

¹⁷ Цит. по: Радзивилл А. «Борьба»: немой певец. <https://seance.ru/articles/struggle-szukalski> (дата обращения: 07.03.2023).

¹⁸ *Borowski J.* Life and times of controversial and bizarre Polish sculptor examined in a Leonardo DiCaprio produced film // The First News. 18.11.2018. <https://thefirst-news.com/article/life-and-times-of-controversial-and-bizarre-polish-sculptor-examined-in-a-leonardo-dicaprio-produced-film-3346> (дата обращения: 05.03.2023).

¹⁹ Русский Лео: что связывает Ди Каприо и Россию // ТАСС. 11.11.2014. <https://tass.ru/kultura/1564537> (дата обращения: 04.03.2023).

²⁰ Цит. по: *Крижанівський С.А.* Будяк Юрій Якович // Енциклопедія Сучасної України. Т. 3: «Біо» – «Бя» / Гол. редкол.: Дзюба І.М., Жуковський А.І., Железняк М.Г. та ін. Ін-т енциклопедичних досліджень НАН України. Київ, 2004.

²¹ *Козюра І., Козюра В.* Письменник-краянин Юрій Будяк // Рідний край. 2012. № 2 (27). С. 285–287.

²² *Передрій І.Г., Домаренко О.Я.* Юрій Будяк (Покос) – український освітнянин і літератор, який вплинув на світову історію // Респроведана культура України: регіональний вимір: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної Інтернет-конференції 9 квітня 2015 року / відп. ред. І.Г. Передрій. Полтавський нац. тех. ун-т ім. Ю. Кондратюка. Полтава: ПолтНТУ, 2015. С. 59–65.

²³ *Мартиненко О.В., Поліщук О.В.* Наш викладач Юрій Якович Покос (Будяк) – рятівник В. Черчилля (до 140-річчя з дня народження). <https://btsau.edu.ua/uk/content/muzeu> (дата обращения: 10.06.2020).

²⁴ *Власенко В.М.* Вони творили нашу велич. М. Біла Церква. 2016. С. 35–36.

²⁵ Там же.

²⁶ *Ярмола О.В., Велика К.І.* Історіографія життя і творчості письменника Юрія Будяка-Покоса в контексті Української революції / Науковий журнал «Молодий вчений». 2019. № 6.1 (70.1). С. 84.

²⁷ Будяк (дійсне прізвище Покос) Юрій // Енциклопедія українознавства. Т. 1: А-Г / Голов. ред. В. Кубійович. Київ: Глобус, 1995. С. 185.

²⁸ Український радянський енциклопедичний словник / Редкол. А.В. Кудрицький (відп. ред.) та ін. 2-е вид. Київ: голов. ред. УРЕ, 1986. С. 226.

²⁹ *Ярмола О.В., Велика К.І.* Указ. соч. 2019. С. 84.

³⁰ *Чернецький Є.* Государь Император всемилостейише соизволил: епізод 1912 р. на шляху перетворення селянина Григорія Пукаса на письменника Юрія Будяка / XLVI Кращі читання імені о. Петра Лебединцева. 12 квітня 2019 р. Біла Церква, 2019. С. 16.

³¹ *Магонь Ю.* Юрій Будяк. (До 20-річного ювілею літдіяльності) // Плужанин. 1926. № 2 (8). С. 28.

³² *Передрій І.Г., Домаренко О.Я.* Указ. соч. С. 60.

³³ *Магонь Ю.* Указ. соч. С. 28–29.

³⁴ *Паустовский К.* Далекие годы: повесть о детстве и юности. М., Л.: Детская литература, 1946. С. 45–46.

³⁵ *Будяк Ю.* Записки учителя. 1899–1906 // Літературно-науковий вістник. Львів–Київ, 1909. Т. 46. № 4. С. 103.

³⁶ Там же. С. 109.

³⁷ *Будяк Ю.* Дикі люди. Де і як вони живуть. Австралійці. Океанійці. Малайці. Африканці // Літературно-науковий вістник. Київ: Популярна бібліотека «Лан», 1909. № 3. С. 68–69.

-
- ³⁸ Там же. С. 4.
- ³⁹ Там же. С. 63.
- ⁴⁰ *Минко В.* Червоний Парнас: сповідь колишнього плужанина. Київ: Радянський письменник, 1972. С. 91–92.
- ⁴¹ Там же. С. 92.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Передерій І.Г., Домаренко О.Я.* Указ. соч. С. 60.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Минко В.* Указ. соч. С. 92.
- ⁴⁶ *Мартиненко О.В., Поліщук О.В.* Указ. соч.
- ⁴⁷ *Магонь Ю.* Указ. соч. С. 28–29.
- ⁴⁸ *Минко В.* Указ. соч. С. 93.
- ⁴⁹ *Addison P. Churchill, Sir Winston Leonard Spencer.* Oxford Dictionary of National Biography. <https://www.oxforddnb.com/display/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-32413> (дата обращения: 07.03.2023).
- ⁵⁰ *Черчилль У.* Мои ранние годы: 1874–1904 / пер. с англ. Е. Осеневой, В. Харитоновой. М.: КоЛибри, 2011. С. 267–284.
- ⁵¹ *Крижанівський С.А.* Указ. соч.
- ⁵² *Мартиненко О.В., Поліщук О.В.* Указ. соч.
- ⁵³ *Крижанівський С.А.* Указ. соч.
- ⁵⁴ Центральний державний архів громадських об'єднань України. Київ. Ф. 263. Оп. 1. Сп. 45982. Л. 226.
- ⁵⁵ *Ярмола О.В., Велика К.І.* Указ. соч. 2019. С. 84.
- ⁵⁶ *Передерій І.Г., Домаренко О.Я.* Указ. соч. С. 61.
- ⁵⁷ *Крижанівський С.А.* Указ. соч.
- ⁵⁸ *Ярмола О.В., Велика К.І.* Указ. соч. 2019. С. 82.
- ⁵⁹ Центральний державний архів громадських об'єднань України. Ф. 263. Оп. 1. Сп. 45982. Л. 76.
- ⁶⁰ *Власенко В.М.* Вони творили нашу велич. Біла Церква, 2016. С. 35.
- ⁶¹ *Передерій І.Г., Домаренко О.Я.* Указ. соч. С. 62.
- ⁶² *Льєнко І.* Юрій Будяк // З порога смерті: письменники України – жертви сталінських репресій. Вип. 1. Київ: Радянський письменник, 1991. С. 77.
- ⁶³ *Юрій Будяк* // Письменники Радянської України. 1917–1987: бібліогр. довід. / Авт.-упоряд. В.К. Коваль, В.П. Павловська. Київ: Радянський письменник, 1988. С. 91.
- ⁶⁴ *Льєнко І.* Указ. соч. С. 78.
- ⁶⁵ *Сачко Д.В.* Творча та громадська діяльність Є.К. Гуменної за нацистського режиму у Києві (1941–1943 рр.) // Література та культура Полісся. Вип. 87. Історичні науки. 2017. № 7. С. 161.
- ⁶⁶ *Льєнко І.* Указ. соч. С. 79.
- ⁶⁷ *Ярмола О.В., Велика К.І.* Юрій Будяк (Покос) – письменник і громадянин: між реальним життям та легендами / Київщина: історія рідного краю: матеріали обласної науково-практичної краєзнавчої конференції «Краєзнавчі читання імені Лаврентія Похилевича» / Упоряд. В.С. Перерва, О.Д. Рокицька. Біла Церква: КНЗ КОР «КОІПОПК», 2019. С. 94–95.

⁶⁸ Там же. С. 82.

⁶⁹ Там же. С. 84.

⁷⁰ Там же. С. 85.

⁷¹ *Ярмола О.В., Велика К.І.* Білоцерківський період життя і творчості видатного українського письменника і громадського діяча Ю.Я. Будяка (Покоса) // Восьмі Бердяєвські читання. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Біла Церква, 2020. С. 43.

⁷² *Доляк Н.* Загублений між війнами. Роман. Харків: кн. клуб «Клуб сімейного дозвілля», 2015. 496 с.

⁷³ Наприклад, www.angloboerwar.com

Раздел III

МИР

ГЛАВА 9. Отражение англо-бурской войны в повседневной жизни дворянских детей (на материалах детских дневников 1899–1902 гг. семьи Анатолия Викторовича Половцова)

Введение

События англо-бурской войны вызвали живой интерес в общественной жизни Санкт-Петербурга, столицы Российской империи. Общественно-политический подъем на волне пробурских настроений отразился в повседневной жизни горожан. В отечественной историографии англо-бурской войны еще не было освещено формирование детского отношения к событиям этой войны, в связи с чем нами была поставлена следующая задача – обратиться к детским эго-документам, чтобы продемонстрировать, как в общественном пространстве Российской империи складывались представления детей о событиях англо-бурской войны. Изучение подобной проблематики на основе «детских источников» может расширить исследовательское поле историографии англо-бурской войны.

При написании этой главы мы опирались на архивные материалы петербургской дворянской семьи Половцовых – Анатолия Викторовича (1849–1905) и Екатерины Николаевны (1860–1933), урожденной Кравченко. В процессе исследования были проанализированы детские дневниковые записи Ксении (1886–1949) и Кирилла (1889–1973) Половцовых. Материалы личного происхождения семьи Половцовых хранятся в фонде № 1654 (Половцовы) Российского государственного исторического архива (далее РГИА) и в фонде № 601 (Половцовы) Отдела рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ).

Источниковедческая ценность дневников состоит в том, что они были созданы непосредственно в раннем возрасте и отражают детский взгляд на происходившие в обществе события, также эго-документы демонстрируют формирование отношения к этой войне и ее участникам. Нами были привлечены такие архивные материалы, как письма, рукописи, заметки членов семьи, программы, афиши, дневники Ксении за 1899 г. (РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2042), за

1900 г. (РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2044), дневники Кирилла за 1899–1903 гг. (РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2132), а также опубликованные материалы конца XIX – начала XX в., связанные с событиями англо-бурской войны. В цитируемых фрагментах сохранены авторские орфография и пунктуация. Историография англо-бурской войны достаточно обширна. В нашем исследовании мы опирались на подготовленные в Институте Африки РАН под руководством сотрудника Института Г.В. Шубина фундаментальные труды по проблематике англо-бурской войны «Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных» в 13 томах, «Англо-бурская война 1899–1902 гг.: По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев»¹.

Организация деятельности Голландского комитета и участие в нем семьи Половцовых

Начало войны чрезвычайно взволновало российское общество, в октябре 1899 г. Ксения делает запись в дневнике: «Папа за столом у пастора писал долго про Буров в Трансваале, об которых теперь так много говорят в “Московских Ведомостях”»². Реакция семьи на начало войны проявилась сразу же после того, как ее члены узнали о случившемся из прессы. Ксения отметила бурный отклик родителей в первые дни войны 1899 г.: «Дома у нас был пастор. За чаем все время мы говорили о бурах и о англичанах. Я еще никогда не видела, чтобы папа и мама так занимались политикой и войной!»³ В кабинете семьи появилась карта Трансвааля, на которую наклеивали флажки, обозначающие расположение войск англичан и буров. Также в архиве семьи были обнаружены ноты песни «Бур и его сыновья» (музыка М. Губченко, слова Г. Галиной)^{*} и вальса «Смуты в Трансваале» (музыка Христофора Радовича)⁴.

Семья Половцовых имела постоянное близкое общение с Хендриком Адольфом Гиллотом, пастором голландской церкви, который организовал деятельность Голландского комитета для оказания помощи раненым бурам во время англо-бурской войны. Комитет составляли граф П.А. Гейден, директор Русско-американской

^{*} Эти стихи Г. Галиной легли в основу народной песни «Трансвааль, Трансвааль, страна моя...».

резиновой мануфактуры Г. Гейзе, пастор Е.А. Кротте, директор Первого российского страхового общества Г.Г. Гильзе ван дер Пальс, пастор французской реформатской церкви Крейс и пастор Гиллот⁵. 16 ноября 1899 г. Гиллот составил обращение, которое было опубликовано в газете «Новое Время» от 18 ноября 1899 г., а также в других периодических изданиях⁶. В обращении содержался призыв о сборе пожертвований, об организации оказания медицинской помощи врачами, фельдшерами, медсестрами, об отправке снаряжения, обмундирования. Было отмечено, что уже собрано около 70 тыс. рублей в отделениях газетных редакций: например, в «Новом Времени» – до 15 тыс., в «St-Petersburger Zeitung» – до 7 тыс., в «Düna-Zeitung» в Риге – 3200, в «St-Petersburger Herold» – до 2,5 тыс., в «Московских ведомостях» – до 2 тыс., в «Южном Крае» – до 1,5 тыс.⁷.

Гиллот также занялся составлением обзора о происхождении, занятиях буров и т.п. Его воззрения отразились в «Воззвании Голландского комитета для оказания помощи раненым бурам»⁸. В деятельность Голландского комитета включались и взрослые, и дети. После того как пастор напечатал воззвание о помощи бурам, откликнулось большое количество желающих пожертвовать средства: «Все заняты этой войной и пастор в особенности. Он решил помочь бедным бурам и напечатал со своим голландским комитетом во всех газетах. Теперь ему столько приносят денег, что ему бедному совсем не справиться и он просил маму придти к нему на помощь»⁹. Первоначально цель сбора средств заключалась в обеспечении материальной поддержки буров, организации медицинской помощи для них, что требовало отправки собранных средств в Нидерланды. После подсчета финансов и достижения необходимой денежной суммы было решено сформировать русско-голландский санитарный отряд. На воззвание, действительно, отозвалось много неравнодушных, желавших быть полезными в формирующемся санитарном отряде. Корпус писем, прошений, присланных пастору Гиллоту, собран в фонде № 2110 Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга.

К пастору Гиллоту по адресу Невский проспект, 20, где находилось здание Голландской реформатской церкви, к 26 октября 1899 г. было принесено около 30 тыс. рублей¹⁰. На помощь пришли и дети. Кирилл записал: «К нам пришел Россаловский, и при-

нес кружки, для сбора денег для Буров; я палажил самый первый»¹¹. Ксения пересчитывала деньги, собранные в запечатанных двумя печатями кружках, которые стояли меньше недели у Гиллота и присяжного поверенного В.С. Россоловского. Собранных средств оказалось около 1 тыс. рублей. Ксения с изумлением записала о той сумме, которую удалось получить за малое количество времени: «Мне совсем не верилось, что все это деньги»¹².

Помимо этого, Голландский комитет занимался публикацией брошюр, средства от продажи которых шли на оказание помощи раненым бурам. Например, была издана работа профессора кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Московского университета В.Е. Герье. В 1900 г. в его труде «Буры и почему следует желать им успеха» излагается опоэтизированная версия происхождения буров и их история (с упоминания еще древнеримским историком Тацитом), причина войны и национальный вопрос в Южной Африке. В.Е. Герье отмечал, что «многие тысячи людей, никогда прежде не слыжавших о бурах и не умеющих произносить их имя, желают им успеха лишь потому, что они стоят за свою независимость»¹³, а профессор придерживался мнения о том, что буры и англичане могли бы «ужиться в мирной конфедерации, как уживаются в Швейцарии три национальности, более чуждых друг другу по языку, вере и происхождению»¹⁴. В.Е. Герье сожалел о том, что двадцатый век был открыт войной, «злодеяниями против человечества и цивилизации которого не забудет история!...»¹⁵. Семья Половцовых была знакома с данной работой, Екатерина Николаевна впоследствии будет ссылаться на труд В.Е. Герье, упоминая мифологизированную «двухтысячелетнюю историю» буров¹⁶.

Отдельно отметим участие Е.Н. Половцовой в деятельности Голландского комитета, способствовавшей формированию Русско-голландского санитарного отряда. Екатерина Николаевна закупала обмундирование, белье, передники, полотенца¹⁷, составила краткий обзор занятий, религиозных представлений, политического устройства и географического расположения буров¹⁸. Екатерина Николаевна подчеркивала, что «в нашей периодической литературе, занимающейся в настоящее время так много Трансваалем, почти не встречаются сведения о темном населении Южно-Африканской Республики. Между тем туземцы Трансвааля представляют

не малый интерес в отношении их обычаев, верований и т.п. и заслуживают внимания»¹⁹.

Также Екатерина Николаевна организовала показ «световых картин», то есть изображений (слайдов или диапозитивов), проецируемых на экран, об англо-бурской войне, начав демонстрацию следующим образом: «Картины, которые я буду иметь честь показывать мы расположим в таком порядке: мы начнем с портретов политических деятелей, посмотрим затем виды местностей, сцены из жизни буров. Потом мы перейдем к войне и посмотрим портреты военных деятелей, виды местностей, озаменованных кровавыми событиями, закончим же мы войсками англичан и буров»²⁰. Также ее перу принадлежит вступительное слово об истории буров, которое начиналось так: «Война между б[урами] и ан[гличанами] есть война между двумя христианскими народами, из которых первый был всегда могущественным завоевателем, а второй малочисленным патриархальным народом, не блестящим лоском современной культуры, но довольствующийся просто высоко нравственную жизнью в скромных жилищах. Нам буры представляются не горстью голландск[их] мужиков, заброшенных судьбой к диким кафрам, по понятиям англичан, одичавших жителей Южн[ной] Афр[ики], а образчиком народа героического, закаленного в постоянной борьбе за свое существование – борьбы с природой и могущественными соседями»²¹. Екатерина Николаевна также отмечала, что солдаты из англичан охотно сдаются в плен или бегут, подтверждая этот тезис донесениями с фронта: «Доктора нашего Русско-голландского санитарного отряда пишут, что Англичане, сдавшиеся в плен, поют, пляшут от радости, сознавая, что они теперь останутся в живых»²². О деморализации и накопившейся у английских солдат усталости писали и периодические издания²³. В отечественных изданиях преобладали пробурские настроения²⁴.

Просветительская деятельность семьи Половцовых в Санкт-Петербурге. Влияние войны на досуг петербуржцев

После окончания англо-бурской войны Е.Н. Половцова не приостановила свою работу по составлению текстов, связанных с минувшими событиями. В 1903 г. был издан, затем переиздан в

1904 г. труд «Борьба буров с Англией. Воспоминания бурского генерала Хр. Девета», который переводила Екатерина Николаевна с нидерландского оригинала. Анатолий Викторович Половцов публиковался в журнале «Московские ведомости» под псевдонимом Рязанец, освещал деятельность русско-голландского санитарного отряда, например, опубликовал интервью с главным доктором отряда фан Леерсумом²⁵. Анатолий Викторович вел переписку с И.Е. Репиным, которому поступило предложение о сборе картин для выставки; после ее окончания собранные средства должны были отправить в пользу буров. И.Е. Репин поручил своим ученикам «содействовать этому благу делу», затем собранные произведения послали на общую выставку в Гаагу²⁶. К Анатолию Викторовичу также поступали письма с предложениями построить несколько пароходов и передать в распоряжение буров²⁷.

Влияние Половцовых распространилось на их окружение. Художник и иллюстратор С.С. Соломко создавал афишу для концерта в пользу буров²⁸. Половцовы содействовали организации концерта 30 ноября 1899 г. в зале Петропавловского училища (Малая Конюшенная, 5) для сбора средств раненым бурам²⁹. Также в 1899 г. Половцовы, пастор Гиллот и С.С. Соломко вели переписку с деятелями культуры и искусства о создании альбома для сбора дополнительных средств. В организации также участвовали дети. Ксения вырезала и помогала Соломко сортировать присланные картины петербургских художников, портреты «знаменитостей петербургских, голландского комитета, русско-голландского лазарета и главных людей Трансвааля как: Крюгер, Жубер, Штейн и Лейтц»³⁰ для альбома «Петербург–Трансвааль», который в 1900 г. будет издан пастором. В альбом включены иллюстрации И.Е. Репина, Н.К. Рериха, В.Е. Маковского, К.Е. Маковского, Л.Ф. Лагорио, С.С. Соломко и др.³¹ Издание исполнено в художественной фототипии и цинкографии А.И. Вильборга в Санкт-Петербурге. Затем эти альбомы «Петербург–Трансвааль» в конвертах отправляли в разные регионы Российской империи. Альбомы изданы Голландским комитетом для оказания помощи раненым бурам под редакцией пастора, супругов Половцовых и С.С. Соломко.

30 марта 1900 г. был организован благотворительный базар в Городской думе, где была представлена выставка бурско-голланд-

ского отдела для сбора пожертвований³². Вечером того же дня Екатерина Николаевна выступала с лекцией, после этого Анатолий Викторович спросил у Кирилла, хочет ли он читать лекцию для детей, Кирилл ответил: «Даже очень рад»³³. Составлять лекцию помогали родители и бабушка, Е.А. Кравченко, урожденная Кропоткина, через два дня Кирилл уже выступал на публичной лекции. Это событие он вспоминал так: «Когда мы приехали в думу я пошел в тот зал где я должен был читать лекцию и сел в углу за стульями; там меня не было видно но я мог видеть все; народ все прибывал, мне даже жутко стало. Но вот все затихло и я вошел на кафедру; я так волновался, что пропустил часть ведения, но потом я перестал волноваться и говорил спокойно. Перед лекцию я сказал, что если кто-нибудь не поймет, что спросил бы меня, – Папа несколько раз спрашивал меня когда я забывал что нибудь. Мне аплодировали»³⁴.

В российской прессе во время англо-бурской войны появилось большое количество публикаций, посвященных как бурам, так и англичанам. На фоне пробурских настроений писали про сформировавшуюся англофобию. Так, автор заметки под псевдонимом Британец отмечал: «С самого начала англо-бурской войны симпатии большинства русской прессы и публики оказались на стороне буров. Когда эти симпатии к бурам основаны лишь на ненависти к англичанам и зиждутся исключительно на сентиментальной подкладке»³⁵. Некоторые издания были предназначены для чтения детям. Так, автор публикации «Буры и англичане» в форме рассказа мальчику, подмастерью сапожника, повествует про образ жизни буров и про завоевательные намерения Англии. В этой брошюре подчеркивается потребность различных слоев населения знать о событии, заполонившим мысли горожан. Из уст мальчика звучит желание быть осведомленным, принять ту или иную сторону: «Да как же не интересоваться-то? нынче куда не сунься – все буры да буры: газету ли старую возьмешь, в чем сапоги принесли чинить, сейчас прочитаешь: буры отразили нападение англичан, буры взяли английския пушки и столько-то там пленных; – хозяйка с хозяином в трактир пошлет за чаем да и спорят, спорят так, что чуть в глаза друг другу не вцепятся. <...> Не знаю уж, чем у них разговор покончился, а только иду я домой и остановился у окна магазина, где детские игрушки продают. Смотрю, а там между

другими вещами коробочка лежит и на ней написано “Новая игра: буры и англичане”»³⁶.

Война влияла на досуг, отвечающий запросам населения. Кириллу бабушка подарила игрушечных солдат-буров, которые продавались в Гостином дворе³⁷. В Петербурге в 1900 г. был опубликован роман Августа Нимана «Питер Мариц, молодой бур из Трансвааля»³⁸. Эту книгу дети читали как самостоятельно, так и вместе с родителями. Кирилл отметил: «После вечернего чаю я ходил к маме у которой болела голова и рассказывал ей то что я прочитал из “Питера Марица”»³⁹. Больше всего маленького Кирилла в книге поразила сцена «В неприятельском лагере», когда одноименный герой исторического рассказа смог пробраться благодаря своей смекалке и смелости в английский лагерь и выведать планы генерала Д. Колли⁴⁰. Кирилл оставил после прочтения свой отзыв: «Ах как это интересно»⁴¹. Безусловно, периодические издания, деятельность родителей, их размышления и разговоры, активное включения самой Ксении в происходившие события, ее помощь Гиллоту нашли отражение в детских играх: «Кирилл хотел что-бы я ему строила мост, а я все убегала и пряталась от него. У нас завязалась борьба. Кирилл был англичаниным, а я бур»⁴². Дети были твердо убеждены, что в таких поединках победу должны были одерживать буры.

События англо-бурской войны оказали воздействие на такую форму досуга как цирковые представления. В цирке показывали пантомиму «Буры и Англичане». Ксения с воодушевлением писала: «Это понятно и было самое интересное отделение. Странно, что как только появлялись буры, поднимались аплодисменты со всех сторон. Но наоборот как только начала греметь музыка английских войск и показывали англичане со всех концов зала поднялось такое шипение и свистение, что несколько оркестров игравших на арене марш англичанам, не могли их заглушить. Вообще пантомима была очень хорошо аранжирована. Взрыв поезда был очень эффектен. Ракеты летали в огромном количестве не разрываясь иногда даже за ареной. <...> Мы были очень довольны и жалели когда кончилось представление»⁴³. Кирилл был также восторжен, он писал, что «когда на арены выходили Бурые им аплодировали, когда же на арену выходили англичане их шикали»⁴⁴.

Заключение

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать вывод, что события англо-бурской войны повлияли на повседневную жизнь и досуг многих петербуржцев. Семья Половцовых имела особое отношение к реакции на события англо-бурской войны, но все же их сопричастность и деятельность можно экстраполировать и на более широкие слои петербуржцев, так как семья жила в столице, разделяла общественный интерес к событиям этой войны. А.В. Половцов нес службу в Санкт-Петербурге, был заведующим Общим архивом министерства императорского двора, оказывал влияние на образованные слои общества и пытался популяризовать среди петербуржцев идеи буров. Активно вовлечена была и жена, Екатерина Николаевна, племянница анархиста П.А. Кропоткина. Супруги Половцовы энергично и деятельно участвовали в работе Голландского комитета, поддерживали дружбу с пастором Гиллотом и другими членами нидерландской общины Санкт-Петербурга. Дети, Ксения и Кирилл Половцовы, эмоционально восприняли военные действия англичан и буров, сообщения о которых нашли отражение в повседневной жизни детей (в играх, чтении, разговорах, в участии в благотворительных базарах, в организации публичных лекций). Таким образом, все члены семьи Половцовых были вовлечены в обсуждение событий англо-бурской войны, сама деятельность семьи была направлена на поддержку буров, что и проявилось в работе Голландского комитета.

¹ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 т. Т. 9, 10, 11. М., 2012; Ворopaева Н.Г., Вяткина Р.Р., Шубин Г.В. Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. М., 2001.

² РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2042. Л. 226.

³ Там же. Л. 227 об.

⁴ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1537.

⁵ Англо-бурская война... Т. 9. М., 2012. С. 264.

⁶ Там же. С. 263–267; ЦГИА СПб. Ф. 2110. Оп. 1. Д. 76.

⁷ Англо-бурская война... Т. 9. С. 264.

⁸ Там же. С. 266–267.

⁹ Там же. Л. 231 об.

¹⁰ Англо-бурская война... Т. 9. С. 269.

-
- ¹¹ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2132. С. 68 об.
- ¹² РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2042. Л. 231 об.
- ¹³ *Герье В.И.* Буры и почему следует желать им успеха. СПб., 1900. С. 3.
- ¹⁴ Там же. С. 48.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1376 б. Л. 1–2.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1597. Л. 1–2.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1634.
- ¹⁹ Там же. Л. 25.
- ²⁰ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1376 б. Л. 12.
- ²¹ Там же. Л. 1–2.
- ²² Там же. Л. 28.
- ²³ *Англо-бурская война...* Т. 11. С. 52.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Англо-бурская война...* Т. 10. С. 39–42.
- ²⁶ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. Д. 699. Л. 5–7.
- ²⁷ ОР РНБ. Ф. 601. Оп. Д. 782. Л. 1–2.
- ²⁸ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2042. Л. 241.
- ²⁹ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1477. Л. 47–47 об.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2042. Л. 238.
- ³¹ *Санкт-Петербург–Трансвааль. 1900 год. Иллюстрированное издание Голландского комитета для оказания помощи бурам.* СПб., 1900.
- ³² РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2044.
- ³³ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2132. Л. 80.
- ³⁴ Там же. Л. 81–81 об.
- ³⁵ *Британец.* Англо-бурская война и русская пресса. СПб., 1900. С. 3.
- ³⁶ *Буры и англичане.* СПб., 1900. С. 3–4.
- ³⁷ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2132. Л. 75 об.
- ³⁸ *Ниман А. Питер Мариц, молодой бур из Трансвааля.* СПб., 1912.
- ³⁹ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2132. Л. 91 об.
- ⁴⁰ Там же. Л. 99.
- ⁴¹ Там же. Л. 101.
- ⁴² РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2042. Л. 228 об.
- ⁴³ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2044. Л. 50–50 об.
- ⁴⁴ РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2132. Л. 66.

ГЛАВА 10. «Великая тяжба между исполином и лилипутом».

Англо-бурская война в восприятии народников

Введение

Жители Российской империи никогда не следили за событиями в Южной Африке так пристально, как во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. Все эти годы русская пресса – от ультранационалистической до леворадикальной – уделяла много места статьям, заметкам и очеркам о ходе боевых действий, участии в них соотечественников-добровольцев и восприятии англо-бурского противостояния русским обществом. Жителям Российской империи, от Польши до Дальнего Востока, были знакомы по фотографиям и лубочным картинкам как бурские государственные деятели и генералы, так и британские военачальники.

К концу XIX в. в Российской империи интерес к внешней политике и далеким странам, в том числе на Африканском континенте, перестал быть прерогативой образованной публики. Этому способствовали, помимо прочего, повышение грамотности и распространение периодических изданий, в том числе дешевых, а потому доступных для представителей разных социальных групп. С развитием капитализма и индустриализацией активизировалась и общественная жизнь.

При освещении англо-бурской войны все крупные периодические издания в России, представляющие широкий спектр политических мнений, осуждали цели и действия Британской империи в Южной Африке¹. В кампании в поддержку Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства активнее других участвовали проправительственные издания. Эта поддержка основывалась в значительной степени на распространенных в российском обществе представлениях об извечной враждебности Великобритании и о моральном превосходстве традиционализма над модернизмом.

Но конфликт на юге Африки оживленно обсуждали также либералы и социалисты. Оппоненты царизма осуждали британский империализм, жертвами которого стали южноафриканские республики. Российские социалисты были едины с большинством европей-

ских социалистов в сочувствии к бурам, сопротивлявшимся вооруженной экспансии ведущей капиталистической державы².

В частности, южноафриканская война взволновала представителей народничества. В отличие от марксистов, которые действовали преимущественно в городах, среди пролетариата, народники считали основной задачей организационную работу на селе, среди наиболее многочисленного сословия России. Убежденные, что социалистические принципы укоренены в крестьянском сознании и общинном быту, представители народничества видели в деревенских жителях опору будущего демократического строя³.

Освободительная борьба преимущественно аграрных бурских республик не оставила равнодушными как молодых народников, так и ветеранов движения. Об этом свидетельствуют многочисленные статьи и заметки в их основных подцензурных периодических изданиях – ежедневной газете «Сын отечества» (орган легального народничества) и ежемесячном журнале «Русское богатство» (интеллектуальная лаборатория зарождавшегося неонародничества).

С самого начала войны народнические издания почти в каждом номере публиковали подробные обзоры боевых действий, прогнозы завершения конфликта, оценки его значения для мировой политики и развития военного дела. В «Сыне отечества» на первой полосе можно было увидеть карты фронтов, последние известия из Южной Африки от Российского телеграфного агентства и зарубежной прессы и редакционные статьи по актуальным вопросам, связанным с этой войной. На других страницах появлялись очерки истории Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, юмористические рассказы и фельетоны о поражениях британской армии в противоборстве с бурами. В «Сыне отечества», «Русском богатстве» и правонароднической «Неделе» печатались репортажи собственных корреспондентов из Лондона о причинах войны, выступлениях британских политиков, отношении общественности к южноафриканскому конфликту, а также об антивоенных акциях.

Восприятие далекой войны народническими публицистами было на удивление эмоциональным. В «Сыне отечества» писатель П.В. Засодимский взывал к британскому министру колоний Дж. Чемберлену в открытом письме: «Нельзя же ради наживы и обогащения группы ваших капиталистов душить людей!»⁴ Обозреватели влиятельного и популярного «Русского богатства» (его ти-

раж превышал 11 тыс. экземпляров⁵) не скрывали восхищения бурами. По их мнению, защитники южноафриканских республик самоотверженно сражались за свою землю, свободу и справедливость в эпической схватке с могущественной империей, подобно героям античности или участникам Нидерландской революции⁶. В Южной Африке шла «великая тяжба между исполином и лилипутом, между насилием первого и самоотвержением второго»⁷.

Идейный вдохновитель неонародничества, редактор «Русского богатства» Н.К. Михайловский видел в шовинизме, разжигавшемся британскими литераторами во время южноафриканской войны, и в бессердечном обращении английских солдат с ранеными бурами свидетельство ожесточения нравов своих современников-европейцев⁸.

О южноафриканском конфликте с возмущением писал единомышленникам народоволец И.Л. Манучаров (Манучарьянц). В ссылке на Сахалине, куда он был отправлен после десятилетнего заключения в Шлиссельбургской крепости, Манучаров порицал британского министра колоний Дж. Чемберлена как ренегата и убийцу буров⁹.

Его соратник, бывший член исполкома «Народной воли» Н.А. Морозов, содержался в Шлиссельбургской крепости все годы англо-бурской войны. Осужденный за подготовку взрыва царского поезда, он провел четверть века в непрерывном заключении. В последний период Морозову разрешили переписываться с семьей. Позволялось отправлять не более двух сообщений в год – о здоровье, занятиях в тюрьме, семейных делах. Лишь однажды народоволец, уже не надеявшийся выйти на свободу, затронул политическую тему. Основная часть этого письма посвящена англо-бурской войне. Вести о ней дошли до заключенных в крепости лишь к февралю 1900 г., и Морозов признавался родным, что «никогда не чувствовал себя так опечаленным, как в эту зиму»¹⁰.

Чем же объясняется столь острая реакция народников на чужую и далекую войну?

Урок для России

В конце XIX в. в Российской империи обострились проблемы, связанные с модернизацией российской экономики и обществен-

ной жизни. Эти тенденции приводили активную часть крестьянства в более тесное соприкосновение с городской цивилизацией, стимулировали переезд в города, приобретение навыков существования в новой среде. Освоение типично капиталистических способов производства приводило к росту доходов и социального статуса, в то время как традиционализм и патриархальность не давали таких преимуществ в менявшемся обществе¹¹.

Более того, деревенское население беднело и разорялось из-за непомерных налогов и сборов, а за неуплату подвергалось жестоким и унижительным внесудебным наказаниям, включая порку. Растущее недовольство выразилось в массовых протестах сельских жителей. В 1901–1902 гг., когда в Южной Африке буры вели партизанскую войну против британских захватчиков, в России несколько губерний были охвачены крестьянскими волнениями¹².

Легальное (либеральное) народничество не смогло помочь крестьянам в решении этих проблем. Еще с начала 1880-х годов, когда правительство разгромило революционную террористическую организацию «Народная воля», в народническом движении лидировали сторонники мирных и законных методов борьбы за реформирование общественного строя, направленное на постепенный переход к социализму¹³. Действуя в рамках, установленных царским правительством, легальное народничество отстаивало принципы крестьянского демократизма. Но легальное направление переживало идейный и организационный кризис. Попытки добиться улучшения положения крестьянства дозволенными способами оказались бесплодными.

По российским законам, народники не имели права организовывать, проводить или поддерживать акции протеста против произвола властей. Подцензурной народнической прессе было запрещено высказываться в пользу требований крестьянства. Все больше участников народнического движения разочаровывались в прежнем курсе и искали более решительные и действенные способы борьбы за свои идеалы. Нарождавшееся неонародничество требовало немедленных политических преобразований и было готово к конфронтации с правительством. В период активной политизации российского общества будущее было за новым радикальным направлением, которое считало необходимым создание партии, хотя бы нелегальной, и борьбу за власть в стране.

Англо-бурская война как будто подтверждала народнический тезис об агрессивности капитализма и губительности его экспансии для народной жизни. Великобритания представлялась эталоном капиталистического государства, где прогресс в городах сопровождается застоем в экономической и культурной жизни остальной, большей части страны¹⁴. На юге Африки, считали народники, столкнулись не только два народа, но и два мировоззрения: аграрное и урбанизированное. Народники отвергали тезис марксистов о том, что капитализм был закономерной и неизбежной стадией развития общества на пути к социализму. Они утверждали, что в России не было предпосылок для капиталистического развития¹⁵. Новая социально-экономическая система якобы насаждалась искусственно: в России – самодержавием, а в Южной Африке – британским империализмом.

«Мы ведь тоже представители самобытного начала, нас тоже хотят просветить по образцу западноевропейских форм экономического строя», – напоминал читателям «Недели» лондонский корреспондент С.И. Рапопорт. Отечественных капиталистов, проникающих в русскую деревню, журналист уподобил британским мигрантам (уитлендерам) в Трансваале. Русские крестьяне «еще беззащитней от похода на них уитлендеров, которые правда не требуют себе права голоса, но вероятно потому, что требовать от человека можно лишь того, чем сам он обладает»¹⁶.

Урок войны на юге Африки для России, по мнению народников, заключался в необходимости избежать форсированного и бесповоротного перехода к капиталистическим отношениям. Для этого нужно было позволить крестьянским хозяйствам эволюционировать в естественном для них темпе, поощряя развитие общин, артелей, кооперации как альтернативы капиталистическим формам производства¹⁷.

В разжигании англо-бурской войны народники обвиняли преимущественно европейских капиталистов – биржевых спекулянтов, крупных инвесторов в южноафриканские горнодобывающие предприятия. По мнению Я.В. Абрамова, влиятельного представителя легального народничества, требования расширения прав для уитлендеров маскировали захватнические намерения крупных капиталистов. Они хотели лишить бурские республики самостоятельности, чтобы с выгодой для себя изменить на

этих территориях правила добычи и сбыта полезных ископаемых¹⁸.

На страницах «Русского богатства» англо-бурская война служила иллюстрацией того, что развитие капитализма сопровождается ростом бессовестного, иррационального милитаризма¹⁹. Н.К. Михайловский рассматривал «позорную» войну в Южной Африке, развязанную Великобританией, как результат «переливающегося через край промышленного развития» в Европе²⁰.

Публицисты «Русского богатства», знакомые с работами западных теоретиков капитализма, с первых месяцев войны трактовали ее как империалистическую. Лондонский корреспондент И.В. Шкловский описывал, как инвесторы втянули Великобританию в войну, манипулируя политиками и прессой, чтобы вызвать у британцев неприязнь к бурам и ощущение угрозы. Это, уточняет автор, «не есть нечто исключительное, присущее ей одной, а тесно связано со всяким государством в капиталистическом фазисе развития»²¹. Его коллега, международный обозреватель С.Н. Южаков объяснял, что война в Южной Африке вызвана потребностью европейского капитала в транснациональной экспансии, чтобы на экономически отсталых территориях пользоваться дешевой рабочей силой коренного населения и другими благоприятными факторами. Когда бурские республики попадут под британский контроль, европейские капиталисты обеспечат наиболее выгодные и безопасные условия для своих инвестиций в местные предприятия. В этом смысле, указывал Южаков (предвосхищая аналогичный вывод, сделанный Лениным в статье «Китайская война»), у англо-бурской войны и международной интервенции для подавления Ихэтуаньского восстания схожие цели²².

Представление об англо-бурской войне как частном случае экспансии европейского капитала при поддержке армии и государства разделял и бывший народоволец Д.А. Клеменц. Сохранился черновик его статьи о невозможности применить положения Гаагской мирной конференции, завершившейся за 2,5 месяца до южноафриканской войны, предотвратить или хотя бы остановить вооруженный конфликт, инициированный капиталистами, и защитить малый народ от агрессии большого и более сильного в военном и политико-экономическом отношении. В этой статье, вероятно, предназначавшейся для «Русского богатства», Клеменц отмечал рост

милитаризма: «Если б одна Англия и только она одна позволила себе такой способ действий – это было бы не опасно. Опасность в том, что перед нами общее течение, общий культ броненосного кулака и вопрос в том теперь, найдет ли противоположное течение возможность выразить себя?»²³

Тем важнее, указывали народники, противостоять империализму на юге Африки и в других регионах. Необходимы были решительные действия мирового сообщества. Писатель П.В. Засодимский в «Сыне отечества» призывал европейские правительства потребовать от Великобритании прекратить войну против бурских республик²⁴. Его мнение соответствовало позиции редакции. Европейским государствам следовало сообщать предложить посредничество воюющим сторонам и тем самым создать прецедент применения положений, принятых на Гаагской мирной конференции²⁵.

Южаков, приводя примеры заступничества великих держав за малые государства начиная с XVII в. спрашивал: «Менее ли достойны защиты и сочувствия герои Оранже и Трансвааля?»²⁶ Публицист укорял ведущие страны Европы за нежелание положить конец «горестной агонии маленького геройского народа»²⁷. Его упрек был адресован также России, хотя из-за цензурных ограничений журналист не мог открыто критиковать внешнюю политику своего правительства. Россия, так же как Германия, Франция и США, не вмешивались в южноафриканский конфликт. Царь даже отказался принять официальную бурскую депутацию, прибывшую в 1900 г. в Петербург, и исключил возможность визита в Россию президента воюющего Трансвааля.

Из-за нежелания европейских государств согласованно действовать на дипломатическом поприще свобода и благосостояние бурского народа принесены в жертву империализму²⁸. Для Южакова, излагавшего свое видение международной ситуации в ведущем народническом издании, строгий нейтралитет держав – это упущенный шанс противодействия мировой гегемонии британского капитала.

«Бурофилия» или англофобия?

Что касается пробурской кампании, ее эмоциональный накал настораживал российских социалистов. Представителей народни-

ческого и других левых движений беспокоила англофобия, усилившаяся в России во время этой войны. Именно враждебностью к Британской империи они объясняли всеобщее сочувствие в России к малознакомым бурам. Признавая неправоту Великобритании в южноафриканском конфликте, нарушения ею международного права, воинственность, противоречащую духу Гаагской конференции, народники последовательно выступали в защиту британской культуры и политико-экономических достижений.

Поддерживая буров по морально-этическим причинам, социалисты продолжали считать Великобританию передовой державой, выгодно отличающейся от царской России. Н.А. Морозов, опечаленный тем, что не может разделить радости соотечественников из-за неудач английских генералов, писал, что в противостоянии культур на юге Африки должна одержать верх не «патриархальная и довольно-таки невежественная» бурская, а «прогрессивная и предприимчивая» британская. Унижение британского народа, к которому принадлежат видные мыслители, стало бы, по мнению революционера, «величайшим несчастьем для всего цивилизованного мира»²⁹.

Народники уточняли, что обвиняют в развязывании англо-бурской войны правительство и капиталистов Британской империи, а не ее народ. Великая свободолюбивая и законопослушная нация была ослеплена милитаризмом, опьянена шовинизмом и обманута империалистами вроде С. Родса и Дж. Чемберлена³⁰. Это была, как писал Д.А. Клеменц, «Англия ни в чем не повинная, работающая и не сознающая, что она льет свою кровь из-за акций африканских золотопромышленников или даже не их, а биржевиков Сити»³¹. Согласно публицистам «Русского богатства» и «Сына отечества», милитаризм присущ не только Британской империи, а любому империалистическому государству³². По-видимому, они имели в виду и Россию.

Злорадство по поводу южноафриканских трудностей Великобритании было, по мнению народников, опасно и тем, что могло спровоцировать Россию и другие державы на внешнеполитические авантюры. Обратной стороной симпатии к бурам часто становилось желание ослабить Великобританию, считавшуюся наиболее вероятным противником в грядущих войнах. Всерьез обсуждались проекты военных операций в Средней Азии, в направлении бри-

танских владений. Стремление воспользоваться отвлечением сил Британской империи для территориальной экспансии, по мнению редакции «Сына отечества», проявлялось в России ярче, чем в других европейских государствах³³.

Несмотря на принципиальную поддержку буров как жертв империалистической агрессии, народники иногда позволяли себе критиковать порядки в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве. Некоторые представители радикального народничества истолковывали противостояние Британской империи и южноафриканских республик, прежде всего, как классовый конфликт. Будущий эсер Д.С. Соскис утверждал, что до войны в бурских республиках иностранные капиталисты контролировали экономику, а крупные землевладельцы – политику. А теперь капиталисты в союзе с британскими милитаристами добиваются политической власти, отнимая ее у аграриев. Богатых бурских фермеров, по мнению Соскиса, беспокоит не перспектива потери их странами независимости, а опасность лишиться права безраздельно распоряжаться государственным бюджетом³⁴.

Социалисты больше представителей других общественных движений в России уделяли внимание статусу африканского населения бурских республик. В Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве, напоминали народники, коренное население лишено политических прав и находится «на положении почти невольников или выючного скота»³⁵. Но новые власти не принесут африканцам освобождения, поскольку британские инвесторы и горнопромышленники заинтересованы в их дальнейшей эксплуатации, в том числе за счет введения трудовой повинности. Народники предрекали, что социально-политическое положение африканцев ухудшится после войны.

Так же как большинство российских социалистов, народники были возмущены неравной борьбой и кровопролитием на юге Африки, но ситуация в России волновала их гораздо больше. В ажиотаже вокруг бурских побед и поражений они видели нежелательное отвлечение от насущных проблем на родине. Сообщая о жестоком подавлении крестьянских волнений, вызванных экономическими трудностями, один из редакторов «Русского богатства» писатель В.Г. Короленко недоумевал: «И мы кричим о “зверствах” англичан с бурами, о том, что англичане разоряют фермы!»³⁶

Народническая пресса публиковала обращения русско-голландского комитета о сборе средств для бурских раненых, а также для отправки русского медперсонала к бурам. В «Сыне отечества» появлялись репортажи об организации благотворительных мероприятий, об отъезде санитарных отрядов – Русско-голландского и Российского общества Красного Креста. Но, в отличие от проправительственных газет и журналов, редакции народнических изданий не собирали средства в помощь бурам. Деньги, по мнению народников, следовало направлять нуждающимся в России; прежде всего, крестьянам.

Ведущий публицист право-народнической «Недели» М.О. Меньшиков негодовал: «У самих официально удостоверенный голод в нескольких губерниях, т.е. опять черный, как навоз, смрадный “хлеб” (к нему не прикоснулась бы даже свинья в Трансваале), – опять голодный тиф, писк умирающих ребятишек, “плавающие десны” во рту голодных цинготных, у нас ужасы, которые никогда не снились откормленным до отвалу фермерам Трансвааля, – а мы волнуемся, собираем “пожертвования” и посылаем будто бы на Красный Крест...»³⁷.

Народники считали первоочередным делом борьбу с последствиями регулярных неурожаев, которые ухудшали и без того бедственное положение российских крестьян. Во многих губерниях центральной части России засушливыми годами были 1898 и 1901³⁸. Недоедание, эпидемии тифа и цинги, расстройство крестьянского хозяйства, а также экономический кризис привели к крестьянским волнениям и бунтам, радикализировавшим оппозицию, в том числе чуткое к нуждам крестьян народничество³⁹.

Представители этого движения направляли средства на помощь голодающим и обездоленным в российских деревнях. Возможно, писали они, «помогать бозрам несравненно эффективнее, чем заботиться, напр., о цинготном самарце». Тем не менее соотечественникам поддержка нужна была не меньше, чем географически и культурно далеким защитникам южноафриканских республик. Публицист «Сына отечества» ставил вопрос прямо: «Можем ли мы сказать: помогайте бозрам, – самарцы подождут?»⁴⁰

Еще больше возражений у народников вызывало желание сотен, если не тысяч российских подданных разных сословий и возрастов, с военным опытом или без него, воевать за бурав⁴¹. Вместо

того, чтобы отстаивать независимость Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства (или любой другой страны, кроме своего отечества), молодым россиянам следовало заняться культурно-просветительской работой в русской провинции. Такая деятельность соответствовала бы основополагающему для легального народничества принципу «малых дел». Народники полагали, что, содействуя внедрению новых сельскохозяйственных технологий и оборудования, оказывая юридическую и врачебную помощь, образовывая крестьян, можно было подготовить почву для социальных преобразований⁴².

Помощь бурам как стимул для развития народного самосознания

И все же некоторые народники и сочувствовавшие этому движению стремились отправиться в Южную Африку в качестве добровольцев. В их числе была петербургская издательница О.Н. Попова, выпускавшая социалистическую литературу, в том числе один из главных народнических журналов – «Новое слово» (по 1897 г.). В начале англо-бурской войны Попова обратилась в Российское общество Красного Креста с просьбой прикомандировать ее к санитарному отряду, отправлявшемуся в Трансвааль. Хотя она собиралась поехать за свой счет и сделать большое пожертвование в пользу Красного Креста, ее не включили в состав отряда⁴³.

Не мог поехать на юг Африки и заключенный Шлиссельбургской крепости Н.А. Морозов. Желая добра обоим воюющим народам, он больше сочувствовал Великобритании, которая, по его мнению, олицетворяла в этом конфликте силы прогресса и предприимчивости. «Если б я был свободен в своих поступках, – признавался бывший народоволец в письме родным, – то, право, не утерпел бы и уехал в Южную Африку, ухаживать за ранеными, чтоб хоть этим выразить английскому народу свою признательность за его великие заслуги в области человеческой мысли»⁴⁴.

Среди добровольцев из Российской империи, сражавшихся на стороне бурских республик, были единомышленники народников – например, студент юридического факультета Киевского университета, крестьянин Подольской губернии И.К. Заболотный. Еще гимназистом, состоя в кружке саморазвития, он распростра-

нял запрещенные издания – возможно, под влиянием брата, активного участника студенческих беспорядков. По возвращении из Южной Африки Заболотный находился под наблюдением полиции из-за связей с неонароднической партией социалистов-революционеров⁴⁵.

От крестьянской курии Заболотный был избран в Государственную думу I созыва (1906 г.). В Думе он примкнул к социалистической и преимущественно крестьянской Трудовой группе. Свое политическое кредо он сформулировал так: «Всеобщее, прямое, равное избирательное право, при помощи его земля, просвещение, свобода, равенство и справедливость трудящемуся народу»⁴⁶. Очевидно, Заболотный, как большинство крестьянских депутатов в тогдашней Думе, находился под влиянием легальных народников⁴⁷.

Когда через 72 дня царь распустил радикальную Думу, начались репрессии против радикально настроенных парламентариев, прежде всего, трудовиков и социал-демократов. По некоторым данным, Заболотный участвовал в подготовке «Выборгского воззвания» депутатов к народу с призывом к гражданскому неповиновению в знак протеста против роспуска Думы. Подписавшие революционный манифест подверглись уголовному преследованию. Заболотный был выслан за пределы Подольской губернии и лишился права выдвигать свою кандидатуру на выборах в Думу⁴⁸.

Среди авторитетных представителей народничества независимую позицию в отношении пробурской кампании в России занимал Д.А. Клеменц, один из прежних лидеров радикального направления.

Осужденный за революционную агитацию, Клеменц был сослан в Сибирь, где профессионально занялся этнографией, археологией и краеведением, а также провел важные научные экспедиции. К тому времени, когда в Южной Африке началась англо-бурская война, ученый вернулся в Петербург и работал старшим этнографом в Музее антропологии и этнографии Академии наук. Отойдя от революционной деятельности, он остался верен народническим идеалам, поддерживал связи с редакцией «Русского богатства»⁴⁹.

Талантливый публицист, в 1870-е годы вместе с Н.А. Морозовым редактировавший нелегальные народнические издания, Клеменц хотел откликнуться на события, связанные с южноафрикан-

ской войной. В Архиве востоковедов Института восточных рукописей есть черновые варианты его работ на эту тему (вероятно, неопубликованные).

В статье «Бурская война и частная инициатива» Клеменц возражал народническим журналистам, утверждавшим, что русская помощь бурам вредна, поскольку отнимает средства, которые следовало передать на поддержку пострадавших от неурожая в России. В том, что жители Российской империи мало жертвуют голодающим, виновата не пробурская кампания. Несправедливо, писал Клеменц, упрекать россиян в равнодушии к бедствиям соотечественников и чрезмерном внимании к чужим заботам из-за популярности общественного движения в пользу защитников южноафриканских республик. Англо-бурская война – событие исторической важности, к которому приковано внимание всей Европы, и надо приветствовать стремление общества выразить отношение к нему.

Эта война, указывал Клеменц, представляет интерес для всего человечества: «Здесь борьба слабого против сильного, борьба за право маленького народа не слушаться, не гнуть свою спину под угрозами сильного народа. Кроме того – здесь борьба между народом, занесшим нашу культуру вглубь черного континента, создавшего там прочное государство, и искателями легкой наживы, а вместе с ними биржевых синдикатов»⁵⁰.

Действительно, англо-бурская война вызвала ажиотаж не только в России, но и в большинстве европейских стран. Со времен Гражданской войны в США ни один вооруженный конфликт за пределами Европы не привлекал столь сильного интереса к этическим аспектам военных действий⁵¹. Движения в поддержку южноафриканских республик в России и за ее пределами возникли благодаря «инициативе снизу». Санитарные отряды, снаряженные на добровольные пожертвования российских подданных, помогли тысячам пациентов по обе стороны фронта⁵².

Внимание к мировым событиям, сочувствие жертвам агрессии и борцам за свободу и независимость, по мнению Клеменца, не снижали эффективность кампаний, направленных на решение российских проблем. Более того, писал он, такие неправительственные инициативы, как сбор средств на лечение раненых буров или на подготовку санитарных отрядов для южноафриканских республик, помогают развивать сознательность и инициативность в наро-

де⁵³. Без них невозможна активная гражданская позиция, условия для которой десятилетиями пытались создать народники, ведя просветительскую работу в городах и деревнях. Они были убеждены, что демократизации способствуют альтруизм и солидарность, добровольная работа личности на благо коллектива. Путь к социалистическому общественному устройству лежит через развитие народного самосознания⁵⁴. И в те годы, когда на юге Африки шла война, а в России велась пробурская кампания, народники с надеждой отмечали постепенное пробуждение крестьянства, возрождение общественной жизни⁵⁵.

«Почин и самостоятельность, умение вовремя откликаться на запросы современности, как и другие способности, развиваются от практики и упражнений, – напоминал Клеменц. – И мы думаем, что не порицанием за нецелесообразное направление этих способностей, а разработкой условий для приложения их в нашей жизни можно только помочь делу. От этого, по нашему мнению, зависит, какую роль в будущем нашего отечества будут играть общественные силы»⁵⁶.

Заключение

Повышенное внимание к англо-бурской войне в странах, не имевших интересов на юге Африки, было вызвано как морально-этическими проблемами, связанными с этим конфликтом, так и внутренними проблемами и задачами, стоящими перед этими странами. Об этом свидетельствует представление англо-бурской войны в народнических изданиях на рубеже XIX–XX вв.

На южноафриканском материале народники исследовали в том числе процессы и тенденции, которые наблюдали на родине. Российские публицисты привыкли пользоваться иносказаниями: имея в виду российские недостатки, они иногда переносили место действия в далекие страны⁵⁷. Осуждая британский империализм в Южной Африке, представители народничества в подцензурных изданиях опосредованно критиковали происходящее в России.

В отличие от других русских социалистов, народники глубоко анализировали значение южноафриканской войны. Они интерпретировали этот конфликт в контексте своих представлений о путях развития России, а также мировой экономики и политики. Тенден-

ции, выявленные при наблюдении за событиями в Южной Африке, они также замечали в России. Это бурное становление капитализма, угрожающего традиционному хозяйству и общинной организации; противоречия между потребностями индустриализации и все еще преобладавшей в России аграрной экономики; проявления империализма, сопровождающиеся ростом милитаризма. Южноафриканские реалии давали народникам материал для проверки, подтверждения и совершенствования своих теорий общественного развития и преобразований.

Далекая и чужая война стала для народников, по выражению Южакова, «поучительной страницей современной истории» еще и потому, что бургские республики, отстаивавшие свою независимость, были преимущественно аграрными. Именно на аграриев, крестьян, и их самосознание рассчитывали народники, мечтая о становлении социалистического общества в России. Выяснилось, что развитию самосознания российского народа могут способствовать и негосударственные инициативы, на первый взгляд, не связанные с нуждами российского крестьянства – например, пробургская кампания.

Не только народничество, но и все российское общество могли извлечь уроки из южноафриканского конфликта. Как отмечал Д.А. Клеменц: «Успех правого дела, победа общечеловеческого интереса над хитрыми эгоистическими расчетами вселяют и в нас веру в справедливость, в силу человеческого слова и в будущее, а у нас на этом будущем и покоятся все наши упования»⁵⁸.

¹ Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бургской войны (1899–1902 гг.). Дис. ... к.и.н. Гос. ун-т гуманитар. наук, Москва, 2009. С. 157, 199.

² Kröll U. Die Internationale Buren-Agitation 1899–1902. Münster, 1973. P. 63.

³ Мокишин Г.Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010. С. 251.

⁴ Засодимский П. Открытое письмо к м-ру Чемберлену // Сын отечества. 4 (16) ноября 1899. № 299. С. 2.

⁵ Балуев Б.П. Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995. С. 139.

⁶ Дионео [Шкловский И.В.] Из Англии // Русское богатство. 1900. № 1. С. 146–147; Южаков С.Н. Южноафриканская война // Русское богатство. 1900. № 3. С. 104.

- ⁷ Южаков С.Н. Год 1900 // Русское богатство. 1900. № 12. С. 200.
- ⁸ Михайловский Н.К. «Прогресс как эволюция жестокости» г. М. Энгельгардта // Русское богатство. 1900. № 2. С. 146.
- ⁹ Письмо И.Л. Манучарова к Л.А. Волькенштейн. Без даты. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 623. Л. 187–187 об.
- ¹⁰ Морозов Н. Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб., 1910. С. 90–92.
- ¹¹ Голубев А.В. Инокультурные представления в российской истории // «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2020. С. 108.
- ¹² Балугев Б.П. Указ. соч. С. 4.
- ¹³ Мокишин Г.Н. Указ. соч. С. 36–38, 282.
- ¹⁴ Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении... С. 115.
- ¹⁵ Алексеева Г.Д. Народничество в России в XX в.: Идеиная эволюция. М., 1990. С. 181.
- ¹⁶ С. Ст. [Рапопорт С.И.] Симпатии к бурам // Неделя. 1899. № 41. С. 1339–1340.
- ¹⁷ Мокишин Г.Н. Указ. соч. С. 43.
- ¹⁸ Абрамов Я. Трансваальский вопрос // Неделя. 12 сентября 1899. № 37. Стб. 1206, 1209.
- ¹⁹ Петухов Л.А. Указ. соч. С. 147.
- ²⁰ Михайловский Н.К. Указ. соч. С. 146.
- ²¹ Дионео. Из Англии... С. 146; Дионео. Очерки современной Англии. СПб., 1903. С. 71.
- ²² Южаков С.Н. О веке и годе минувшем // Русское богатство. 1900. № 1. С. 204; Южаков С.Н. «Империализм», «Weltpolitik» и текущие дела // Русское богатство. 1900. № 11. С. 154–155. См. также Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1967. С. 380.
- ²³ Клеменц Д.А. Рукопись без названия и даты. Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВИВР). Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 1.
- ²⁴ Засодимский П. По поводу сообщения г. Мартенса // Сын отечества. 17 (29) ноября 1899. № 312. С. 2.
- ²⁵ Вопросы политики // Сын отечества. 21 ноября (3 декабря) 1899. № 316. С. 1.
- ²⁶ Южаков С.Н. Южноафриканская война... С. 104.
- ²⁷ Южаков С.Н. Текущие события // Русское богатство. 1900. № 5. С. 159.
- ²⁸ Южаков С.Н. Год 1900... С. 206, 213.
- ²⁹ Морозов Н. Указ. соч. С. 90–91.
- ³⁰ Дионео. Очерки современной Англии... С. V; Южаков С.Н. Южноафриканская война... С. 108.
- ³¹ Клеменц Д.А. Рукопись без названия и даты. АВИВР. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 151. Л. 1.
- ³² См, например, Дионео. Из Англии... С. 146.
- ³³ Вопросы политики // Сын отечества. 11 декабря 1899. № 336. С. 1.

-
- ³⁴ Сатурин Д. [Соскис Д.С.] Об англо-трансваальском конфликте // Жизнь. 1899. № 8. С. 261–262.
- ³⁵ Абрамов Я. Указ. соч. Стб. 1209.
- ³⁶ Короленко В.Г. Избранные письма. Т. 2. М., 1932. С. 188.
- ³⁷ М.О.М. [Меньшиков М.О.] Отклики // Неделя. 31 октября 1899. № 44. Стб. 1465.
- ³⁸ См, напр.: Итоги неурожайного года // Сын отечества. 6 (18) октября 1899. № 270. С. 1.
- ³⁹ Балув Б.П. Указ. соч. С. 3–4.
- ⁴⁰ Вий. Отголоски дня. Боэры и самарцы // Сын отечества. 15 (27) октября 1899. № 279. С. 3.
- ⁴¹ Там же; Из русской прессы. Боэры и наш мужик // Сын отечества. 9 (21) ноября 1899. № 304. С. 2.
- ⁴² Балув Б.П. Указ. соч. С. 257.
- ⁴³ Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. М., 2007. С. 188; Шубин Г.В. Участие российских подданных в англо-бурской войне (1899–1902 гг.) М., 1999. С. 90.
- ⁴⁴ Морозов Н. Указ. соч. С. 91.
- ⁴⁵ Деятели революционного движения в России. Том 3. Вып. 2. М., 1934. Стб. 1446–1447; Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах. М., 1988. С. 24.
- ⁴⁶ Государственная дума первого призыва. Ч. 1. М., 1906. С. 58.
- ⁴⁷ Балув Б.П. Указ. соч. С. 259.
- ⁴⁸ Куприянова Л. Депутаты первого призыва после роспуска Государственной думы // Былое. 1907. № 2. С. 32, 34.
- ⁴⁹ Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск, 1988. С. 99–100.
- ⁵⁰ Клеменц Д.А. Бурская война и частная инициатива. Рукопись без даты. АВИБР. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 4.
- ⁵¹ Lowry D. “The play of forces world-wide in their scope and revolutionary in their operation [J.A. Hobson]”: The South African War as an international event // South African Historical Journal. 1999. Vol. 41. No. 1. P. 92.
- ⁵² Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Т. 9. М., 2012. С. 6, 261–263.
- ⁵³ Клеменц Д.А. Бурская война и частная инициатива... Л. 7.
- ⁵⁴ Мошкин Г.Н. Указ. соч. С. 44, 238, 290.
- ⁵⁵ Южаков С.Н. Год 1900... С. 211.
- ⁵⁶ Клеменц Д.А. Бурская война и частная инициатива... Л. 25.
- ⁵⁷ См., напр.: Язык Эзопа // Сын отечества. 8 (20) октября 1899. № 272. С. 3.
- ⁵⁸ Клеменц Д.А. Бурская война и частная инициатива... Л. 4.

ГЛАВА 11. Спасенные из плена буры в России (1901 г.). Мемуары Л.Я. Стейтлера в историческом контексте

В начале 1901 г. в Российской империи произошло редкое и с нетерпением ожидавшееся событие. В крымский порт прибыли южноафриканцы, участники еще продолжавшейся англо-бурской войны. Это были Эрнст Гауснер (1871–1938), Пит Бота (1877–1901), Вилли Стейн (1875–1946), а также братья Джордж (1875–1939) и Лоуренс (1877–1945) Стейтлеры.

Молодые буры вплавь выбрались из британского плена. Трансваальский президент П. Крюгер назвал их «пятеро пловцов», и под этим именем они вошли в историю. В России рассказывали о том, как у побережья Цейлона, куда буров привезли для размещения в лагере для военнопленных, отважная пятерка тайно покинула британский корабль и по воде добралась до российского парохода «Херсон». Русские моряки приняли беглецов на борт, отказались выдать их британским властям и доставили в Феодосию.

В порту их уже ждали. Вера Мухина, в будущем знаменитый советский скульптор, на всю жизнь запомнила прибытие южноафриканцев в город ее детства: «В Феодосии буров встретили горячо, с цветами, с подарками. Это были высокие загорелые блондины. Пахло на всех несправедливой войной, которую вели там далеко, в Южной Африке»¹.

О бурах тогда можно было прочесть в ежедневных газетах, популярных журналах, брошюрах для детей и взрослых, специальных изданиях, выпускавшихся в пользу жертв южноафриканской войны, и даже в стихах, рассказах и приключенческих романах для подростков. Лица бурских политиков и военачальников были известны по лубочным картинкам, а также фотографиям и рисункам в прессе. Но почти никто из жителей Российской империи, горячо сочувствовавших защитникам южноафриканских республик, не встречал буров. И вот появилась возможность проверить усвоенные образы, сравнить их с действительностью.

В течение этой войны в России побывали и другие буры: например, посланник Трансвааля и делегация бурских государств, искавшие заступничества у российского императора (1900 г.). Но визит «пятерых пловцов» был особенным. Это были участники боев, о

которых жадно читали тогда в России. Прибывшие буры совершили дерзкий побег из плена, подобный тем, о которых рассказывалось в русской периодике того времени². Южноафриканские гости были интересными, эрудированными собеседниками. «Все они люди интеллигентные», – вспоминал сопровождавший их в столице А.В. Половцов³. С ними можно было свободно пообщаться во время их поездки по России – от Феодосии через Вильну и Петербург до германской границы. Пятерым пловцам преподносили подарки и показывали достопримечательности. Их приглашали на великосветские приемы и в фешенебельные рестораны. В России они на несколько недель стали знаменитостями.

Впрочем, не только в России. Сообщения о пятерых пловцах попали в европейскую прессу еще во время их пребывания в Петербурге. По пути на родину южноафриканские беглецы тоже пользовались вниманием прессы и общественности. Они совершили путешествие длиной около 40 тыс. км из Южной Африки в Южную Африку – через Цейлон (Шри-Ланку), Россию, Германию, Нидерланды и Германскую Юго-Западную Африку (Намибию).

Их история, впоследствии изложенная в книгах, статьях и мемуарах, стала известной южноафриканцам еще во время войны. «Отважнее их – трудно найти! – писал выдающийся бурский генерал Х.Р. де Вет. – Таких людей отечество не может не ценить»⁴. По мнению видного южноафриканского историка А. Вессельса, побег пятерых буров и их возвращение на родину, где они вновь присоединились к вооруженной борьбе против захватчиков, – один из самых примечательных сюжетов, связанных с англо-бурской войной⁵.

Действительно, в 1899–1902 гг. бурам редко удавалось сбежать из британского плена. Во время этого вооруженного конфликта совершались удачные попытки побега по дороге в лагеря для военнопленных. От 20 до 30 человек скрылись уже по прибытии к месту ссылки: на острове св. Елены, в Индии, на Цейлоне или на Бермудских островах. Беглецы направлялись в нейтральные или дружественные страны и оставались там до конца войны⁶. Случай пятерых пловцов замечателен не только тем, что бежала целая группа пленных, но и тем, что они, осуществив свой замысел, вернулись в Южную Африку и снова взяли за оружие.

Пятерым пловцам посвящены несколько южноафриканских книг. Первая – жизнеописание одного из беглецов, В. Стейна, – вышла в 1932 г.⁷ Она основана на его рукописных мемуарах и устных воспоминаниях. За полтора десятилетия книга трижды переиздавалась и вошла в список рекомендуемой литературы для школьников⁸. Воспоминания Стейна, написанные им в 1905 г. на нидерландском языке, впервые изданы в 2015 г.⁹

Наиболее полно исследовал эту тему выдающийся специалист по южноафриканской военной истории К.Й. Барнард. В течение тридцати лет он изучал мемуары беглецов, а также множество других источников в архивах и библиотеках ЮАР, Великобритании и Нидерландов. Ему удалось выяснить подробности пребывания пятерых южноафриканцев в России, в том числе по материалам русской прессы. Работа Барнарда была опубликована в 1988 г. на языке африкаанс, а много позже – в переводе на английский¹⁰.

В России обстоятельства побега и плавания южноафриканцев к русским берегам были подробно описаны гораздо раньше. В 1902 г. в Петербурге опубликована повесть для подростков К.С. Баранцевича «Спасенные буры» в качестве приложения к журналу «Читальня народной школы»¹¹. Автор, по-видимому, использовал устные воспоминания участников и свидетелей. Его информативное повествование в целом согласуется с изложением событий в монографии Барнарда.

Среди отечественных историков первыми о бурских беглецах написали африканисты А.Б. Давидсон и И.И. Филатова¹². К этой теме обращались также сотрудники Института Африки РАН Г.В. Шубин и А.В. Яковлев¹³. Вклад российских исследователей состоит, прежде всего, в публикации дополнительных сведений, почерпнутых из петербургских и московских газет 1901 г.

Автор публикуемых в нашей монографии воспоминаний, Лоуренс Якобус Стейтлер, был самым младшим из пятерых пловцов. Он родился в Оранжевом Свободном Государстве, вырос на семейной ферме. Окончил Грей-колледж, старейшую среднюю школу к северу от реки Оранжевой. К началу войны он учился на юриста в Блумфонтейне, столице республики. Вступив в бурские вооруженные формирования, Стейтлер участвовал в сражениях при Стормберге (декабрь 1899 г.), при Абрахамскраале (март 1900 г.) и при Саннаспосе (апрель 1900 г.).

В боях в районе Таба Нчу (май 1900 г.) Стейтлер был захвачен британцами¹⁴. В плен попал и его старший брат, 25-летний Джордж, который был ранен при Таба Нчу и к прибытию британских войск находился на перевязочном пункте¹⁵. Братьев привезли в Кейптаун, на бывший велодром в районе Гринпойнт, где был организован лагерь для военнопленных. Там содержалось около 2 тыс. защитников бурских республик.

В конце июня в этот лагерь попали и два других гражданина Оранжевого Свободного Государства: Вилли Стейн, участник сражений при Спионкопе и Фаалькрансе (январь–февраль 1900 г.), а также его боевой товарищ Пит Бота. Сражаясь под началом генерала Де Вета, они попали в окружение близ Рудеваля и 11 июня сдались в плен.

Через несколько месяцев в кейптаунский лагерь поступил пятый и самый старший из будущих беглецов, тридцатилетний Эрнст Гауснер. Трансваалец немецкого происхождения, Гауснер участвовал в войне с самых первых недель и был взят в плен в бою при Рейцбурге (7 октября 1900 г.)¹⁶.

Еще в лагере Стейн и Бота замыслили побег. Они рыли подкопы, проделывали отверстия в заборе, но администрация расстроила их планы. В середине ноября заключенных перевели на корабль «Каталония», направляющийся на Цейлон. После двухнедельной стоянки в Дурбане судно с шестью сотнями бурских пленников отправилось в плавание по Индийскому океану.

Через 23 дня, в первой половине января 1901 г., «Каталония» бросила якорь в порту Коломбо. Планировалось, что буров интернируют в лагере Дияталава, созданном за полгода до этого британским военным министерством для содержания нескольких тысяч граждан южноафриканских республик. Вскоре после прибытия на Цейлон первая партия буров с «Каталонии» была отправлена на поезде в Дияталаву.

Пятеро храбрецов знали, что бежать из лагеря посреди незнакомого им острова будет сложно. Нужно было ускользнуть с «Каталонии», пока она стояла в порту.

Еще во время прибытия британского корабля на рейд внимание буров привлекло стоявшее там русское судно «Херсон». «Команда явно сочувствовала нам, потому что они кричали “ура”, когда мы проплывали мимо, а потом исполнили гимн Трансваальской рес-

публики, — вспоминал Стейн. — Хотя гимн воспринимался не так, как на поле боя, он звучал отчетливо, эхом разносясь по воде, и в чужом краю это произвело на нас неизгладимое впечатление»¹⁷.



Пароход «Херсон».

В безлунную ночь с 13 на 14 января Лоуренсу Стейтлеру и его товарищам из-за жары разрешили спать на палубе. Улучив момент, они один за другим спустились по канату в море и, соблюдая тишину и стараясь избежать акул и патрульных катеров, поплыли к стоявшим вдали пароходам. Первыми покинули «Каталонию» братья Лоуренс и Джордж Стейтлеры. Один из двух пароходов, к которым поодиночке направились пловцы, оказался британским. Бурам повезло, что он ушел до того, как они достигли его. Вторым судном был русский «Херсон». Пятеро беглецов воссоединились на борту этого корабля.

На «Херсоне» буры оказались в чужой среде, среди представителей народа, о котором они знали лишь по книгам и газетам. Вспомнились стереотипные представления о суровости русских и жестоких порядках в России. Когда российские матросы молча обступили Стейна, ему представилось, что теперь ему суждено « всю жизнь работать на сибирских рудниках, с обритой головой, за проникновение на корабль без паспорта. На мгновение мне показалось, что, сбежав с «Каталонии», я попал из огня в полымя»¹⁸.

Но опасения оказались напрасными. Моряки и пассажиры «Херсона» приняли пятерых пловцов как героев. Им выдали сухую одежду и усадили за праздничный стол (по юлианскому календарю, принятому тогда в Российской империи, была новогодняя ночь), угостили вином и сигарами. Начались тосты за здоровье бурских президентов и генералов, а также расспросы о побеге, о войне, о сражениях, в которых довелось участвовать беглецам. Буров приятно удивили интерес собеседников к далекому конфликту и осведомленность о южноафриканских делах.

«Херсон» был одним из самых больших и быстроходных кораблей Добровольного флота. Трехтрубный пароход крейсерского типа в декабре 1900 г. вышел из Владивостока и теперь направлялся в Одессу¹⁹. Современник сравнивал это судно с благоустроенным домом: «Каюты, освещенные электричеством, были внутри отделаны резным дубом, в кают-компаниях и в спальнях были мягкие, пушистые ковры, зеркала. Кроме того, на пароходе, в зале, имелось фортепиано; существовала также библиотека»²⁰.

Поскольку корабль временно находился в распоряжении русской армии, почти все пассажиры были военными. Незадолго до этого окончилась кампания по подавлению Ихэтуаньского (Боксерского) восстания в Китае, в которой участвовали российские войска. На «Херсоне» возвращались в европейскую часть России около 1700 солдат и офицеров Виленского военного округа, а также Десантного корпуса во главе с исполняющим обязанности начальника артиллерии генерал-майором Николаем Иудовичем Ивановым²¹.

Пребывание южноафриканцев на борту «Херсона» поставило командира, капитана 2-го ранга А.А. Остолопова, в сложное положение. Капитан сочувствовал бурам, но предполагал, что, укрывая беглецов, он нарушает нормы международного права. Если бы британские власти узнали о его поступке, мог бы разразиться дипломатический скандал. Хотя Остолопов считал себя обязанным спасти людей, оказавшихся в воде и просивших о помощи, он предпочел бы передать их на судно другой нейтральной державы²². Поэтому капитан отказался от общения с бурами. Если его спросили бы, есть ли на борту беглецы, он с чистой совестью мог бы ответить, что никогда не видел их.

Все переговоры с южноафриканцами были поручены старшему помощнику капитана Владимиру Пантелеймоновичу Кисимову

(1861–1911). Поскольку буры не общались с Остолоповым, они решили, что командиром корабля был Кисимов и благодарили за спасение именно его.



Старший помощник капитана «Херсона» В.П. Кисимов.

Этот офицер родился в Болгарии, в семье видного деятеля болгарского национально-освободительного движения Пандели Кисимова. В 1880-е годы В.П. Кисимов был направлен в петербургское Морское училище. По окончании курса ему было присвоено звание мичмана. Таким образом, Кисимов был первым болгарин²³ом по национальности и подданству, ставшим морским офицером. Вернувшись на родину, он служил во флоте, отличился в сербско-болгарской войне 1885 г., но, как другие выпускники Морского училища, несмотря на нехватку офицеров в болгарских ВМС, не смог вполне проявить свои способности. В 1890-е годы Кисимов вновь уехал в Россию, поступил на службу в Добровольный флот, работал на линии Одесса – Владивосток, в том числе при перевозке войск. За участие в обеспечении занятия русской армией портов Квантунского полуострова он был в 1899 г. награжден орденом св. Станислава II степени²⁴.

Пятеро пловцов сообщили Кисимову, что на «Каталонии» их отсутствие заметят лишь ранним утром, во время переклички. Беглецы хотели вернуться в Южную Африку, чтобы продолжить сражаться против британской армии. Если бы «Херсон» доставил их в Египет, они пересели бы на пароход до Мозамбика. Оттуда можно было пробраться в Трансвааль.

Вскоре Кисимов сообщил о решении капитана: буры могут остаться на борту, и команда постарается помочь им достичь Южной Африки. На время плавания им выделят улучшенное палубное помещение. Кисимов признался, что он был тронут стремлением пятерых пловцов поскорее вернуться на родину в ряды защитников своих республик и считает за честь содействовать им²⁵.

Через несколько часов, пока британцы не узнали о бегстве пятерых пленных, русский корабль отправился в путь. Во время плавания на запад по Индийскому океану буры познакомились с пассажирами «Херсона». Врач российской дипломатической миссии в Пекине В.В. Корсаков расспрашивал их о войне, о послевоенной судьбе Южной Африки, об отношении британцев к гражданам бурских республик. Корсаков был восхищен решимостью собеседников продолжать сопротивление захватчикам: «Таковых людей можно сломить силой, но согнуть нельзя, как нельзя уничтожить и самую идею борьбы»²⁶. Доброжелательность попутчиков воодушевляла бу ров. Несколько офицеров признались им, что желали бы тоже отправиться в Южную Африку сражаться с англичанами²⁷.

Некоторые пассажиры подарили бурам вещи на память. В. Стейн получил от генерал-майора Н.И. Иванова кожаную куртку²⁸. Этот старший армейский офицер на борту «Херсона» был ветераном русско-турецкой войны 1877–1878 гг., выдающимся специалистом в области военной артиллерии. Во время Первой мировой войны он будет назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного фронта²⁹. Черная куртка, которую генерал Иванов подарил спасенному южноафриканскому военнопленному, теперь хранится в Военном музее бурских республик в Блумфонтейне³⁰.

Маршрут «Херсона» проходил через Красное море. Но сначала надо было зайти в Аден, чтобы запастись углем для дальнейшего плавания. Там была британская военно-морская база, и Кисимов ожидал, что местные власти подозревают команду «Херсона» в укрывательстве беглых военнопленных. Действительно, в Адене уже

получили телеграмму из Коломбо с указанием имен и описанием внешности беглецов, а также предупреждением, что они могут скрываться на российском судне. Но, по нормам международного права, британские военные не могли арестовать буров на иностранном судне. Поэтому военное министерство запретило принимать меры для задержания бурских военнопленных, пока они находятся на «Херсоне»³¹.

Тем не менее это попытались сделать. Когда русский корабль пришвартовался в Адене, на борт поднялись британские офицеры и сообщили капитану, что, по их сведениям, пятеро пловцов укрываются на «Херсоне». Офицеры предъявили заявление местного вице-консула России о том, что он не возражает против ареста южноафриканцев на русском судне³². Капитан заявил, что не видел буров. Он согласился дать британцам разрешение на осмотр корабля, но только при условии внесения большого залога в качестве компенсации за задержку отправления «Херсона». Сразу после ухода британских военных буры были спрятаны в дымовой трубе парохода. Но британцы не вернулись. Блеф военных властей Адена не сработал: у них не было полномочий для принудительного обыска российского корабля.

При входе в Суэцкий канал «Херсон» повстречал русские военные корабли «Полтава» и «Севастополь», направлявшиеся в Порт-Артур. Их офицеры посетили «Херсон», чтобы поприветствовать буров. С «Полтавы» и «Севастополя» прислали музыкантов, которые исполнили гимн Трансвааля к удовольствию южноафриканских пассажиров³³.

25 января «Херсон» пришел в Порт-Саид. Буры хотели сойти на берег в этом городе, чтобы пересечь на корабль до Мозамбика. Но оказалось, что британцы продолжают наблюдать за российским кораблем и могут попытаться задержать беглых военнопленных. Кисимов убедил буров, что безопаснее остаться на «Херсоне» и продолжить плавание в Россию. Вне досягаемости для британских военных можно будет подготовить их отъезд на юг Африки.

Пройдя Средиземное и Черное моря, «Херсон» должен был прийти в Одессу, к своему месту приписки. Но из-за вспышки эпидемии чумы в Египте кораблю запретили заходить в одесский порт и направили в Крым³⁴. 1 февраля судно прибыло в Феодосию, окончив полуторамесячное плавание³⁵.

Поскольку у буров не было документов, их переодели в военную форму и вывели на берег вместе с русскими солдатами. Толпа, собравшаяся, чтобы посмотреть на южноафриканцев, сопровождала их до казарм. Затем пятеро пловцов вновь облачились в гражданскую одежду и начали знакомство с городом и его жителями. С бурами фотографировались на улице; у них брали автографы.

Погостив два дня у германского консула Г.К. Рилия, южноафриканцы 3 февраля уехали из Феодосии. Чтобы избежать проблем из-за отсутствия удостоверений личности, они отправились в путь вместе с офицерами Виленского военного округа, с которыми познакомились на «Херсоне». Добравшись до Вильны (нынешний Вильнюс), буры должны были пересечь на поезд, идущий в Петербург.

Пока южноафриканцы ехали по заснеженным лесам и равнинам, впервые увидев русскую зиму, пресса разнесла по России весть об их прибытии³⁶. На перронах собирались желающие посмотреть на буров. Приходилось выходить из вагона и прогуливаться, чтобы удовлетворить их любопытство. Южноафриканцы испытывали неловкость от пристального внимания к себе. Зеваки удивлялись, что во внешности и поведении буров они не находили ничего необычного. «Похоже, они ожидали увидеть совсем других существ», — с недоумением вспоминал Стейн³⁷.

На виленском вокзале буров ожидало так много встречающих, что полиции пришлось прокладывать для приехавших путь через толпу. Приезд пятерых пловцов был согласован с генерал-адъютантом В.Н. Троцким, командующим войсками Виленского военного округа и Виленским генерал-губернатором. Троцкий, симпатизировавший бурам, подготовил письмо петербургскому градоначальнику генерал-лейтенанту Н.В. Клейгельсу, которое удостоверяло личность южноафриканцев для беспрепятственного въезда в столицу империи³⁸.

Когда ранним утром 9 февраля буры прибыли в Петербург, их встретил солдат, присланный по приказу градоначальника³⁹. Он отвез их к пастору Голландской реформатской церкви Х.А. Гиллоту.

Пожилой нидерландец, выпускник Лейденского университета преп. Гиллот возглавлял петербургский приход уже почти тридцать лет⁴⁰. В России он считался «лицом» массовой пробурской

кампании. Благодаря авторитету и обширным связям в России и Нидерландах, пастору удалось организовать Голландский комитет для оказания помощи раненым бурам. Туда стекались пожертвования со всей Российской империи. На эти средства в 1900 г. был снаряжен и отправлен в Трансвааль Русско-голландский санитарный отряд, который около полугода работал в Южной Африке. Пастору было приятно услышать от своих бурских гостей, что они встречали санитаров этого отряда на фронте⁴¹.



«Пятеро пловцов» с пастором Гиллотом в Петербурге, 1901 г.

Верхний ряд: Л. Стейтлер, Э. Гауснер и П. Бота.

Нижний ряд: Дж. Стейтлер, пастор Х.А. Гиллот и В. Стейн.

Чтобы выехать из России, пятерым пловцам требовались документы, которые взялся оформить Голландский комитет. Тем временем южноафриканцев поселили в съемной квартире на Малой Итальянской (ныне улица Жуковского), и в течение пяти дней чле-

ны комитета знакомили их с Петербургом и столичным обществом⁴². Южноафриканским гостям запомнилось и богослужение, которое 10 февраля провел пастор Гиллот. Здание Голландской реформатской церкви в Петербурге было самым крупным храмом этой конфессии из всех, которые к тому времени им довелось посетить. Поскольку нидерландский был языком богослужения и в южноафриканских республиках, пятеро пловцов понимали проповедь пастора и могли присоединиться к пению гимнов и псалмов. Все это напоминало им о родине⁴³.

На Международной художественно-промышленной выставке керамических изделий в российской столице южноафриканцы восторгались русским подарком бурскому генералу П.А. Кронье и бойцам, сражавшимся под его началом и нанешим поражение британцам в сражениях на реке Моддер и при Магерсфонтейне (ноябрь–декабрь 1899 г.). На пожертвования жителей Российской империи была изготовлена огромная братина из порфира и серебра с отделкой из самоцветов и основанием из порфира. К братине прилагались иллюстрированные листы с 70 тыс. подписей жертвователей и сочувствующих бурам⁴⁴. До восстановления независимости бурских республик и освобождения Кронье из британского плена подарок должен был храниться в Нидерландах, куда вскоре был отправлен⁴⁵.

Буры посетили цирк, пообедали в роскошном ресторане Палкина, побывали в Исаакиевском соборе. При посещении музеев их сопровождал А.В. Половцов, заведующий Общим архивом министерства императорского двора. Вместе с женой, племянницей анархиста П.А. Кропоткина, Половцов активно участвовал в работе Голландского комитета, дружил с пастором Гиллотом и другими членами нидерландской общины Петербурга. Половцовы подарили южноафриканским гостям богато иллюстрированный альбом, изданный комитетом при участии российских общественных деятелей, ученых, художников и артистов для сбора средств на снаряжение санитарного отряда в Трансвааль⁴⁶. В. Стейн дорожил этой книгой, и ему удалось сберечь ее до конца войны⁴⁷.

Половцов повез гостей в Эрмитаж. На Дворцовой площади они задержались перед Александровской колонной, которую охранял ветеран русско-турецкой войны. Узнав, что перед ним буры, гренадер отдал им честь, обещал молиться об их победе над Англией и

даже хотел поцеловать им руки. Южноафриканцы были растроганы и благодарны старому солдату за добрые пожелания⁴⁸.

В Русском музее бурам особенно понравились произведения, напомнившие им об истории и образе жизни их соотечественников. Их привлекла картина П.Н. Грузинского «Оставление горцами аула при приближении русских войск», написанная по мотивам событий Кавказской войны. Буры заметили на этом полотне крытую повозку, запряженную несколькими парами быков. Она показалась южноафриканцам схожей с фурами, на которых бурские семьи передвигались на дальние расстояния. Глядя на картину И.Е. Репина «Запорожцы», они заметили, что казацкие ополченцы XVII в., бросившие вызов Османской империи, похожи на членов бурских вооруженных формирований, поднявшихся на борьбу с войсками Британской империи⁴⁹.

В те дни пресса не сообщала о пребывании буров в Петербурге. Вряд ли это объясняется цензурными ограничениями, как в случае с официальным запретом на освещение визита депутации бурских республик в 1900 г.⁵⁰ И все же были причины скрывать, что в столице находятся беглецы из британского плена, укрывавшиеся на русском корабле и нелегально въехавшие в Россию. Российские власти, вероятно, опасались дипломатических осложнений со стороны Британской империи. Не стоило привлекать внимание и к покровительству русских высокопоставленных лиц, которые помогли бурам добраться до России, нелегально попасть на ее территорию и путешествовать по ней. Вероятно, поэтому Голландский комитет позволил прессе пообщаться с южноафриканскими гостями лишь накануне их отъезда из столицы. Интервью с бурами вышли в свет, когда те уже покинули пределы Российской империи.

Вместе с документами для выезда за границу сотрудники комитета вручили своим гостям билеты на поезд до Берлина и деньги на дорогу до Нидерландов⁵¹. Десятки петербуржцев пришли на вокзал, чтобы проводить пятерых пловцов. Южноафриканцы уезжали с уверенностью, что тысячи людей в Европе поддерживают их борьбу. Они видели проявления симпатии к ним с того дня, когда ступили на борт «Херсона». Незадолго до их отъезда из России отставной офицер уверял их, что найдет сотню желающих воевать за восстановление независимости республик, если буры организуют проезд до Трансвааля⁵². План был неосуществим, но

беглецы из британского плена были признательны за это предложение. Раньше они не знали о международной пробурской кампании. Буры пообещали петербургским журналистам, что по возвращении на родину они расскажут согражданам об этой поддержке, чтобы укрепить их решимость продолжать вооруженное сопротивление⁵³.

Добравшись до Нидерландов, пятеро южноафриканцев встретились с президентом Трансвааля П. Крюгером, проживавшим в изгнании в Утрехте. У дипломатических представителей бурских республик они наконец получили паспорта – правда, на вымышленные фамилии⁵⁴. По этим документам буры отправились на пароходе в Германскую Юго-Западную Африку, куда прибыли в начале апреля. Они вернулись на юг Африки после шестимесячного отсутствия.

Бурам удалось проникнуть в Капскую колонию и присоединиться к партизанским отрядам под командованием С.Г. Марица и генерала Я.Х. Смэтса. Пятеро пловцов были уверены, что война продлится недолго. Еще в России они уверяли собеседников, что отчаянное сопротивление буров и непозволительно большие расходы на борьбу с ними вынудят британцев сказать: «Надоели вы, довольно воевать»⁵⁵. Тем не менее после возвращения пятерых беглецов в Южную Африку война тянулась еще год.

Рассказывая о дальнейших событиях, Л. Стейтлер писал пастору Гиллоту: «Бота и я с четырьмя бюргерами были посланы в Оранжевую республику с депешами к генералу Де Вету. Проехав около 500 миль, мы были в один прекрасный день окружены неприятелем и снова взяты в плен. Мой друг Бота был ранен; равным образом и еще один товарищ. Третий был убит. Бота тоже умер позже от раны. А я после всех злоключений все-таки вновь попал в руки врагов»⁵⁶.

Оказавшись в британском плену во второй раз, Л. Стейтлер был отправлен в тюрьму в городе Храфф-Рейнет. На свободу он вышел через семь месяцев, только по окончании войны.

Из пятерых пловцов четверо дожили до заключения мира. Эрнст Гауснер вернулся в Йоханнесбург и работал печником. Джордж Стейтлер, старший брат Лоуренса, в 1912 г. стал депутатом парламента от правящей Южноафриканской партии. Вилли Стейн вернулся на родину, в городок Хейлброн, и занялся торгов-

лей. Во время Первой мировой войны он в звании подполковника сражался в Юго-Западной Африке в 14-м пехотном стрелковом полку (14th Dismounted Rifles). В память о его знаменитом побеге эмблемой этой воинской части стало изображение пловца, направляющегося к далекому кораблю. Более двадцати лет, до самой смерти, он работал чиновником в городке Кальвиния на западе страны.

Стейн любил вспоминать о радушии россиян. Он считал, что русским и бурам легко понять друг друга: хотя эти народы отличаются по темпераменту (по сравнению с русскими, буры флегматичны), у них схожий менталитет⁵⁷. Однажды с ним связался князь Михаил Волконский, оказавшийся после Гражданской войны в эмиграции, на попечении швейцарского Красного Креста. Стейн, помня о своем спасении из плена и российском гостеприимстве, стал оказывать русскому аристократу финансовую помощь⁵⁸.

Южноафриканец был особенно признателен В.П. Кисимову, но, по-видимому, они не поддерживали связь после войны. Стейн не знал, что Кисимов продолжил службу на судах Добровольного флота, курсировавших между Одессой и Владивостоком. Кисимову тоже довелось побывать в плену. В феврале 1904 г. его корабль «Екатеринослав» был захвачен в Корейском проливе береговой охраной Японии. Команда и пассажиры парохода стали первыми российскими военнопленными на русско-японской войне 1904–1905 гг. Кисимов провел в лагере для военнопленных почти два года⁵⁹. Болгарский морской офицер на русской службе скончался в 1911 г. на борту торгового корабля. Он так и не дослужился до звания капитана⁶⁰.

Его сын и тезка В.В. Кисимов (1903–1948) во время Гражданской войны поступил добровольцем в Красный флот. Через несколько лет, выйдя в отставку, он стал театральным художником. Оформлял спектакли МХАТа, Центрального театра Красной Армии, Центрального детского театра, Саратовского театра оперы и балета. В конце жизни Владимир Кисимов-младший работал в ленинградском Новом театре (ныне Санкт-Петербургский академический театр имени Ленсовета)⁶¹. Этот театр первоначально располагался в бывшем здании Голландской реформатской церкви, где в феврале 1901 г. пятеро пловцов слушали проповедь пастора Гиллота.

Пятеро пловцов, вероятно, не догадывались, что Кисимов был не русским, а болгариним. Это не удивительно: на англо-бурской войне многие защитники республик не отличали русских от представителей других славянских народов. Болгарский доброволец писал с фронта в 1899 г.: «[Буры] не могут понять, что значит “болгарин”, они никогда не слышали о нашем народе; если бы я назвался русским, они сразу поняли бы, о ком идет речь»⁶².

Южноафриканцы, спасенные командой «Херсона», хранили фотопортрет Кисимова, который он подарил каждому из них за день до прибытия в Феодосию. На обороте снимка он подписался: «Vladimir P. Kissimoff». По недоразумению южноафриканцы считали, что его отчество было «Петрович», а не «Пантелеймонович». Вилли Стейн назвал своего младшего сына Владимиром Петровым (Vladimir Petroff) в честь Кисимова. Традицию продолжили следующие поколения. Например, внучку Стейна, южноафриканскую писательницу, зовут Петровна Метелеркамп (Petrovna Metelerkamp). Некоторые потомки Вилли Стейна перешли в православие и стали прихожанами русского храма преп. Сергия Радонежского в Йоханнесбурге.

Младший из пятерых пловцов, Лоуренс Стейтлер, после войны и освобождения из плена занялся овцеводством в Капской провинции. В конце 1910-х годов он стал депутатом совета провинции от Национальной партии, а в 1924 г. был избран в парламент. С конца 1930-х годов он, уже как депутат от Объединенной партии, представлял округ Кимберли⁶³. Его парламентская карьера продолжалась более двадцати лет. Его сын, либеральный политик Ян Стейтлер, с конца 1950-х годов возглавлял Прогрессивную партию.

Стейтлер писал преп. Гиллоту в Петербург: «Передайте русским еще раз нашу глубокую благодарность за все благодеяния, которые они нам оказали в дни бедствий»⁶⁴.

В конце жизни Стейтлера его дочь, Этрихия Фихардт, дословно записала его воспоминания о пленении, побеге, спасении, пребывании в России и возвращении в Южную Африку. В 1978 г. Фихардт сделала машинописную копию своих записей. Эту копию отсканировал и любезно предоставил для включения в нашу монографию правнук и тезка автора, Лоуренс Стейтлер (ЮАР).

Воспоминания Л.Я. Стейтлера публикуются впервые. В Приложении к этой монографии приведены подлинник на языке африка-

анс, а также перевод на русский язык с постраничными комментариями.



Правнук и тезка автора воспоминаний Л.Я. Стейтлер в Военном музее бурских республик (Блумфонтейн) вместе с активистом Русского клуба Э.Ю. Комаровой-Тагар, 2021 г.

¹ Воспоминания Веры Мухиной. Текст записи бесед Александра Бека и Лидии Тоом со скульптором В.И. Мухиной 12.11.1939–09.03.1940. <http://www.muhina.ru/papers.php?i=3&s=3> (дата обращения: 22.02.2007).

² См., например, рассказ по мотивам другого побега бурских военнопленных: *Сурин Г. Побег // Природа и люди. 22 февраля 1901. № 17. С. 266–268.*

³ *Кончак [Половцов А.В.]. Буры в Петербурге // Новое время. 1 (14) февраля 1901. № 8956. С. 3–4.*

⁴ Воспоминания бурского генерала Хр. Девета. *Борьба буров с Англией / Пер. с голл. ориг. Е.Н. Половцовой; с введ., примеч. и допол. голл. пастора Гиллота. СПб.: А.Ф. Маркс, 1903. С. 157–158.*

⁵ *Wessels A. The Five Swimmers. The escape of Willie Steyn and his four fellow prisoners-of-war from Ceylon in 1901 // African Historical Review. 2014. Vol. 46. No. 1. P. 109.*

-
- ⁶ Pretorius F. The A to Z of the Anglo-Boer War. Lanham; Toronto; Plymouth, 2010. Pp. 143–144.
- ⁷ Visagie L.A. Terug na kommando: Avonture van Willie Steyn en vier ander krygsgevangenes. Kaapstad; Bloemfontein; Port Elizabeth: Nasionale Pers, 1945.
- ⁸ Emslie T.S. Publisher's note // *Steyn W.* The Great Boer Escape. Cape Town: Cederberg Publishers, 2015. P. vi.
- ⁹ Steyn W. The Great Boer Escape. Cape Town: Cederberg Publishers, 2015.
- ¹⁰ Barnard C.J. Die vyf Swimmers. Die ontsnapping van Willie Steyn en vier medekrygsgevangenes uit Ceylon 1901. Kaapstad: Tafelberg, 1988; *Barnard C.J.* The Five Swimmers. Roosenekal: Biedell Publishers, 2012.
- ¹¹ Баранцевич К.С. Спасенные буры. СПб.: Н. Морев, 1902.
- ¹² Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town; Pretoria; Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. Pp. 227–230.
- ¹³ Шубин Г.В., Яковлев А.В. «Лучше целых десять лет сражаться с англичанами...» // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 73–75.
- ¹⁴ Krüger D.W. Steytler, Lourens Jacobus // Dictionary of South African Biography / ed. by C.J. Beyers. Vol. III. Pretoria: Human Sciences Research Council, 1977. P. 759.
- ¹⁵ В. [Корсаков В.В.]. Встреча с бурами // Русские ведомости. 4 февраля 1901. № 35. С. 4.
- ¹⁶ Из текущей жизни // Вскоды. 1 марта 1901. С. 256; Chronik und Lokalnachrichten // St-Petersburger Zeitung. 1 (14) Februar 1901. No. 32. P. 2.
- ¹⁷ Steyn W. Op. cit. P. 15.
- ¹⁸ Ibidem. P. 24.
- ¹⁹ Поггенполь М.Ю. Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время XXV-летнего его существования. СПб.: Тип. А. Бенке, 1903. С. 187; Яровой В.В. Добровольный флот. СПб.: Галей-Принт, 2010. С. 65.
- ²⁰ Баранцевич К.С. Указ. соч. С. 1–2.
- ²¹ Корреспонденция «Нового времени» // Новое время. 21 января (3 февраля) 1901. № 8945. С. 2.
- ²² И.С. Спасение пленных буров в Коломбо (Рассказ очевидца) // Новости дня. 30 января (12 февраля) 1901. № 6357. С. 2.
- ²³ Кожухаров А.Н. Обучението на българските военноморски офицери зад граница (1882–1944). Дис. ... д.н. Висше военноморско училище «Н.Й. Вапцаров», Варна, 2020. С. 10–12, 19–20.
- ²⁴ Алексиев И. Загадката мичман Владимир Кисимов (1861–1911 г.) https://morskivestnik.com/mor_kolekcii/izsledwaniq/22042013_ivalex.html (дата обращения: 05.04.2023); Кожухаров А.Н. Обучението на българските военноморски офицери... С. 16–17.
- ²⁵ Steyn W. Op. cit. P. 26.
- ²⁶ В. [Корсаков В.В.]. Встреча с бурами... С. 4.
- ²⁷ Steyn W. Op. cit. P. 27.
- ²⁸ Barnard C.J. The Five Swimmers... P. 135.
- ²⁹ Волков С.В. Офицеры Российской гвардии: опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002. С. 205.

³⁰ Военный музей бурских республик, Блумфонтейн. Единица хранения № 06114/00002. Сведения любезно сообщены д-ром В. Хенис, управляющим музейным фондом.

³¹ *Barnard C.J.* The Five Swimmers... P. 132, 137.

³² *Ibidem.* P. 136–137.

³³ *Steyn W.* Op. cit. P. 29.

³⁴ *Баранцевич К.С.* Указ. соч. С. 81.

³⁵ Телеграммы 19-го января // Новое Время. 20 января (2 февраля) 1901. № 8944. С. 2.

³⁶ См, напр.: Возвращение с Дальнего Востока // Московские ведомости. 24 января (6 февраля) 1901. № 24. С. 4.

³⁷ *Steyn W.* Op. cit. P. 33.

³⁸ *Barnard C.J.* The Five Swimmers... P. 154.

³⁹ *Г-ей Н.И.* Буры в Петербурге // Новости и Биржевая газета. 1 (14) февраля 1901. № 32. С. 3.

⁴⁰ Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). Сборник статей. СПб.: Русско-балтийский инф. центр «БЛИЦ», 2001. С. 157.

⁴¹ *Steyn W.* Op. cit. P. 35.

⁴² *Г-ей Н.И.* Буры в Петербурге // Новости и Биржевая газета. 2 (15) февраля 1901. № 33. С. 3; *Chronik und Lokalnachrichten* // *St-Petersburger Zeitung*. 28 Januar (10 Februar) 1901. No. 28. S. 3.

⁴³ *Barnard C.J.* The Five Swimmers... P. 157.

⁴⁴ Памятка о «Братине» и «Послании» от русских людей Питу Кронье и его бурам. СПб.: Товарищество художественной печати, 1901.

⁴⁵ *Г-ей Н.И.* Буры в Петербурге... 2 (15) февраля 1901. № 33. С. 3.

⁴⁶ Санкт-Петербург–Трансвааль. СПб: Голландский комитет для оказания помощи раненым бурам, 1900.

⁴⁷ *Steyn W.* Op. cit. P. 35–36.

⁴⁸ *Кончак [Половцов А.В.]*. Буры в Петербурге; *Visagie L.A.* Terug na kommando. Pp. 113–114.

⁴⁹ *Кончак [Половцов А.В.]*. Буры в Петербурге. С. 3–4.

⁵⁰ *Davidson A., Filatova I.* Op. cit. P. 227.

⁵¹ *Г-ей Н.И.* Буры в Петербурге... 2 (15) февраля 1901. № 33. С. 3.

⁵² *Steyn W.* Op. cit. P. 37.

⁵³ *Chronik und Lokalnachrichten* // *St-Petersburger Zeitung*. 1 (14) Februar 1901. No. 32. S. 3.

⁵⁴ *Steyn W.* Op. cit. P. 43.

⁵⁵ *Глинка М.* Маневры памяти: очерки. СПб.: Лимбус Пресс, 2017. С. 239.

⁵⁶ Воспоминания бурского генерала Хр. Девета... С. 158 (примечание).

⁵⁷ *Visagie L.A.* Op. cit. P. 114.

⁵⁸ *Emslie T.S.* Op. cit. P. vii.

⁵⁹ *Алексиев И.* Указ. соч.; Дневники святого Николая Японского. Саппоро: Изд-во Хоккайдского ун-та, 1994. С. 738.

⁶⁰ *Кожухаров А.Н.* Указ. соч. С. 16–17.

⁶¹ Театральная энциклопедия. Т. III. М.: Советская энциклопедия, 1964. С. 44; Художники народов СССР. Библиографический словарь. Т. 4. Кн. 2. СПб.: Гуман. агентство «Академический проект», 1995. С. 505.

⁶² Letter from a Bulgarian officer with the Boers // The Times. 10 January 1900. P. 11.

⁶³ *Krüger D.W.* Steytler, Lourens Jacobus. P. 759.

⁶⁴ Воспоминания бурского генерала Хр. Девета... С. 158 (примечание).

ГЛАВА 12. Народная песня «Трансвааль» в пространстве русской культуры XX – первой четверти XXI в.

*Посвящается памяти погибших
за свободу Родины*

Стихотворение Г. Галиной «Бур и его сыновья» и популярная народная песня «Трансвааль»: история создания и функционирования

Народную песню «Трансвааль» по праву можно назвать одним из значимых явлений русской культуры. В 1899 г. поэтесса Г. Галина (псевдоним Глафиры Адольфовны Эйнерлинг) посвящает англо-бурской войне цикл стихотворений, куда входит и стихотворение «Бур и его сыновья». Период конца XIX – первой четверти XX в. для русского устного народного творчества становится особенным: фольклорный фонд активно пополняется посредством фольклоризации. Авторская поэзия распеваётся на известные мелодии, в результате ее переработок появляются многочисленные варианты уже народных песен, возникших на основе авторских произведений. Причем в этот процесс вовлекается и поэзия первой половины XIX в., и поэзия переводная. Но более других процессу фольклоризации оказываются подвержены недавно написанные стихотворения, возникшие как отклик на свершающуюся здесь и сейчас историю: к ним относятся и события, значимые для всего мира и России, и события, важные лишь для истории локальной. К числу первых принадлежит стихотворение Г. Галиной «Бур и его сыновья».

В полной мере отвечавшее запросу российского общества, находящееся в строгом соответствии с традиционной системой ценностей и задавшее единственно верную в опасное для Отечества время модель поведения представителей общества – стариков, мужчин, подростков, женщин – вне зависимости от социальных классов, учитывая лишь гендерную принадлежность и возрастную категорию, это стихотворение было воспринято народом и вошло

в песенный фонд русского фольклора. И уже оттуда народная песня «Трансвааль» была усвоена другими областями культуры, закрепившись в них как значимый феномен.

За процессом фольклоризации закономерно последовал процесс фольклоризма, при котором произведение устного народного творчества частично или полностью, цитируемое дословно или аллюзией вплетается в полотно художественной литературы. Уникальность песни «Трансвааль» состоит не только в том, что она прочно закрепилась в авторской поэзии и прозе, созданной преимущественно на русском языке, став феноменом русской литературы и ряда национальных литератур. Уникальность песни «Трансвааль» связана и с тем, что именно она – при наличии большого количества других не менее достойных произведений, порой обладающих большей художественной ценностью, – становится символом освободительной войны (или военных действий меньшего масштаба, но также непременно освободительных).

Стихотворение Г. Галиной начинается с констатации тягот времени и призыва молиться (*Да, час настал, тяжелый час / Для родины моей... / Молитесь, женщины, за нас, / За наших сыновей!..*¹) и таким же призывом заканчивается, а кульминация сюжета связана с решением и самого младшего – тринадцатилетнего – сына умереть за родину свою². В многочисленных вариантах народной песни «Трансвааль» состав семьи героя различен (сыновей *трое, девять, десять* и т.д.), упоминается или не упоминается об их семейном статусе, погибших и живых, показано и развитие сюжета, которого не было в стихотворении Г. Галиной: мальчик отправляется с отцом на войну и совершает подвиг или совершает подвиг и гибнет (в самом сюжетно разработанном варианте песни) от руки предателя-готтентота*. Именно в переработанном варианте появляются те самые строки, ставшие визитной карточкой народной песни: *Трансвааль, Трансвааль, страна моя, / Ты вся горюшь в огне*³, именно в народной песне бур сидит *под развесистым деревцем*, подобным тем, что изображены на фотографиях периода англо-бурской войны. Г. Галина о бурах упоминает лишь в названии, в самом же стихотворении в наименовании героев указывает только их родство. Следует отметить, что дорабатывали сюжет стихо-

* Устаревшее название представителей этнической общности кой-коины.

творения «Бур и его сыновья», способствуя его превращению в народную песню, несомненно, одаренные в поэтическом плане и образованные люди, сохраняя при этом заданную Г. Галиной идею освободительной войны.



Обложка песенника «Трансвааль», опубликованного в 1910 г.

Показательно, что эта песня по-разному реализовывалась в фольклорном фонде красного движения (затем и их наследников – граждан СССР) и белого движения. Если в первом случае начальная строфа посвящена двум мотивам – горящей стране, охваченной пожаром войны, и местоположению старого бура (*Трансвааль, Трансвааль, страна моя, / Ты вся горюшь в огне, / Под деревцем*

*развесистым / Задумчив бур сидел*⁴), то уже в начальной строфе песни представителей белого движения (на данный момент – предположительно белого движения, поскольку эта информация нуждается в уточнении) заявляется идея жертвенности. Этот вариант песни, как указано в источнике, исполнялся хором донских казаков под управлением Сергея Жарова (хор был создан в декабре 1920 г. из солдат Русской армии генерала Врангеля):

*Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
Ты вся горюшь в огне.
Но мы готовы за тебя
Погибнуть на войне*⁵.

Но при этом многочисленные варианты народной песни – вне зависимости от того, в фонд красного или белого движения они входят, – вслед за стихотворением, на основе которого они возникли, продолжают транслировать значимую для русского традиционного сознания триаду: *Родина – освобождение – человек* (причем человек, имеющий личное и самое непосредственное отношение к происходящему: *я, моя семья*). Каждая составляющая триады не существует без двух других. Обозначенная триада содержит тот основополагающий смысл, который и формирует, и делает безусловно важной для русского этноса народную песню «Трансвааль». Освобождение Родины невозможно без самопожертвования: так Родина обозначается как бóльшая ценность, чем собственная жизнь или даже жизнь продолжателей рода.

Мотив самопожертвования подростков ради Родины, хотя и нечасто, в сравнении с мотивом самопожертвования воинов-мужчин, встречается в классическом фольклоре. Так, известна былина о Михайлушке, престарелый отец которого похвывается перед царем физической силой шестнадцатилетнего (в других вариантах двенадцати-, пятнадцатилетнего) сына, и царь просит Михайлушку постоять «*за веру христианскую*»⁶. Герой шесть суток бьется с татарами, но те его смертельно ранят. Возникает подобный мотив и в позднетрадиционном устном народном творчестве. В фольклорном фонде периода Гражданской войны встречается песня (текст которой позволяет предположить, что в ее основе – авторское стихотворение) на сюжет, перекликающийся с сюжетом песни

«Трансвааль»: сын отправляется в сопки с отрядом отца биться против врага. Отряд вот-вот будет окружен, и двенадцатилетний мальчик приносит себя в жертву ради спасения жизни отца и партизан: остается «с пулеметом, / Чтоб защитить вот эту падь»⁷.

В народной песне появляется, кроме членов семьи бура, еще одно действующее лицо – собеседник. Важна и его роль; он принимает живое участие: выслушивает бура и, судя по тексту, принимает его позицию. Так обозначенная выше триада из области частной переходит в область общественную, становясь позицией целого народа. Думается, в этом и заключается значимость народной песни «Трансвааль» для русской культуры. В ней заложены идеи самопожертвования и коллективизма, которые именно в совокупности своей составляют значимую черту русского народа. Проявляемые в контексте далекой и чужой англо-бурской войны, обозначенные идеи согласуются с традиционным мировоззрением, особенностью которого является неперенное деление на *своих* и *чужих*. При этом географически отдаленные и защищающие свою Родину буры оказывались близкими русским по духу, а значит, причисляемыми к *своим*.

Народная песня «Трансвааль» и русская поэзия

Песня была воспринята представителями разных сфер культуры. Она обрела свое место в музыкальном искусстве: активно исполнялась и профессиональными певцами, и в народе, исполняется и в настоящее время. Песня «Трансвааль» уже в 1910-е годы записывалась на граммпластинки, в XX–XXI вв. звучала в радио- и телепередачах, в качестве музыкального сопровождения фрагменты песни использовались в художественных фильмах. Отдельного осмысления требует тот факт, что не всем областям искусства оказалась близка тема Трансвааля в огне. Насколько позволяет судить собранный на данный момент материал, это предположение может быть отнесено к живописи и скульптуре. Хотя обнаруженные в свое время материалы или созданные произведения искусства могут и опровергнуть обозначенный тезис.

Однако, безусловно, активный отклик песня «Трансвааль» нашла в литературе. Одним из первых упоминаний в литературе (речь идет о советском периоде) о цитировании песни «Трансва-

аль» стал комментарий В.Е. Гусева, составителя книги «Песни и романсы русских поэтов», опубликованной в 1965 г., и автора примечаний к ней: «Упоминается [песня “Трансвааль”]: А. Фадеев “Молодая гвардия”; Л. Кассиль “Дорогие мои мальчишки”, гл. 1; М. Слонимский, “Инженеры”, гл. 33»⁸. Затем к этим трем авторам добавлялись уже другими исследователями имена М.В. Исаковского, Л.И. Добычина, В.В. Маяковского, Вс.Вяч. Иванова и В.Б. Шкловского, К.Г. Паустовского, д.филол.н. А.П. Чудакова. Всего десять имен и девять произведений.

Однако обращение к песне «Трансвааль» писателей, носителей русской культуры, оказалось более продуктивным. В результате работы над темой автором этой главы было обнаружено, что песня «Трансвааль» цитируется в русской литературе не десятком прозаиками и поэтами, а гораздо большим количеством авторов. На данный момент выявлено 114 текстов. С большой уверенностью можно предположить, что со временем список будет пополнен как недавно созданными произведениями, так и ранее не выявленными.

Песня «Трансвааль» отображается в художественной и документальной литературе, мемуаристике и публицистике, научной и научно-популярной литературе точным или неточным цитированием, аллюзией, эпиграфом. Обращение к песне «Трансвааль» обнаружено в комментарии (шесть зарифмованных строк) к стихотворению, опубликованному в сети Интернет, а также в аннотации к книге (причем в самой книге песня не упоминается)*. При этом она чаще встречается в художественной прозе, чем в поэзии, больше упоминается в произведениях писателей, чем писательниц, преимущественно цитируется в литературе для взрослых, а не для детей, хотя выявлена и в последней. Более того, «Трансвааль», будучи действительно феноменом русской культуры, цитируется в жанрах, которые принято относить к периферии культуры, – детектив и фантастика.

К народной песне «Трансвааль» обращались величины русской литературы XX в.: поэты Н.А. Клюев, В.В. Маяковский, А.А. Сурков и М.В. Исаковский, прозаики Б.А. Пильняк, К.Г. Паустовский,

* Речь идет о книге Сергея Бузина «Отпуска нет на войне. Большая Игра “попаданца”: последняя песнь Акелы». М.: Эксмо, 2013. 347 с.

А.А. Фадеев и А.И. Солженицын*. Но не менее значимый вклад в дело популяризации и сохранения народной песни «Трансвааль» как символа свободы Родины, памяти о ней внесли неизвестные широкой публике поэты и писатели. В результате анализа указанных источников было обнаружено закрепление в национальном сознании и непрерывная трансляция в русском культурном поле народной песни «Трансвааль» как маркера Родины, самоотверженной борьбы за ее освобождение, горячо поддерживаемой народом.

На данный момент проанализированный материал позволяет прийти к выводу, что первым в поэзии цитирует песню «Трансвааль» Михаил Исаковский, это стихотворение «Школьные ночевки» (1924 г.). Обращаясь к собственному детскому опыту, поэт вспоминает прогулки с друзьями, во время которых исполнялась и песня «Трансвааль»:

*Идти знакомыми местами
Все дальше, дальше от жилья
И в полный голос петь с друзьями:
«Трансвааль, Трансвааль – страна моя»...*⁹

Следует отметить, что М.В. Исаковский обращается к песне не единожды: во второй раз он цитирует «Трансвааль», вспоминая грозные годы Великой Отечественной в стихотворении «Песня о Родине». Но в этот раз «Трансвааль» цитируется уже не как воспоминание о бытовании народной песни в крестьянской среде. В «Песне о Родине» наряду с довольно подробным описанием функционирования песни, чего не было в стихотворении, написанном почти за четверть века до этого, появляется четкая аналогия между горящей в огне Родиной и Трансваалем. (Показательно, что М.В. Исаковский посвящает свое произведение А.А. Фадееву, автору неоконченного романа-эпопеи «Последний из удэге», кото-

* На данный момент автором данной главы опубликованы две статьи, посвященные песне «Трансвааль» в русской литературе: Краюшкина Т.В. Народная песня «Трансвааль» в русской прозе 20-х гг. XX в. – начала XXI в. // Вестник славянских культур. 2019. № 54. С. 160–172; Краюшкина Т.В. Функционирование песни о Родине «Трансвааль» в детской литературе советского периода (1927–1987 гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 11. С. 3406–3411.

рый, в свою очередь, в семи эпизодах этого произведения цитирует «Трансвааль». В письме М.В. Исаковскому от 8 апреля 1948 г. (а «Песня о Родине» написана в феврале 1948 г.) А.А. Фадеев отмечает: «Большое спасибо тебе за “Трансвааль”. Написано чудесно и очень перекликается с моей юностью, что, вероятно, ты почувствовал через “Удэге”...»¹⁰. Таким образом, приоткрывается еще одна страница русской культуры, на которой предстает душевное общение величин советской литературы – Поэта и Писателя, основанное на общем фундаменте – русской культуре).

М.В. Исаковский, уже будучи зрелым человеком, в поэтическом слове четко формулирует ценность песни «Трансвааль» для русского сознания:

*И мне впервые, может быть,
Открылося тогда –
Как надо край родной любить,
Когда придет беда;*

*Как надо родину беречь
И помнить день за днем,
Чтоб враг не мог ее поджечь
Погибельным огнем...*¹¹

Хотя М.В. Исаковский первым в поэтическом произведении дословно цитирует «Трансвааль», в поэзии встречается и более раннее упоминание песни – в качестве аллюзии. Григорий Отрепьев, известный дальневосточный поэт (на основе его стихотворений в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке возникали песни, которые активно включались в фольклорный фонд), в названии своего произведения – «Наш Трансвааль» (1920 г.) – дает отсылку к вынесенной в название главы песне. И, насколько позволяет судить уже проанализированный материал, именно он первым в поэзии преодолевает художественный шаблон *о Родине, горящей в огне*, который будет десятилетия спустя постоянно использоваться в советской, а затем и в новейшей русской литературе. Трансвааль Григория Отрепьева (и созданной на основе его стихотворения песни) – это уже предчувствие Родины, которая непременно одержит победу в войне.

В народной песне на стихотворение Григория Отрепьева довольно простая сюжетная линия: *Ушли рабочие на бой, <...> / Добыть хотят своей борьбой / Свободы и земли*¹², а оставшиеся женщины *грустят / И даже в праздничные дни / Петь песен не хотят*¹³. Но все изменится после победы. Показательно, что в финале вновь упоминается песня:

*И выйдет Катя в хоровод,
И песню пропоет,
И свой народ, родной народ,
Свободным назовет*¹⁴.

Так воплощается идея обретенной свободы Родины после Гражданской войны. Это не получилось у буров в их народно-освободительной войне, но непременно получится у русских – таков значимый посыл народной песни, в основе которой лежит стихотворение Григория Отрепьева.

Показательно, что в восприятии поэтов XX в. народная песня «Трансвааль» становится символом освободительного движения – сначала войн, проходящих на нашей территории (Гражданской, Великой Отечественной), а затем войн или военных действий на земле дружественных СССР народов. Так символ *Трансвааль в огне*, транслируемый песней, выходит за существовавшие рамки *своей* Родины и осмысляется в традиционной для народного сознания системы координат *свой – чужой*. В проанализированном поэтическом материале *Трансвааль в огне* становится символом Родины дружественных народов Африки и Вьетнама (Евгений Долматовский, два стихотворения – 1960 и 1968 гг.). Символ *Трансвааль в огне* применительно к противодействующей стороне в исследованной поэзии не выявлен. Это является одной из особенностей феномена, особого рода маркером принадлежности в традиционном сознании к *своим*.

Но в русскоязычной поэзии обнаружена еще одна трансформация мотива: Трансвааль в огне осмысляется и как символ малой родины. В таком – локальном – осмыслении Родины в поэзии появляются мотивы *Донбасс в огне*, *Чечня в огне*. Русскоязычная поэтесса Анира Аль-Накиб (1993 г.р.) маленьким ребенком пережила страшные события в Чечне. И в возрасте 18–19 лет (точная дата

написания стихотворения, к сожалению, утрачена) поэтесса создает стихотворение «Даймохк! Чечня»:

*Даймохк! Чечня,
Ты вся горишь в огне!
Даймохк! Чечня,
Как мне помочь тебе?
Свой край родной
Любила с детства я.
Мой край родной,
Молилась за тебя¹⁵.*

Далее во второй строфе Анира Аль-Накиб описывает свои детские воспоминания: говорит *о бежавшем народе, о дожде из бомб*¹⁶. В третьей строфе воспевается свобода, пришедшая на Чеченскую землю. И четвертая строфа вновь обращается к символу горящей земли, но в этот раз огонь обретает иное значение:

*Чечня! Даймохк,
Ты вся горишь в огне –
В огне цветов,
Улыбок, светлых дней¹⁷!*

Горящий Донбасс появляется в русской поэзии как символ Великой Отечественной и современных событий. На данный момент обработанный материал позволяет назвать первым поэтом, связавшим Трансвааль и Донбасс, Илью Френкеля*. Его стихотворение создано в феврале 1942 г. 7 сентября 1943 г. в красноармейской газете 1-й ударной армии «На разгром врага» было опубликовано стихотворение Леонида Елисеева «Родной Донбасс». Состоящее из семи четверостиший, произведение дважды перефразирует народную песню. В первом случае это традиционный символ горящей в огне войны Родины:

* Автор выражает признательность к.и.н., ст.н.с. Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН Б.М. Горелику за предоставленные сведения о стихотворении Ильи Френкеля «Донбасс, Донбасс...». Стихотворение включено в сборник И. Френкеля «Я найду тебя. Стихи и песни» (М.: Художественная литература, 1966. С. 79–80).

*Донбасс, Донбасс, земля моя –
Пожар со всех сторон,
Покрытый ржавчиною рельс,
Угрюмый небосклон¹⁸.*

Во втором случае родной Донбасс связан с Победой:

*Идут бойцы. Не на восток –
Ведет на запад путь.
Донбасс, Донбасс, земля моя,
Могилой немцу будь¹⁹!*

Как и в народной песне, появляются образы женщин, молящих-ся о сыновьях, только в этом произведении к сыновьям причисляются все защитники Отечества. Заканчивается стихотворение мыслью о возвращении к мирному труду, которое непременно произойдет после победы.

И вновь появляется символ *Донбасса в огне* в связи с современным освободительным движением на Донбассе. Геннадий Страшевский 4 сентября 2014 г. публикует стихотворение «Трансвааль, Трансвааль...», дав к нему эпиграфом первые строки песни «Трансвааль»; в самом стихотворении используется перефразирование:

*Донбасс, Донбасс, страна моя,
ты вся горишь в огне.
Вот потому сегодня я
с «утёсом» на броне²⁰.*

Стихотворение Г. Страшевского продолжает идею борьбы за свободу Родины, которой пронизано стихотворение Г. Галиной и возникшие на его основе варианты народной песни. Показательно, что в стихотворении Г. Страшевского защитников становится больше: в их числе не только отец и сыновья, а все мужчины рода. Герои стихотворения защищают свою землю:

*Смотри, Донбасс, на города
дымящихся руин.
Смотри внимательней туда,*

*где дед, отец и сын
артельно вышли на порог
и охраняют дверь.
А перед дверью бандерлог,
кровососущий зверь.
И потому неистов я,
и всё кипит во мне.
«Трансвааль, Трансвааль, страна моя,
ты вся горишь в огне...»²¹.*

В 2017 г. тему горящей Родины продолжает донецкая поэтесса Ирина Васильевна Бауэр в стихотворении «Юго-восток». Стихотворение завершается криком, обращенным к матери-Украине, оставшейся без поддержки сына:

*Стежок, стежок, еще один,
стежком освящена багряная холстина вышиванок,
и кожей плачет костяная твердь –
донецкий мой подранок. <...>
Украина, ты горишь, не ведая сыновнего плеча.
Ты горишь, моя мать,
и сжигает меня²²!*

Так заложенная в народную песню идея освобождения Родины, дополненная в современной поэзии идеей свободы малой родины, становится тем мерилом, которым оценивают, тем знаком, которым помечают и современные события, обозначая таким образом собственную позицию. (В 2022 г. было выявлено необычное для культуры явление: усвоение противоборствующей стороной русского символа освободительной войны. В украинской поэзии на русском языке появляется мотив *Трансвааль в огне*. Поскольку эта глава посвящена русской культуре, лишь упомянем об этом явлении.)

В женской поэзии появляется и иная символика: Трансвааль в огне оказывается связан с личными переживаниями. Татьяна Бек в стихотворении «Трансвааль» создает ассоциацию горящей страны и неразделенной любви (*И под песню нежную о Трансвале, / Что горит в огне (как любовь к соседу) / Уплываю вдаль на речном трамвае...*²³; в стихотворении «Одуванчики» (2007 г.) Ирины Ар-

гутиной становится символом стойкости, преодоления личной трагедии (*и врываються в черно-белый мир / одуванчики. / Как земля горящая – Трансвааль, / как «Наверх вы, товарищи, по местам!» – / так они взрывают собой асфальт / и бросаются под поезда*²⁴).

Самым недавним из анализируемых автором главы стихотворений оказалось его собственное – «Прошедшее не знает запятых...» (Татьяна Краюшкина, 11 декабря 2022 – 6 января 2023 г.). В стихотворении мотив горящего Трансвааля обретает иной – Вселенский – смысл, оказывается одним из элементов триады *поэзия – любовь к горящей Родине – соборность как путь и цель пути* русского народа. В первой строфе говорится о прошлом, которое никогда не вернется (именно поэтому *прошедшее не знает запятых*^{*}), а вся созданная лирической героиней поэзия, настоящая на *пустых (личных) страданиях*, оказывается бессмысленной, бесплодной и потому сгорает. И огонь в этой строфе не источник света и тепла – он уничтожает лишнее:

*Прошедшее не знает запятых.
В ночи горят, рожденные напрасно,
Мои стихи, разъятые на строчки,
Лишенные ядра и оболочки:
Горит в огне разрозненная паства,
Крещенная в купели чувств пустых*^{**}.

Во второй строфе, состоящей уже из десяти строк, говорится о будущем. Именно поэтому появляется еще один пунктуационный символ – *звезд-запятых*. Звезды сияют и отдают свое сияние поэзии лирической героини, поэзии, которая теперь о других – не пустых – чувствах: теперь вся поэзия о любви к Отчизне. Лирическая героиня осознает отныне предназначение поэзии иначе:

*Не принимает будущее точек:
В ночи сияют звезды-запятые,
Вобравшие весь пламень Трансвааля,
В стихи мои обильно изливая*

* Личный архив автора.

** Личный архив автора.

*Сиянье, словно в кубки золотые.
Из пепла пробивается росточек
Любви к Отчизне, что нас породила.
Ему в соборности и крепнуть, и цвести:
И в этом есть немеркнущая сила,
И русских в этом путь и цель пути*.*

Народная песня «Трансвааль» и русская проза

Надо заметить, что в прозе цитирование песни «Трансвааль» появляется четырнадцатью годами ранее, чем в поэзии: уже в 1910 г. Андрей Белый публикует повесть в семи главах «Серебряный голубь». Песня о горящей стране возникает в шестой главе произведения – «Сладостный огонь» – и цитируется трижды в одном эпизоде. Андрей Белый сохраняет отсылку к сюжету песни, причем действие героев повести дублируется цитатой из песни, но при этом отсылка имеет, скорее, сниженный, потешный характер, в духе карнавально-смеховой народной культуры.

«Уже сырой росянистый луг пожелтел, как солнечный луч; и оба теперь чуть краснеют: шуруется попик в луче, розовенькие на заре веснушки; хохлится попик.

Вдали запевают песню:

*Трансвааль, Трансвааль, страна маая...
Ты вся в огне гааришь.
Под деревцом развесистым
Пачтенный бур сии-диит.*

Попик делает знак рукою, и уже сторож плетется к колокольне; уже Ивана Степанова запирается лавка: скоро сам он поплетется в церковь.

*Мальчиши-иши-шка наа-апоа-зиц-ию
Пиши-ком паат-рон прии-неес... –*

раздается откуда-то издали.

* Там же.

Вот, и еще – клинькнула в красную бездну заката целебеевская колоколья; далеко продрожал этот звон; далеко, далеко от Целебеева отозвался тот звон: снимали шапки крестьяне.

Посмотрел поп на крест, униженный красными искрами, и тоже перекрестился; и пошел поп совершать всенощное бдение.

А вдали продолжали горланить:

*Мааа-лиии-ии-тес-сь жаа-аа вы, женишшыны,
За ваа-аа-ших сыы-нааа-веей.*

Вдруг затеренькал вдали треугольник. Это пьяная <...> шаталась вокруг. А уже народ степенный потянулся к церкви <...>²⁵.

Каждый из трех фрагментов повести, за которым следует цитата из песни, выступает как тезис, следующий за ним фрагмент песни «Трансвааль» – как антитезис, образуя в совокупности пару, где каждый из элементов прочитывается с помощью другого, при этом карнавально-смеховая культура проявляется во всех парах. В первой паре луг желтеет, подобно закатному лучу, розовеют веснушки на лице попика – и горит Трансвааль в огне; сторож плетется выполнять свою работу – и мальчик-герой в песне совершает подвиг; неохотно идет *совершать всенощное бдение* попик – и следует призыв женщинам молиться за сыновей (а о силе материнской молитвы говорится в фольклоре, что она со дна моря вынимает). Действие через силу героев повести противопоставляется истинному душевному порыву героев песни. Так Андрей Белый акцентирует внимание на значимом для понимания его произведения диссонансе героев повести и героев песни «Трансвааль», прибегая к опыту карнавально-смеховой культуры. Хотя может быть и другое прочтение: жизнь героев повести, по мнению автора, лишена смысла, это не жизнь, а существование, в то время как жизнь героев песни наполнена истинным смыслом. И живыми и настоящими вдруг оказываются герои песни, что исполняется в повести, а не герои повести, которые слышат песню.

Следует отметить, что исполнители песни в повести точно не обозначены: ни их количество, ни их пол. Они находятся за сценой. При этом песня образует мир, звучащий наряду со звоном колокола; завершает фрагмент еще один звук – *тереньканье треугольника*.

Активно цитируемая в советской литературе песня «Трансвааль» оказывается востребованной и в наши дни. Борис Александрович Линников*, который «серьезно заняться литературой <...> решил только в 73 года»** и в 2021 г. издал первый сборник рассказов «Шепот Бога» (Геленджик, 2021 г.), 2 января 2023 г. предоставил автору этой главы два фрагмента неоконченного на тот момент рассказа «А Солнце продолжает свой путь...». Цитирование песни в рассказе появилось не без участия автора этой главы. На вопрос, не обращается ли Борис Александрович в своей прозе к песне «Трансвааль», был получен ответ: «...сейчас пишу рассказ, в который, может быть, она ляжет»***. И песня «легла» – была процитирована в двух эпизодах. Рассказ опубликован Б.А. Линниковым в сети Интернет в знаменательную дату – 24.02.2023, когда исполнился год с начала СВО²⁶. В настоящее время именно этот рассказ – самое новое из доступных в русской литературе прозаическое произведение, где упоминается народная песня «Трансвааль».

Б.А. Линников продолжает традиционную для русской литературы тему отцов и детей, но решает ее, помещая своих героев – двух отцов, которым по 80 лет, и двух их сыновей – в новейшую историческую ситуацию.

В первом эпизоде поднимается вопрос воспитания патриотизма. Главный герой, размышляя о разговоре своего друга и его сына, не принявшего СВО, вспоминает собственное голодное послевоенное детство и свое детское понимание патриотизма: *«А про свои детские ощущения помню, как после войны, уже когда я пошёл в школу, отец принёс домой чёрную тарелку, и я слушал «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...», которую часто передавали по радио, и знал – если что, я буду, как младший сын, подносить отцу патроны»*****.

Главный герой вспоминает собственные детские рисунки с самолетом Гастелло, направленным на немецкие танки, вспоминает

* 1941 г.р.; окончил Новочеркасский политехнический институт, по специальности инженер-электрик по автоматике и телемеханике, живописец, акварелист, график.

** Из личной переписки с автором от 13.12.2022 г.

*** Там же.

**** Там же.

голод и залатанную одежду, «но Победа, наша Победа, с большой буквы, <...> это важнее всего другого. И страну, в которой ты живёшь, надо защищать... А в конце песни я шептал про себя, подстраиваясь под мужские голоса: “Отец, не будешь ты краснеть за мальчика в бою...”^{*}. И свое понимание любви к Родине, любви, которая проявляется в единомыслии отца и сына, воюющих на одной стороне – за Родину, главный герой, сам ставший отцом, хочет видеть и у своего сына: «Когда родился Алёшка, <...> я всегда почему-то вспоминал эти строки, когда держал его на руках. Вроде бы это моя клятва моему отцу, но так хотелось, чтобы мой сын с этого момента, когда ещё умещается на руках, впитал бы верность моей, а теперь и его Родине»^{**}.

Во втором эпизоде главный герой, приехавший в гости к своему ровеснику-другу, оказывается свидетелем следующей сцены: сын его друга, недавний противник СВО, отправляется на фронт:

– Прости, отец. Вчера не мог сказать, гость у тебя, не хотел нарушить вашу встречу. Мне к девяти в военкомат... Я добровольцем. Военная моя профессия не подходит, но я пояснил, что неплохо «шарю» в компьютерах <...>.

Олег видел и растерянность отца, и тревогу в его глазах.

– Не переживай. Помнишь, ты мне пересказывал слова песни, а я повторяю сейчас – «тебе не будет стыдно за мальчика в бою». У меня свои вопросы к той стороне. Пусть ответят...

Он говорил это спокойно, уверенно, и лицо Влада [отец добровольца] разгладилось, тревога уже уходила из его глаз, хотя, понятно, вопросов, я чувствую, не убавилось. Но это другие вопросы, не те, на которые он не мог найти ответы летом^{***}.

Так в рассказе «А Солнце продолжает свой путь...» Б.А. Линникова оказываются звеньями единой цепи известная по песне англо-бурская война как символ войны освободительной, пережитая старшим поколением Великая Отечественная и СВО. Поколение детей подхватывает эстафету от старшего поколения – эстафету

^{*} Из письма Б.А. Линникова от 2 января 2023 г.

^{**} Там же.

^{***} Там же.

обязательства, которое давалось родителям, — «не будешь ты краснеть за мальчика в бою». Показательно, что именно эта строка, ставшая знаковой для главного героя в его детстве, передается его другом уже своему сыну. Так объединяются в любви и служении Родине отцы и дети. А Солнце продолжает свой путь, а значит, и следующие поколения отцов и детей в единомыслии будут любить и защищать Родину.

***Народная песня «Трансвааль» в киноискусстве,
радио- и телепередачах, воспоминаниях деятелей
культуры, материалах сети Интернет***

Искусство художественного кино также не оказалось безразличным к такому яркому явлению русской культуры, как народная песня «Трансвааль». Впервые в истории советского кино эта песня звучит в художественном фильме «Балтийцы», снятом в 1937 г. А.М. Файнциммером по сценарию А. Зиновьева и А. Штейна. В детский художественный фильм «Кортик» (реж. В.Я. Венгеров и М.А. Швейцер, 1954 г.), снятый по одноименной повести А.Н. Рыбакова (1946–1948 гг.), включено исполнение песни «Трансвааль». Сценарий написан А.Н. Рыбаковым в соавторстве с И.И. Гомелло. Интересно, что в повести «Кортик» Рыбакова этой песни нет. Хотя события фильма относятся к периоду Гражданской войны, но созвучна народная песня оказывается и Великой Отечественной, которую не так давно пережили граждане СССР: так личный опыт и сюжет фильма соединяют две войны одной песней. В 2011 г. российскому зрителю был показан исторический фильм реж. А.С. Смирнова «Жила-была одна баба», где также звучит «Трансвааль».

Сравнительный анализ песни «Трансвааль», включенной в три этих фильма, позволяет сделать предположение об использовании сценаристами одного и того же варианта песни. Однако однозначно утверждать это не позволяют неполные тексты. Но если предположение все-таки верно, то тогда можно говорить об эффекте закрепления в киноискусстве как образца единственного варианта этого произведения.

Радио- и телепередачи, в которых звучала песня «Трансвааль», выполняют ряд функций, в числе которых знакомство с историей

возникновения песни. Особенно хочется отметить роль в популяризации песни народного артиста России Виктора Витальевича Татарского (1939–2022 гг.). В 1969 г. в радиопередаче «Встреча с песней» В.В. Татарский обращает внимание на активный интерес слушателей к песне «Трансвааль» в советский период: «О следующей песне мы не будем читать писем, так как их очень много и почти во всех один вопрос о том, что часто в литературных произведениях цитируются слова песни: “Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне”. У Исаковского, например. “Что это за песня?” – спрашивают юные слушатели наши. А пожилые просто вспоминают о ней и пишут о том, что хотели бы встретиться с этой песней»²⁷. Обращается в радиопередаче «Встреча с песней» В.В. Татарский к песне «Трансвааль» и летом 2022 г. (передача звучит в записи, уже после ухода из жизни ведущего), посвящая ее 120-летию завершения англо-бурской войны.

Особым источником для сохранения памяти о функционировании песни «Трансвааль» становятся воспоминания известных деятелей культуры. Часть из них была опубликована отдельными изданиями, что-то вошло в научно-популярные статьи. Введения в научный оборот требуют архивные источники, к которым относятся и личная переписка автора этой главы. Так, в письме от 23.11.2022 Вячеслав Лобачёв, поэт, сценарист, режиссер, журналист, член редколлегии альманаха «45-я параллель», делится с автором этой главы историей, которой, в свою очередь, поделился с ним Борис Владимирович Заходер. История была полностью опубликована в 1992 г. в альманахе «45-я параллель»^{*}.

Ценным источником представляется и письмо автору данного раздела от Вячеслава Лобачёва, написанное спустя 30 лет после упомянутой выше публикации^{**}. В письме сообщалось о том, что Б.В. Заходер приехал по приглашению «Международной писательской программы», созданной известным американским поэтом чешского происхождения Поком Енглom, в Университет Айовы. «Союз писателей отпустил меня только на третий год, но устроил

^{*} Автор выражает благодарность Б.М. Горелику за помощь в поиске публикации, которая была недоступна автору (*Лобачев В. Тонкая кожа носорога // 45-я параллель. 1992. № 25. С. 4*).

^{**} История, рассказанная в письме, оказалась идентична истории, опубликованной в альманахе.

так, чтобы я опоздал на месяц. Поселили меня в студенческом общежитии, как “обычного” студента в прекрасной четырёхкомнатной квартире вместе с писателем из Южной Африки Леонардом Коза. Очень талантливый и славный человек. <...> Вначале я так и не мог понять, что означает его фамилия, которая приводила в неописуемый восторг чешского и двух польских писателей. На их языках это действительно просто коза, но для нашего слуха фамилия Коза (ударение на первом слоге) звучит несколько отстранённо. И только потом я сообразил, что Леонард принадлежит к племени коза*. Это очень большое племя – одно из основных племён Южной Африки. Кстати, он был очень растроган, когда я рассказал ему, что у нас в стране очень любили буров, а когда я узнал, что Коза из ЮАР, то спел ему “Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне...”. Он чуть не упал со стула**.

Автор этой главы начал анкетирование писателей, в чьих произведениях цитируется «Трансвааль» или возникает аллюзия на эту песню. Результаты анкетирования также могут стать ценным источником для понимания роли и места народной песни «Трансвааль» в русской культуре. В начале XXI в. русскоязычный поэт, прозаик, драматург Нора Сауловна Файнберг*** (1929 г.р., проживает в США) пишет стихотворение «Израиль, Израиль, страна моя»:

*Израиль, Израиль, страна моя,
ты вся горишь в огне,
в своей войне,
в чужой войне,
ты на горячей стороне,
и ты вступаешь в бой,
как батальон штрафной²⁸.*

Показательно, что поэтесса не только перефразирует песню «Трансвааль», но дает цитату из нее в качестве эпиграфа (Трансва-

* В российской африканистике принято название этого народа «коса».

** Личная переписка автора.

*** Автор выражает благодарность поэту, врачу-психиатру, юнгианскому аналитику Вадиму Молодому (Москва) и поэту, переводчику Борису Кокотову (Балтимор, США) за налаживание контакта с Н.С. Файнберг.

аль, Трансвааль, страна моя, / Ты вся горишь в огне²⁹) и именует источник *песней буров*³⁰, тем самым проводя художественную параллель между англо-бурской войной и событиями в Израиле. Вот что ответила Н.С. Файнберг в письме от 25 декабря 2022 г. на вопросы о времени создания стихотворения, о событиях, с которыми связано написание стихотворения, о явлениях культуры, породивших личный «Трансвааль».

«Дата написания стихотворения “Израиль, Израиль, страна моя” примерно 2005–2007 годы. <...> Строка “Трансвааль, Трансвааль, страна моя” настолько известная, настолько привычная, что кажется, мы родились с нею. В юности я читала книги о войне с бурами, читала Голсуорси, смотрела фильмы и поэтому имела представление о тех временах и событиях. Кроме того, в нашей жизни и в нашей стране было достаточно аналогий, связанных со строкой “ты вся горишь в огне”. Израиль же, в еще большей мере, соответствует этой строке. И однажды, во время очередных, страшных Израильских событий, мне пришла в голову эта строчка, которая потянула за собой всё стихотворение. <...>

Я покинула Россию сорок с лишним лет назад. Живу в Америке. Люблю эту страну. Это мой дом. Но мне также близок и дорог Израиль. И, так же как “пепел Клааса стучит в мое сердце”^{**}, мою душу ранят беды Израиля. Вот так и родилось это стихотворение»^{*}.

Особенным полем для популяризации песни, сохранения памяти о ней и истории ее возникновения стала сеть Интернет. В сети не только опубликованы многочисленные видеоролики с «Трансвааль», варианты перевода песни на английский и африкаанс (что делает русскую песню «Трансвааль» уже явлением мировой культуры), но и тексты, существующие по законам некоторых фольклорных жанров. Не всегда достоверные, что находится в соответствии с природой фольклора, эти тексты являют черты преданий. В частности, к ним могут быть отнесены тексты о том, что Г. Галина «участвовала в [англо-бурской] войне в качестве сестры милосердия»³¹.

^{*} В другом переводе: «Пепел Клааса бьется о мою грудь». Цитата из «Легенды об Уленшпигеле...» Шарля де Костера (М.: Художественная литература, 1967. С. 185).

^{**} Личная переписка автора.

Ценными для изучения функционирования песни становятся опубликованные в сети Интернет тексты, близкие к меморатам – произведениям фольклорного жанра, представляющего собой рассказ о событиях, основанный на воспоминаниях. Так, довольно любопытны мемораты, повествующие о функционировании песни «Трансвааль» в советский период, размещенные в комментариях к видеороликам с этой песней. В частности, в них содержится следующие сведения: *«Моя бабушка тоже пела эту песню, когда варила варенье. Но что за война была и что за буры, это я только потом узнал»*³²; *«А у меня прабабушка пела эту песню! 1899 г.р.»*³³; *«Эту песню мы пели в пионерлагере в 1964 году»*³⁴; *«Песня приморских красных партизан»*³⁵.

Заключение

Тема требует дальнейшего, более детального, изучения. Как видно из произведенного анализа, каждая область культуры и искусства в силу присущих им особенностей транслирует саму песню «Трансвааль» и представление о ней. В совокупности складывается целостная картина народной песни «Трансвааль» как значимого явления русской культуры XX – первой четверти XXI в. Востребованность народной песни «Трансвааль» русской культурой и продолжительность существования песни в ней позволяет предположить, что этот феномен не исчезнет.

Песня «Трансвааль» выполняет еще одну – уже из иной области – миссию: на протяжении длительного времени она являлась связующим звеном между государствами и между народами. Объединяла Российскую империю и Трансвааль, СССР и дружественные ему страны, современных россиян и потомков буров; объединяла героическое прошлое и настоящее, нуждающееся в героическом примере. И таким образом расширяла круг *своих*, столь значимый для русского традиционного сознания.

¹ Галина Г. Бур и его сыновья // Песни и романсы русских поэтов / вступ. ст.-я, подгот. текста и примеч. В.Е. Гусева. М.-Л.: Советский писатель, 1965. С. 873.

² Там же. С. 874.

³ Трансвааль, Трансвааль, страна моя... // Русские народные песни / вступит. ст., составл. и прим. А.М. Новиковой. М.: Художественная литература, 1957. С. 440.

-
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Хор донских казаков п.у. Сергея Жарова*. Трансвааль, страна моя. <https://lemuzika.pro/search/трансвааль/2> (дата обращения: 27.10.2022).
- ⁶ Данила Игнатьевич и его сын Михайло // Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока / сост. Ю.И. Смирнов. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1991. С. 132.
- ⁷ Юный партизан // Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. С. 194.
- ⁸ *Гусев В.Е.* Примечания // Песни и романсы русских поэтов / вступ. ст-я, подгот. текста и примеч. В.Е. Гусева. Большая серия. 2-е изд. М.-Л.: Советский писатель, 1965. С. 1076.
- ⁹ *Исаковский М.В.* Школьные ночевки // Исаковский М.В. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 1. Стихотворения. Песни. Поэмы. М.: Художественная литература, 1981. С. 66.
- ¹⁰ *Фадеев А.* Стихи М. Исаковского // Фадеев А. За тридцать лет. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М.: Советский писатель, 1957. С. 753.
- ¹¹ *Исаковский М.В.* Песня о Родине // Исаковский М.В. Собрание сочинений в 5 т. Т. 2. Стихотворения. Песни. Переводы. М.: Художественная литература, 1981. С. 146.
- ¹² *Наши Трансвааль* // Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. С. 214.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 215.
- ¹⁵ *Аль-Накиб А.* Даймохк! Чечня. <https://stihi.ru/2012/02/06/242> (дата обращения: 25.12.2022).
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ *Елисеев Л.* Родной Донбасс // О родине, о мужестве, о славе. Стихи и песни фронтовиков дней Великой Отечественной войны – современное русское народное письменное творчество, собранное и подготовленное к печати И.И. Дорониным. М.: Советская Россия, 1975. С. 201.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Страшевский Г.* Трансвааль, Трансвааль... <https://www.stihi.ru/2014/09/04/9070> (дата обращения: 10.12.2019).
- ²¹ Там же.
- ²² *Бауэр И.* Юго-Восток. https://45parallel.net/45_calibr_2017/380-irina_bauyer.html (дата обращения: 17.11.2022).
- ²³ *Бек Т.А.* Трансвааль // Бек Т.А. Сага с пометками. М.: Время, 2004. С. 373. («Поэтическая библиотека»).
- ²⁴ *Аргутина И.* Одуванчики. https://45parallel.net/irina_argutina/oduvanchiki.html (дата обращения: 16.12.2019).
- ²⁵ *Белый А.* Серебряный голубь: Повесть в семи главах / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. М. Козьменко. М.: Художественная литература, 1989. С. 337.

²⁶ Линников Б. А Солнце продолжает свой путь... <https://proza.ru/2023/02/24/842> (дата обращения: 26.06.2023).

²⁷ Татарский В. Встреча с песней. Выпуск 41. 1969 г. <https://www.youtube.com/watch?v=r2gJi6xWouk> (дата обращения: 26.10.2022).

²⁸ Файнберг Н. Израиль, Израиль, страна моя... https://45parallel.net/nora_faynberg/izrail_izrail_strana_moya.html (дата обращения: 02.11.2022).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Stratège 18. Комментарий к видеоролику. <https://www.youtube.com/watch?v=mSHHQvY2UOs> (дата обращения: 20.10.2022).

³² Там же. *Dimonoid*. Комментарий.

³³ Там же. *Lyudmila M*. Комментарий.

³⁴ Там же. *Людмила Александровна*. Комментарий.

³⁵ Там же. *Виктор Иванович*. Комментарий.

ГЛАВА 13. «Солдаты, не ушедшие в бой».

Как жители Конкордии (Намакваленд) вновь обрели чувство собственного достоинства

В главе изложены результаты исторического исследования, позволившего пересмотреть представления о трагическом событии времен англо-бурской войны. Это стало возможным благодаря взаимодействию с местными организациями в отдаленном районе южноафриканской Северо-Капской провинции (Северный Кейп).

Регион Малый Намакваленд, в прошлом важный центр добычи медной руды, находится к северу от Кейптауна и к югу от границы с Намибией. В этой полупустынной местности до англо-бурской войны появилось несколько поселков, обслуживавших медную промышленность.

После того как несколько отрядов бурских партизан в 1902 г. проникли в Капскую колонию, британскому подполковнику Шелтону было приказано укрепить гарнизоны в Намакваленде для защиты медных рудников. Усилия Шелтона были сосредоточены на территории, включающей крупный шахтерский поселок О'кип. Поскольку Шелтон располагал лишь небольшим количеством солдат, включая пехотинцев и артиллеристов, он наладил обучение сотрудников рудников в качестве добровольцев городской стражи.

После того как буры заняли Спрингбокфонтейн, крупнейший населенный пункт в этом регионе, они направились к Конкордии. Шелтон приказал вывести солдат из поселка, поскольку небольшой гарнизон не смог бы устоять против партизанских отрядов, состоявших из сотен человек. Городская стража должна была забрать оружие и боеприпасы и передислоцироваться в О'кип.

Остальная часть контингента Конкордии решила не уходить из поселка. Через своего командира, капитана Ф. Филлипса, они сообщили Шелтону, что не оставят свои семьи, дома и рудники без защиты, хотя большинство винтовок и боеприпасов уже были отправлены в О'кип.

4 апреля 1902 г. поселок был сдан отряду под командованием бурского генерала Я. Смэтса. Из-за этого долгое время историки об-

винили капитана Филлипса в предательстве. Но документы, обнаруженные в Государственном архиве Южной Африки, помогли установить, что основной причиной капитуляции Конкордии был мятеж более 100 членов городской стражи.

Если бы городская стража подчинилась приказу выступить на защиту О'кипа, они оставили бы свои семьи, дома, рудники и поселок на произвол судьбы. Оценив положение, члены городской стражи пришли к выводу, что они будут окружены превосходящими по численности и закаленными в боях партизанами. В то же время у городской стражи не было ни боевого опыта, ни достаточного количества боеприпасов. Они знали, что буры жестоко расправлялись с населением поселков, которые отказывались сдаться, разрушали жилые дома и предприятия. Удержать Конкордию не представлялось возможным.

Когда Смэтс пообещал спасти поселок от разграбления в обмен на капитуляцию, Филлипс согласился. Они заключили соглашение, согласно которому население, дома и рудники не пострадают во время бурской оккупации. Городская стража сложила оружие, не сделав ни единого выстрела. Из-за этого британское командование обвинило их в трусости.

После освобождения О'кипа в мае 1902 г. члены городской стражи Конкордии были избиты британскими кавалеристами в наказание за трусость. Капитан Филлипс должен был предстать перед военным трибуналом, но его спасло вмешательство владельцев медных рудников.

Однако решение сдаться было продиктовано не трусостью, а здравым смыслом. Мятеж городской стражи был актом сопротивления. Согласно вновь обнаруженным данным, приказ, которому отказалась подчиниться городская стража, был невыполним. Почти столетие эти мужчины считались предателями; их стыдили потомки, живущие в Конкордии. Переосмысление этого события позволило избавить жителей поселка от стыда за прошлое. При содействии одного из авторов нашей монографии в Конкордии сооружен памятник «Солдатам, не ушедшим в бой» (2017). У этого мемориала жители отдают почести своим предкам на ежегодной церемонии.

“The Men who would not March”: How Concordia, Namaqualand, Regained Her Pride

Introduction

The South African War (Anglo Boer War) was fought between 1899 and 1902 between the British and Boer Republics of Orange Free State and Transvaal. Both sides were supported by local black and Coloured inhabitants as well as various internationals, including Dutch, German, Irish and Russian. The previous narrative that this was only “white man’s war” has been proven to be incorrect.

The scope of this paper focuses on the research and re-interpretation of a historical event around the 04 April 1902 which took place in the guerrilla phase of the war in Concordia, Namaqualand, Cape Colony – far away from the two Boer republics.

The story redefines the years of shame for a largely Coloured community and the descendants after the Town Guard, under British military command, defied an order to march to protect O’kiep, a neighbouring mining town. O’kiep was subsequently placed under siege by the Boers for a month and ceasing all mining activities. By following the military order, this would have resulted in the Town Guard leaving their families, homes, mine and town unprotected. Thereafter, the Town Guard surrendered to General Jan Smuts, commanding the Boer forces, without firing a shot, further deepening the view of the British Commander that they were cowards¹.



Concordia, Namaqualand, circa 1900.

Furthermore, this paper demonstrates how this research and reinterpretation involved the local Coloured community and, through

this, resulted in the erection of a monument to their forefathers in memory of their conviction. In academic circles, this is regarded as “engaged scholarship” and what each academic should embark on in making their research accessible and meaningful with engaging with the communities where their research is undertaken².

The past – defence of Namaqualand

The formerly rich copper mining region of Little Namaqualand lies to the north of Cape Town and just south of the South African and Namibian border in a semi desert region. The main economy of the region at the time of the historical event was copper mining and farming. Due to the mining of copper a limited number of settlements had been established in support of these economic activities and close to a water source. Although the first copper mining town, Springbokfontein, remained as the administrative capital and seat of the Resident Magistrate.

After several commandos under General Smuts entered the Cape Colony, Lt-Col Shelton, East Surrey Regiment, was summoned by Lord Milner to the Cape Parliament and ordered to set up defences in Namaqualand to protect the copper mines³.

Shelton chose the largest copper mining town in the region, O’kiep, as his headquarters which he fortified using local Cape Copper Company labour and the expertise of Major Leslie Dean, Cape Copper Company Superintendent, with an inner and outer line of defences. As Shelton only had a limited number of regular soldiers, including infantry and gunners, he arranged with the Cape Copper Company to train their staff as a volunteer Town Guard. The senior white company and civilian staff filled officer and non-commissioned officer roles whilst the miners and Coloured men filled the lower ranks. Initially each town had its own Town Guard, however there were later amalgamated into the Namaqualand Town Guard⁴.

Those who could ride and shoot, and knew the local environment were arranged into the First Namaqualand Border Scouts while the 2nd Namaqualand Border Scouts were a dismounted unit who protected the railway line to Port Nolloth. The same principle was applied at Concordia, managed by the Namaqua Copper Company, Nababeep another mining town, Springbokfontein the administrative capital, Garies and

the coastal town of Port Nolloth^{*}. Blockhouses, built of locally readily available rock and sandbags, were placed in strategic positions, other defence works constructed to guard the approaches to and within the town, a communication system established and military stores allocated. The Town Guards received rudimentary training in drill for discipline and shooting. Very few rounds of ammunition were expended in shooting training and men were allocated to defence positions under officers and non-commissioned officers.

Shelton's defence strategy was to send out mounted Namaqualand Border Scouts patrols, comprising men who could ride, shoot and who knew the terrain. Their instructions were to scout for Boer activity, however, not to engage as the scouting patrols were few in number. Colonel White was dispatched towards Garies with a substantial patrol, however, was cut off by the Boers and was unable to play a role in supporting Shelton at O'kiep⁵.

As the Boers moved closer to O'kiep and engaged various detachments in the towns or piquets, so Shelton withdrew his soldiers, rifles, ammunition and military stores from surrounding towns and positions in anticipation of a siege at O'kiep. With this came additional refugees who had not yet left their farms or towns in search of safety and security under British control.

Generals Smuts and van Deventer's commandos had travelled through the Cape Colony to within sight of Cape Town before turning towards the north. The commandos lived off the land, acquired assistance from friendly farmers and recruited Cape Rebels en route to swell their numbers. Several skirmishes and battles were fought en route north. The most notable were at Windhoek near Van Ryn's Dorp, Garies, Lieliefontein, Groot Kau (to east of Springbokfontein) and at Springbokfontein⁶. At Lieliefontein, a Methodist Mission Station, the Coloured men initially chased General Maritz out of the town after he read a proclamation and killed several of his men. He returned en masse and decimated many of the town's folk, destroyed their homes, crops and livestock. The story of this event reached the copper towns and instilled fear in the locals. General

^{*} Von Zeil's great-grandfather, Arthur Benjamin Hughes, served in the Port Nolloth Town Guard as a Lieutenant and after amalgamation of all the Town Guards in the Namaqualand Town Guard as a Colour Sergeant.

Smuts was said to be very unhappy with Maritz and his Commando's conduct at Lieliefontein⁷.

Prior to the fall of Springbokfontein on 01 April 1902, a Namaqualand Border Scout, Stephanus Ramsden, was caught at the farm Naries to the west of Springbokfontein while he was dressed in mufti / civvies carrying a message sewn into his collar. He was taken by the Boer patrol to Spektakel pass and executed. He was found many days later where he fell and examined by District Surgeon Dr Cowan. Thereafter a case of murder was opened, and Ramsden was buried where he fell.

Erecting a headstone and arranging a Christian burial was the first memorialisation which von Zeil undertook in Namaqualand with the owner of the Naries farm, Danny de Wit. The project took four years as von Zeil needed to complete the research, locate the grave, and worked with a local teacher from Steinkopf in setting up a suitable memorial event⁸.

The unveiling of the headstone included local dignitaries, Steinkopf High School Choir and most importantly resulted in a family gathering of all the Ramsden family from as far as Cape Town. Having the school choir present as well as children from the Ramsden family would result in the event being remembered by the next generation. The service was conducted by the local priest from Komaggas, the town which Ramsden family lived in when he was killed.

After consultation with Dr Garth Benneyworth, current Head of Sol Plaatje Heritage Studies Department, the inscription on the granite headstone reflected the same details which would have been attributed to Ramsden should the British have erected a grave marker in his honour.

A commando under General Ben Bouwer also ambushed a British patrol under Lt. William McIntyre's at Groot Kau with the loss of ten Namaqualand Border Scouts after the patrol prepared to dismount⁹. The remainder of the patrol fled, and Lt. McIntyre was caught by Denys Reitz in Springbokfontein¹⁰. The research on this event and the names of the Namaqualand Border Scouts killed and buried in makeshift graves has been submitted to the British War Graves Commission as they still erect memorials to ten or more soldiers killed in action.

Thereafter Springbokfontein was attacked and capitulated after only 17 hours, with each of the three blockhouses falling one at a time. The

two casualties, Stewart and van Coevorden, were both shot by Denys Reitz, a Boer serving with General Smuts's Commando, through the loopholes of their blockhouse situated on the rise where the old road to the town passed¹¹.

Reitz crawled into position under darkness to the west of the blockhouse and took shelter behind a quartz ridge. At dawn when he saw movement through the loopholes, he fired and upon entering the blockhouse after surrender located both bodies with bullet holes through their heads. Stewart, a Clerk to the Resident Magistrate, and van Coevorden are buried together close to where they fell¹².

Once Springbokfontein surrendered the Boers, they focussed their attention on Concordia and Nababeep. Shelton had also ordered the withdrawal of both towns as the small garrisons would not have been able to hold out against Boer Commandos of several hundred in strength. Nababeep responded by sending their men and family by train to O'kiep before the Boer Commando's arrived. As Nababeep was left unprotected, this resulted in the mine being damaged by dynamite and the town being ransacked, including the businesses and houses¹³.

The Concordia contingent, no's 5 and 8, of Namaqualand Town Guard had also been ordered to bring their arms and ammunition and come into O'kiep. A wagon with ammunition and an escort did leave Concordia and arrive in O'kiep. The small number of men in the escort were then cut off from returning home and were allocated to defence positions within O'kiep.

The remainder of the Concordia contingent stood firm and through their commanding officer, Capt Francis Phillips*, indicated to Lt-Col Shelton that they would not leave their families, homes and mine unprotected despite most rifles, ammunition and stores already having been sent to O'kiep. This defiant response was not well received by Shelton and his officers.

The Concordia contingent remained at their defence posts in their blockhouses and positions. A Boer commando lead by General Smuts himself arrived at Concordia. Unbeknown to the Concordia Town Guard, Smuts's party only numbered around 40 Boers who were on a scouting patrol. Smuts took a gamble and called on the commanding officer, Capt Phillips, and his men to surrender¹⁴.

* Dr David Thomas's great-grandfather.



Captain Francis Phillips, the commander of the Concordia contingent.

While considering their course of action the officers and men of the Concordia Town Guard took the following into account:

- being surrounded and outnumbered by battle hardy Boers;
- their rudimentary military and rifle training;
- limited ammunition;
- fear that they and their families may be massacred as was the case at Lieliefontein their homes and mine destroyed.

Capt Phillips and General Smuts negotiated a surrender whereby the men, families, homes and mine would not be harmed during Boer occupation. General Smuts agreed and ensured that whilst the town of Concordia was occupied by the Boers that the “agreement” / “state of peace” was upheld¹⁵.

Thereafter the siege of O’kiep lasted for a month before re-enforcements arrived via sea through Port Nolloth and railway line to copper town. Due to the siege, all mining operations ceased; daily sniping commenced especially from the eastern ridges. The women and children were housed in the mine, mine buildings and school room.

Food was rationed and Daily Orders communicated military activities as well as the decisions taken to regulate activities in the town.

Blockhouses, especially to the north-east of the town, were lost and recaptured as the skirmishes took place, especially at night. The town's single 9-pounder cannon, situated on Fort Shelton, was kept busy shelling the eastern ridges to clear them of snipers. Several attempts to take the town were undertaken by the Boers; for instance, with a dynamite train after General Smuts and his small entourage including Denys Reitz had been recalled to the peace talks at Vereeniging¹⁶.

As is the case in war both soldiers and civilians were killed during the siege. A siege burial ground was established to the south-west of Fort Shelton, siege headquarters. At low light or at night those who were killed were buried as the area was partly protected against the sniping from the eastern ridges. The siege cemetery contained the bodies of soldiers, civilians and children.

Their headstones were marked by simple rocks placed at the head of the grave. Von Zeil provided the Namaqualand Divisional Council with a list of names of probably soldiers and civilians who should be buried there. This included research conducted in London as well as South Africa. Unfortunately, the names on their memorial are incomplete as they did not interact further.

Upon the relief of O'kiep on the 4 May 1902, the men of the Concordia contingent were beaten by the 5th Irish Lancers, a British cavalry regiment, for being cowards. Capt Phillips, an elderly man, was hounded by Shelton and fetched in the Eastern Cape to stand a military court martial¹⁷. It was these Court Martial papers that von Zeil had located in the Pretoria Archives, which unveiled the history Capt Phillips family and the men who would not march would have preferred forgotten.

Only after the Namaqua Copper Company in United Kingdom intervened on behalf of Capt Phillips as his employer was the court martial ceased.

The present – Reinterpreting the past

As a young boy living on the diamond and copper mines of Namaqualand, Anthony-Glenn von Zeil was encouraged by his grandfather, Percy Hughes (who discovered the first diamond of economic

quantities in Namaqualand in August 1925), and by his father, Louis von Zeil (an accomplished geologist with a speciality in diamonds), to enjoy the veld, walk the battlefields and interpret the environment – both natural and man-made.

Later, as a pupil at Rondebosch Boy's High School (15 years old), von Zeil was given the opportunity to present on a local historical topic by his teacher, Simon Perkin. They chose the siege of O'kiep as their group's topic. Von Zeil met Robert Moffat whose grandmother wrote Jane Henwood's diary during the siege of O'kiep and whose father fought the Boers at Anenous and Klipfontein viaducts on the railway line en route to Port Nolloth. He exposed von Zeil to a myriad of documents and photos and added to his passion.

Since then, von Zeil has travelled to archives and libraries in South Africa and the United Kingdom, visited many more military sites in Namaqualand, spoken to numerous families, collected documents, photos, medals, and artefacts. The Concordia court martial papers were located in a forgotten file in the Pretoria archives.

Contact was made with Dr David Thomas, a South African sociologist residing in Australia, after identifying his name in a visitors' book in the Nababeep museum. When they met, von Zeil shared the document with him and learnt that his family had no knowledge of the event. Presumably as it was buried as part of a shameful past. The same is evident of the experience of the Concordia families.

Thomas wrote a book on the topic titled *The Men who would not March* based on the initial research and what he was able to locate. The English version of the book went into three editions and an Afrikaans version, *Hier was Helde* (Here were Heros), was translated for school-children as part of their local history syllabus¹⁸. He and von Zeil wrote an academic article with the same title which was published in the *South African Historical Journal* in June 2011¹⁹.

During this process Thomas wished to locate a local Namaqualand artist to paint the cover of the book. They found Ulric Roberts aka "Namasun" who is a well-known local artist. He is community-minded, Chairman of the Concordia Arts & Culture Association and works with the youth. Ulric designed and created the cover and since then became part of their team.

The book was launched in 2011 in the NG *Klip Kerk* (Dutch Reformed Stone Church) in Concordia to the delight of the community

who appreciated the re-interpretation of the history. It was after this that Thomas realised that a translation into Afrikaans would be required for the children to ensure that they know the story of their forefathers in their home language. The reinterpretation showed that by refusing an order to march the men bravely decided to stand with their families to protect their homes and mine.

The negotiated settlement with General Smuts is a victory of negotiation and peaceful settlement over violence and war. That Smuts upheld the agreement speaks to his integrity.

Von Zeil and Thomas considered what else may be needed to further embed the revision of this historical event in the community and on the physical landscape. The thought of a monument to honour the men was deemed appropriate. Ulric took charge of this project with enthusiasm including the community. He raised finances from local businesses to compliment what Thomas had donated. Donations of building material and most importantly the skills and labour of various local craftsmen was also sourced. It became a true community project with various players all providing input, materials and skills.

Ulric designed a monument comprising a large granite disc sourced, donated and cut locally in the form of a sundial. The quote by Thucydides, an Athenian historian and general, is represented upon it as wise words to reflect upon: “The society that separates its scholars from its warriors will have its thinking done by cowards and its fighting done by fools.”

Around the base of the monument are the names and military numbers of all the men of the No 5 & 8 Concordia detachment of the Namaqualand Town Guard. This is significant as this memorial is in their honour and special as the families of these men still reside in the town. It was intended to add the names of the over twenty Boers (ten were positively identified in historical sources) who were present at the surrender as a form of reconciliation. However, when it was discovered that Maritz was amongst those the community politely declined. It appears that the historical wounds and scars still run deep and have resulted in transgenerational trauma.

The Men who Would not March memorial was unveiled on Freedom Day, 27 April 2017 (an anniversary of the first democratic election in South Africa (1994) to the applause of the community and attracted various musical and dance presentations by the youth. It was truly a

community celebration bringing out the young and the old to remember those men who had chosen their families, homes and their mine above military instructions.



The unveiling of The Men who Would not March memorial in Concordia,
27 April 2017.

At the event was the community of Concordia, direct descendants of “The Men”, and children from the local schools who played an important role in celebrating the day with Dr Thomas as well as invited guest. American, Australian, German and Russian attendees witnessed the unveiling of the monument. It was gratifying to see the youth run up the stairs and excitedly look for their own surnames after Dr Thomas unveiled the monument. The unveiling was aired on national television news that night, and the local community were praised for their initiative. This is probably the only modern South African War memorial erected in recent times by a local community.

What are the positive outcomes of the initiatives which centred around the event of the South African War in Concordia, Namaqualand?

1. A book (three editions) – *The Men who would not March* by David Thomas depicts the events before, during and after the surrender of Concordia.

2. An Afrikaans book – *Hier was Helde* is aimed at the local youth and Afrikaans-speaking community. It also complements the local his-

tory syllabus and permits the teachers to include this event in their teaching.

3. An academic paper in the *South African Historical Journal* – by Von Zeil and Thomas in which the historical event is reinterpreted and adds value to the academic discourse of the South African war in Namaqualand.

4. A monument – this adds a permanent marker to the physical landscape. The erection and design of this included community acknowledging the men and families who had made a stand to their convictions. We have and will remember these men annually at ceremony that takes place each 27 April.

5. A transformed historical/tourist landscape – in the town which forms part of the tourist and historical route, and creates an opportunity to engage with this event.

6. A model for other communities – to relook at their own history. The Lieliefontein community is in the process of doing this and there may be others who may wish to explore this. History never has just one interpretation.

The future – Full of possibilities

1. A documentary, *Here were Heros*, is currently being scripted, filmed and should be released late next year. It is expected that this will tell the story of the historical event as well as the story of how the community of Concordia regained her pride. This will broaden the audience and access to the historical event. Funding is still required to market the documentary.

2. Other future opportunities – possibly the creation of a truly South African film with a true South African story.

Conclusion

‘Researching the Anglo-Boer War of 1899–1902: The Practice and the Future’, an international conference held by the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, looked at the past, present and future of research on the South African War and whether research and sharing thereof should continue. The above original research, reinterpreting the previous established discourse and engagement with local

communities should indicate that research and publishing on various South African War topics should definitely continue.

¹ *Kieran B.L.* O'kiep: The Defence and Relief of O'kiep, Cape Colony, 4 April to 4 May 1902. Bournemouth: Bourne Press, 1995. P. 51.

² *Thomas D.* The Men who would not March: The Surrender of Concordia, Namaqualand, 4 April 1902. Cape Town: Print Matters Heritage, 2011.

³ *Burke P.* The Siege of O'kiep: Guerrilla Campaign in the Anglo-Boer War. Bloemfontein: War Museum of the Boer Republics, 1995. P. 5.

⁴ Siege of O'kiep orders, 1902 // *Kieran B.L.* O'kiep... P. 43.

⁵ *Burke P.* Op. cit. P. 73.

⁶ *Reitz D.* Commando: A Boer Journal of the Anglo-Boer War. Johannesburg: Jonathan Ball, in association with Faber and Faber, London, 1983. P. 303.

⁷ *Reitz D.* Op. cit. P. 298.

⁸ Ramsden documents, 2001.

⁹ Memoirs of General Ben Bouwer as written by P.J. le Riche. / ed. by J. Ferreira. Pretoria: Human Sciences Research Council, 1980. P. 260.

¹⁰ *Reitz D.* Op. cit. P. 305.

¹¹ Ibid. P. 307.

¹² Ibid. P. 305.

¹³ *Kieran B.L.* Op. cit. P. 51.

¹⁴ *Burke P.* Op. cit. P. 102.

¹⁵ *Von Zeil A.-G., Thomas D.G.* The Men who would not March: The Surrender of Concordia // South African Historical Journal. 2011. Vol. 63. No. 2. P. 249.

¹⁶ *Reitz D.* Commando... P. 316.

¹⁷ *Thomas D.* Op. cit. P. 148.

¹⁸ Ibidem; *Thomas D.* Hier was helde: die redding van Concordia, April 1–4, 1902. Cape Town: Print Matters Heritage, 2015.

¹⁹ *Von Zeil A.-G., Thomas D.G.* Op. cit. P. 234–250.

ГЛАВА 14. Память о российских добровольцах на англо-бурской войне в современной ЮАР

Во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. многие российские добровольцы, военные наблюдатели, врачи и медицинский персонал впервые встретились с южноафриканцами. Это заложило в том числе основу взаимопонимания между нашими народами, предпосылки для плодотворных российско-южноафриканских отношений.

Следуя зову сердца, с увлечением, состраданием и искренним интересом российские подданные, прибывшие в Южную Африку в ходе этого вооруженного конфликта, составляли представление о культуре буров. Описывая увиденное и пережитое на юге Африки, они знакомили соотечественников с укладом и средой, в которых жил народ, известный сегодня под названием «африканеры». Непосредственные наблюдения российских добровольцев, посланцев доброй воли, помогли жителям Российской империи понять условия жизни и особенности мировосприятия в далекой Африке.

Российские добровольцы, так же как многие другие жители Российской империи, хотели помочь двум бурским республикам противостоять могущественной Британской империи и защитить свободу этих молодых наций. Кроме того, российские военные приехали в Южную Африку, чтобы получить опыт участия в боевых действиях. Были и те, кто хотел «поучиться, как люди умирают за свободу»¹. Некоторые из них потом разделили судьбу своих южноафриканских товарищей по оружию – были интернированы или пережили вместе с бурами тяготы длительного заключения. Южноафриканский опыт наложил отпечаток на их дальнейшую судьбу после их возвращения в Россию.

Нет точных данных о численности российских подданных в бурских вооруженных формированиях во время этой войны. Обычно приводятся оценки корреспондентов, освещавших военные действия: 225 человек². Но в это число входят и выходцы из Российской империи, которые поселились в южноафриканских республиках до войны. Имена большинства российских добровольцев до сих пор неизвестны.

Не менее пяти русских офицеров погибли в боях за независимость Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства. Четверо из них состояли в партизанских отрядах³. В 1900 г. добровольцы из Российской империи сформировали отдельный русский отряд численностью до 50 человек⁴. Подполковник запаса Е.Я. Максимов, россиянин, командовал интернациональным легионом (формированием, в которое входили отряды иностранных добровольцев). На пожертвования жителей Российской империи были снаряжены и отправлены в Южную Африку два санитарных отряда. Врачи и медсестры из России оказали помощь сотням южноафриканцев по обе стороны фронта.

После Второй мировой войны, в обстановке идеологического противостояния между Советским Союзом и Южной Африкой, история российского участия в англо-бурской войне изучалась мало. В ЮАР исключением стали работы заведующей кафедрой русистики в Университете Южной Африки Е.Г. Кандыбы-Фокскрофт⁵. Белым южноафриканцам казалось парадоксальным, что жители царской России протягивали руку африканерам, а десятилетия спустя ее «наследник» СССР помогал черному большинству в противостоянии с режимом, который поддерживали африканеры. Было известно и то, что «русские» поставляли оружие и оборудование и готовили кадры Организации народов Юго-Западной Африки (СВАПО) и ангольской армии, сражавшиеся против вооруженных сил ЮАР во время войны за независимость Намибии (1966–1989 гг.). Южноафриканские исследователи объясняли, что русские добровольцы были движимы доброй волей; их сочувствие бурам не было связано с расовыми или этническими предрассудками.

В ЮАР сохраняются материальные свидетельства участия российских подданных в борьбе бурских республик с Британской империей. В музеях южноафриканской столицы до сих пор экспонируются подарки российской общественности бурскому народу и его военачальникам, а также изображения добровольцев из России⁶. Существуют и захоронения российских добровольцев, в том числе охраняемые государством.

Всплеск интереса к участию российских подданных в англо-бурской войне был связан с окончанием холодной войны и восстановлением контактов между нашими странами. В 1992 г. между

Российской Федерацией и ЮАР были установлены дипломатические отношения (после разрыва консульских отношений в 1956 г.). Это дало импульс взаимодействию в политико-экономической и культурной сферах.

Активизировалось и научное сотрудничество между Россией и Южной Африкой. В 1989 г. в ЮАР побывали видные российские африканисты проф. А.Б. Давидсон, заведующий сектором истории Африки Института всеобщей истории АН СССР, а также проф. И.И. Филатова, заведующая кафедрой африканистики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета (ИСАА МГУ). В последующие годы они жили и работали в ЮАР. И.И. Филатова стала заведующей кафедрой истории в Университете Дурбан-Вествилл. А.Б. Давидсон основал и возглавил Центр российских исследований в Кейптаунском университете (1994–1998)⁷.

Под эгидой Центра российских исследований проводились международные научные мероприятия с участием известных российских, южноафриканских и западных ученых. Особое внимание уделялось изучению исторических традиций и перспектив взаимоотношений России со странами Юга Африки⁸. В частности, А.Б. Давидсон в соавторстве с И.И. Филатовой, членом административного совета центра, знакомили южноафриканских читателей с историей участия подданных Российской империи в англо-бурской войне. Их статьи, основанные на материалах российских архивов, привлекали внимание общественности в ЮАР, поскольку появлялись не только в научных, но и в популярных периодических изданиях⁹. Итогом этой работы стала высоко оцененная южноафриканскими историками монография «Россияне и англо-бурская война» (1998)¹⁰.

В последующие десятилетия исследование участия российских добровольцев в вооруженном конфликте между бурскими республиками и Британской империей продолжили сотрудники Института Африки РАН. Читателям в ЮАР знакомы статьи и отдельные издания на эту тему, подготовленные Г.В. Шубиным¹¹ и Б.М. Гореликом¹².

Южноафриканцы выступали с общественными инициативами по сохранению памяти о помощи, которую россияне оказывали бурам в годы войны и после ее окончания. Например, в 1992 г. в Рос-

сийский детский фонд поступило пожертвование от детского дома Абрахама Криля в Йоханнесбурге. В письме, переданном во время визита в Москву президента ЮАР, сообщалось, что воспитанникам стало известно о средствах, собранных жителями Российской империи в помощь бурам и поступивших в южноафриканский детдом в 1907 г. На эти деньги была приобретена ферма, многие годы обеспечивавшая воспитанников продуктами. Теперь юные южноафриканцы решили отблагодарить российский народ. Детский фонд направил их пожертвование в детский дом в Бьянске¹³.

В 1990-е годы планировалось снять российско-южноафриканский художественный фильм о судьбе «пятерых пловцов», бурских бойцов, бежавших в 1901 г. из британского плена и спасенных российскими моряками (см. Главу 11). Фильм был задуман известным южноафриканским журналистом и литератором П. Метелеркамп, внучкой В. Стейна, одного из спасенных буров. Она написала сценарий картины и вела переговоры с киностудией «Мосфильм». Планировалось, что в проекте примут участие актер А.Я. Михайлов и режиссер Е.А. Гинзбург¹⁴. Но эта идея не осуществилась.

В 1994 г. на первых нерасовых выборах в ЮАР к власти пришел Африканский национальный конгресс, который на протяжении десятилетий пользовался поддержкой СССР. С тех пор предпринимаются шаги к увековечению памяти о солидарности Советского Союза с южноафриканским освободительным движением. Имена 67 советских военнослужащих, которые отдали жизни за освобождение народов Юга Африки от колониализма, высечены на мемориале на территории Парка свободы в столице ЮАР. Ежегодно российский посол участвует в церемонии возложения венков к этому мемориалу.

Наряду с этим сохраняется и память о российском участии в англо-бурской войне. Российские дипломаты, объединения соотечественников и представители Патриаршего экзархата Африки Русской православной церкви заботятся о захоронениях добровольцев из Российской империи, погибших во время этого вооруженного конфликта. На историческом кладбище в центре Претории находится могила Б.А. Стрельмана (1872–1900), отставного лейтенанта русского военно-морского флота. Выпускник Московского кадетского корпуса Стрельман прибыл в Трансвааль, посту-

пил в ряды республиканских вооруженных формирований и принимал участие в боевых действиях. Вместе с будущим председателем Государственной думы А.И. Гучковым он оказался в отряде под началом знаменитого бурского генерала Х. де Вета. 26 июня 1900 г. в Натале, возвращаясь на передовую после того, как он вынес с поля боя раненого товарища, нидерландского добровольца, Стрельман был убит выстрелом с британской стороны. Его тело было найдено и захоронено после боя местными жителями¹⁵. Несколько лет спустя Стрельман был перезахоронен в Претории вместе с другими солдатами, павшими на этой войне.

В 1988 г. на могиле Стрельмана был установлен новый памятник. А 26 июня 2013 г., впервые за более чем 110 лет со дня его смерти, там прозвучала русская молитва. Настоятель Сергиевского храма Даниил (Луговой) совершил панихиду. Возлагая венок от российского государства, посол М.И. Петраков призвал «читать память и никогда не забывать о славных русских следах, оставленных здесь нашими соотечественниками»¹⁶.

Русский священник и сотрудники российского посольства также посещают мемориал англо-бурской войны в городе Утрехт в провинции Квазулу-Наталь. Здесь находится могила Л.С. Покровского, российского прапорщика запаса и бурского капитана, а также могилы его соратников – капитанов С. Дуплова и Н. Петрова. Покровский был смертельно ранен при нападении его отряда на британский гарнизон в Рождественскую ночь 1900 г. О его гибели повествует надпись на мемориальной доске. По традиции, установленной послом Петраковым, российская делегация возлагает венки к могилам Покровского и его товарищей. При городском музее Утрехта устроена стена памяти участников англо-бурской войны. На ней выбиты имена около 90 российских подданных, сражавшихся на стороне южноафриканских республик.

2013 г. ознаменовался памятными событиями, посвященными англо-бурской войне. В Кейптауне это было связано с выходом в свет монографии А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой «Тайная нить: Россия и Южная Африка в советский период» (2013)¹⁷. Этот фундаментальный труд, повествующий об истории взаимоотношений двух стран, удостоился высшей оценки в ЮАР и был признан лучшей книгой года с присуждением престижной премии Рехта Мала-на в жанре «документальная проза».

Это событие дало новый импульс стремлению увековечить память о российских участниках англо-бурской войны. В Кейптауне члены Русского клуба решили организовать мероприятие, посвященное памяти российских добровольцев. Клуб был основан в 1996 г. и первоначально действовал при Центре российских исследований Кейптаунского университета. Он проводил встречи для соотечественников и южноафриканцев, приуроченные к памятным датам отечественной истории и культуры и важным этапам отношений между нашими странами¹⁸. Сегодня Русский клуб – это инициативная группа, которая проводит памятные встречи и мероприятия в Западно-Капской провинции (Западный Кейп). Он состоит в Координационном совете российских соотечественников (КСОРС ЮАР) и взаимодействует с российским генконсульством в Кейптауне.

Активист клуба Э.Ю. Комарова-Тагар является также заместителем председателя КСОРС ЮАР по культурно-исторической работе. Для нее тема участия российских подданных в англо-бурской войне связана с историей ее семьи. Родные рассказывали ей, что ее предок Рубен Торосов (Торосян) в юности тайно уехал из Тифлиса на англо-бурскую войну. Молодого человека из знатного и влиятельного армянского рода разыскивала семья, но он так и не вернулся домой.

Южноафриканский историк, журналист и боевой офицер В. Стинкамп горячо поддержал намерение почтить память российских добровольцев. Он предложил добиться открытия мемориальной доски в их честь на территории старого артиллерийского форта Уиньярд. В этом районе Кейптауна с марта 1900 г. располагались два лагеря для бурских военнопленных. В 2010 г. на территории форта открылся мемориал, посвященный 103 заключенным, которые умерли от болезней в этих лагерях. Но разрешение на установку мемориальной доски в память о российских добровольцах тогда получить не удалось.

В преддверии годовщины начала войны (11 октября 1899 г.) решено было устроить памятную встречу 4 октября 2013 г. возле мемориала павшим в Первой мировой войне на территории крепости Добрая Надежды. Мероприятие посетили сотрудники российского Генерального консульства во главе с генконсулом В.И. Левиным, настоятель Сергиевского храма Даниил и архиепископ Егорьев-

ский Марк, руководитель Управления Московской патриархии по зарубежным учреждениям.



Южноафриканский историк В. Стинкамп беседует с настоятелем Сергиевского храма в Йоханнесбурге свящ. Д. Луговым и архиепископом Егорьевским Марком, руководителем Управления Московской патриархии по зарубежным учреждениям. Кейптаун, 2013 г.

В мероприятии участвовало южноафриканское объединение любителей военной истории и коллекционеров военной атрибутики «Наследие». Его участники были одеты в военную форму времен англо-бурской войны; прозвучал ружейный салют. Группу «Наследие» возглавлял А. Харт, который во время войны за независимость Намибии служил в 32-м батальоне легкой пехоты Сухопутных войск Южно-Африканских сил обороны. В этом формировании, известном как «Буйволы», состояли не только белые, но и черные южноафриканцы, а также иностранные добровольцы. На той войне 32-й батальон вместе с другими подразделениями армии ЮАР противостоял ангольским и намибийским партизанам, поддерживаемым социалистическими странами.

СССР продолжал помогать народам Юга Африки и в 1970-е – 1980-е годы теперь уже в борьбе против расистского режима в ЮАР, что привело к конфронтации на территории Анголы. Во время демонтажа колониальной системы Советский Союз выступал на стороне освободительных движений. Несмотря на то, что в те десятилетия советские и южноафриканские военнослужащие были по разные стороны фронта, А. Харт предложил почтить память советских военных советников, погибших в Анголе в 1975–1988 гг. Это предложение послужило началом сотрудничества Русского клуба с ветеранскими организациями ЮАР. Настоятель русского храма о. Даниил регулярно совершает поминовение советских военных, павших на этой горячей «холодной войне»^{*}.



Часовня св. Владимира в память о российских добровольцах, погибших на англо-бурской войне.

^{*} Выражение заимствовано из названия монографии: *Шубин В.Г.* Горячая «холодная война». Юг Африки (1960–1990 гг.) М.: Институт Африки РАН; ЯСК, 2013.

6 октября 2013 г. состоялось освящение часовни святого равноапостольного князя Владимира, возведенной на территории храма преподобного Сергия Радонежского в память о российских добровольцах, погибших во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. Праздничные мероприятия были посвящены 10-летию открытия освящения Сергиевского храма, 15-летию создания прихода Сергия Радонежского в Йоханнесбурге и 60-летию открытия первого в Южной Африке русского прихода в честь св. равноапостольного великого князя Владимира. Часовню освятил архиепископ Егорьевский Марк. Средства на строительство предоставила российская горно-металлургическая компания «Норникель».

По инициативе Ф. Петерса, председателя африканерского Совета по культуре района Клипсривер и спикера городского совета Мидваала возникла традиция собираться в часовне 31 мая, в годовщину подписания Феринихингского договора 1902 г., положившего конец англо-бурской войне. Совершается панихида с провозглашением «Вечная память» и возлагаются венки российским воинам, почившим на африканской земле. Мероприятия проводятся под эгидой российского посольства.

Сотрудничество с ветеранскими организациями продолжается. С 2016 г. сотрудники Генерального консульства России в Кейптауне возлагают венки к военному мемориалу на улице Хиренграхт в центре Кейптауна на ноябрьском параде в День памяти павших в вооруженных конфликтах. На этом параде состоялось знакомство с К.П. Эштоном, председателем национальной Ассоциации артиллеристов Южной Африки. Ветеран войны 1966–1989 гг. на территории Намибии и друг России К. Эштон ратовал за сохранение памяти о российских добровольцах на англо-бурской войне. Благодаря его настойчивости, а также содействию генконсула Р.Е. Амбарова и представителей мэрии Кейптауна был наконец решен вопрос об установлении мемориальной доски.

25 ноября 2019 г. в форте Уиньярд собрались представители русскоязычного сообщества, МИД России, мэрии Кейптауна и южноафриканских ветеранских организаций. Открытие доски в память о российских подданных, сражавшихся на стороне республик в англо-бурской войне, в том числе о тех, кто погиб во время этого вооруженного конфликта, широко освещалось южноафриканскими СМИ. На церемонии прозвучали гимны России и ЮАР. К со-

бравшимся обратились с приветствием российский посол И.И. Рогачев, проф. И.И. Филатова и мэр Кейптауна Д. Плато. Посол сообщил о намерении ежегодно 25 ноября отдавать почести российским добровольцам у Мемориальной стены в форте Уиньярд¹⁹.



Открытие мемориальной доски в форте Уиньярд при участии российских моряков. Кейптаун, 2019 г.

Форт открыт для посещения по договоренности с командованием гарнизона. До появления мемориальной доски единственным памятным местом в Кейптауне, связанным с Россией, был обелиск российским морякам в отдаленном Саймонстауне. Теперь у жителей и гостей Кейптауна появилась возможность соприкоснуться к нашей общей истории в центре города.

Открытие мемориальной доски было приурочено к прибытию в Кейптаун отряда российских кораблей на военно-морские учения стран БРИКС, которые принимала ЮАР. Посол И.И. Рогачев прибыл из Претории специально, чтобы поприветствовать отечествен-

ные суда – ракетный крейсер «Маршал Устинов», танкер «Вязьма» и корабль поддержки. Члены экипажа кораблей участвовали в церемонии открытия мемориальной доски в форте Уиньярд. После протокольной части по традиции председатель Русского клуба М.А. Галухин вручил российским капитанам книги для судовых библиотек на память о посещении мыса Доброй Надежды.

26 декабря на крейсере «Маршал Устинов» состоялось чествование Дж. Уилкинсона, южноафриканского ветерана арктических конвоев. Суда, на которых он ходил во время Второй мировой войны, курсировали между британскими портами и Архангельском и Мурманском. Отстаивая свои грузы в боях с германскими кораблями, конвои доставляли в Советский Союз оборудование по ленд-лизу. Командир крейсера В.В. Кузьмин приветствовал и благодарил Дж. Уилкинсона.

Среди боевых южноафриканских офицеров в отставке, посетивших «Маршал Устинов», был Л. Стейтлер, потомок Л.Я. Стейтлера, одного из бурских «пятерых пловцов», спасенных из британского плена командой российского корабля в 1901 г. Капитан В.В. Кузьмин был взволнован рассказом об этом эпизоде англо-бурской войны. Он вручил южноафриканским ветеранам памятные подарки. От Русского клуба капитану была преподнесена королевская протеза – цветок-символ ЮАР. Теплый, радушный прием у российских моряков запомнился всем участникам этой встречи.

Русский клуб поддерживает хорошие отношения с потомками «пятерых пловцов». В ноябре 2022 г. П. Метелеркамп, а также издатель и адвокат Т. Эмзли подарили доценту кафедры африканистики ИСАА МГУ М.Р. Урб и ее студентам, изучающим африканс, книги на этом языке. Среди изданий, переданных на кафедру Е.Ю. Комаровой-Тагар, был дневник В. Стейна, еще одного из «пятерых пловцов», с рассказом о его пребывании в России²⁰. Благодаря Русскому клубу издания, подготовленные Эмзли и Метелеркамп, также были доставлены в библиотеки Института Африки РАН и Посольства ЮАР в Москве.

В Блумфонтейне находится один из главных в мире музеев, посвященных англо-бурской войне – Военный музей бурских республик. Там тоже берегут память о российских добровольцах. История российского участия в этом вооруженном конфликте не только отражена в экспозиции музея, но и представлена в докладах

на международных научных конференциях, которые проходят здесь. Например, в октябре 2019 г. Комарова-Тагар выступила на тему «Мотив братства в российско-южноафриканских взаимоотношениях. Из мемуаров российских добровольцев, военных наблюдателей, врачей и медицинских сестер об англо-бурской войне».

На той же конференции, приуроченной к 120-летию начала этого вооруженного конфликта, председатель общества друзей музея, А. фан Дейк, сделал доклад «Медицинская помощь бурам Оранжевой Республики на этапе партизанской войны». Особое внимание в этом содержательном выступлении было уделено деятельности д-ра К.Г. фон Ренненкампа. Докладчик ошибочно причислил этого врача к немецким добровольцам, хотя фон Ренненкампф прибыл в Южную Африку в составе Русско-голландского санитарного отряда.

К.Г. фон Ренненкампф (1870–1953) был российским подданным и до отъезда в Трансвааль работал в Санкт-Петербурге²¹. Отряд Российского общества Красного Креста и Русско-голландский отряд были отозваны в середине 1900 г. в связи с заявлениями о завершении войны, а фактически – переходом буров к партизанским действиям. Большинство добровольцев покинули Южную Африку. Тем не менее 29-летний врач не вернулся родину, а сопровождал отряды под командованием генерала К. де ла Рея в Западном Трансваале. Его уважали за отвагу, профессионализм и готовность к самопожертвованию. Он оказал помощь подполковнику Е.Я. Максиму, отличившемуся в бою в апреле 1900 г., а также лечил британского генерал-лейтенанта лорда Метьюэна, раненного в бою и плененного бурами в 1902 г.²²

На конференции в Военном музее бурских республик адвокат К. Стейн, внук президента Оранжевого Свободного Государства М.Т. Стейна, поделился эпизодом из истории своей семьи. Президент Стейн страдал диплопией (двоением в глазах) и говорил своей горячо любимой жене, что рад видеть ее вдвойне прекрасной. Фон Ренненкампф посещал их поместье. В семье Стейнов с благодарностью вспоминали о помощи российского врача бурскому президенту. Адвокат К. Стейн и его супруга устроили в своем поместье недалеко от музея торжественный ужин для участников конференции.

На англо-бурской войне Русский отряд славился музыкальностью. «У нас составилась недурной хор с довольно большим репертуаром, – вспоминал один из добровольцев. – Буры, по вечерам,

после молитвы, толпами приходили к нашим палаткам слушать непонятные им песни»²³. Возможно, под звездным небом Южной Африки также звучала народная песня «Черный ворон» – переработка стихотворения русского унтер-офицера, написанного в первой половине XIX в. Рассказав об этом, Э.Ю. Комарова-Тагар продекламировала для гостей это стихотворение в переводе на английский, а затем исполнила песню на русском.

По окончании конференции Русский клуб подарил директору музея Т. Преториусу и председателю попечительского совета д-ру Г. Бенниурту экземпляры книги А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой «Тайная нить».

На следующей конференции в Военном музее, состоявшейся в ноябре 2022 г., в программу были включены два доклада, связанные с восприятием англо-бурской войны жителями Российской империи. Б.М. Горелик (Институт Африки РАН) рассказал о многочисленных попытках российских подростков сбежать из дома, чтобы достичь Южной Африки и присоединиться к защитникам бурских республик. Южноафриканский врач и историк С. Россоу посвятил свое выступление «Русская медсестра в Претории, 1900 г.» мемуарам С.В. Изъединовой. Член Русско-голландского санитарного отряда медсестра Изъединова оставила одни из самых подробных и ценных с исторической точки зрения воспоминаний о южноафриканской войне. Ее книга вышла в России в 1903 г., а в ЮАР – в 1977 г. в переводе К. Муди, заведующего кафедрой русистики в Витватерсрандском университете (Йоханнесбург)²⁴.

На конференции 2019 г. ведущий сотрудник музея д-р Й. фан Зил сообщил о том, что будет создана аллея иностранных добровольцев, и о планах в первую очередь подготовить для нее мемориальную доску, посвященную добровольцам из Российской империи, сражавшимся на стороне республик.

23 сентября 2021 г. в рамках насыщенной программы, подготовленной музеем ко Дню наследия, южноафриканскому государственному празднику, отмечаемому 24 сентября, состоялась церемония открытия. На торжественном мероприятии с приветственным словом к присутствующим обратились российский посол И.И. Рогачев, Й. фан Зил и Э.Ю. Комарова-Тагар. Затем участники мероприятия возложили венки ко вновь открытой мемориальной доске, к Стене памяти бурских отрядов, а также к памятнику бур-

ским женщинам и детям, погибшим в созданных британскими властями концентрационных лагерях.



Открытие мемориальной доски в Военном музее бурских республик.
Блумфонтейн, 2021 г.

Слева: Э.Ю. Комарова-Тагар и российский посол И.И. Рогачев.
Справа: учащиеся школы «Оранье».

Мероприятие украсили своим присутствием ученицы известной в ЮАР школы для девочек «Оранье». Школа открылась в Блумфонтейне в 1907 г. по инициативе бывшего президента Оранжевого Свободного Государства М.Т. Стейна. Основные средства на ее создание поступили из Нидерландов, в том числе из так называемого Русского фонда. Это были пожертвования, которые во время англо-бурской войны жители Российской империи отправляли в петербургский комитет помощи бурам. После поражения республик и их вхождения в Британскую империю было решено передать собранные средства в нидерландскую благотворительную организацию, финансировавшую южноафриканские образовательные учреждения, где преподавание велось на языке африкаанс²⁵. Об этом в 2021 г. на открытии мемориальной доски, посвященной русским

участникам англо-бурской войны, собиралась рассказать директор школы «Оранже» М. Матти. К сожалению, она ушла из жизни незадолго до этого события.

Бурские партизанские отряды («коммандо»), участвовавшие в войне 1899–1902 гг., считаются одними из предшественников современного спецназа. Их блестящая тактика, умение быстро и эффективно действовать малыми группами, нанося ущерб противнику при сохранении собственного личного состава, стали предметом изучения и заимствования силами специального назначения разных стран. На церемонии открытия мемориальной доски в Военном музее встретились ветеран южноафриканского спецназа Л. Стейтлер и атташе по вопросам обороны при Посольстве России в ЮАР полковник Д.В. Приймачук, проходивший службу в воздушно-десантных войсках. Прадед Стейтлера, бурский военнопленный, был обязан своим спасением российским морякам. А сам Л. Стейтлер сражался на войне 1966–1989 гг., когда советские военные, помогавшие намибийским и ангольским повстанцам, были его противниками. Отец Д.В. Приймачука служил фельдшером на советском корабле, направленном в Анголу для поддержки ее вооруженных сил в 1980-е годы. Учитывая историю опосредованного противостояния СССР и ЮАР в Анголе в годы военного конфликта, совместное возложение венков и добрая встреча у Стены памяти бурских отрядов-коммандо в 2021 г. была глубоко символична.

Истории связей между бурами и россиянами посвящена книга южноафриканских авторов – спортивного фотографа и журналиста В. Остхейзена и литератора Н. Мулмана. Книга называется «Личная дружба: буры и русские» и охватывает период с 1898 по настоящее время²⁶. В. Остхейзен, издавший ее на собственные средства, стремился показать, что представления о «красной угрозе», прививавшиеся южноафриканцам в годы холодной войны, были неверны. Он видит предпосылки взаимной симпатии между африканерами и россиянами в сочувствии жителей Российской империи борьбе южноафриканских республик за независимость против Британской империи на рубеже XIX–XX вв. В. Остхейзен неоднократно бывал в России и еще в 1990-е годы посещал кафедру африканистики ИСАА МГУ, на которой преподается язык африканс. М.Р. Урб тогда была студенткой ИСАА. Спустя годы она стала доцентом кафедры африканистики, и началось ее плодотворное

сотрудничество с В. Остхейзенем. При активном содействии М.Р. Урб и ее студентов было подготовлено совместное издание книги на двух языках, русском и африкаанс.

Для увековечения памяти о российском участии в англо-бурской войне представляется целесообразным переиздание в ЮАР монографии А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой «Россияне и англо-бурская война» (1998), а также информативных и увлекательных воспоминаний медсестры С.В. Изъединовой.

Научные сотрудники Военного музея бурских республик выразили заинтересованность в публикации английского перевода мемуаров К.Г. фон Ренненкампа, до сих пор выходивших в свет лишь на русском и немецком. В музее планируется устроить постоянную экспозицию, посвященную иностранным добровольцам по обе стороны фронта, в том числе российским подданным. Также рассматривается возможность создания документального фильма о наших соотечественниках, отправившихся в 1899–1900 гг. в Южную Африку защищать независимость далекого и почти незнакомого им народа.

Участие российских подданных в англо-бурской войне способствовало возникновению и становлению духовной связи между Россией и Южной Африкой. В 1899–1902 гг. в российских православных храмах служили молебны о здравии президентов бурских республик. Почитаемый священник и проповедник Иоанн Кронштадтский, впоследствии канонизированный Русской православной церковью, благословлял российских добровольцев «встать на защиту глубоко несчастных и угнетенных братьев-буров»²⁷. А в ХХI в. некоторые африканеры приняли православие и стали прихожанами РПЦ. Выходцы из бурских семей о. Захария, о. Николас, о. Иоанн и о. Яков рукоположены в священники. Они совершают богослужения на африкаанс, английском и церковнославянском языках в южноафриканских приходах Патриаршего экзархата Африки РПЦ. Под небом Африки звучит православная молитва во имя мира и духовного единения.

* * *

Русский клуб выражает глубокую благодарность профессору И.И. Филатовой за наставничество и неизменную поддержку в течение последнего десятилетия.

¹ Августус Е. Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. // Варшавский военный журнал. 1900. № 11. С. 1033.

² Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War, 1899–1902. Cape Town; Pretoria; Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. Pp. 39–40.

³ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. Т. 8. М.: Издатель И.Б. Белый, 2012. С. 274.

⁴ Gorelik B. The Russian corps in the Anglo-Boer War: two months of misfortune // Military History Journal. 2020. Vol. 19. No. 1. Pp. 10–17.

⁵ См, напр.: Kandyba-Foxcroft E. Russia and the Anglo-Boer War, 1899–1902. Roodepoort: CUM Books, 1981.

⁶ Saayman S. Russiese huldeblyke aan die Boere // South African Journal of Cultural History. 1986. Vol. 3. No. 1. Pp. 15–19.

⁷ Горелик Б.М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М.: Институт Африки РАН, 2007. С. 188.

⁸ Davidson A., Filatova I. Russia and South Africa: Centuries of contact // Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa. Centre for Russian Studies, University of Cape Town, 17–19 August 1994 / ed. by A. Davidson, I. Filatova. Cape Town: Centre for Russian Studies, University of Cape Town; Marvol Foundation, 1995. Pp. 95–107.

⁹ Основные публикации на эту тему: Davidson A., Filatova I. The Russian Boer general // Historia. 1995. Vol. 40. No. 2. Pp. 20–38; Davidson A., Filatova I. Russian doctors and nurses in the South African War // Historia. 1997. Vol. 42. No. 1. Pp. 49–60; Davidson A., Filatova I. The South African War and the Russian public // Alternation. 1997. Vol. 4. No. 2. Pp. 81–102; Davidson A., Filatova I. Seeking the secrets of war: Russian military observers in the South African War, 1899–1902 // Kleio. 1999. No. 30. Pp. 45–63.

¹⁰ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War...

¹¹ Shubin G. Russian perceptions of the Boer and British Armies: An introduction through Russian documents // Scientia Militaria. 2000. Vol. 30. No. 1. Pp. 13–31; Shubin G., Shubin V. A century is a short time: Relations between South Africa and Russia 1898–2004 // ed. by I. Snyman, I. Liebenberg, G. Van der Westhuizen, M. Roos. Pretoria: Nexus Publishers, 2005. P. 334–347.

¹² A Russian Fighting for the Boer Cause / ed. by B. Gorelik. Johannesburg: South African Military History Society, 2016; A Russian on Commando: The Boer War Experiences of Yevgeny Avgustus / ed. by B. Gorelik. Johannesburg, Cape Town, London: Jonathan Ball Publishers, 2022.

¹³ Davidson A., Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War... Pp. 248–249.

¹⁴ Корочанцев В. «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне» // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 127.

¹⁵ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных... Т. 8. С. 291–296.

¹⁶ Впервые совершена панихида на могиле российских добровольцев, погибших во время англо-бурской войны. 27.06.2013. <https://www.st-sergius.info/vpervyye-sovershena-panihida-na-mogile/> (дата обращения: 19.07.2023).

¹⁷ *Filatova I., Davidson A.* The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg: Jonathan Ball Publishers, 2013.

¹⁸ *Горелик Б.М.* Указ. соч. С. 171, 188.

¹⁹ См., напр.: *Gorelik B.* Transvaal, strana moja // Rapport. 15 Desember 2019. Pp. 10–11.

²⁰ *Steyn W.* Die groot Boere-ontsnapping. Kaapstad: Cederberg Uitgewers, 2015.

²¹ *Воропаева Н.Г., Вяткина Р.Р., Г.В. Шубин.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. М.: Институт Африки РАН; Восточная литература, 2001. С. 66, 506.

²² *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War... Pp. 155–156.

²³ Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных... Т. 8. С. 6.

²⁴ *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1903; *Izedinova S.* A Few Months with the Boers: The War Reminiscences of a Russian Nursing Sister. Translated and edited by C. Moody. Johannesburg: Perskor Publications, 1977.

²⁵ *Rossouw A.E., Spies M.L.* Ons onthou 74 jaar, 1907–1981: die C. en N. Meisieskool Oranje Herdenkingsuitgawe. Bloemfontein: Sendingpers, 1981. P. 12.

²⁶ *Oosthuizen W., Moolman N.* Persoonlike vriendskappe: Boere en Russe. Allen's Nek, 2021.

²⁷ Петербургские вести // Московские ведомости. 23 апреля 1900. № 111. С. 4.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительном разделе монографии выскажем предположения о том, какой вклад могут внести в обсуждение актуальных тем, связанных с англо-бурской войной, российские исследователи.

Это, прежде всего, зависит от знакомства с историографией, стремлением работать с новыми источниками, разрабатывать новые теоретические методы.

До 1990-х годов немногие труды отечественных историков об англо-бурской войне содержали ссылки на первоисточники. Большинство советских ученых не могли работать в британских архивах. Трудно было получить разрешение на выезд за границу в исследовательских целях. А о поездке в ЮАР в то время вообще не могло быть речи. И даже в отечественных архивах не всегда был доступ к необходимым фондам. Поэтому историки-африканисты полагались на сборники документов и исследования, основанные на первоисточниках и выходившие за рубежом. Лишь немногие советские специалисты (например, А.Б. Давидсон) искали материалы в личных архивах российских участников англо-бурской войны.

В постсоветский период расширились возможности для архивной работы в России и других странах. Ограниченность источниковой базы была быстро преодолена. Отечественным африканистам удалось собрать и обработать богатый материал по англо-бурской войне в архивах Москвы и Петербурга, Претории и Кейптауна. Эти документы не только использовались в статьях и монографиях, но и воспроизводились целиком в сборниках, подготовленных сотрудниками Института Африки РАН и Центра африканских исследований Института всеобщей истории РАН.

Тем не менее многие важнейшие документы из отечественных архивов, показывающие влияние южноафриканских событий 1899–1902 гг. на внешнюю политику России и других держав, до сих пор не опубликованы. Прежде всего, это относится к фондам Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Эти первоисточники заслуживают публикации. Причем не только на русском, но и на английском языке, чтобы эти документы между-

народного значения использовались также южноафриканскими и другими зарубежными историками англо-бурской войны. За рубежом нечасто публикуются архивные документы по истории российско-африканских отношений, а тем более академические сборники таких документов¹. Это могло бы стать заметным вкладом отечественных исследователей в мировую историографию.

К сожалению, многие российские исследователи до сих пор изучают Африку вне Африки. Большинству наших африканистов удается побывать в изучаемых ими странах не так часто, как хотелось бы. Но возможно изучать и далекие объекты². И, конечно, географическая отдаленность от Африки не должна быть препятствием для историков. «Прошлое – чужая страна», – писал британский романист Л.П. Хартли³. Эту «страну» нельзя посетить: представление о ней можно составить по воспоминаниям, документам, исследованиям. Чтобы понять людей прошлого, надо понять их культуру.

Многие отечественные авторы ограничиваются уже известными и давно опубликованными источниками, хотя сегодня сравнительно просто получить доступ к оцифрованным книгам, периодическим изданиям и даже архивным документам. В отечественных архивах досоветские фонды открыты для исследователей. Тем не менее часто российские статьи последних десятилетий об англо-бурской войне представляют собой лишь «перелицовку» работ А.Б. Давидсона, И.И. Филатовой, Г.В. Шубина и их коллег. Бывает, что авторы представляют новую информацию о южноафриканской войне и ее участниках, сосредотачиваясь исключительно на частных вопросах, при этом даже интересные обнаруженные данные не помогают решить проблемы, существенные для понимания исторических закономерностей. Нередко это связано с неглубоким знанием исторического контекста. Например, участие российских подданных в англо-бурской войне обычно изучается безотносительно к опыту российского добровольчества в XIX в.*

Исследование вопросов без учета контекста иногда приводит к неверным выводам. В частности, массовая пробурская кампания в

* В этой монографии мы попытались рассмотреть российское добровольческое движение в период англо-бурской войны именно в контексте изменений внутренней и внешней политики России в XIX–XX вв. (см. главы 7 и 8).

России представляется беспрецедентной; помощь российского государства бурским республикам переоценивается; мотивация российских участников боев в Южной Африке романтизируется, а их вклад в бурскую военную кампанию преувеличивается. С другой стороны, без учета международного характера добровольческого движения во время англо-бурской войны и недоверия защитников республик к иностранным добровольцам сложно понять всю важность избрания русского подполковника Е.Я. Максимова генералом и его чествование бурами даже годы спустя.

Международная историография англо-бурской войны, в том числе современная, огромна⁴. Она включает комплексные исследования иностранного добровольчества и массовых пробурских кампаний, влияния южноафриканского вооруженного конфликта на внешнюю, а иногда и внутреннюю политику государств за пределами Африканского континента. Эти публикации дают возможность интерпретировать материалы, собранные отечественными исследователями, в широком историческом контексте.

Большинство отечественных авторов, пишущих об англо-бурской войне, по-видимому, невосприимчивы к идеям и концепциям, выдвигаемым в современных трудах по военной истории. В СССР скептицизм по отношению к «теоретическим изыскам» и, напротив, пристальное внимание к первоисточникам и проверенным данным были характерны для лучших работ по истории Африки⁵. Такой подход помогал отечественным исследователям прорваться к исторической действительности в период господства догматического марксизма⁶. Но сегодня игнорирование достижений мировой историко-теоретической мысли и ее логико-методологического аппарата часто приводит исследователей англо-бурской войны к излишней фактографичности*.

Представляется, что плодотворными могли бы оказаться такие общепринятые в настоящее время подходы, как междисциплинарный и микроисторический. Перспективно также использование сравнительного метода. На это применительно к экономической

* См. анализ достоинств и недостатков работ отечественных африканистов в статье южноафриканского историка: *Darch C. On the right side of history: The trajectory of “domestic” African studies from Endre Sik to the present day // История. 2020. № 8. <https://history.jes.su/S207987840011059-3-1> (дата обращения: 11.06.2023).*

истории России и Южной Африки указывает видный южноафриканский исследователь К. Банди⁷. Возможно, удастся выявить сходство между англо-бурской войной и вооруженными конфликтами, в которых участвовала российская армия. Причем эти параллели не обязательно будут связаны с историей сражений. Например, могут обнаружиться сходные черты в восприятии Великой Отечественной войны российской культурой и англо-бурской войны – культурой африканеров. Эти вооруженные конфликты стали ключевыми в истории россиян и африканеров и занимают важное место в их историческом сознании.

С 1990-х годов основной предметной областью для отечественных исследователей англо-бурской войны остается участие российских подданных в этом конфликте, его отражение в коллективном сознании жителей Российской империи, а также его влияние на политику российского правительства (см. главу 1). Вероятно, заслуживают не меньшего внимания российских исследователей и темы, не связанные с историей нашей страны. Важно лишь, чтобы их труды помогали ответить на вопросы, которые сегодня волнуют многих историков южноафриканской войны. Некоторые из этих направлений намечены в нашей книге (глава 2).

Российские исследователи, имеющие возможность работать в южноафриканских архивах, могли бы, например, способствовать изучению влияния англо-бурской войны на население регионов Южной Африки, находившихся в стороне от основного театра военных действий. Можно уделить внимание и участию российских добровольцев и мигрантов из Российской империи в боях на севере Капской провинции, продолжавшихся почти до конца войны. Существенная лакуна в историографии этого вооруженного конфликта – изучение участия «цветных» (этно-расовая общность смешанного происхождения) и южноафриканских индийцев, в том числе призванных на службу в британские формирования. Кроме того, многообещающим направлением исследования считается история использования животных на полях сражений этой войны, в том числе жестокого обращения с ними. Материалы можно найти и в России: в АВПРИ хранятся переписка и протоколы заседаний государственных комиссий о массовом вывозе российских лошадей для нужд британской армии в Южной Африке.

Отечественные исследователи склонны изучать российское участие в англо-бурской войне и сопутствующие темы не в последнюю очередь потому, что это помогает лучше понять историю нашей страны, ее связи с Африкой. Большинство первоисточников для серьезного рассмотрения этих вопросов находятся в России. При этом южноафриканские архивные фонды, где могут содержаться материалы по этим темам, пока недостаточно проработаны российскими историками. Чтобы разыскать эти документы и ознакомиться с ними, нужны продолжительные командировки в ЮАР. Немногие исследователи из нашей страны могут позволить себе такие поездки.

Культурно-антропологический подход акцентирует человеческое измерение, включая гражданское население в предметное поле военной истории. Наряду со сражениями, стратегией и тактикой противников теперь исследуются реакция общества на войну, военный быт, усвоение событий войны их свидетелями и участниками, а также следующими поколениями, формирование и воспроизведение нарративов о войне, ее присутствие в историческом сознании⁸.

На российском материале можно исследовать коллективные представления о южноафриканской войне. Мнения читающей публики, особенно интеллигенции, нам известны, но пока не изучено отношение крестьян – в основном неграмотных, но, как показывают предварительные исследования, осведомленных о событиях в далекой Южной Африке. Нет серьезных исследований и об отражении англо-бурской войны в русской массовой и «высокой» культуре на рубеже XIX–XX вв. Какие установки относительно британцев и буров транслировали произведения русской художественной литературы, изобразительного искусства, музыки? Какими представляли южноафриканский конфликт и его участники перед зрителями в российских театрах и цирках, на киносеансах?

Особого внимания заслуживают тогдашние утверждения российских публицистов и общественных деятелей о сходстве менталитета и даже образа жизни россиян и буров. Подобные представления есть и сегодня. Например, о параллелизме русской и африканерской культур заявляют общественные деятели, выступающие с проектами массового переселения белых фермеров из ЮАР в Россию⁹. Обоснованы ли такие утверждения? Российские исследователи могли бы ответить на этот вопрос.

К анализу международного значения англо-бурской войны относится также изучение ее влияния на политизацию российского общества в начале XX в. К опыту этого вооруженного конфликта обращались различные политические силы в Российской империи: от ультраконсерваторов до левых радикалов (см. главу 10). В советской историографии были нередки утверждения о том, что массовая пробурская кампания в России была инспирирована правительством. Степень вовлеченности государства в эту кампанию еще предстоит установить.

Что касается российского добровольчества, дальнейшие исследования позволили бы выяснить причины, побудившие русских подданных отправиться на помощь защитникам южноафриканских республик. В этом может помочь концепция культурной мобилизации, сравнительно недавно утвердившаяся в военной истории. Речь идет о формировании коллективных представлений о внешней угрозе и о необходимости участвовать в боевых действиях, соблюдать воинскую дисциплину, переносить тяготы и лишения, подвергать опасности свое здоровье и даже жизнь ради победы¹⁰. Обычно это понятие применяется лишь к обществам в воюющих государствах, но нарративы культурной мобилизации могут воздействовать и на сочувствующих жителей третьих стран¹¹.

Российское государство не принуждало и даже не поощряло россиян ехать в Южную Африку и вступать в бурские вооруженные формирования. Южноафриканские республики, со своей стороны, также не обещали россиянам материального вознаграждения. Возможно, решимость добровольцев сражаться за буров была вызвана культурными факторами: представлениями, сформированными российской прессой, общественными и религиозными деятелями, творческой интеллигенцией и другими распространителями сведений о южноафриканском вооруженном конфликте, его морально-этических аспектах и международном значении. Влияя на общественное мнение, эти источники транслировали и интерпретировали в том числе тезисы бурской пропаганды и европейских сторонников южноафриканских республик.

Понимание причин российской солидарности с защитниками Трансвааля и Оранжевого Свободного Государства, а тем более участия россиян в далекой войне, невозможно без исследования тех образов участников этого конфликта и представлений о спра-

ведливости их борьбы, которые складывались в Российской империи под воздействием массовой культуры. Изучать мотивацию российских добровольцев можно, помимо прочего, по их письмам и заявлениям в общественные организации и государственные учреждения с просьбой о содействии в отъезде в Южную Африку. Эти тексты сохранились в архивах Москвы и Петербурга.

В этом смысле важен ответ на вопрос о том, как представления об англо-бурском конфликте, усвоенные российскими добровольцами на родине, выдержали столкновение с южноафриканской реальностью. Самосознание личности, оказавшейся в центре исторических событий, менялось. Новые установки и ориентиры вырабатывались при переходе из гражданского состояния в военное, при наблюдении за актами насилия и участии в них. Вблизи война воспринималась не так, как за тысячи километров от фронта.

Внимание к фронтовому быту и феноменам сознания солдат и младших офицеров характерно для современной военной истории¹². Акцент переносится с командного уровня, на котором принимались важнейшие стратегические решения, на опыт тех, чьими руками совершается насилие. Большинство российских добровольцев служили в бурских вооруженных формированиях в качестве рядовых бойцов. Эти военнослужащие особенно подвержены психологическим и боевым травмам и вынуждены стойко переносить страдания. Обычно смертность среди них выше, чем среди генералов или политиков, которые отправляют их на передовую.

Возможно, добровольцам пришлось скорректировать некоторые свои представления. Какими виделись буры, британцы и африканцы россиянам, получившим боевой опыт в Южной Африке? Военные культуры африканеров и молодых российских офицеров были несхожими, и некоторые добровольцы из Российской империи тщетно пытались «подать бурам пример правильной организации»¹³. Кроме того, пока не выяснено, в чем различалось восприятие южноафриканского вооруженного конфликта добровольцами из Российской империи и из других стран. Для этого имеет смысл проанализировать записки, дневники и другие эго-документы российских ветеранов, в том числе опубликованные в нашей стране за последние два десятилетия.

Остаются невыясненными и важные обстоятельства участия российских подданных в боевых действиях. Исследователям пред-

стоит установить роль наших соотечественников в сражениях и степень их полезности бурам. Хотелось бы уточнить численность уроженцев Российской империи в республиканских и британских вооруженных формированиях на южноафриканской войне. Нужно выяснить, сколько россиян попали в плен или погибли на этой войне и при каких обстоятельствах. Если удалось бы проследить судьбы российских комбатантов (а это, по-видимому, несколько сотен человек) до войны, на фронте и после заключения мира, можно было бы выпустить биографический справочник.

Вследствие культурно-антропологического «поворота» в военной истории исследователи чаще уделяют внимание послевоенному периоду¹⁴. Применительно к изучению восприятия русским обществом англо-бурской войны это может выразиться, например, в исследовании присутствия и трансформации этого вооруженного конфликта в историческом сознании россиян после 1902 г. О южноафриканских событиях продолжали вспоминать на протяжении десятилетий, в том числе в советский период. Отсылки к этой войне обнаруживаются и в массовой культуре – например, в фольклоре (см. главу 12).

Причины и особенности сохранения памяти о южноафриканском конфликте в российском и советском обществе, ее актуализация, трансформация и использование заслуживают изучения. Тем более что коллективные представления о прошедших войнах влияют и на политические решения. Так, по мнению А.Б. Давидсона и И.И. Филатовой, вовлечение россиян в войну 1899–1902 гг. и массовая пробурская кампания в России создали предпосылки для участия СССР в южноафриканских делах в последующие десятилетия. Опыт солидарности с южноафриканцами на рубеже XIX–XX вв. в некотором смысле подготовил почву для взаимодействия советского правительства с Африканским национальным конгрессом и Южно-Африканской коммунистической партией¹⁵.

Стоит упомянуть и о важности более широкого распространения результатов исследований англо-бурской войны, которые проводят российские историки. До начала 2000-х годов в южноафриканских научных и популярных изданиях почти каждый год выходили статьи об участии россиян в этом вооруженном конфликте, написанные А.Б. Давидсоном и И.И. Филатовой. Опубликованная ими в ЮАР в 1998 г. монография о российском добровольчестве,

пробурской кампании и англо-бурской войне как факторе внешней политики Российской империи – наиболее авторитетное исследование на эту тему. Но современные труды российских исследователей, связанные с этой войной, за редким исключением, неизвестны южноафриканским и другим зарубежным коллегам.

Отчасти это связано с тем, что работы выходят на русском языке и распространяются преимущественно в России. Кроме того, возможно, зарубежные историки англо-бурской войны считают, что тема «англо-бурская война глазами россиян» исчерпана в предыдущих публикациях, а в других предметных областях, связанных с этим вооруженным конфликтом, российские ученые не могут добавить что-то существенное к имеющейся историографии. К сожалению, отечественные исследователи, изучающие вопросы, связанные с англо-бурской войной, нечасто пользуются южноафриканскими архивами, не участвуют в международных дискуссиях вокруг этого конфликта.

Преодолеть «изоляцию» возможно, и некоторые российские африканисты уже делают это. Исследователи из России выступают на южноафриканских конференциях и других научных мероприятиях, в том числе дистанционно. Есть и опыт организации российско-южноафриканских симпозиумов. Современные средства связи позволяют оперативно устанавливать и поддерживать контакт с зарубежными коллегами и научными организациями. Южноафриканские научные журналы принимают к публикации статьи российских историков. Наша монография – свидетельство того, что можно осуществлять и совместные издательские проекты.

Отечественные исследования, ставшие частью мировой историографии англо-бурской войны, стимулируют диалог между историками в России, ЮАР и других странах.

¹ *Филатова И.И.* Центр африканских исследований ИВИ РАН: место в советской, российской и зарубежной африканистике // История. 2022. Т. 13. № 3(113). <https://history.jes.su/s207987840020256-0-1/>

² Подробнее об этом: *Ситим М.Ю.* Можно ли изучать Африку вне Африки // Манифестация. 2000. № 1. С. 104–108.

³ *Hartley L.P.* The Go-Between. London: Hamish Hamilton, 1953. P. 9.

⁴ *Steyn E., Prophet J., Van Schoor M.C.E.* A Bibliography of the Anglo-Boer War, 1899–1902. Bloemfontein: War Museum of the Boer Republics, 1999; *Wessels A.*

A Century of Postgraduate Anglo-Boer War (1899–1902) Studies: Masters' and Doctoral Studies Completed at Universities in South Africa, in English-speaking Countries and on the European Continent, 1908–2008. Bloemfontein: Sun Press, 2010.

⁵ *Филатова И.* Антиколониальная тематика в советской африканистике // Становление отечественной африканистики, 1920-е – начало 1960-х. Сборник / Отв. ред. А.Б. Давидсон. М.: Наука, 2003. С. 330.

⁶ *Могильницкий Б.Г.* Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 16; *Kozlov D.* Athens and Apocalypse: Writing history in Soviet Russia // The Oxford History of Historical Writing. Vol. 5. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 329–330.

⁷ *Bundy C.* Comments by Professor Colin Bundy // Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa. Centre for Russian Studies, University of Cape Town, 17–19 August 1994 / ed. by A. Davidson, I. Filatova. Cape Town: Centre for Russian Studies, University of Cape Town; The Marvol Foundation, 1995. Pp. 124–125.

⁸ *Гладышев А.В.* Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. М.: ИВИ, 2017. С. 137; *Гладышев А.В.* Военная история без истории сражений // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 152–153.

⁹ *Кияшко Р.* Скоро грянут буры // Российская газета. 9 июля 2018. № 146. С. 8; *Круглова А.* «Край готов принять до 50 семей»: помощник омбудсмена Ставрополя о планах фермеров из ЮАР переселиться в Россию. 15 июля 2018 г. <https://russian.rt.com/world/article/536705-bury-rossiya-pereselenie-stavropolie> (дата обращения: 23.07.2023). Подробнее об этих прожектах и ажиотаже вокруг них: *Шубин В.* Россия и Южная Африка: воображение и действительность // Неприкосновенный запас. 2020. № 132 (4). С. 307–309.

¹⁰ *Horne J.* End of a paradigm? The cultural history of the Great War // Past & Present. 2019. Vol. 242. No. 1. Pp. 160, 190; *Pennell C., De Menses F.R.* Introduction // A World at War, 1911–1949. Explorations in the Cultural History of War / ed. by C. Pennell, F.R. De Menses. Leiden; Boston: Brill, 2019. Pp. 11–13.

¹¹ Подробнее об этом: *Gorelik B.* Cultural mobilisation as a transnational phenomenon, with special reference to Russian adolescents // War & Society. 2024. Vol. 43. No. 2 (готовится к публикации).

¹² *Horne J.* Conclusion // A World at War, 1911–1949. Explorations in the Cultural History of War / ed. by C. Pennell, F.R. De Menses. Leiden; Boston: Brill, 2019. P. 283.

¹³ *Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. // Варшавский военный журнал. 1901. № 9. С. 889.

¹⁴ *Horne J.* Conclusion... P. 303.

¹⁵ *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town; Pretoria; Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. P. 261.

ПРИЛОЖЕНИЯ

А.Ф. Остальцева. Моя диссертация



Алевтина Федоровна Остальцева

МОЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Над своей кандидатской диссертацией я начала работать вплотную в 1938 году. Моя специальность — история нового времени, — обязывала меня к выбору темы по истории западных стран.

Умение выбрать тему исследовательской работы входит в задачу диссертанта, так как при этом обнаруживается и глубина знаний своего курса и ориентация в источниках и литературе.

Тему «Англо-бурская война и ее влияние на внешнюю политику Англии» я выбрала по многим причинам. Во-первых, как указывал В. И. Ленин, англо-бурская война была первой колониальной войной нового, свойственного империализму, типа; во-вторых, эта война оказала многообразное влияние на поворот во внешней политике Англии в начале XX века, а, следовательно, и на общее соотношение сил.

Каждый работающий по истории чуждой страны, должен знать, по крайней мере, язык той страны, по которой он специализируется. При своей работе я пользовалась английским и немецким языками и мне очень нехватало знания французского языка.

Для изучения документов оказалась необходимой поездка в Москву

(без этого не может обойтись ни один западник). Литературные источники можно было проработать в Иркутске, в этом отношении незаменимую услугу оказывает межбиблиотечный абонемент Иркутской научной библиотеки, работающий очень четко.

Свою диссертацию я защищала в институте истории Академии наук. Работники института, занятые большой научной работой, были очень внимательны, особенно гг. Шунков, Ефимов, Зинич и Нотович. Отдаленность Иркутска оказалась выгодной для меня. «Мы очень редко принимаем диссертации, — заявил ученый секретарь института т. Шунков. — Но ведь не каждый день приезжают из Иркутска?».

Работа прошла очень быстро. 10 августа я передала ее в сектор. 10 сентября были получены отзывы, 4 октября состоялась защита. Сама защита была обставлена очень просто, тепло и, вместе с тем, торжественно.

Члены ученого совета, большинство академики, так тепло поздравляли с результатами работы, что я почувствовала особую живительную радость человеческого общения.

А. ОСТАЛЬЦЕВА.

Кандидат исторических наук.

Побег из плена. Англо-бурская война 1899–1902 гг.



Лоуренс Стейтлер в Петербурге, 1901 г.

Воспоминания Л.Я. Стейтлера публикуются впервые. Текст, относящийся к периоду с 1899 г. по 14 февраля 1901 г. (день отъезда автора из России), воспроизводится полностью. Выпуски отмечены знаком <...>. Русский перевод с языка африкаанс и комментариев подготовлены Б.М. Гореликом.

Мне было 22 года, когда во время англо-бурской войны 1899–1902 гг. я вместе с соотечественниками попал в плен к британцам в бою под Сварт-Лапбергом в 1900 г.* Мне было крайне досадно и унижительно сидеть в тюрьме Блумфонтейна, столицы моей родины, Оранжевого Свободного Государства.

* Свартлапберг (Swartlapberg), поселение у одноименной горы в Оранжевом Свободном Государстве. Современное название – Таба Патсуа (Thaba Phatswa).

Незадолго до этого я учился в блумфонтейнском Грей-колледже и, шагая туда по утрам, видел, как мой кумир, президент Стейн*, беседовал с фермерами, которые с раннего утра приезжали на рынок.

Примерно через два месяца я и еще 600 буров из лагеря для военнопленных «Скай-Вью» в Грин-Пойнте близ Кейптауна, взяв узелок со своими вещами, отправились на корабль «Каталония», который шел по Индийскому океану на Цейлон. В душном зале нам приказали занять места за длинными столами, к каждому из которых приставили вооруженного надзирателя. Рядом со мной сидел мой друг, Эрнст Гауснер из Йоханнесбурга. Вскоре он стал наигрывать на губной гармошке гимн Трансвааля. «Прекратить!» – скомандовал караульный. Гауснер продолжал как ни в чем не бывало пока двое вооруженных надзирателей силой не увели его и не заперли в клетке с железными решетками. За это его прозвали Львом.

Только когда судно отчалило, нас выпустили на палубу. Видя, как вдаль исчезает Столовая гора, мы смело запели гимны Свободного Государства и Трансвааля. Нас увели обратно в душный зал, «Калькуттскую черную яму», как мы его прозвали**. Большинство наших товарищей-буров впервые оказались на корабле. В ту ночь жара, духота и качка у побережья Южной Африки, конечно, не дали выспаться измученным людям. На следующий день на палубе по-прежнему свирепствовала морская болезнь. Один богатый бур в отчаянии крикнул: «Скажите капитану: если он остановит корабль хотя бы на час, я обещаю отдать ему одну из своих ферм». К счастью, потом нам разрешили спать на палубе.

Пока «Каталония» стояла в доках Дурбана, магистрат Бота из Филипполиса*** пришел попрощаться с сыном Питом, моим другом, не подозревая, что больше не увидит сына живым. К тому времени, когда «Каталония» проплывала близ французского остро-

* Мартинус Тёнис Стейн, последний президент Оранжевого Свободного Государства (1896–1902).

** «Калькуттская черная яма» – тюремная камера, в которой в 1756 г. по приказу бенгальского правителя содержались британские защитники Калькутты. По тогдашним сведениям, 123 из 146 узников задохнулись.

*** Небольшой город в 170 км к юго-западу от Блумфонтейна.

ва Мадагаскар^{*}, мы уже привыкли к морю и стали планировать побег. Среди нас было 50–60 немцев, голландцев и скандинавов, бывших моряков. Значит, можно было доверить им управление «Каталонией».

Мы заметили, что нас, 600 пленников, охраняли лишь 250 британских солдат; те из них, кто не был при исполнении служебных обязанностей, оставляли ружья у стены, рядом с открытой дверью зала, нашей «Черной ямы»; а в коридоре было всего четверо вооруженных надзирателей. Планировалось одолеть этих четырех караульных, ворваться в зал, захватить составленное в козлы оружие и принудить застигнутых врасплох солдат сдаться; затем принять на себя управление кораблем и направить его во французский порт на Мадагаскаре. Оттуда мы могли вернуться в Южную Африку на французском пароходе, чтобы вновь поступить в бурские отряды.

Когда все было готово к осуществлению этого плана, мы с тревогой, злостью и отвращением обнаружили, что коридор перегорожен скамейками, столами и всяким хламом; было ясно, что среди нас трусливый предатель. В тот вечер нас снова заставили спать в трюме. Там нас держали несколько дней, пока «Каталония» не отделилась от берега и побег стал невозможен. Но коридор оставался перегороженным, и число караульных на палубе и в трюме было увеличено.

На тихоходной и грязной «Каталонии» расплодился вши – «шпионы в хаки», как их прозвали бурские пленники^{**}. Ежедневно приходилось вычесывать вшей. Какими же унылыми показались нам Рождество (1900) и Новый год (1901) на этом старом судне! Рождественский пудинг был тверд, как бетон, и, чтобы проглотить кусок, приходилось запивать его водой.

Буры воспряли духом, когда 10 января 1901 года «Каталония» вошла в прекрасную гавань Коломбо и бросила якорь недалеко от берега. В порту было много европейских военных кораблей, которые возвращались домой после подавления Боксерского восстания в Китае^{***}. Рядом с «Каталонией» стояло российское судно. Когда

^{*} Мадагаскар был французской колонией.

^{**} Хаки – цвет формы британских военных

^{***} В подавлении Ихэтуаньского (Боксерского) восстания 1899–1901 гг. участвовали европейские державы, в том числе Российская империя.

русские поняли, что «Каталония» перевозит бурских пленных, они постарались разными способами продемонстрировать сочувствие и доброжелательность. Их оркестр даже исполнил гимн Трансвааля.

Рано утром после переклички, когда каждый бур на «Каталонии» должен был лично назвать свое имя, пленных стали высаживать на берег небольшими группами, чтобы перевезти в лагерь Дияталава, в 17 милях от побережья*. 13 января около часа дня я заметил дымок от приближающегося корабля. Когда стал виден флаг, я понял, что это русское судно. Увидев, что корабль встал на якорь далеко в море, я решил в ту же ночь доплыть до него.

Помня о том, как были нарушены наши планы у Мадагаскара, я не решился поделиться своими намерениями и переживаниями с другими. День для меня никогда еще не тянулся так медленно! Когда мне совсем надоело ждать, наконец стемнело, и я, как обычно, постелил себе в углу рядом с трехфутовым ограждением, где я всегда спал. Надо мной по второй палубе прохаживался вооруженный надзиратель. В ту ночь мне здорово пригодилась запасная рубашка; сначала она прикрывала скрученную веревку, которую я стащил и спрятал под одеялом, а потом она скрыла спасательный пояс. Меня не страшило глубокое море, и я ничуть не сомневался, что смогу проплыть около трех миль до русского корабля, ведь я вырос на берегу реки Каледон, на отцовской ферме «Флакплаас», которая находится в Вепенерском округе Оранжевого Свободного Государства. Зато я очень боялся акул, которых было много в гавани Коломбо. Мне рассказывали, что акула может откусить у пловца руку или ногу еще до того, как он начнет сопротивляться.

Еще опаснее были, конечно, вооруженные надзиратели. Семеро из них все время обходили палубу, внимательно следя за пленными, которых предупредили, что любой, кто после захода солнца перегнется через ограждение, будет расстрелян. Чтобы никто не сбежал, вокруг «Каталонии» постоянно плавали пять патрульных катеров. Учитывая эти опасности, мне захотелось найти своего старшего брата, Джорджа, и тихо попрощаться с ним. Тогда Джордж решил бежать вместе со мной.

* Лагерь для военнопленных Дияталава располагался гораздо дальше от Коломбо, чем представлялось автору. По дороге от столицы Цейлона надо было проехать около 190 км.

Вернувшись на свое место, я осторожно привязал веревку к нижней перекладине ограждения так, чтобы ее не было видно, и опустил свободный конец к борту корабля. Пока я лежал на спине в ожидании темноты, мимо прошел Лев, и под его расстегнутой рубашкой я заметил спасательный пояс. Когда я вскочил и попытался в шутку снять его пояс, Гауснер от испуга ахнул, думая, что его схватил надзиратель. Тогда я взял Гауснера за руку, приложил ее к своему спасательному поясу и сказал: «Встретимся на русском корабле».

Как только я вернулся на место, пришел мой брат Джордж и сообщил, что Пит Бота и Вилли Стейн тоже хотят бежать, но все они будут ждать, когда я дам им знак с помощью мигающего фонаря, что русский капитан готов взять их на борт. Если сигнала не будет, они не станут рисковать.

Тогда я решил, что уже достаточно темно, и завершил приготовления. Я закатал штанины повыше и туго затянул ремень. У меня в брючном кармане был бумажник, где лежали один фунт и десять шиллингов. Моя рубашка свободно облегла спасательный пояс. Внезапно появился мой друг, Пит фан Асвеген, который слышал о моем плане и пришел попрощаться со мной. Было около 22:45. Я попросил Пита дать мне знак: покашлять, когда караульный на второй палубе будет на полпути к противоположной стороне, прежде чем снова повернуть назад. У меня будет примерно три минуты, чтобы сбежать.

Чтобы держаться за веревку, когда я перелезу через ограждение, я привязал ее к нижней перекладине и протянул к верхней перекладине. В спешке я забыл, что, как только я отпущу верхнюю перекладину, веревка может выскользнуть из рук. Пора! Пит кашляет! Я перелезаю ограждение! Но, к моему ужасу, веревка вырывается, глубоко порезав мою руку. И все мои шесть футов и три дюйма роста с шумом плюхаются в воду. Я тут же сорвал с себя спасательный пояс (который, к счастью, был привязан простым узлом), чтобы подольше оставаться под водой. Чтобы придать направление своему движению и отплыть как можно дальше, я сильно оттолкнулся ногой от корабля и нырнул, чтобы скрыться от «Каталонии» и снующих патрульных катеров. Я поднимался на поверхность, чтобы сделать быстрый вдох, и тут же снова погружался, ведь я думал, что меня застре-

лят, как только я появлюсь над водой. Я проделал это несколько раз, пока с огромным облегчением не заметил, что значительно отдалился от «Каталонии» и что катера продолжают спокойно плавать вокруг нее.

«Какое счастье, я свободен!» – думал я, но мне пришлось плыть против сильного течения между двумя рядами кораблей, где пролегал мой путь. Я быстро сорвал с себя рубашку, которая мешала двигать руками. Оказавшись наконец в открытом море, я увидел бакен, у которого смог передохнуть. Ужасная судорога левой ноги заставила меня задуматься, как продолжать мое долгое плавание. Тут появилась лодка с индийцами, и я закричал: «Пассажир?», но мне ответили: «Никаких пассажиров. Полиция!» Забыв о судороге, я нырнул как можно дальше.

Когда я снова поплыл, то почувствовал, что прилив сносит меня к берегу. С большими усилиями я продолжал двигаться к русскому кораблю. Я был так рад, что в детстве во время половодья на реке Каледон мне часто приходилось плыть против быстрого течения. Упорно продолжая путь, я услышал, как вдалеке грузят уголь. Чем дальше я плыл, тем отчетливее становились эти звуки, как приветственный знак приближения к кораблю. Когда я, наконец, достиг цели, то был настолько изможден, что повис на корабельном канате, чтобы отдохнуть. Покачиваясь на волнах, я вдруг замер в ужасе, потому что ко мне подплыла акула (так мне показалось)! Когда обнаружилось, что это мой друг Пит Бота, у меня начался приступ смеха. Оказывается, Пит покинул «Каталонию» последним из пятерых беглецов! Немного отдохнув, мы подплыли к веревочной лестнице. Два приветливых русских матроса помогли нам подняться на борт и провели в каюту, где мы сняли мокрую одежду и согрелись горячим чаем. Часы в каюте показывали 02:15. Значит, я провел в воде около трех с половиной часов. Когда нас повели на бак, мы обнаружили там Гауснера, который доплыл первым, и моего брата Джорджа. Примерно через пятнадцать минут вошел Вилли Стейн.

Затем мне сообщили, что мое падение в воду не привлекло внимания. Если бы я только знал! Я просто плыл бы в спасательном поясе, как остальные. Тогда я добрался бы первым, как планировалось, и не был бы так измотан. Не дождавшись сигнала от меня, остальные все же решили рискнуть.

Капитан* Владимир Кисимов очень любезно пообщался с нами на хорошем английском языке. Мы заявили, что готовы заниматься любой работой на «Херсоне» (так назывался этот замечательный корабль русского Черноморского флота**), пока не найдется судно, которое доставит нас в Южную Африку, чтобы мы снова поступили в бурские отряды. Мы предупредили капитана, что на «Каталонии» после переключки в четыре часа утра британские офицеры станут искать бурских беглецов. Однако капитан успокоил нас. Вскоре мы услышали, как поднимают якорь и, чувствуя, что «Херсон» уходит, с благодарностью поняли, что теперь мы действительно свободны. Возможно, в одном из портов мы скоро пересядем на дружественный корабль, идущий в Южную Африку, и будем снова помогать борьбе за свободу и справедливость против сильных и алчных британских финансистов, которые заставили свое правительство вести несправедливую войну с дружественным и свободолюбивым народом.

Мы впятером, переодетые в матросскую форму, были приглашены на празднование русского Нового года (14 января) в компании российских моряков. Поскольку наш язык – африкаанс, мы понимали немецкий, которым владело большинство матросов***. На следующий день каждому из нас предоставили место в каюте первого класса, новый костюм и 12 фунтов стерлингов на карманные расходы. На борту «Херсона» находилось 1500 солдат и 96 офицеров.

Мы были избалованы вниманием офицеров, в том числе знаменитого генерала Иванова****. Он был увлечен историей Южной Африки. По мере приближения «Херсона» к английскому порту Аден, где предстояло запастись углем перед выходом в Красное море, наше беспокойство нарастало. Однажды нас разбудили в че-

* На самом деле, старший помощник капитана.

** «Херсон» принадлежал Добровольному флоту, но находился в распоряжении военного министерства.

*** Африкаанс – это единственный германский язык, зародившийся в Африке.

**** Генерал-майор Николай Иудович Иванов (1851–1919), исполнявший обязанности начальника артиллерии Десантного корпуса. Это временное соединение создано в августе 1900 г. в качестве стратегического резерва во время международной интервенции для подавления Ихэтуаньского восстания в Китае. Корпус расформирован в конце 1900 г.

тыре часа утра, приказали быстро одеться и спешно повели к средней из трех больших дымовых труб на «Херсоне». Один из листов железа уже был снят, и мы пролезли внутрь трубы через получившееся отверстие. Железный лист тут же прикрутили на место. Мы сели на лестницу у стены и заметили, что там установлена труба, по которой проходит дым и поднимается поверх наших голов. Хитро придумано! Никто не додумается искать беглецов в трубе, из которой валит черный дым.

Конечно, это было не очень удобное убежище: очень жарко, повсюду раскаленная сажа, и постоянно падают искры. Мы коротали время, то и дело гася тлеющие искры на одежде друг у друга. Пришлось просидеть там около девяти часов, прежде чем мы почувствовали, что корабль пришел в движение. Вскоре пятерых грязных трубочистов (так мы выглядели тогда) выпустили из укрытия. Наша одежда была усеяна маленькими обуглившимися метками. После горячей ванны, переодевания и по-праздничному сытного обеда капитан Кисимов рассказал, что после того как «Херсон» бросил якорь в порту Адена, на борт тотчас поднялся английский военный капитан и потребовал немедленно выдать пятерых разыскиваемых буров.

Кисимов ответил, что никогда в жизни не видел буров. Когда британский капитан попросил разрешения произвести обыск на «Херсоне», Кисимов согласился при условии, что британский капитан сначала передаст 5000 фунтов стерлингов российскому консулу в качестве компенсации за удержание «Херсона». Британский капитан ответил, что ему нужно посоветоваться с губернатором Адена. Сразу после его ухода нас спрятали в средней трубе. В час дня погрузка угля была закончена, но британский капитан так и не вернулся до отплытия «Херсона».

В Порт-Саиде капитан Кисимов сошел на берег, чтобы навести справки по просьбе буров, которые решили добраться оттуда на немецком или французском корабле до залива Делагоа^{*} и воссоединиться с бурскими отрядами.

Незадолго до этого у капитана Кисимова был конфликт с британским офицером, который требовал выдачи пятерых буров, ук-

^{*} Ныне залив Мапуту, гавань у берегов Мозамбика. Высадившись там, можно было пробраться в Трансвааль, не имевший выхода к морю.

рывавшихся на корабле. Кисимов снова отрицал, что на «Херсоне» есть буры. Вернувшись на корабль, он посоветовал нам не сходить на берег, а отправиться в Россию, откуда можно будет добраться до Голландии, где президент Крюгер обязательно поможет нам вернуться в бурские отряды. Хотя нас огорчала эта длительная отсрочка, ничего не оставалось делать, как с благодарностью принять любезное приглашение капитана.

Затем «Херсон» прошел Средиземное море, а также Дарданеллы и Босфор. В Дарданеллах мы видели укрепления и большие пушки, защищавшие пролив. По словам генерала Иванова, Дарданеллы невозможно было захватить с моря; нужно было, чтобы крупные военные силы атаковали Дарданеллы с суши. На следующее утро, когда мы плыли по Черному морю и приближались к огромной крепости Севастополь, «Херсон», корабль Черноморского флота, был встречен залпом орудий. По окончании плавания «Херсон» бросил якорь в крымском порту Феодосия. Опечаленным бурам пришлось проститься с верным, добрым и великодушным другом, капитаном Владимиром Кисимовым. Мы в огромном долгу перед ним за то, что нам спасли жизнь и подарили свободу. Поскольку у нас не было паспортов, мы переоделись в солдатскую форму и вместе с военными отправились в казармы в сопровождении любопытных, которые хотели посмотреть на бу-
ров.

Вновь облачившись в гражданскую одежду, мы пообедали у врача, сочувствовавшего бурам. Дома у него висели портреты бурских генералов, и он сообщил нам новости о войне в Южной Африке. Вечером для нас был устроен ужин с танцами в резиденции германского консула, г-на Рия. Все его гости были исключительно приветливы и общительны, но наши взгляды были прикованы к его красивой, обворожительной дочери Марии. Наверное, кое-кто из гостей удивлялся, что буры настолько культурны; они даже знали новейшие танцы!

На следующий день после обеда, снова одетые в солдатскую форму из-за отсутствия паспортов, мы отправились в путь на воинском поезде, попрощавшись с многочисленными друзьями, которые приехали нас проводить. Вскоре мы переоделись в штатское и семь дней ехали по России с офицерами. Мы проехали Перекоп, где во время Второй мировой войны шли крупные сраже-

ния^{*}. Несмотря на сильные морозы, в поезде было тепло и уютно. На каждой станции нас встречали люди, чтобы посмотреть на бу-
ров и, если получится, поговорить по-немецки. Даже в два или
три часа ночи нас будили и просили подойти к окнам. На круп-
ных станциях, где поезд должен был задерживаться надолго,
можно было познакомиться со всеми слоями и сословиями рос-
сийского народа. Длиннобородые крестьяне с женами в черных
платьях и капорах напоминали наших предков, южноафрикан-
ских фуртреккеров^{**}.

Нас забавляло, что русские мужчины целуют друг друга при ка-
ждой встрече, совсем как женщины в Южной Африке. Нам тоже
пришлось расцеловаться со многими мужчинами в Вильне во вре-
мя наших проводов перед отъездом в Санкт-Петербург. Капитан
Гамман, у которого была длинная волнистая борода и широкий
лоб, даже прослезился, когда целовал нас на прощание. Все офице-
ры, прощаясь, тоже целовались с нами. Итак, когда на рассвете мы
прибыли в Петербург, нас встретил представитель градоначальни-
ка и угостил завтраком. Затем он отвез нас к нидерландскому пас-
тору, преп. Гиллоту. Семь дней мы наслаждались его гостеприим-
ством и завели много знакомств. Член царской Думы провел для
нас экскурсию по городу, чтобы мы посмотрели достопримеча-
тельности. Несколько раз мы видели, как едет царь. В России нас
уверяли, что, если бы в Южной Африке было место для высадки
десанта, тысячи русских добровольно отправились бы на помощь
бурам, бороться за их свободу и права.

В Петербурге мы получили паспорта, а друзья собрали деньги
на билеты в Голландию через Берлин. По пути в Берлин нам при-
шлось снова ехать через Вильну, и на следующий день мы прибы-
ли в Берлин. <...>

^{*} Мемуары записаны со слов автора в 1940-е годы.

^{**} Фуртреккеры (африкаанс Voortrekkers) – жители Капской колонии, в 1830-е
годы переселившиеся на территории, где впоследствии были основаны Трансва-
аль и Оранжевое Свободное Государство.

Ontsnapping as Krygsgevangene – Anglo-Boereoorlog 1899–1902

Ek was 22 jaar oud toe ek saam met ander Vrystaters gevange geneem is in 1900 deur die Britse troepe in die geveg naby Swart Lapberg tydens die Anglo-Boereoorlog 1899–1902. Uiteraard gefrustreerd en verneder het ek gevoel om in die tronk te moet sit op Bloemfontein, die hoofstad van my vaderland, die Oranje-Vrystaat.

Nie so lank gelede nie was ek student aan die Grey College op Bloemfontein en smorens op weg daarheen het ek gewoonlik my held President Steyn, met die boere sien gesels by die vroeë oggend mark.

Na sowat twee maande in die krygsgevangenkamp “Sky View” op Groenpunt naby Kaapstad, was ek saam met 600 Boere gevangenes, elkeen met sy bondeltjie, weg marsjeer om aan boord die S.S. Catalonia te gaan wat op weg was oor die Indiese Oseaan na Ceylon. In ‘n smoor-warm saal moes ons plek neem aan lang tafels wat elkeen bewaak is deur ‘n gewapende wag. Naby my gaan sit my vriend Ernst Hausner van Johannesburg. Na ‘n rukkie begin hy die Transvaalse volkslied op sy mondfluitjie speel. “Hou op!” gebied die wag. Onverstoord gaan Hausner aan met speel totdat hy met geweld deur twee gewapende wachte verwyder word en in ‘n hok met ystertralies toegesluit word. Gevolglik gee ons hom die bynaam “Ou Leeu”.

Eers na die boot vertrek het is ons op dek toegelaat. Terwyl ons Tafelberg in die verte sien verdwyn hef ons uitdagend aan met die volkslied van die Vrystaat en dié van Transvaal. Terug word ons beveel na die stikwarme saal, die “Black Hole of Calcutta” soos ons dit genoem het. Die meeste van ons boere was nog nooit op ‘n skip nie. Die hitte, gebrek aan vars lug, en die onstuimige see om die Suid-Afrikaanse kus, het beslis die kommer-bekoorder slaap van die meeste oë daardie aand verdryf. Die volgende dag op dek, het die seesiekte ongenadiglik voortgeduur. Wanhopig het ‘n ryk boer uitgeroep, “Gaan sê vir die Kaptein, as hy die skip net vir een uur sal stop, dan beloof ek om hom een van my plase te gee”. Gelukkig was ons toelating verleen om voortaan op dek te slaap.

Terwyl die Catalonia in die Durban dokke vertoef, het magistraat Botha van Philippolis kom vaarwel se vir sy seun Piet, ‘n vriend van my, min wetend dat hy nie weer sy seun in lewe sal sien nie. Teen die tyd toe die Catalonia langs die kus van die Franse eiland, Madagascar, seil het die Boere hulle seebene gevind en was ons besig om ontsnapping te beplan. Onder die boere was daar sowat 50 tot 60 Duitsers, Hollanders en Skandinawiërs wat voorheen matrose was. Die beheer en besturing van die Catalonia kon gevolglik met veiligheid aan hulle toevertrou word.

Die Boere het gemerk dat die 600 van ons slegs deur 250 Britse soldate bewaak word, dat die wat nie diens doen, hulle gewere opstapel teen die muur wat die naaste was aan die ope deur van ‘n saal, nie ver van ons “Black Hole” af nie, en dat slegs vier gewapende wagte in die gang tussenin geplaas was. Die Boere beplan toe om hierdie vier wagte te oorrompel, in die saal te storm, die gestapelde gewere te gryp en die onverdagte soldate te laat oorgee; om dan die skip in beheer te neem en in die Franse hawe van Madagascar te stoom. Vandaar kon ons met ‘n Franse stoomskip na Suid-Afrika terugkeer om weer by die Boere-magte aan te sluit.

Toe ons op die punt staan om ons plan uit te voer wat was ons ontsteltenis, woede en walging nie om te vind dat die gang totaal versper is net banke, tafels en allerlei rommel; en om te besef dat daar ‘n lafhartige verraaier onder ons is. Daardie aand was ons ontbied om weer onderdek te slaap. Hierdie inperking het vir etlike dae geduur totdat die Catalonia ver genoeg van die land was om enige ontsnapping moontlik te maak. Maar die gang het versper gebly, en die getal wagte, bo- en onderdek, was vermeerder.

Die Catalonia was ‘n stadige, vuil skip, oortrek met luise of “Khaki Spioene” soos die Boere hulle genoem het. ‘n Belangrike daaglikse taak was om onself te ontluis. Hoe troosteloos was Kersmis van 1900 en Nuwejaar van 1901 op hierdie ou skip tog nie! Die Kersmis nagereg was soos beton en moes afgedwing word met slukke water.

Die Boere was nie jammer nie, toe die Catalonia op die 10de Januarie 1901 die pragtige hawe van Colombo binne vaar en anker naby die land laat val. Baie Europese troepskepe was in die hawe geanker op pad huis toe na die smooring van die Boxer rebellie in Sjina. Naby die Catalonia, het ‘n Russiese skip gele. Toe die Russe agterkom dat die Catalonia Boere krygsgevangenes dra, het hulle op velerlei maniere

hulle simpatie en vriendskap probeer aantoon. Hulle orkes het selfs die Transvaalse volkslied gespeel.

Na vroeë more naam aflesing op die Catalonia, waar elke Boer persoonlik op sy naam moes antwoord, was klein groepies van ons na die land geroei om na Dyatalawana, die Krygsgevangenkamp, geneem te word, 17 myl binnelands. Op die 13de Januarie, so omtrent een uur in die middag, bespied ek die flou rook van 'n naderende skip. Toe haar vlag sigbaar word het ek geweet dat dit 'n Russiese skip was. Die oomblik toe ek merk dat die skip daar ver in die see vasgeanker het, het ek besluit om daardie einste nag daarheen te swem.

Gedagtig aan ons verrydelde planne naby Madagascar, kon ek dit nie waag om my plan en opgewondenheid met enigeen te deel nie. Nog nooit het 'n namiddag vir my so slepend verloop nie! Eindelik, my geduld tot rafels verslyt, was dit donker genoeg om my komberse, soos gewoonlik, uit te rol in die hoekie naas die drie voet tralie, waar ek altyd geslaap het. Bokant my, op die tweede dek, het 'n gewapende wag heen en weer patroleer. Daardie aand was my los hemp vir my 'n groot hulp; eers het dit 'n opgerolde tou bedek wat ek heimlik geneem het en onder my komberse verberg het, later weer het dit 'n reddingsgordel bedek. Die diep see het geen vrees vir my ingehou nie en ek het nooit getwyfel dat ek die afstand van ongeveer drie myl na die Russiese skip sou kon swem nie, want ek het aan die walle van die Caledon rivier groot geword op my vader se plaas "Vlakplaas", in die Wepener distrik van die Oranje Vrystaat. Maar wat ek wel gevrees het was die haaie wat volop was in Colombo hawe. Ek was vertel dat 'n haai 'n arm of 'n been kon afhap, nog voordat 'n mens met die dier handgemeen kon raak.

Die grootste gevaar was natuurlik die gewapende wagte. Sewe van hulle het gedurig heen en weer op die dek gepatroleer, met waaksame oë op die krygsgevangenes, wat gewaarsku was dat enige van hulle wat na sonsondergang oor die tralies leun, geskiet sou word. Om die Catalonia het vyf gewapende polisie bote aanhoudend gevaar om te verseker dat niemand ontsnap nie. Met hierdie gevare in gedagte het ek my verplig gevoel om my ouer broer George te vind en stilletjies vaarwel te se. Daarop besluit George om my plan vir ontsnapping te volg.

Terug in my hoekie bind ek die tou versigtig van aan die onderste tralie staaf waar dit nie gesien kon word nie, en laat sak die los ent teen

die sy van die skip. Terwyl ek op my rug lê en wag vir die donkerte om te daal loop “ou leeu” verby met sy reddingsgordel in sig waar sy hemp nie goed afgetrek was nie. Toe ek gou opstaan om dit ongemerk af te trek, hyg Hausner van skok denkende dat ‘n wag aan hom raak. Ek neem toe Hausner se hand en plaas dit tersluiks op my eie reddingsgordel met die woorde, “ontmoet my op die Russiese skip”.

Skaars terug op my kombers, daag my broer George op om hy te vertel dat Piet Botha en Willie Steyn ook wil ontsnap, maar dat hulle almal sou wag op lantern flitse van my te kry as teken dat die Russiese Kaptein gewillig is om hulle aan boord te neem. Sou daar geen sein kom nie, sal hulle nie die risiko neem nie.

Ek besluit toe dat dit donker genoeg is en begin met my finale voorbereidsels. Ek rol my broekspype so hoog as moontlik op en bind ‘n band styf om my lyf. In my broeksak was my beursie met een pond tien sjielings daarin. My hemp het los oor my reddingsgordel gehang. Skielik verskyn my vriend Piet van Aswegen, wat van my plan gehoor het, en gekom het om my te groet. Dit was toe omtrent 10.45 n.m. Ek vra toe vir Piet om sy keel skoon te maak as teken wanneer die wag op die tweede dek halfpad is op pad na die ander kant voordat hy weer terugdraai: Dit sou my ongeveer drie minute gee om te ontsnap.

Om seker te maak dat die tou in my hand is wanneer ek oor die tralie klim, het ek die tou, wat ek vroeër aan die onderste staaf vasgebind het, opgetrek tot die boonste staaf. In my haas vergeet ek dat sodra ek die boonste staaf los, sal die tou dalk uit my hande ruk. Daar! Piet maak keelskoon! Oor die tralie gly ek! Maar, O wee, die tou ruk uit my hand en sny dit diep. Daar dompel ek, my hele ses voet drie duim, diep in die see met ‘n donderende geraas soos ek dag. Dadelik ruk ek my reddingsgordel af (wat ek gelukkig met ‘n strik vasgebind het) sodat ek so lank as moontlik onder die water kon bly. Om rigting en afstand te kry gee ek ‘n geweldige skop teen die sy van die skip, wegduikend van die Catalonia en die omvarende polisie bote, opkomend vir ‘n blitsige asemskep voordat ek weer wegduik, want ek het verwag om geskiet te word sodra my kop bo die water verskyn. So het ek etlike kere gemaak en merk toe met intense verligting dat ek ‘n goeie ent weg van die Catalonia was en dat die polisie bote nog steeds ongestoord daar omvaar.

“Wat ‘n vreugde om vry te wees!” dink ek, maar ek moes teen ‘n sterk stroom swem, veroorsaak deur die twee rye skepe waartussen ek moes deurgaen. My hemp, wat die beweging van my arms bemoeilik

het, het ek gou afgeskeur. Eindelik toe ek in die ope see kom was ek verheug om 'n baken te vind waarop ek kon rus. 'n Geweldige kramp in my linker been het my angstig gemaak vir die lang swem voor. Net toe verskyn daar 'n boot, geroei deur Indiërs en ek roep "Passenger?", maar die antwoord kom, "No passenger, police!" Vergeet is my kramp en weg duik ek so ver as wat ek kon gaan.

Toe ek weer begin swem, voel ek dat dit gety my landwaarts toe dwing. Dit was 'n swaar stryd om in die rigting van die Russiese skip te bly beweeg. Hoe dankbaar was ek nie vir my jeug-oefening om herhaalde male teen die snelvloeiende Caledon rivier in vloed te moes swem. Na 'n lang worsteling, hoor ek die geluid van kool wat gelaai word. Hoe langer ek swem hoe duideliker word die geluid as welkom bewys dat ek nader aan die skip kom. Uiteindelik daar aangekom was ek totaal uitgeput en moes aan die dik tou van die skip hang om te rus. Terwyl ek aldus op en neer dobber, word ek styf van vrees, want 'n haai (soos ek dink) kom na my aangeswem! Toe dit blyk dat dit my vriend, Piet Botha is, word ek aangegryp deur onbedwingbare gelag. Ek moes toe hoor dat Piet die laaste van die vyf Boere was om die Catalonia te verlaat! Na 'n rukkie se rus, swem ons toe om na die touleer, waar twee vriendelike Russiese matrose ons aan boord help, na 'n kajuit neem om ontslae te raak van ons nat klere en gelawe te word met glase warm tee. Die kajuit se oorlosie het 2.15 v. m. aangedui. Ek was dus vir omtrent drie en 'n half uur in die water. Toe ons na die voorkasteel geneem is, vind ons vir Hausner daar, wat eerste arriveer het, en my broer George. Sowat vyftien minute later stap Willie Steyn ook binne.

Ek moes toe hoor dat my val geen aandag getrek het nie. Had ek dit tog maar geweet! Met welke gemak sou ek nie dan, soos al die ander, met behulp van my reddingsgordel kon geswem het nie. Dan sou ek eerste arriveer het, soos beplan was, en sou nie so uitgeput geword het nie. Toe daar geen sein van my kom nie, het die ander besluit om maar die risiko te neem.

Kaptein Vladimir Kissimoff ontvang ons toe baie vriendelik in goeie Engels. Ons verklaar ons gewilligheid om enige werk te doen op die S.S. Kherson ('n mooi skip van die Russiese Swart-See vloot) totdat ons 'n skip kon vind om ons terug te neem na Suid-Afrika om weer by die Boere-magte aan te sluit. Ons waarsku die Kaptein dat, na die naamaflensing om 4.0 v. m. op die Catalonia, Britse offisiere na die vermiste Boere sou begin soek. Die Kaptein egter stel ons gerus. Kort

daarna hoor ons die anker lig en terwyl ons die Kherson voel wegstroom besef ons met dankbare harte dat ons nou voorwaar vry is en dat ons waarskynlik gou 'n vriendskaplike skip op pad na Suid-Afrika in een van die hawens sou vind, sodat ons weereens kon gaan help in die stryd vir vryheid en reg teen die mag en hebsug van die Britse finansiers wat hulle regering oorreed het om hierdie onbillike oorlog op te stook teen 'n vriendelike en vryheid-liewende volk.

Die vyf Boere, nou gekleed in matroos-pakke, is genooi om saam met die Russiese matrose hulle Nuwejaar, die 14de Januarie, te vier. Die Afrikaans-sprekende Boere kon die Laag Duits verstaan, gebesig deur meeste van die matrose. Die volgende dag is eerste klas kajuite aan ons toegeken, 'n nuwe pak elk, en £12 sakgeld elk. Die S.S. Kherson had 1,500 troepe en 96 offisiere aan boord.

Die Boere was toe die vertroetelde gaste van die offisiere onder wie die beroemde Generaal Iwanoff was. Die geskiedenis van Suid-Afrika het hom grootliks aangegryp. Namate die Kherson naderkom aan die Engelse hawe van Aden, waar sy kool moes laai voor sy die Rooi See invaar, het die Boere al hoe onrustiger gevoel. Een more om 4.0 v. m. word ons wakker gemaak, gelas om vinnig aan te trek, en word haastig geneem na die middel skoorsteenpyp van die Kherson se drie groot skoorsteentype. Een van die ysterplate was toe al losgeskroef om ons Boere 'n opening te gee waardeur ons in die middel skoorsteenpyp kon kruip. Onmiddellik was die ysterplaat weer in sy plek vasgeskroef. Ons neem toe sitplekke in op die lere teen die wand van die skoorsteenpyp en let op dat 'n pyp installeer was om die rook bokant ons koppe te laat uitvloei. Wat 'n vindingryke plan! Wie sou dink om na vlugtelingte te soek in 'n skoorsteenpyp waaruit swart rook borrel.

Natuurlik was dit nie 'n baie gemaklike skuilplek nie, met die hewige hitte, die oog-brandende roet, en die vonke wat aanhoudend op ons klere val. Die feit dat ons gedurig die smeulende vonke op mekaar se klere moes uitslaan het miskien gehelp om die tyd te verkort. Ons moes daar sowat nege uur sit voordat ons weer die skip kon voel beweeg. Kort daarna is die vyf vuil skoorsteenveërs, soos ons toe gelyk het, uitgelaat. Ons klere was gepeper met klein brandmerkies. Na 'n warm bad, verandering van klere, en 'n versadigende, welkom maal, vertel Kaptein Kissimoff dat kort na die vasanker in die hawe van Aden, 'n Britse militêre Kaptein aan boord die Kherson gestap het en die onmiddellike uitlewering van die vyf Boere geëis het.

Kissimoff se antwoord was, dat hy nog nooit in sy lewe Boere gesien het nie. Toe die Britse Kaptein verlof vra om die Kherson te laat deursoek, het Kissimoff ingestem op voorwaarde dat die Britse Kaptein eers £5 000 by die Russiese Konsul moet deponeer as vergelding vir die oponthoud van die Kherson. Die Britse Kaptein antwoord dat hy eers die Goewerneur van Aden sal moet raadpleeg. Dadelik na sy vertrek was ons in die middel skoorsteenpyp verskuil. Om 1.0 n. m. was die kool klaar gelaai en teen die tyd wat die Kherson weg gevaar het, was daar geen herverskyning van die Britse Kaptein nie.

By Port Said het Kaptein Kissimoff aan land gegaan op verkenning vir die Boere wat besluit het om vandaar per Duitse of Franse skip na Delgoabaai te vaar en weer by die Boere-magte te gaan aansluit.

Nie te lank nie of Kaptein Kissimoff het 'n skermutseling met 'n Britse Offisier wat die uitlewering eis van die vyf Boere op sy skip. Weereens ontken Kissimoff dat daar Boere op die Kherson is. Terug aan boord adviseer hy ons om nie dáár te ontskeep nie, maar liever saam te gaan na Rusland vanwaar ons na Holland kan reis waar President Kruger ons stellig terug sou help na die kommando's. Teleurgesteld oor die lang vertraging wat dit sou meebring het ons inderdaad geen keuse gehad nie maar om die Kaptein se vriendelike uitnodiging met dank te aanvaar.

Die Kherson vaar toe oor die Oos-Middellandse See, deur die seestrate van die Dardanelle en van die Bosporus. In die Dardanelle kon ons die fortifikasies en die groot kanonne sien wat die seestraat beskerm. Volgens Generaal Iwanoff kon die Dardanelle nooit vanaf die see verower word nie; dit kon alleen geskied as 'n groot militêre mag die Dardanelle oor land sou aanval. Die volgende oggend terwyl ons verder deur die Swart See vaar en die groot vesting van Sewastopol nader, word die S.S. Kherson as deel van die Swart-See vloot, terug verwelkom met 'n salvo van die kanonne. Aan die einde van haar seereis, laat die Kherson anker val in die Krim se hawe van Theodosie. Met bedroefde harte moes die Boere nou afskeid neem van hulle goeie, vriendelike, en edelmoedige vriend, Kaptein Vladimir Kissimoff. Ons voel diep verskuldig aan hom vir ons lewens en ons vryheid. Omdat ons geen paspoorte besit nie, was ons in soldaat-uniforms gekleed en saam met die troepe weg-marsjeer na die barakke, begelei deur nuuskierige mense wat wou sien hoe die Boere lyk.

Weer in siviele drag, het ons middagete by 'n pro-Boer mediese dokter geniet. Portrette van die Boere Generaals het in sy huis gehang en hy kon die jongste nuus omtrent die oorlog in Suid-Afrika aan ons meedeel. Daardie aand was ons vir dinee en dans onthaal aan die woning van die Duitse Konsul, Herr Riel. Al sy gaste was besonder vriendelik en gesellig, maar die Boere se oë het maar telkemale net gesoek na sy fraaie, bekoorlike dogter Maria. Sommige van die gaste was blykbaar effens verbaasd om te sien hoe beskaafd die Boere is; hulle kon selfs die jongste danse uitvoer!

Die volgende namiddag, weer gekleed in soldate-uniforms vanweë ons gebrek aan paspoorte, vertrek ons per troepetrein, vaarwel wuiwend aan talle vriende wat gekom het om ons weg te sien. Spoedig was ons weer in siviele drag en reis saam met die offisiere vir sewe dae deur Rusland. Ons gaan deur Perekop waar sulke groot slagte geveg was gedurende die Tweede Wêreld Oorlog. Ondanks die bitter koue bulte, was die treine lekker warm. By elke stasie was daar 'n klompie mense om die Boere te besigtig en om miskien 'n geselsie in Laag Duits te voer. Selfs om 2.0 of 3.0 v. m. was ons wakker geraak en gevra om onself by die vensters te vertoon. By die verskeie groot stasies waar die troepetrein lank moes versuim, was daar geleentheid om kennis te maak met alle seksies en klasse van die Russiese volk. Die lang bebaarde boere met hulle vrouens in swart rokke en kappies het ons herinner aan ons eie voorouers, die Voortrekkers van Suid-Afrika.

Dit het ons amuseer om te sien hoe die Russiese mans, soos vrouens in Suid-Afrika, mekaar soen by elke ontmoeting. Dit was ook ons lot om deur baie mans gesoen te word met die afskeid van ons vriende by Vilna voor ons vertrek na St. Petersburg. Kaptein Hamman met sy lang golwende baard en breë voorhoof, het selfs trane gestort terwyl hy ons vaarwel gesoen het. Al die offisiere het ons ook vaarwel gesê met soene. So teen dagbreek by ons aankoms in St. Petersburg is ons deur 'n verteenwoordiger van die Burgemeester ontmoet en trakteeer met ontbyt. Hy neem ons toe na die Nederlandse predikant, ds. Gillot. Sy vriendelike gasvryheid het ons vir 7 dae geniet en vele vriende gemaak. 'n Lid van die Tsaar se Doema het ons op 'n toer deur die stad geneem om die merkwaardige dinge en geboue te besien. Verskeie kere het ons die Tsaar sien verbyry. Die Russe het ons verseker dat as daar maar net 'n landingsplek in Suid-Afrika was,

sou duisende Russe vrywillig gegaan het om die Boere te gaan help veg vir hulle vryheid en reg.

In St. Petersburg het ons paspoorte bekom en 'n kollekte onder vriende het reiskaartjies via Berlyn na Holland verskaf. Op pad na Berlyn moes ons weer deur Vilna gaan, en arriveer die volgende dag in Berlyn.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамов Я.* Трансваальский вопрос // Неделя. 12 сентября 1899. № 37. Стб. 1206–1209.
- Августус Е.* Воспоминания участника англо-бурской войны 1899–1900 гг. // Варшавский военный журнал. 1900. № 11, 12; 1901. № 1, 3, 7, 9; 1902. № 1, 3, 6.
- Айн В.Т.* Война Англии с бурами. Книга для народных чтений в частях войск. СПб., 1901. 26 с.
- Алексеева Г.Д.* Народничество в России в XX в.: Идеиная эволюция. М., 1990.
- Алексиев И.* Загадка мичман Владимир Кисимов (1861–1911 г.) https://morskivestnik.com/mor_kolekcii/izsledwaniq/22042013_ivalex.html (дата обращения: 05.04.2023).
- Аль-Накиб А.* Даймохк! Чечня. <https://stihi.ru/2012/02/06/242> (дата обращения: 25.12.2022).
- Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами российских подданных. В 13 т. М.: Издатель И.Б. Белый, 2012.
- Англо-бурская война 1899–1902 годов и ее отражение в художественной литературе. М.: Memories, 2008.
- Англо-бурская война в донесениях русского военного агента (документы 1899–1901 гг.) // Красный Архив. 1940. Т. 6. С. 1340–1359.
- Антонова Л. В., Дронова Н.В.* Британский милитаризм и общество: опыт военных выставок 1901 года в Лондоне // Вестник гуманитарного образования. 2020. № 4 (20). С. 56–66.
- Ахматова А.А.* Бег времени. Стихотворения. 1909–1965. М.-Л.: Советский писатель, 1965.
- Балуев Б.П.* Либеральное народничество на рубеже XIX–XX веков. М., 1995.
- Баранцевич К.С.* Спасенные буры. СПб.: Н. Морев, 1902.
- Баумгартен О.* Воспоминания о Трансваале сестры милосердия общины Св. Георгия 1899–1900. СПб., 1901. 44 с.
- Бауэр И.* Юго-Восток. https://45parallel.net/45_calibr_2017/380-irina_bauyer.html (дата обращения: 17.11.2022).
- Баитанов В.И.* Политика правительства и позиция общественного мнения Германии в связи с англо-бурской войной, 1899–1902 гг. Дис. ... к.и.н. Томский государственный университет, 1999.
- Бек Т.А.* Сага с пометками. М.: Время, 2004.
- Белый А.* Серебряный голубь: Повесть в семи главах / Подгот. текста, вступ. статья и коммент. М. Козьменко. М.: Художественная литература, 1989. 463 с.
- Бочарников И.В.* Русские добровольцы в национально-освободительных войнах XIX в. <https://nic-pnb.ru/analytics/russkie-dobrovoltzy-v-natsionalno-osvoboditelnyh-vojnah-xix-veka/> (дата обращения: 01.02.2023).

- Бояринцев Д. К.* Бурская тактика и британские контрмеры в 1899–1902 гг. глазами современников // Псковский военно-исторический вестник. 2021. № 7. С. 23–36.
- Британец. Англо-бурская война и русская пресса. СПб.: тип. Штаба Отд. корп. жандармов, 1900. 62 с.
- Будяк Ю.* Дикі люди. Де і як вони живуть. Австралійці. Океанійці. Малайці. Африканці // Літературно-науковий вістник. Київ: Популярна бібліотека «Лан». 1909. № 3. 80 с.
- Будяк Ю.* Записки учителя. 1899–1906 // Літературно-науковий вістник. Львів–Київ. 1909. Т. 46. № 4. С. 103–125.
- Бузинин С.* Генерал Сорви-Голова. «Попаданец» против Британской империи. М.: Яуза: Эксмо, 2012. 381 с.
- Буры и англичане. СПб.: тип. Дома призрения малолет. бедных, 1900. 23 с.
- Буссенар Л.* Капитан Сорви-голова. СПб.: Азбука, 2022. 443 с.
- Быстряков А. Г.* Евреи Екатеринослава-Днепропетровска. Днепропетровск: Арт-Пресс, 2001.
- В. [Корсаков В. В.]* Встреча с бурами // Русские ведомости. 4 февраля 1901. № 35. С. 4.
- Валецкий О. В.* Теория и практика партизанской войны // Информационные войны. 2016. № 4 (40). С. 58–66.
- Варакса А. Н.* Англо-бурская война и ее повседневность глазами русских добровольцев // Военная повседневность. М., 2018. С. 9–22.
- Ведомость справок о судимости, издаваемая министерством юстиции, за 1903 год. Кн. 6. СПб., 1903. 325 с.
- Вий.* Отголоски дня. Бозры и самарцы // Сын отечества. 15 (27) октября 1899. № 279. С. 3.
- Виноградский А. Н.* Англо-бурская война в Южной Африке. Вып. 1–3, СПб., 1901–1903.
- Виноградский В.* Англо-бурская война в иностранной военной литературе // Вестник иностранной военной литературы. № 3. СПб., 1902. С. 299–308.
- Витухновский А. Л.* Англо-бурская война в оценке русской периодической печати // Ученые записки Петрозаводского университета. Т. XI. Вып. 1. Исторические науки. Вопросы истории. Петрозаводск, 1962. С. 96–121.
- Витухновский А. Л.* Из истории англо-русских отношений на Среднем Востоке в начальный период англо-бурской войны // Ученые записки Петрозаводского университета. Т. 7. Вып. 1. Петрозаводск, 1957.
- Витухновский А. Л.* Россия и англо-бурская война. Дис. ... к.и.н. Ленинградский государственный университет, 1949.
- Власенко В. М.* Вони творили нашу велич. Біла Церква, 2016. 300 с.
- Возвращение с Дальнего Востока // Московские ведомости. 24 января (6 февраля) 1901. № 24. С. 4.
- Воззвания Голландского комитета за подписью Гиллота, 16 ноября 1899 г. и б/д. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 2110. Оп. 1. Д. 76.

- Волков С.В.* Офицеры Российской гвардии: опыт мартиролога. М.: Русский путь, 2002.
- Вопросы политики // Сын отечества. 11 декабря 1899. № 336. С. 1.
- Вопросы политики // Сын отечества. 21 ноября (3 декабря) 1899. № 316. С. 1.
- Воронков В.М.* Англо-бурская война. (1899–1902 гг.). Краткий военно-политический очерк / Краснознаменная военная академия РККА им. М.В. Фрунзе. М.: Лит. им. К. Ворошилова, 1933. 68 с.
- Воропаева Н.Г.* Англо-бурская война 1899–1902 годов в донесениях российских дипломатов и военных агентов. Дис. ... к.и.н. Институт Африки РАН, 2004.
- Воропаева Н.Г., Вяткина Р.Р., Шубин Г.В.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев. М.: Восточная литература РАН, 2001. 528 с.
- Воропаева Н.Г., Вяткина Р.Р., Шубин Г.В.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. глазами русских военных агентов // Мир Истории. № 4. М., 1999.
- Воропаева Н.Г., Логинов Н.А.* Вооруженные силы Великобритании // Сержант. 2005. № 30 (1).
- Воропаева Н.Г., Шубин Г.В.* Англо-бурская война. Вооруженные силы Оранжевой Республики и Трансвааля // Сержант. 2003. № 27 (3).
- Воспоминания бурского генерала Хр. Девета. Борьба буров с Англией / Перевод с голландского оригинала Е.Н. Половцовой; с введением, примечанием и дополнениями голландского пастора Гиллота. СПб.: А.Ф. Маркс, 1903.
- Воспоминания Веры Мухиной. Текст записи бесед Александра Бека и Лидии Тоом со скульптором В.И. Мухиной 12.11.1939–09.03.1940. <http://muhina.ru/papers.php?i=3&s=3> (дата обращения: 22.02.2007).
- Вступительное слово Е.Н. Половцовой к демонстрации «световых картин» об англо-бурской войне (история буров). Пояснительный текст А.В. Половцова к демонстрации световых картин. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1376 б.
- Вышеславцев А.* Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах. СПб.; М.: М.О. Вольф, 1867. 592 с.
- Вяткина Р.Р.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. в русских документах // Преподавание истории в школе. 1991. № 4. С. 14–27.
- Галина Г.* Бур и его сыновья // Песни и романсы русских поэтов / вступ. ст-я, подготовка текста и примечания В.Е. Гусева. М.-Л.: Советский писатель, 1965. С. 873–874.
- Гарт Дж.* Толкин и великая война. На пороге Средиземья. М.: АСТ, 2022. 480 с.
- Гей Н.И.* Буры в Петербурге // Новости и Биржевая газета. 1901. № 32 – № 33. С. 3.
- Гелла Т.Н.* Либерал-империалисты и англо-бурская война 1899–1902 гг. // Некоторые проблемы внешней политики Англии XIX–XX вв. Курск, 1986. С. 54–63.

- Гелла Т.Н. У. Гладстон, либералы и Британская империя в последней трети XIX века. Орел: Изд-во ОГУ, 2008. 294 с.
- Герье В.И. Буры и почему следует желать им успеха. СПб.: Голланд. ком. для оказания помощи ранен. бурам, 1900. 48 с.
- Гладышев А.В. Антропологический поворот в военной истории // Диалог со временем. 2017. Вып. 59. М.: ИВИ, 2017. С. 136–150.
- Гладышев А.В. Военная история без истории сражений // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 151–169.
- Глинка М. Маневры памяти: очерки. СПб.: Лимбус Пресс, 2017.
- Голландская реформатская церковь в Санкт-Петербурге (1717–1927). Сборник статей. СПб.: Русско-балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2001.
- Головачев В. Война Англии с южноафриканскими республиками // Морской сборник. СПб. 1901. № 5–12; 1902. № 1–12; 1903. № 1–9.
- Головачев В. Война Англии с южноафриканскими республиками. СПб., 1905. 68 с.
- Голосова А.А. Ассиметричные конфликты в Британской империи в сочинениях У. Черчилля // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 309–313.
- Голубев А.В. Инокультурные представления в российской истории // «Свой»/«Чужой» в кросс-культурных коммуникациях стран Запада и России. СПб., 2020. С. 105–125.
- Горелик Б.М. Российская иммиграция в Южную Африку: вчера и сегодня. М.: Институт Африки РАН, 2007. 255 с.
- Государственная дума первого призыва. Ч. 1. М., 1906.
- Грибанова В.В. «Русский в отряде коммандос» (к истории участия российских добровольцев в англо-бурской войне 1899–1902 гг.) // Азия и Африка сегодня. 2023. № 4. С. 77–80.
- Гурвич Г. Политический строй Южноафриканского союза // Советское государство. 1936. № 5.
- Гурко В.И. Донесения Генерального штаба подполковника Гурко, командированного на театр военных действий в Южной Африке. СПб., 1900. 55 с.
- Гусев В.Е. Примечания // Песни и романсы русских поэтов / вступ. ст-я, подготовка текста и примечания В.Е. Гусева. Большая серия. 2-е изд. М.-Л.: Советский писатель, 1965. С. 963–1077.
- Давидсон А. Я их люблю. Страницы жизни. М.: МИК, 2008.
- Давидсон А., Филатова И. Россия и Южная Африка. Три века связей. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшая школа экономики (ГУ-ВШЭ), 2010. 332 с.
- Давидсон А.Б. Первая большая война XX в. (англо-бурская война 1899–1902 гг.) // Азия и Африка сегодня. 1982. № 8. С. 58–61.
- Давидсон А.Б., Филатова И.И. Англо-бурская война и Россия // Новая и новейшая история. 2000. № 1. С. 31–51.
- Деборин Г. А. Международные отношения до Первой мировой империалистической войны (1871–1914 гг.). В помощь марксистско-ленинской учебе

- начальствующего состава Красной Армии. Москва: Воениздат, 1941. 103 с.
- Девет Х.Р.* Война буров с Англией. М.: Вече, 2017. 412 с.
- Детские дневники (тетради) К.А. Половцовой. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2042. Д. 2044.
- Детские дневники К.А. Половцова. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1654. Оп. 1 Д. 2132.
- Деятели революционного движения в России. Том 3. Вып. 2. М., 1934.
- Дионео [Шкловский И.В.]* Из Англии // Русское богатство. 1900. № 1. С. 120–147.
- Дионео.* Очерки современной Англии. СПб., 1903.
- Дневник Николая II. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 240.
- Дневники святого Николая Японского. Саппоро: Изд-во Хоккайдского университета, 1994.
- Доиль А.К.* Англо-бурская война 1899–1902. СПб.: Азбука, 2018. 732 с.
- Докладная записка «О направлении роста вооружений капиталистических стран в 1927–1934 гг.» Российский государственный военный архив. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 593с. Л. 23–24.
- Дон-Аминадо.* Поезд на третьем пути. Нью-Йорк: Изд-во Чехова, 1954.
- Донесения военного агента в Лондоне Генерального штаба полковника Ермолова о военных действиях англичан в Трансваале. СПб., 1900.
- Дробов М.А.* Малая война: партизанство и диверсии. М.: Гос. воен. изд-во, 1931. 147 с.
- Дроговоз И.Г.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. Минск: Харвест, 2004. 400 с.
- Егоров А.М., Егоров И.А.* Норне-Гест и Гэндальф: сравнительный анализ образа вечного странника в произведениях Йенсена и Толкина // Творчество Дж.Р.Р. Толкина в историко-литературном контексте. Международная научная конференция к 130-летию со дня рождения Дж.Р.Р. Толкина. 13–16 января 2022 г. Сб. материалов (докладов) / Отв. ред. А.Л. Гумерова, В.С. Сергеева. ИМЛИ РАН. М.: ТРП, 2022. С. 99–113.
- Егоров А.М., Егоров И.А.* Философский анализ современных войн: соотношение теоретических подходов // Трансформация современной войны. II Всероссийская научная конференция, Омск, 21 октября 2022 г. Сборник материалов. Омский автобронетанковый инженерный институт, 2022. С. 63–69.
- Егоров А.М.* Иррегулярные формирования в истории правоохранительной деятельности // Правоохранительные органы России: проблемы формирования и взаимодействия. Научно-практическая конференция с международным участием, Псков, 11–12 ноября 2021 г. Сборник материалов. Псков: Академия ФСИН России, Псковский филиал, 2022. С. 84–88.
- Елисеев Л.* Родной Донбасс // О родине, о мужестве, о славе. Стихи и песни фронтовиков дней Великой Отечественной войны – современное русское

- народное письменное творчество, собранное и подготовленное к печати И.И. Дорониным. М.: Советская Россия, 1975. С. 201.
- Ерусалимский А.С.* Германский империализм и возникновение англо-бурской войны // Германский империализм: история и современность (Исследования, публицистика). М., 1964.
- Железные дороги южноафриканского театра военных действий // Журнал Министерства путей сообщений. № 8. СПб., 1899. С. 113–116.
- Заболотный В.М.* Англо-бурская война 1899–1902 гг.: начало упадка Британской империи // Вестник РУДН. Всеобщая история. 2011. № 3. С. 63–73.
- Задорожнюк И., Задорожнюк Э.* Неусвоенные уроки преддверия Первой мировой войны // Свободная мысль. 2017. № 5 (1665). С. 67–84.
- Засодимский П.* Открытое письмо к м-ру Чемберлену // Сын отечества. 4 (16) ноября 1899. № 299. С. 2.
- Засодимский П.* По поводу сообщения г. Мартенса // Сын отечества. 17 (29) ноября 1899. № 312. С. 2.
- Защита диссертации А.Ф. Остальцевой // Историк-марксист. 1940. № 12. С. 138–139.
- Зусманович А.З.* Империалистический раздел Африки: Популярные очерки. М.: Изд-во вост. лит., 1959.
- Зыгарь М.* Война и миф. М.: АСТ, 2018. 300 с.
- И.С.* Спасение пленных буров в Коломбо (Рассказ очевидца) // Новости дня. 30 января (12 февраля) 1901. № 6357. С. 2.
- Из архива А.Н. Потресова. Вып. 1. М., 2007.
- Из русской прессы. Боэры и наш мужик // Сын отечества. 9 (21) ноября 1899. № 304. С. 2.
- Из текущей жизни // Выходы. 1 марта 1901. С. 256.
- Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. 322 с.
- Исаковский М.В.* Собрание сочинений: В 5 т. М.: Художественная литература, 1981.
- История Африки в XIX – начале XX в. М.: Наука, Гл. ред. восточной литературы, 1967.
- Итоги неурожайного года // Сын отечества. 6 (18) октября 1899. № 270. С. 1.
- Ільєнко І.* Юрій Будяк // 3 порога смерті: письменники України – жертви сталінських репресій / Упоряд. О.Г. Мусієнко. Вип. 1. Київ: Радянський письменник. 1991. С. 77–79.
- Канфора Л.* Демократия. История одной идеологии. СПб., 2012. 502 с.
- Капские женщины и трансваальская война // Мир Божий. № 9. Отд. 2. СПб., 1900. С. 47–48.
- Карташова Л.А.* Аполлон Борисович Давидсон. Итоги многолетних размышлений, 1956–2019 (К 90-летию со дня рождения). М., 2019. С. 50–51.
- Каценельбаум З.С.* Южноафриканское золото и обострение англо-американских противоречий. М.: Госфиниздат, 1954.

- Кертман Л.Е.* Англо-бурская война и английский рабочий класс // Ученые записки Пермского института. Т. 21. Вып. 4. Пермь, 1962. С. 3–12.
- Кияшко Р.* Скоро грянут буры // Российская газета. 9 июля 2018. № 146. С. 8.
- Кожухаров А.Н.* Обучению на болгарските военноморски офицери зад граница (1882–1944). Дис. ... д.н. Висше военноморско училище «Н.Й. Вапцаров», Варна, 2020.
- Козюра І., Козюра В.* Письменник-краянин Юрій Будяк // Рідний край. 2012. № 2 (27). С. 285–287.
- Колония пленных буров на Цейлоне // Мир Божий. № 4. отд. СПб., 1901. С. 49–50.
- Конец южноафриканской войны. Печальные итоги. Содержание и характер мирных условий // Вестник Европы. 1902. № 7. С. 364–371.
- Кончак [Половцов А.В.]* Буры в Петербурге // Новое время. 1 (14) февраля 1901. № 8956. С. 3–4.
- Короленко В.Г.* Избранные письма. Т. 2. М., 1932.
- Корочанцев В.* «Трансвааль, Трансвааль, страна моя, ты вся горишь в огне» // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 123–128.
- Корреспонденция «Нового времени» // Новое время. 21 января (3 февраля) 1901. № 8945. С. 2.
- Котляр Д.* Герои Южной Африки. Республики Трансвааль и Оранжевая. История, страна, нравы. СПб., 1900. 144 с.
- Краюшкина Т. В.* Народная песня «Трансвааль» в русской прозе 20-х гг. XX в. – начала XXI в. // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 160–172.
- Креленко Н.С.* А.Ф. Остальцева: провинциальный историк в интерьере эпохи // Историк и общество: отечественное англоведение 1917–1991 гг. / отв. ред. М.П. Айзенштадт. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 102–115.
- Кривоногова С.А.* Англо-бурская война и эволюция образа Англии в российском общественном сознании // Вестник Южно-Уральского гос. университета. 2011. № 9 (226). Социально-гуманитарные науки. Вып. 16. С. 31–33.
- Крижанівський С.А.* Будяк Юрій Якович // Енциклопедія Сучасної України. Т. 3: «Біо» – «Бя» / гол. редкол.: І.М. Дзюба., А.І. Жуковский, М.Г. Железняк та ін. Ін-т енциклопедичних досліджень НАН України. Київ, 2004. 695 с.
- Крюгер П.* Трансвааль в огне. М.: Вече, 2021. 286 с.
- Кузнецова О.Н.* Русские подданные против английского правительства (дела о возмещении убытков после англо-бурской войны) // Исследовано в России. 2002. С. 1676–1685.
- Кульбакин В.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. // Военно-исторический журнал. 1941. № 1. С. 75–93.
- Куприянова Л.* Депутаты первого призыва после роспуска Государственной думы // Былое. 1907. № 2. С. 24–34.
- Куракин В.В.* Некоторые вопросы американско-английских отношений в период англо-бурской войны // XXX Герценовские чтения: Научные доклады. Исторические науки. Л., 1977. С. 77–81.

- Лебедев В.Т.* Начало и конец англо-бурской войны. СПб., 1900.
- Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 26. М.: Издательство политической литературы, 1969.
- Лесовиченко А.М.* Современный русский патриотизм и опыт войны 1812 года // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2012. № 27. С. 26–29.
- Летц А.Ф.* История бурского народа, политика Англии в Южной Африке и причины последней англо-бурской войны. Ташкент. 1901. 191 с.
- Люттвак Э.* Стратегия: логика войны и мира. М., 2022. 448 с.
- М.О.М. [Меньшиков М.О.]* Отклики // Неделя. 31 октября 1899. № 44. Стб. 1464–1465.
- Магонь Ю.* Юрій Будяк. До 20-річного ювілею літдіяльності // Плужанин. 1926. № 2 (8). С. 28–29.
- Маевский В.* Трансваальская война и самобытная тактика буров. Тифлис, 1900. 28 с.
- Малкин С.Г.* От малых войн к герилье: имперская школа военной мысли Великобритании в эпоху Интербеллума // Новая и новейшая история. 2021. № 6. С. 22–30.
- Мария З.* Как я была добровольцем в Трансваале. Киев, 1901. 48 с.
- Марков В.* Война в Южной Африке. Очерк тактических действий англичан и буров // Военный сборник. № 2. Отд. 1. СПб., 1900. С. 329–361.
- Маркс Ш.* Роза Бургер, бурская героиня, или Золотоискатели в Трансваале. В 4 т. М.: Престиж Бук, 2016.
- Маршак С.* Сочинения в 4 т. М.: Гослитиздат, 1960.
- Мельникова Т.* Англо-бурская война на страницах русской прессы // Международный исторический журнал. 2000. № 8.
- Меновицков Р.* Россия и южноафриканские республики в конце XIX – начале XX в. // Дипломатический вестник МИД. 1991. № 7.
- Милиции и постоянные армии* // Вестник иностранной военной литературы. 1902. № 10. С. 1023–1036.
- Минко В.* Червоний Парнас: сповідь колишнього плужанина. Київ: Радянський письменник, 1972. 230 с.
- Михайлова О.А.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. как переломный момент в истории британской дипломатии // Социальные и гуманитарные исследования сегодня: непредсказуемое прошлое, неопределенное будущее. XVI Всероссийская (с международным участием) научная конференция, Томск, 21–23 апреля 2021 г. Сборник материалов / Отв. ред. Д.Н. Шевелев, И.А. Дунбинский. Томск: Нац. исслед. Томский гос. ун-т, 2021. С. 411–416.
- Михайловский Н.К.* «Прогресс как эволюция жестокости» г. М. Энгельгардта // Русское богатство. 1900. № 2. С. 139–147.
- Могилянский Б.Г.* Некоторые итоги и перспективы методологических исследований в отечественной историографии // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 9–20.

- Мокишин Г.Н. Эволюция идеологии легального народничества в последней трети XIX – начале XX вв. Воронеж, 2010.
- Монкевиц Н. Англо-бурская война // Варшавский военный журнал. 1899. № 12; 1900. № 1–4, № 6–7.
- Морозов Н. Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб., 1910.
- Начало и конец англо-бурской войны 1899–1900. (Составлено по новейшим иностранным сочинениям.). СПб., 1900. 31 с.
- Наши Трансвааль // Героическая поэзия гражданской войны в Сибири / сост. Л.Е. Элиасов. Новосибирск: Наука, 1982. С. 214–215.
- Нездевецкий В. Продовольствие английских войск в Южной Африке // Интендантский журнал. 1900. № 3. С. 115–127.
- Нездевецкий В. Продовольствие английских войск во время похода на Блумфонтейн // Интендантский журнал. 1900. № 8. С. 97–107.
- Нездевецкий В. Служба железных дорог и обозов в южноафриканскую войну // Интендантский журнал. 1902. № 5. С. 26–39.
- Незнамов В., Ленни С. Буры из Трансвааля: Шутка-фарс в 3 действиях. СПб.: Театр. отд. кн. маг. газ. «Новости», 1900. 57 с.
- Некоторые итоги англо-бурской войны // Вестник иностранной военной литературы. 1902. № 8. С. 839–850.
- Неопубликованная рукопись Е.Н. Половцовой «О борах». РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1634.
- Никитина И.А. Борьба классов и партий в Англии во время англо-бурской войны // Труды кафедры новой и новейшей истории Мос. гос. пед. института. Из истории национально-освободительного движения. Т. 244. М., 1967. С. 195–297.
- Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902). М., 1970. 213 с.
- Никитина И.А. Империалистическая агрессия Англии в Южной Африке в конце XIX – начале XX вв. в освещении буржуазных историков // Ученые записки Мос. гос. пед. института. № 275. Вопросы историографии. М., 1967. С. 184–197.
- Никитина И.А. Империалистическая политика Англии в Южной Африке в 1902–1914 гг. // Международные отношения и внешняя политика СССР: история и современность. М.: Наука, 1977. С. 266–276.
- Никитина И.А. США и англо-бурская война // Новая и новейшая история. № 1, 1960. С. 40–52.
- Николай Романов об англо-бурской войне // Красный Архив. 1934. Т. 2. С. 124–126.
- Ниман А. Питер Мариц, молодой бур из Трансвааля / Пер. с разреш. авт. с 6-го нем. изд. А. и П. Ганзен. 2-е изд. СПб.: А.Ф. Девриен, 1912. 475 с.
- Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1. Учебник для историч. фак-тов гос. ун-тов и пед. ин-тов / Под ред. С.Н. Ростовского, И.М. Рейснера и др. Институт истории Академии наук СССР. Сектор истории колониальных и зависимых стран. М.: Соцэкгиз, 1940. 784 с.

- Новичков А.В., Резников А.А. Военно-стратегическая подготовка Великобритании в годы второй англо-бурской войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 4(90). Тамбов, 2018.
- Окроков А. Русские добровольцы. М.: Яуза: Эксмо, 2007. 365 с.
- Орловский С.Н. Русский добровольческий отряд Красного Креста под руководством Н.И. Кускова на англо-бурской войне // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 3.
- Павлович М. (Вельтман М.Л.) Что доказала англо-бурская война? Регулярная армия, или милиция в современной обстановке. Одесса. 1901. 44 с.
- Памятка о «Братине» и «Послании» от русских людей Питу Кронье и его буррам. СПб.: Товарищество художественной печати, 1901.
- Парфенов И.Д. Полвека научно-педагогической деятельности (К 75-летию профессора А.Ф. Остальцевой) // Новая и новейшая история. Межвузовский научный сборник. Вып 4. Саратов: Изд-во СГУ, 1978. С. 144–154.
- Паустовский К. Далекие годы: повесть о детстве и юности. М.-Л.: Детская литература. 1946. 332 с.
- Пахмурин Ю.В. Иностранные добровольцы в англо-бурской войне // Доброволец – XX век. М., 2007.
- Певницкий А. Об огнестрельных ранениях в англо-бурскую войну // Военно-медицинский журнал. 1900. № 8. С. 2271–2282.
- Перевозка английских войск в Южную Африку // Морской сборник. 1900. № 10. Отд. 2. С. 81–84.
- Передерій І.Г., Домаренко О.Я. Юрій Будяк (Покос) – український освітянин і літератор, який вплинув на світову історію // Репресована культура України: регіональний вимір: Матеріали Всеукраїнської науково-практичної Internet-конференції 9 квітня 2015 р. / відп. ред. І.Г. Передерій. Полтавський нац. тех. ун-т ім. Ю.Кондратюка. Полтава: ПолтНТУ. 2015. С. 59–65.
- Петраш О.Н. Позиция правящих кругов России и общественная мысль относительно англо-бурской войны 1899–1902 гг. Дис. ... к.и.н. Черновицкий нац. университет, 2005.
- Петров А.А. Англо-бурская война. Регулярные формирования бурских республик // Сержант. 2004. № 28 (1). С. 3–12.
- Петухов Л.А. Между варварством и цивилизацией: англо-бурская война на страницах российского внешнеполитического официоза // Отечественная история. 2007. № 1.
- Петухов Л.А. Образ Великобритании в российском общественном мнении в период англо-бурской войны (1899–1902 гг.). Дис. ... к.и.н. Государственный университет гуманитарных наук, 2009. 264 с.
- Пименова Э. Президент Крюгер и англо-бурская война (по его мемуарам) // Образование. № 1. Отд. 2. СПб., 1903. С. 126–152. № 2. Отд. 2. С. 75–94.
- Письма И.Е. Релина Анатолию Викторовичу Половцову. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 601. Оп. 1.Д. 699.

- Письменники Радянської України. 1917–1987: бібліогр. довід. / Авт.-упоряд. В.К. Коваль, В.П. Павловська. Київ: Радянський письменник. 1988.
- Письмо А.И. Фризеля Анатолию Викторовичу Половцову. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 601. Оп. 1. Д. 782.
- Поггенполь М.Ю. Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время XXV-летнего его существования. СПб.: Тип. А. Бенке, 1903.
- Поздняков Д.М. Буры и Англия перед судом современной науки. Публичная лекция. Борисоглебск, 1900. 84 с.
- Покровский М.Н. Империалистическая война. 1915–1930. М.: Либроком, 2010. 342 с.
- Попытка голландского посредничества в бурской войне // Вестник Европы. 1902. № 3. С. 366–368.
- Потехин И.И. Формирование национальной общности южноафриканских банту. М.: Изд-во АН СССР, 1955.
- Протасов М. Буры и англичане. СПб., 1900. 48 с.
- Прочко И.С. История развития артиллерии: с древнейших времен и до конца XIX века. СПб.: АОЗТ «Полигон», 1994. 323 с.
- Рабинович М.Б. «Набег Джемсона» и телеграмма Вильгельма II Крюгеру (от 3 января 1896 г.). К вопросу о методах провокации войны германским империализмом // Ученые записки Лен. университета. Исторические науки. 1939. Вып. 3. С. 241–256.
- Рабинович М.Б. Вторжение Джемсона в Трансвааль в 1895 году // Страны и народы Востока. 1973. Вып. 15. С. 113–125.
- Рабинович М.Б. Подготовка к вторжению в Трансвааль в конце XIX в. (Из прошлого британского колониализма) // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 344–359.
- Рабинович М.Б. Суд над доктором Джемсоном. (Об одном из последствий британской провокации в Южной Африке) // Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1987. С. 221–232.
- Разумный В.В., Чаленко В.В. Влияние националистических идей на становление режима апартеида в ЮАС в первой половине XX века // Вестник Донецкого нац. университета. Гуманитарные науки. 2019. № 3. С. 69–74.
- Рогачев И.И. Россия и ЮАР: 30 лет дипломатических отношений // Международная жизнь. 2022. № 3. С. 82–87.
- Роза Бургер, бурская героиня, или Золотоискатели в Трансваале. Роман из англо-бурской войны. М.: Memories, 2009.
- Ромейко-Гурко В.И. Война Англии с южноафриканскими республиками 1899–1901 гг. СПб.: Военно-учетный комитет Главного штаба, 1901. 335 с.
- Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX века. Изд-во АН СССР, 1960.
- Рубанов В. От Петербурга до Претории. СПб., 1900.
- С. Ст. [Рапопорт С.И.] Симпатии к бурам // Неделя. 1899. № 41. С. 1339–1340.

- Савицкий В.Д.* Три века российского самовластия: сомнения, недоумения, коррективы. СПб., 2004. 656 с.
- Санкт-Петербург–Трансвааль. 1900 год. Илл. изд. Голл. комитета для оказания помощи бурам. СПб.: Худож. фототипия и цинкография А.И. Вильборг, 1900. 35 с.
- Сатурин Д. [Соскис Д.С.]* Война, печать и дипломатическая мораль (в Трансваальской войне) // Жизнь. 1900. № 3.
- Сатурин Д. [Соскис Д.С.]* Об англо-трансваальском конфликте // Жизнь. 1899. № 8. С. 250–262.
- Сачко Д.В.* Творча та громадська діяльність Є.К. Гуменної за нацистського режиму у Києві (1941–1943 рр.) // Література та культура Полісся. Вип. 87. Історичні науки. 2017. № 7. С. 155–163.
- Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. Т. II. М.–Л., Военгиз, 1928.
- Сиим М.Ю.* Можно ли изучать Африку вне Африки // Манифестация. Уч.-теор. журнал Лен. шк. африканистики. 2000. № 1. С. 104–108.
- Скворцов О.* Из-за золота и бриллиантов у буров. СПб., 1900. 112 с.
- Славкина Г.Б.* Английский рабочий класс и англо-бурская война. (К критике концепции Р. Прайса) // Новая и новейшая история. Вып. 7. Саратов, 1983. С. 136–148.
- Сокин А.А.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. в отечественной историографии // Исторический ежегодник. Омский гос. ун-т им.Ф.М. Достоевского. 2005/2006. Омск, 2007.
- Состав Трудовой группы в I и II Государственных думах. М., 1988.
- Стамбулов В.* Именем Джинго (к 40-летию англо-бурской войны) // Красная новь. 1940. № 5/6. С. 264–276.
- Становление отечественной африканистики 1920-е – начало 1960-х. Сборник статей / Институт всеобщей истории РАН; Центр африканских исследований, Институт стран Азии и Африки при МГУ им. М.В. Ломоносова; Центр «История Африки», отв. ред. А.Б. Давидсон. Москва: Наука, 2003. 389 с.
- Странник.* Трансваальская война и ее итоги. Причины и цели войны. Значение войны для России // Русский Вестник. 1900. № 6. С. 698–707.
- Страшевский Г.* Трансвааль, Трансвааль... <https://www.stihi.ru/2014/09/04/9070> (дата обращения: 10.12.2019).
- Сурин Г.* Побег // Природа и люди. 22 февраля 1901. № 17. С. 266–268.
- Суслина И.В.* Английская социал-демократия и «рейд Джемсона» // Ученые записки Пермского университета. Т. 149. Пермь, 1966. С. 104–111.
- Татарский В.* Встреча с песней. Выпуск 41 (1969 г.). <https://www.youtube.com/watch?v=r2gJi6xWouk> (дата обращения: 26.10.2022).
- Театральная энциклопедия. Т. III. М.: Советская энциклопедия, 1964.
- Телеграммы 19-го января // Новое Время. 20 января (2 февраля) 1901. № 8944. С. 2.
- Тетрадь с записями Е.Н. Половцовой о закупках белья, обмундирования и др. вещей для Русско-голландского лазарета. Списки пожертвований разных лиц в пользу лазарета. РГИА. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 1597.

- Толкушкин П. Конная пехота по опыту англо-бурской войны // Военный сборник. 1903. № 8.
- Трансвааль // Военный сборник. 1900. № 2. Отд. 2. С. 47–56.
- Трансвааль // Выходы. 1 ноября 1899. С. 759.
- Трансвааль, Трансвааль, страна моя... // Русские народные песни / вступит. ст., сост. и прим. А.М. Новиковой. М.: Художественная литература, 1957. С. 440.
- Трансваальская война и неожиданный британский шовинизм. Образчики воинственной поэзии. Речи лорда Солсбери, Бальфура и Чемберлена. Фактические недоразумения и недомолвки. Особенности английского настроения // Вестник Европы. 1899. № 12. С. 839–848.
- Туманов А.Г. Англо-бурская война 1899–1902 годов в оценке русских современников // Запад-Восток. 2010. № 3. С. 43–49.
- Український радянський енциклопедичний словник в 3-х томах / відп. ред. А.В. Кудрицький. 2-е вид. Київ.: голов. ред. УРЕ. 1986–1987.
- Фадеев А. Избранные статьи, речи и письма о литературе и искусстве. М.: Советский писатель, 1957.
- Федорова В.И. Революционный народник, ученый и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск, 1988.
- Филатова И.И. Центр африканских исследований ИВИ РАН: место в советской, российской и зарубежной африканистике // История. 2022. Т. 13. № 3 (113). <https://history.jes.su/s207987840020256-0-1/>
- Хритинин В.Ю. Документы по истории дипломатических отношений России и Южно-Африканской Республики (Трансвааля) в конце XIX – начале XX в. // Вестник восточного института. 1999. Т. 5. № 2 (10).
- Художники народов СССР: биобиблиографический словарь в 6 т. Т. 4. Кн. 2. СПб.: Гум. агент. Академический проект, 1995.
- Цветаева А. Из прошлого // Новый мир. М., 1966. № 1.
- Цетлин М. Война буров за независимость (1899–1902 гг.) М.: Гос. Воен. изд-во Наркомата Обороны СССР, 1940. 40 с.
- Черкашина Т.Н. Англо-бурская война в английской историографии XX – начала XXI вв. Дис. ... к.и.н. Омский гос. ун-т, 2007.
- Чернецький Є. «Государь Император всемилостейше соизволил»: епізод 1912 р. на шляху перетворення селянина Григорія Пукаса на письменника Юрія Будяка / XLVI Красназавчі читання імені о. Петра Лебединцева. 12 квітня 2019 р. Біла Церква. С. 16–19.
- Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. Расстрелянная элита РККА. Комбриги и им равные. 1937–1941. М.: Кучково поле, 2014. 528 с.
- Черчилль У. Мои ранние годы: 1874–1904 / пер. с англ. Е. Осеневой, В. Харитоновой. М.: Колибри. 2011. 368 с.
- Чистович С.Я. Медицинская помощь в Трансваале. СПб., 1901. 27 с.
- Шаповалова Т.В. «Эта война – величайшее безрассудство наших дней» // Военно-исторический журнал. 1999. № 5. С. 48–58.

- Шаповалова Т.В.* Англо-бурская война 1899–1902 гг. и Россия. Дис. ... к.и.н. Мос. гос. откр. пед. университет, 1995.
- Шелковников Б.* Бота и Девет (Эпизоды из англо-бурской войны по рассказам очевидцев) // Вестник иностранной военной литературы. 1901. № 4. С. 428–435; № 5. С. 546–551.
- Шмитт К.* Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М.: Практис, 2007. 299 с.
- Штиглиц А.Н.* Великобритания и ее южноафриканская политика // Новый век. 1900. № 5–9.
- Шубин В.* Россия и Южная Африка: воображение и действительность // Неприкосновенный запас. 2020. № 132 (4). С. 304–317.
- Шубин Г.В.* Российские добровольцы в англо-бурской войне 1899–1902 гг. (по материалам Российского Государственного военно-исторического архива и воспоминаниям очевидцев). М.: XXI век-Согласие. 2000. 217 с.
- Шубин Г.В.* Участие российских подданных в англо-бурской войне (1899–1902 гг.) М.: Институт Африки РАН, 1999. 132 с.
- Шубин Г.В., Яковлев А.В.* «Лучше целых десять лет сражаться с англичанами...» // Военно-исторический журнал. 2002. № 2. С. 73–75.
- Щеглов В.* Возобновление разрушенных дорог в англо-бурской войне 1899–1902 гг. // Инженерный журнал. 1905. № 12. С. 1283–1330.
- Щеглов В.* Железные дороги на театре войны в Южной Африке 1899–1902 // Инженерный журнал. 1903. № 1. С. 121–157.
- Эммануэль В.* Военно-административный очерк англо-бурской войны // Интендантский журнал. 1904. № 10, 11, 12; 1905. № 1, 2.
- Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 1 и 2. М.: Советский писатель, 1961.
- Юг.* Империализм на черном континенте. М.: Московский рабочий, Мос. обл. отд., 1929.
- Южаков С.Н.* «Империализм», «Weltpolitik» и текущие дела // Русское богатство. 1900. № 11. С. 138–156.
- Южаков С.Н.* Военное положение в Южной Африке. Финансовое положение в Южной Африке // Русское богатство. 1901. № 6. Ч. 2. С. 167–178.
- Южаков С.Н.* Война в Южной Африке // Русское богатство. 1899. № 9 (12). Ч. 2. С. 54–68.
- Южаков С.Н.* Год 1900 // Русское богатство. 1900. № 12. С. 199–216.
- Южаков С.Н.* О веке и годе минувшем // Русское богатство. 1900. № 1. С. 195–210.
- Южаков С.Н.* Текущие события // Русское богатство. 1900. № 5. С. 143–159.
- Южаков С.Н.* Южно-Африканская война // Русское богатство. 1900. № 3. С. 94–112.
- Южноафриканская война и ее последствия для Англии. Полемика против Чемберлена в германской печати. Англичане перед судом международного права. Обычные проявления права войны. Вопрос о третейском суде по южноафриканским делам // Вестник Европы. 1901. № 12. С. 842–852.

Южноафриканская война. Сесиль Родс // Вестник Европы. 1902. № 4. С. 824–826.

Южноафриканская война. СПб., 1901. 139 с.

Юревич. Уроки южноафриканской войны в области обмундирования и снаряжения // Интендантский журнал. 1905. № 1–2.

Юровская Е.Е. Первые империалистические войны. М., 1963.

Ярмола О.В., Велика К.І. Білоцерківський період життя і творчості видатного українського письменника і громадського діяча Ю.Я. Будяка (Покоса) // «Восьмі Бердяєвські читання». Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Біла Церква, 2020. С. 43–45.

Ярмола О.В., Велика К.І. Історіографія життя і творчості письменника Юрія Будяка-Покоса в контексті Української революції // Молодий вчений. 2019. № 6.1 (70.1). С. 81–87.

Ярмола О.В., Велика К.І. Юрій Будяк (Покос) – письменник і громадянин: між реальним життям та легендами // Київщина: історія рідного краю. Матеріали обласної науково-практичної краєзнавчої конференції «Краєзнавчі читання імені Лаврентія Похилевича» / упоряд.: В.С. Перерва, О.Д. Рокицька. Біла Церква: КНЗ КОР «КОІПОПК». 2019. С. 94–95.

Яровой В.Д. Добровольный флот. СПб.: Галея-Принт, 2010.

Ј. Евреи в Южной Африке. Пережитое и виденное // Будущности. Науч.-лит.сборник. / под. ред. д-ра С.О. Грузенберга. Т. I. СПб., 1900.

A Century is a Short Time: New Perspectives on the Anglo-Boer War / ed. by I. Snyman, I. Liebenberg, G. Van der Westhuizen, M. Roos. Pretoria: Nexus Publishers, 2005. 507 p.

A Russian Fighting for the Boer Cause / ed. by B. Gorelik. Johannesburg: South African Military History Society, 2016. 52 p.

A Russian on Commando: The Boer War Experiences of Yevgeny Avgustus / ed. by B. Gorelik. Johannesburg, Cape Town, London: Jonathan Ball Publishers, 2022. 270 p.

A World at War, 1911–1949. Explorations in the Cultural History of War / ed. by C. Pennell, F.R. De Menses. Leiden; Boston: Brill, 2019. 376 p.

Alegi P. African Soccerscapes: How a Continent Changed the World's Game. London, 2010.

Allen D. Empire, War & Cricket in South Africa: Logan of Matjiesfontein. Cape Town, 2015.

Amery J. The Life of Joseph Chamberlain. Vol. 4. L., 1951. 533 p.

Andreades F. History of the Bank of England. 1640–1903. London, 1966. 512 p.

Ardagh S.H. The Life of Major-General Sir John Ardagh. L.: John Murray, 1909. 479 p.

Atwood R. Roberts and Kitchener in South Africa: 1900–1902. L.: Pen and Sword Military, 2012. 272 p.

Barnard C.J. The Five Swimmers. Roosenekal: Bienenedell Publishers, 2012.

- Barnard C.J.* Die vyf Swemmers. Die ontsnapping van Willie Steyn en vier medekrygsgevangenes uit Ceylon 1901. Kaapstad: Tafelberg, 1988.
- Barnett C.* Britain and Her Army, 1509–1970: A Military, Political and Social Survey. L.: Allen Lane the Penguin Press, 1970. 530 p.
- Bayer M.G.S.* Mit Hauptquartier in Südwestafrika. Berlin, 1909.
- Beckett I.F.W.* The Victorians at War. Hambledon, London, 2003. 272 p.
- Bleszynski N.* Shoot Straight, You Bastards! Sydney, 2003.
- Boereoorlogstories 2: 32 Verhale oor die Oorlog van 1899–1902 / ed. and comp. by J. Ferreira Cape Town, 2012.
- Boje J.* An Imperfect Occupation: Enduring the South African War. Urbana, 2015.
- Burke P.* The Siege of O'kiep: Guerrilla Campaign in the Anglo-Boer War. Bloemfontein: War Museum of the Boer Republics, 1995.
- Carr H., Lipscomb S.* What is History Now? How the Past and Present Speak to Each Other. London, 2021.
- Cloete P.G.* The Anglo-Boer War 1899–1902: 963 Days. Centurion: African Sun Media, 2020. 409 p.
- Cricket & Conquest: The History of South African Cricket Retold 1795–1914 / ed. by Odendaal A.; Reddy K.; Merrett C.; Winch J. Cape Town, 2016.
- Darch C.* On the right side of history: The trajectory of “domestic” African studies from Endre Sik to the present day // История. 2020. Vol. 1. No. 8 (94). <https://history.jes.su/S207987840011059-3-1> (дата обращения: 11.06.2023).
- Davidson A., Filatova I.* Russian doctors and nurses in the South African War // Historia. 1997. Vol. 42. No. 1. Pp. 49–60.
- Davidson A., Filatova I.* Seeking the secrets of war: Russian military observers in the South African War, 1899–1902 // Kleio. 1999. No. 30. Pp. 45–63.
- Davidson A., Filatova I.* The Russian Boer general // Historia. 1995. Vol. 40. No. 2. Pp. 20–38.
- Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town, Pretoria, Johannesburg: Human & Rousseau, 1998. 287 p.
- Davidson A., Filatova I.* The South African War and the Russian public // Alternation. 1997. Vol. 4. No. 2. Pp. 81–102.
- De Jager P., Raath A.* Wes-Transvaal: Militêre Brandpunt van die Anglo-Boereoorlog, 1899–1902. Pretoria, 2018.
- De Kiewiet CW.* The Anatomy of South African Misery. London, 1957.
- Divided Country: The History of South African Cricket Retold 1914–1950s / ed. by A. Odendaal, K. Reddy, C. Merrett. Cape Town, 2018.
- Empire & Cricket: The South African Experience 1884–1914 /. Ed. by B. Murray, G. Valed. Pretoria, 2009.
- Fergusson T.G.* British Military Intelligence, 1870–1914: The Development of a Modern Intelligence Organization. Frederick: University Publications of America, 1984. 280 p.
- Filatova I., Davidson A.* The Hidden Thread. Russia and South Africa in the Soviet Era. Johannesburg: Jonathan Ball Publishers, 2013. 553 p.
- Fitzpatrick J.P.* South African Memories. L.: Cassell and Company Ltd., 1932.

- Fitzsimons P.* Breaker Morant: The Epic Story of the Boer War and Harry 'Breaker' Morant: Drover, Horseman, Bush Poet, Murderer or Hero? London, 2020.
- Gordon B. L.* Between Two Worlds: The Memoirs of a Physician. New York: Bookman Associates, Inc, 1952.
- Gorelik B.* The Russian corps in the Anglo-Boer War: two months of misfortune // Military History Journal. 2020. Vol. 19. No. 1. Pp. 10–17.
- Gorelik B.* Transvaal, strana moja // Rapport. 15 Desember 2019. Pp. 10–11.
- Green L.G.* To the River's End. Cape Town, 1955.
- Green S.* Anglo-Boer War Blockhouses: A Military Engineer's Perspective. Johannesburg, 2020.
- Grundlingh A.* Potent Pastimes: Sport and Leisure Practices in Modern Afrikaner History. Pretoria, 2013.
- Guha R.* Gandhi before India. London, 2013.
- Hartley L.P.* The Go-Between. London: Hamish Hamilton, 1953. 296 p.
- Heunis V.* Krygsgevangenekuns in die Anglo-Boereoorlog. Pretoria, 2022.
- Horne J.* End of a Paradigm? The Cultural History of the Great War // Past & Present. 2019. Vol. 242. No. 1. Pp. 155–192.
- Izedinova S.* A Few Months with the Boers: The War Reminiscences of a Russian Nursing Sister / trans. and ed. by C. Moody. Johannesburg: Perskor Publications, 1977. 258 p.
- Jan Smuts: Son of the Veld, Pilgrim of the World. A Reappraisal / ed. by Du Pisani K. Pretoria, 2019.
- Kandyba-Foxcroft E.* Russia and the Anglo-Boer War, 1899–1902. Roodepoort: CUM Books, 1981. 407 p.
- Katz D.* General Jan Smuts and His First World War in Africa, 1914–1917. Oxford, 2022.
- Kessler S.* The Black Concentration Camps of the Anglo-Boer War 1899–1902. Bloemfontein: War Museum of the Boer Republics, 2012. 352 p.
- Khumalo F.* The Longest March. Cape Town, 2019.
- Kieran B.L.* O'kiep: The Defence and Relief of O'kiep, Cape Colony, 4 April to 4 May 1902. Bournemouth: Bourne Press, 1995.
- Kochanski H.* Planning for War in the Final Years of Pax Britannica, 1889–1903 // British General Staff: Reform and Innovation / ed. by D. French, B.H. Reid. L.: Routledge, 2002. Pp. 8–22.
- Kochanski H.* Wolseley and the South African War // The Boer War: Direction, Experience and Image / ed. by J. Gooch. L.: Psychology Press, 2000. Pp. 56–72.
- Kozlov D.* Athens and Apocalypse: Writing history in Soviet Russia // The Oxford History of Historical Writing. Vol. 5. Oxford: Oxford University Press, 2011. Pp. 375–398.
- Kröll U.* Die Internationale Buren-Agitation 1899–1902. Münster, 1973.
- Krüger D.W.* Steytler, Lourens Jacobus // Dictionary of South African Biography. Vol. III / ed. by C.J. Beyers. Pretoria: Human Sciences Research Council, 1977. Pp. 759–760.

- Kutscher C.F.* Geschrieben unter dem Kameldornbaum. Die Briefe und Berichte Ludwig von Estorffs aus dem alten Südwestafrika 1894–1903. Berlin, 1905.
- Laband J.* The Transvaal Rebellion: The First Boer War, 1880–1881. L.: Routledge, 2014. 288 p.
- Legassick M.* Gordonia: A Hidden History. Cape Town, 1999.
- Legassick M.* The Frontier Tradition in South African History // Economy and Society in Pre-Industrial South Africa / ed. by S. Marks, A. Atmore. London, 1980. Pp. 44–79.
- Letter from a Bulgarian officer with the Boers // The Times. 10 January 1900. P. 11.
- Leutwein T.* Elf Jahre Gouverneur in Deutsch-Südwestafrika. Berlin, 1908. Facsimile, Windhoek, 1997.
- Liebenberg I.* History, the US and Nato's push against the East drives the Ukraine War // Mail & Guardian. 29 April – 5 May 2022.
- Liebenberg I.* More than one Culprit? Notes on the Ukraine Conflict. History, US and NATO's push against the "East" drives Ukraine War // Phronimon. 2023. Vol. 24. No. 1. Pp. 1–7.
- Liebenberg, I.* Viewing "the other" over a hundred and a score more years: South Africa and Russia (1890–2010) // The Journal for Transdisciplinary Research in Southern Africa. 2010. Vol. 6. No. 2. Pp. 428–460.
- Lowry D.* "The play of forces world-wide in their scope and revolutionary in their operation [J.A. Hobson]": The South African War as an international event // South African Historical Journal. 1999. Vol. 41. No. 1. Pp. 83–105.
- Mack A.* Why Big Nations Lose Small Wars: The Politics of Asymmetric Conflict // World Politics. 1975. Vol. 27, No. 2. Pp. 175–200.
- Malan A.* Sammy Marks. The Lewis and Marks Partnership. A Success Story. Pretoria: Northern Flagship Institution, 2006. 24 p.
- Marks S.* War and Union, 1899–1910 // The Cambridge History of South Africa. Vol. 2. / ed. by R. Ross, A.K. Mager, B. Nasson. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. Pp. 157–210.
- Memoirs of General Ben Bouwer as written by P.J. le Riche / ed. by J. Ferreira. Pretoria: Human Sciences Research Council, 1980.
- Mendelsohn R.* Sammy Marks: The Uncrowned King of the Transvaal. Cape Town: David Philip, 1991.
- Mendelsohn R.* The Gilded Cage: Bertha Marks at Zwartkoppies // Dis-location: Exploring Issues of Alienation and Identity in South Africa / ed. by B. Law-Viljoen. Johannesburg: David Krut Publishing, 2008. 160 p.
- Mendelsohn R., Shain M.* The Jews in South Africa. Johannesburg & Cape Town: Jonathan Ball Publishers. 2009. 248 p. ISBN 978-1868422814.
- Mommssen W.J.* Introduction // The International Impact of the Boer War / ed. by K. Wilson. Abingdon: Routledge, 2014. Pp. 1–7.
- Moolman N., Oosthuizen W.* Boere & Russe: Persoonlike Vriendskappe. Allen's Nek, 2021.

- Nasson B.* The War for South Africa: The Anglo-Boer War 1899–1902. Cape Town: Tafelberg, 2011. 352 p.
- Navala Z.* Croats in the Anglo-Boer War South Africa 1899–1902. Zagreb, 2020.
- New History of South Africa / ed. by H. Giliomee, B. Mbenga. Cape Town: Tafelberg, 2007. 454 p.
- Oosthuizen W., Moolman N.* Persoonlike vriendskappe: Boere en Russe. Allen's Nek, 2021. 180 p.
- Opperman Lewis H.* Apartheid: Britain's Bastard Child. Wandsbeck, 2016.
- Pakenham T.* The Boer War. N.Y.: Avon Books, 1992. 718 p.
- Penn N.* The Forgotten Frontier: Colonist and Khoisan on the Cape's Northern Frontier in the 18th Century. Cape Town; Athens, Ohio, 2005.
- Pickover M.* Animal Rights in South Africa. Cape Town, 2005.
- Pogorzelski D.* Stanislaw Szukalski: The Human Riddle // The Warsaw Institute Review. 2020. Qr. 1. No. 12.
- Porter A.* The South African War and the historians // African Affairs. 2000. Vol. 99. No. 397. Pp. 633–648.
- Pretorius F.* Healers, Helpers and Hospitals: A History of Military Medicine in the Anglo-Boer War. Vol. 1, Vol. II. Pretoria, 2008.
- Pretorius F.* The A to Z of the Anglo-Boer War. Lanham; Toronto; Plymouth: The Scarecrow Press, 2010. 571 p.
- Pretorius F.* Welcome but not that welcome: The relations between foreign volunteers and the Boers in the Anglo-Boer War of 1899–1902 // War Volunteering in Modern Times / ed. by C.G. Krüger, S. Levsen. London: Palgrave Macmillan, 2010. Pp. 122–149.
- Pretorius F., Boje J.* 'Kent gij dat volk': The Anglo-Boer War and Afrikaner Identity in Postmodern Perspective // Historia. 2011. Vol. 56. No. 2. Pp. 59–72.
- Pretorius F., Boje J.* Black Resistance in the Free State during the Anglo-Boer War // Historia. 2013. Vol. 58. No. 1. Pp. 1–17.
- Reitz D.* Commando: A Boer Journal of the Anglo-Boer War. Johannesburg: Jonathan Ball, in association with Faber and Faber, London, 1983.
- Rice M.* From Dolly Gray to Sarie Marais: The Boer War in Popular Memory. Noordhoek, 2004.
- Robson N.* Our First Foreign War: The Impact of the South African War 1899–1902 on New Zealand. Auckland, 2021.
- Rossouw A.E., Spies M.L.* Ons onthou 74 jaar, 1907–1981: die C. en N. Meisieskool Oranje Herdenkingsuitgawe. Bloemfontein: Sendingpers, 1981. 128 p.
- Russia in the Contemporary World. Proceedings of the First Symposium in South Africa. Centre for Russian Studies, University of Cape Town, 17–19 August 1994 / ed. by A. Davidson, I. Filatova. Cape Town: Centre for Russian Studies, University of Cape Town; The Marvol Foundation, 1995.
- Saayman S.* Russiese huldeblyke aan die Boere // South African Journal of Cultural History. 1986. Vol. 3. No. 1. Pp. 15–19.
- Saks D. Y.* Three 'Boerejode' and the South African War // Military History Journal. 1995. Vol. 10. No. 2.

- Shubin G.* Russian perceptions of the Boer and British Armies: An introduction through Russian documents // *Scientia Militaria*. 2000. Vol. 30. No. 1. Pp. 13–31.
- Spiers E.M.* The Late Victorian Army, 1868–1914 // *The Oxford History of the British Army* / ed. by D.G. Chandler, I.F. Beckett. Oxford: Oxford University Press, 2003. Pp. 187–210.
- Spiers E.M.* The Learning Curve in the South African War: Soldiers' Perspectives // *Historia*. 2010. Vol. 55. No. 1. Pp. 1–17.
- Stals E.L.P.* Morewind oor die Karasberge 'n Kultuurhistoriese verkenning van die Karasstreek van die laat negentiende eeu. Pretoria, 2009.
- Stals E.L.P.* Wie is jy? 'n Bundel historiese opstelle oor die Afrikaner in die voormalige Suidwes-Afrika. Windhoek, 2008.
- Steyn E., Prophet J., Van Schoor M.C.E.* A Bibliography of the Anglo-Boer War, 1899–1902. Bloemfontein: War Museum of the Boer Republics, 1999. 305 p.
- Steyn W.* Die groot Boere-ontsnapping. Kaapstad: Cederberg Uitgewers, 2015. 168 p.
- Steyn W.* The Great Boer Escape. Cape Town: Cederberg Publishers, 2015.
- The Impact of the South African War / ed. by D. Omissi, A.S. Thompson. Basingstoke: Palgrave, 2002. Pp. 268–288.
- The Jews in South Africa. A History. / ed. by G. Saron. Cape Town; London; New York: Geoffrey Cumberledge, 1955.
- The War at Home: Women and Families in the Anglo-Boer War. / ed. by B. Nasson, A. Grundlingh. Cape Town: Tafelberg, 2013. 272 p.
- Thomas D.* Hier was helde: die redding van Concordia, April 1–4, 1902. Cape Town: Print Matters Heritage, 2015.
- Thomas D.* The Men who would not March: The Surrender of Concordia, Namaqualand, 4 April 1902. Cape Town: Print Matters Heritage, 2011.
- Trümpelmann G.P.J.* Die Boer in Suidwes-Afrika // *Argiefjaarboek vir Suid-Afrikaanse Geskiedenis*. 11de Jaargang 1948. Deel II. Pp. 114–121.
- Van der Merwe P.J.* Pioniers van die Dorsland. Kaapstad, 1949.
- Van der Waag I.* Re-fighting the 2nd Anglo-Boer War: historians in the trenches // *Scientia Militaria*. 2012. Vol. 30. No. 1. Pp. iii–vii.
- Van der Westhuizen G.* Boere se oorlog, deur die oë van 'n Rus // *Beeld*. 9 September 2022.
- Van der Westhuizen G.* Oekraïne: SA se buitelandse beleid 'behoort gewild te wees' // *Beeld*. 14 July 2022.
- Van Zyl J., Constantine R.J., Pretorius T.* An Illustrated History of Black South Africans in the Anglo-Boer War, 1899–1902: A Forgotten History. Bloemfontein: War Museum of the Boer Republics, 2012. 399 p.
- Visagie L.A.* Terug na kommando: Avonture van Willie Steyn en vier ander krygsgevangenes. Kaapstad; Bloemfontein; Port Elizabeth: Nasionale Pers, 1945.
- Von François C.* Deutsch-Südwest-Afrika. Geschichte der Kolonisation bis zum Ausbruch des Krieges mit Witbooi, April 1893. Berlin, 1899. Reprinted in Swakopmund, 1993.

- Von Zeil A.-G., Thomas D.G.* The Men Who Would Not March: The Surrender of Concordia // *South African Historical Journal*. 2011. Vol. 63. No. 2. Pp. 234–250.
- Wessels A.* A Century of Postgraduate Anglo-Boer War (1899–1902) Studies: Masters' and Doctoral Studies Completed at Universities in South Africa, in English-speaking Countries and on the European Continent, 1908–2008. Bloemfontein: Sun Press, 2010. 205 p.
- Wessels A.* The Five Swimmers. The escape of Willie Steyn and his four fellow prisoners-of-war from Ceylon in 1901 // *African Historical Review*. 2014. Vol. 46. No. 1. Pp. 109–111.
- Wiener C.* The history of the Pietersburg (Polokwane) Jewish community. MA thesis. University of South Africa. 2006. 336 p.
- Winch J., Parry R.* Too Black to Wear Whites: The Remarkable Story of Krom Hendricks, a Cricket Hero who was Rejected by Cecil John Rhodes's Empire. Cape Town, 2020.
- Writing a Wider War: Rethinking Gender, Race, and Identity in the South African War, 1899–1902* / ed. by G. Cuthbertson, A. Grundlingh, M.-L. Suttie. Athens: Ohio University Press, 2002. Pp. ix–xix.

SUMMARY

Introduction

In South Africa, the attitude towards the Anglo-Boer War is ambiguous. With the decrease in the political and ideological significance of the war, its historical significance is no longer obvious. The notion that this was “the war for South Africa”, the armed conflict in which the South African nation was born, has not taken root in the mass consciousness.

However, the Anglo-Boer War of 1899–1902 was an event of a global significance, and the interest in it outside South Africa has not waned. In Russia, an international academic conference on this conflict was first held in 2022. The event was organised by the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. We tried to stimulate a dialogue between Russian and international researchers of the South African War. The speakers represented academic and public organisations from Russia, South Africa and Namibia.

At the conference, it was noted that the scope of the Boer War research has expanded in the latest decades. Apart from military aspects, the political and economic origins of the armed conflict of 1899–1902 and its consequences for South Africa and the British Empire as a whole, many researchers have turned to themes stemming from the “cultural turn” in military history. Many researchers have focused on personal experiences in the war, including foreign volunteers; daily life at the front; the fate of women and minors during hostilities; experiences of war prisoners; the impact of the perceptions which the population acquired during the war on social changes in post-war South Africa. The participation of Africans in the Anglo-Boer War was actively investigated as well.

The scope of sources has also expanded. Researchers are increasingly turning to ego documents, visual sources, audio recordings and film footage. In addition, the attention of researchers has also been drawn to “echo” of the Anglo-Boer War, i.e. to the war’s presence in civilian life, in the postwar period, and its influence on the consciousness of the South African peoples and their nation in general.

These directions seem promising. What contribution can Russian researchers make to the discussion of important topics related to the Anglo-Boer War? We have tried to answer this question in our book. It is based largely on contributions submitted by the participants of our 2022 conference. It is the first Russian academic work on the South African War produced by a large international team (eighteen authors from Russia, South Africa and Namibia).

Contributors:

Arbekov, A.B., PhD (History), Research Fellow, Tula National Arms Museum, Russia (Chapter 3);

Davidson, A.B., member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Head of the Centre for African Studies, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Preface);

Du Pisani, A., Emeritus Professor, University of Namibia (Chapter 4);

Gorelik, B.M., PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Introduction, Chapters 10, 11, 14, Conclusion, Appendices);

Gribanova, V.V., PhD (History), Senior Research Fellow, Head of the Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Chapters 1, 5);

Ivchenko, Y.O., Master's student, Institute of History, Saint Petersburg State University, Russia (Chapter 9);

Komarova-Tagar, E.Y., PhD (Medicine), University of Cape Town, South Africa; Deputy Chair: Culture and History, Coordinating Council of Russian Compatriots in South Africa (Chapter 14);

Krayushkina, T.V., D.Sc. (Philology), Head of the Centre for Cultural History and Intercultural Communication, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Chapter 12);

Liebenberg, I., Professor, Stellenbosch University, South Africa (Chapter 2);

Prokopenko, L.Y., PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Chapter 8);

Roos, M., Senior Lecturer, Faculty of Military Science, Stellenbosch University, South Africa (Chapter 2);

Skubko, Y.S., PhD (Economics and Art History), Senior Research Fellow, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Chapter 5);

Tokarev, A.A., PhD (History), Senior Research Fellow, Head of the Centre for Southern Africa Studies, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Chapter 1);

Van der Westhuizen, G., Research Associate, Faculty of Military Science, Stellenbosch University, South Africa (Chapter 2);

Von Zeil, A.-G., Lt. Cdr., University of Cape Town (Chapter 13) ;

Yegorov, A.M., PhD (History), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Pskov Campus, Saint Petersburg University of the Russian Federal Penitentiary Service (Chapter 6);

Yegorov, I.A., Junior Research Fellow, Centre for Integrated Regional Security Studies, Pskov State University, Russia (Chapter 6);

Zdanevich, A.S., PhD (History), Senior Lecturer, Faculty of Asian and African Studies, Saint Petersburg State University, Russia (Chapter 7).

Preface. The First War of the 20th century

The monograph starts with a preface by Academician A.B. Davidson, the author (with I.I. Filatova) of a seminal study of the participation of Russians in the Anglo-Boer War and of the perceptions of this armed conflict by Russian society. The events in the distant South Africa made such a strong impression on contemporaries in Russia, both adults and children, that the images associated with the Boers and their resistance remained prominent in the collective memory and historical consciousness of Russian people for many decades.

Part I. HISTORIOGRAPHY

CHAPTER 1. Studying the Anglo-Boer War of 1899–1902 in Russia

The Second Boer War ended over 120 years ago. The Russian historiography of this conflict began at about the same time. The study of the causes, results, features of the Anglo-Boer War was being undertaken while hostilities in South Africa were still taking place. In Soviet historiography, in the 1930s and the early 1940s, a glorification of the Boers was noticeable. Soviet scholars called on the liberation

movements to adopt some of the military tactics of the defenders of the Boer republics. The first Soviet-era thesis on the South African War was defended in Moscow in 1940. Its author, Alevtina Ostaltseva, followed Lenin in ranking that conflict among the first imperialist wars.

Characteristic of this dissertation and of subsequent Soviet works is the assertion that it was a national liberation struggle waged by the small Boer people against imperialist England. The second Soviet-era thesis on the war was defended in Leningrad in 1949. The 1960s and the 1970s saw numerous papers and books containing an exploration of the problems related to the Anglo-Boer War. But the view of the Boers had changed. The conflict was seen as a war for the right to exploit Africans: the interests of British industrialists were in conflict with the interests of the Boer farmers. In the same period, Apollon Davidson first explored the South African War in his published works. His approach was innovative for the Soviet historiography: instead of focusing on international history and exposing imperialism, he investigated the perceptions of the war by its contemporaries. Davidson's research made his colleagues and compatriots realise that Anglo-Boer War made Russian society see Africa in a new way.

In the post-Soviet, the foremost among the historians of the Anglo-Boer War have been professors Apollon Davidson and Irina Filatova, as well as the late Dr Gennady Shubin of the Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences. Shubin, with encouragement and assistance from Davidson, devoted many years to archival work. His final contribution to the Boer War studies came in 2012. Leading a team of researchers from our institute and the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, together with Prof. Ian Liebenberg (an author of this book), Shubin produced a 13-volume collection of documents on the Russian perceptions of and involvement in this armed conflict. At the Centre for Southern Africa Studies of the Institute for African Studies, we continue to develop some of themes that he explored.

CHAPTER 2. The Anglo-Boer War: New Perspectives and Opening a Dialogue on History, Historiography, Human Suffering, Political Agency and New Pathways for Future Research

The Anglo-Boer War, or South African War, not only attracted immense international interest when it broke out in 1899. It is also very

difficult to overestimate the influence it had on South African history in the 20th and even 21st centuries.

The authors discuss a book initiative by Dr Ina Snyman, Prof. Ian Liebenberg, Gert van der Westhuizen and Dr Mariaan Roos. The book edited between 2001 and 2004 is entitled *A Century is a Short Time: New Perspectives on the Anglo-Boer War* (Pretoria: Nexus Publishers). The work was somewhat delayed for various reasons and only appeared in 2005. It was independently published in close association with the late Tienie du Plessis, editor and publisher, previously involved with Taurus Publishers (a small alternative Afrikaans publishing house which had some of its works banned by the apartheid government during the 1980s). With the Anglo-Boer War as nexus, the authors, after thorough reflection and some trepidation, were convinced that new multi-disciplinary perspectives on the Anglo-Boer War were necessary. At the time it was a bold attempt. Persons versed in (African) philosophy, law, the Afrikaans literary world, historians, sociologists, political scientists, social scientists and the medical profession contributed. A variety of South Africans and international persons contributed to what the authors believed was an innovative work, even if somewhat against the grain of “traditional” histories.

In this paragraph, the book is discussed, as well as the possible contribution thereof for the future. The authors also reflect on new and innovative areas of research on the Anglo-Boer War that can be opened by re-thinking and re-memory of the past. In conclusion, suggestions are made on some of these new themes.

Part II. WAR

CHAPTER 3. “A War of Unlearned Lessons”: The Impact of the First Anglo-Boer War (1880–1881) on Britain’s Preparations to the Second One (1899–1902)

The paragraph explores the examination of the experience of the First Boer War (1880–1881) by the British High Command and analyses the influence of their analysis on the preparation of Great Britain for the Second Boer War (1899–1902). The reflection by British generals on the so-called “Transvaal Uprising” and its “lessons” was

not comprehensively investigated in both Russian and English-language scholarly works, although the failures of the British Army in the early stages of the second war against the Boers were to a certain extent due precisely to ignoring the experience of the 1880–1881 armed conflict. On the basis of the study, drawing on published documents and materials from Russian and British archives, it is argued that the British High Command sought to analyse the events of the first war with the Boers but focused on its strategic aspects rather than on issues related, for example, to the practice of using small arms. However, even in this context, the “lessons” of the First Anglo-Boer War of 1880–1881 for the most part remained unapplied, which contributed to the resounding defeats of the British Army at the beginning of the Second Boer War of 1899–1902.

CHAPTER 4. The Anglo-Boer War of 1899–1902 and German South West Africa (Namibia): A Forgotten Story

Notwithstanding a diverse and extensive body of published literature on the Anglo-Boer War (1899–1902) and its different dimensions, there is a lacuna in the literature, namely how the War impacted on the former German South West Africa (GSWA), the present Namibia.

This paragraph explores, in broad outline, the cultural, socio-economic and political impacts of the War on the then GSWA. At the time, at the height of the War, approximately 1600 Afrikaners migrated from different parts of South Africa – the Transvaal, the Orange Free State and the Northern Cape – to GSWA, where 600 of them settled permanently at the end of the War in 1902.

Mindful of the relatively small European population in GSWA at the time, the Afrikaner migrants played a significant role in the cultural, economic and later, political life of the country, preeminently in the southern districts of Keetmanshoop, Gibeon, Mariental, while some migrants settled in north-central GSWA in the surrounds of the town of Grootfontein.

The former German authorities in GSWA were by-and-large in support of the new settlers, provided they did not dilute German culture and education, and regarded the migrants as skilled farmers that could contribute to the economy of the country. Some German officials were sympathetic to the independent aspirations of the two former Boer

Republics in South Africa and their attempts to resist British imperialism. Von Estdorff, one such official, traveled to Germany where he gathered significant financial support for the cause of the Boer Republics and subsequently distributed food and other consumables to Afrikaner women and children in concentration camps in South Africa.

As a first attempt to explore this topic, this cursory chapter sheds some light on the intertwined trans-border history between GSWA and South Africa and makes a case for a more integrated approach to history writing and scholarship more generally across a raft of fields, inclusive of political history.

CHAPTER 5. From Russia to South Africa: Sammy Marks, a Millionaire and Peacemaker

The paragraph centres on Sammy (Samuel) Marks, a native of the Russian Empire, in South Africa in the late 19th and early 20th centuries, who, along with his cousin Isaac Lewis, laid the foundations for many branches of the South African industrial economy. Starting out as small-time salesmen, Marks and Lewis later moved into the diamond trade before turning their attention to the gold deposits of the Witwatersrand. In Pretoria, Marks established relations with the government and President Paul Kruger, becoming his friend and adviser. The cousins launched glass, leather, alcohol, brick and tile factories, and founded South African brewing on an industrial scale. Marks founded the town of Vereeniging, where he built the first smelter in South Africa, and soon took part in the construction of the country's first power plant. By the end of the century, the brothers participated in the founding of several leading companies in the country, such as the Union Steel Corporation and De Beers, and did charity work, including helping fellow countrymen in Lithuania. Marks also played an important role in bringing the Anglo-Boer War of 1899–1902 to a peaceful conclusion. Taking a neutral position and enjoying the confidence of both belligerent parties, he brought the British and the Boers together for final negotiations on his premises in Vereeniging, where a peace treaty was successfully negotiated. From 1910 until the end of his life, Marks was a senator in the South African Parliament.

CHAPTER 6. Studying the Practices of the Anglo-Boer War (1899–1902) in the Lead-Up to the Second World War: Reasons and Conclusions

The period between the two world wars was a time of increased interest of international and Soviet military science in the problems of “small” armed conflicts of the recent past. There were important practical reasons for their studies of the lessons of the Anglo-Boer War of 1899–1902. Once, this war made a deep impression on contemporaries, primarily because of the stiff resistance that armed Boer agrarians put up against regular British troops. The very nature of the war, in which a regular European army and a Boer people’s militia came face to face, was also unusual. One could discern the disturbing signs of future armed conflicts – with their concentration camps, raids, checkpoints, sniper ambushes, blown-up trains, civilian hostages and other attributes of total war.

The South African War also showed that guerrilla warfare was by no means limited to wars conducted by politically and economically marginal countries. The experience remained relevant and sought after when considering the appropriate methods and forms of future defensive operations of the Red Army. The comparatively short interbellum of the 1920s–1930s became a time of rethinking the South African experience for the new conditions.

CHAPTER 7. The Russian Volunteer Movement during the Anglo-Boer War within the Context of Changes in the Russian Foreign Policy in the 19th Century

The paragraph is an attempt to reconceptualize the participation of Russian volunteers in the Anglo-Boer War of 1899–1902 in the context of the key socio-political processes that took place in Europe, Russia and South Africa in the 19th century.

The events of the distant past are of genuine interest, both in Russian and international history. Currently, we feel a certain junction of epochs, which only emphasises the relevance and urgency of historical research. It is important in this regard that the friendly relations between Russia and South Africa, two countries which are different yet in many ways very similar, have been maintained.

A modern view of the evolution of Russian society in the 19th century allows us to reveal the patterns and prerequisites for the emergence of the Russian volunteer movement, which can be traced throughout the 19th century. The background is mainly the event outline, including the background to the liberal reforms in Russia, the reaction of the ruling Romanov dynasty, and the features of foreign policy.

For the world, the Russian volunteer movement became an example of impartial service to the idea of Freedom and Independence.

CHAPTER 8. Newly Discovered Names of Russian Veterans of the Anglo-Boer War of 1899–1902

History preserves the names of great commanders who won or lost battles, but many war veterans remain unknown. Nevertheless, Napoleon was right when he said that battles are envisioned by generals but won by soldiers.

The Anglo-Boer War 1899–1902 is no exception. Over two hundred volunteers from the Russian Empire took part in it on the side of the Boers. Among them were not only ethnic Russians, but also Jews, Lithuanians, Ukrainians, Poles who came to South Africa from the Russian Empire both before and during the armed conflict to join the commandos. The names of most of them are still unknown or obscure.

Based on newly discovered sources, we outline biographies of little-known veterans of the South African War. For the first time in Russian historiography, two Russian subjects who fought in this armed conflict are introduced. They are Dionizy Szukalski, a blacksmith from Poland, and Yuriy Budyak (Pokos), a Ukrainian poet and writer. An investigation into literature and Budyak's ego-documents helps to reconsider his often-cited claim that he helped to rescue Winston Spencer Churchill from Boer captivity, when the latter was a war correspondent for the English newspaper *Morning Post*. Archival documents substantiating Y. Budyak's assertion have not been found.

Part III. PEACE

CHAPTER 9. Reflections of the Anglo-Boer War in the Daily Life of Children of Nobility: A Case Study of the 1899–1902 Diaries of A.V. Polovtsov's Family

Using ego-documents of A.V. Polovtsov's children, we explore the formation of their attitudes towards the South African War and its participants, as well as the influence of the war on the daily life and leisure of the inhabitants of the Russian capital at the turn of the 20th century. Such forms of leisure practices as reading, games, circus performances, public lectures, etc., are considered. The Polovtsov children's diaries for 1894–1903 are found in the Russian State Historical Archives and in the Manuscript Collections of the Russian National Library in Saint Petersburg. These sources were never studied in connection with the armed conflict in South Africa. The newness of the study lies in the fact that aspects of children's perceptions of this war were not investigated in the Russian historiography of the Anglo-Boer War. The study examines the activities of the pro-Boer Dutch Committee as well as the active participation and educational work by Ekaterina Nikolaevna Polovtsov, Anatoly Viktorovich Polovtsov, and their children, Xenia and Kirill. The chapter reflects the considerable influence on their attitudes by a close family friend, the Dutch church pastor and committee chairman H.A. Gillot.

CHAPTER 10. "The great confrontation between a giant and a lilliputian": The Anglo-Boer War as Perceived by the Narodniks

The international campaign in support of the Boers is associated in historiography with conservative and even reactionary circles. Indeed, their voices were especially loud. But the Boer War also made an impression on the progressive forces. Sympathy for the Boers prevailed even among Russian socialists, including Narodniks (agrarian socialists). Sympathy for the Boers, interest in their war against British imperialism contributed to the politicisation of Russian society before the Revolution of 1905–1907. Russian left-wing radicals studied the experience of the Boer commandos, expecting that it could be applied

in their own struggle. The study of Narodnik publications of the turn of the 20th century shows that the South African events gave Russian agrarian socialists material to test, verify and perfect their theories of social change and development, especially because both the Russian Empire and the Boer republics were predominantly agrarian. Like Russia, South Africa saw a rapid emergence of capitalism, which threatened the traditional economy and communities; conflicts between the needs of industrialisation and the agrarian economy; manifestations of imperialism, together with the growth of militarism. In Russia, the Boers were often called ‘peasants’, and the Narodniks saw the peasantry as the backbone of the future socialist society in their own homeland. The Narodniks realised that such public initiatives as mass pro-Boer campaigns, which, at first glance, had no direct relation to the needs of the peasantry, could contribute to the development of political consciousness of the Russian people.

CHAPTER 11. A Visit to Russia by Boers Rescued from British Captivity (1901). L.J. Steytler’s Memoir in a Historical Context

During the South African War, people in Russia had little chance of meeting defenders of the Boer republics. However, such encounters did take place. In 1901, the crew of the Russian ship *Kherson* helped five Boers to escape from British captivity on Ceylon. The prisoners had been brought to the Colombo harbour on a British ship for detention in a camp on the island. The captives swam to the Russian ship at night and were rescued. The “Five Swimmers”, as they became known since then, travelled on the *Kherson* to the Crimea, visited the Russian capital and returned to their homeland through Western Europe to join Boer commandos and keep on fighting against the British. In South Africa, their daring escape in Ceylon and their homeward journey via Russia have been the subject of three books. Russian historians also wrote on this topic, drawing on the contemporary press coverage of the story. In this paragraph, we summarise the available information on the Five Swimmers’ stay in Russia from Russian and South African sources. A biography of V.P. Kisimov, the first mate on the *Kherson*, is provided for the first time. Kisimov, who could speak English, liaised between the captain and the Boers aboard the ship. The latter believed that they owed their freedom to him.

A memoir by L.J. Steytler, one of the Five Swimmers, is reproduced for the first time in the Appendices.

CHAPTER 12. The Folk Song “Transvaal” in Russian Culture from the 20th Century to the First Quarter of the 21st Century

The folk song “Transvaal” is a significant phenomenon of Russian culture of the 20th and the early 21st centuries. Based on G. Galina’s poem “The Boer and His Sons” (1899) and inspired by the Second Anglo-Boer War, the song became popular in Russia. It was performed during the First World War, the Russian Civil War, the Second World War. It is still sung in Russia to this day. The song has been adopted by various arts: it could be heard on the stage, on the radio and in television programs, as well as in feature films. However, the song was most readily utilised in literature. At least 114 literary works of fiction and non-fiction, autobiography and journalism, as well as popular science have been found, in which “Transvaal” appears as a verbatim or inaccurate quotation, allusion or epigraph. Prominent Russian literary figures as well as lesser-known writers and poets have turned to this song. The folk song “Transvaal” has a steady presence in the Russian mass consciousness and culture. It has been associated with the idea of the Motherland and a selfless, ardent and popularly supported struggle for its liberation.

CHAPTER 13. “The Men who would not March”: How Concordia, Namaqualand, Regained Her Pride

This paragraph focuses on the original research and reinterpretation of the previously established discourse through engagement with local communities. On 4 April 1902, a historical event took place in the guerrilla phase of the Anglo-Boer War in Concordia, Namaqualand, Cape Colony – far away from the two Boer republics. The copper-mining town was surrendered to General J. Smuts. Previously, researchers blamed the surrender on the cowardice of the elderly commandant, Captain F. Phillips, manager of the Concordia mine. Using documents retrieved from the South African National Archives, it was found that the main reason for the surrender was a mutiny by the 100-odd Coloured members of the Town Guard.

If the Town Guard followed the order to march to defend O'kiep, a neighbouring mining town, from Boer guerrillas, this would have resulted in them leaving their families, homes, mine and town unprotected. While considering their course of action, the officers and men considered their being surrounded and outnumbered by battle hardy Boers; their rudimentary military and rifle training; their limited ammunition; the risk that they and their families might be massacred, their homes and their mine destroyed. The Town Guard had little chance of holding Concordia.

When Smuts proposed to spare the town from destruction in exchange for its surrender, Phillips accepted. They negotiated an agreement whereby the men, families, homes and mine would not be harmed during Boer occupation. The Town Guard lay down their arms without firing a shot, which later made the British commander believe that they were cowards. However, their decision was commonsensical rather than cowardly, and their mutiny was an act of resistance.

This research and reinterpretation project involved the local Coloured community and, through this, resulted in the erection of a monument to their forefathers in memory of their conviction. The reinterpretation showed that by refusing an order to march the men bravely decided to stand with their families to protect their homes and mine. The findings were made accessible and meaningful through engaging with the community of Concordia, where the research was undertaken. Today the story is reflected in the monument to "The Men who would not March", a new tourist attraction in Concordia. An academic paper, a book in English and Afrikaans, for school-children, many public lectures and an annual honouring of the men have taken place. At last, the years of shame for a largely Coloured community ended.

Chapter 14. Commemorating Russian Volunteers of the Anglo-Boer War in the Present-Day South Africa

The involvement of Russian volunteers in the Anglo-Boer War on the side of the republics has been remembered and commemorated in South Africa. The Coordinating Council of Russian Compatriots has been involved in various initiatives across the country. Commemoration events took place at the Castle of Good Hope and Fort

Wynyard in Cape Town, the War Museum of the Boer Republics in Bloemfontein. At these events, representatives of the Russian Embassy as well as the Russian Orthodox Church and the Council of Russian Compatriots, together with South African dignitaries unveiled plaques commemorating the Russian involvement in the war. A chapel dedicated to Russian veterans of the South African War was opened and consecrated on the grounds of the Russian Orthodox Church of St Sergius of Radonezh in Gauteng. The War Museum of the Boer Republics has also paid tribute to the Russian subjects who fought in the South African War in its exhibitions and academic conferences as well as with a plaque on the premises. The Russian Orthodox priest and the Russian embassy take care of the graves of volunteers from the Russian Empire who fell on South African battlefields in 1899–1902.

Conclusion

The works of Russian scholarship which have become part of the international historiography of the Anglo-Boer War stimulate a dialogue between historians in Russia, South Africa and other countries. Russian researchers can contribute to the discussion of important topics related to that armed conflict, and their success will depend on their familiarity with the historiography as well as their readiness to use new sources, theory and methods.

The material available in Russia can help Russian historians to explore the collective notions of the South African War. No comprehensive investigations into representations of that conflict in Russian mass and “high” culture at the turn of the 20th century have been undertaken yet. Particularly noteworthy are the statements by literary and public figures of the Russian Empire about similarities in the mentality and the way of life of Russians and Boers. Could such assertions of a parallelism between Russian and Afrikaner cultures be substantiated? Another question to be answered is the extent of the government’s involvement in the pro-Boer campaigns in Russia.

As for the Russian volunteer movement, further research would enable us to find out the reasons why Russian subjects rushed to the aid of the defenders of the Boer republics. It is worth considering if the ideas of the Anglo-Boer War that the Russian volunteers had before

departure, withstood a collision with the reality in South African. Perhaps the volunteers had to correct some of their notions. The war cultures of the Boers and of the Russian soldiers were different, and some volunteers from the Russian Empire tried in vain to “set the Boers an example of proper organisation”. It is still unclear how the perceptions of the South African armed conflict shared by Russian volunteers differed from the notions common to other volunteers fighting for the Boer republics. Moreover, many important aspects of the Russian participation in hostilities need to be clarified, such their efficiency in battle in South Africa and their usefulness to the republican forces.

Since the “cultural turn” in military history, researchers have paid more attention to the post-war period. As far as studying Russian perceptions of the Anglo-Boer War, researchers can explore the presence and transformation of the notions of this armed conflict in the historical consciousness of Russians after 1902. The causes and peculiarities of the collective memory of the South African War in Russia and the Soviet Union, as well as the actualisation, modification and uses of these notions also deserve to be investigated.

APPENDICES

A.F. Ostaltseva. My thesis

The first Russian thesis on the South African War was defended by Alevtina Fyodorovna Ostaltseva in 1940 (see Chapter 1). The appendix is a reproduction of a newspaper article in which Ostaltseva explained her reasons for exploring that armed conflict and discussed the theoretical basis of her research.

L.J. Steytler. Escape as a Prisoner of War – Anglo-Boer War 1899–1902

It is the first publication of a memoir by Lourens Jacobus Steytler, one of the Boer prisoners-of-war rescued from British captivity by Russian sailors in Ceylon in 1901 and collectively known as the Five Swimmers (see Chapter 11). The youngest of the escapees describes their rescue and stay in Russia.

Steytler's account is translated into Russian and accompanied by historical commentary. The original Afrikaans version ("Ontsnapping as Krygsgevangene – Anglo-Boereoorlog 1899–1902") is also reproduced.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арбеков Александр Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Тульского государственного музея оружия, г. Тула. E-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Горелик Борис Моисеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН, Москва. E-mail: boris.gorelik@inafr.ru

Грибанова Валентина Валерьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующая Центром истории и культурной антропологии Института Африки РАН, Москва. E-mail: vgribanova@mail.ru

Давидсон Аполлон Борисович, доктор исторических наук, академик РАН, профессор, заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН, Москва. E-mail: adavidson@yandex.ru

Дю Пизани А. (Du Pisani A.), заслуженный профессор Намибийского университета (University of Namibia), г. Виндхук (Намбия). E-mail: andredupisani@gmail.com

Егоров Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Санкт-Петербургского университета ФСИН России, г. Псков. E-mail: egorovam2009@rambler.ru

Егоров Игорь Андреевич, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Центр комплексного изучения проблем региональной безопасности» Псковского государственного университета, г. Псков. E-mail: tribunus.laticlavius@mail.ru

Зданевич Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры африканистики, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: azdanevich78@gmail.com

Ивченко Юлия Олеговна, магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург. E-mail: ivchenko.yuli@yandex.ru

Комарова-Тагар Элина Юрьевна, кандидат медицинских наук, сотрудник медицинского факультета Кейптаунского университета (Universi-

ty of Cape Town), член Русского клуба (Кейптаун), заместитель председателя по культурно-исторической работе Координационного совета российских соотечественников в ЮАР, г. Кейптаун (ЮАР). E-mail: elinakt.za@gmail.com

Краюшкина Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: kvtbp@yandex.ru

Либенберг Я. (Liebenberg I.), профессор факультета военных наук Стелленбошского университета (Faculty of Military Science (FMS), Stellenbosch University), г. Салданья (ЮАР). E-mail: jankalahari@gmail.com

Прокопенко Любовь Ярославовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, Москва. E-mail: skole60@mail.ru

Роос М. (Roos M.), старший преподаватель факультета военных наук Стелленбошского университета (Faculty of Military Science (FMS), Stellenbosch University), г. Салданья (ЮАР). E-mail: mroos@sun.ac.za

Скубко Юрий Сергеевич, кандидат экономических наук, кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Центра исследований стран Юга Африки Института Африки РАН, Москва. E-mail: yuskubko@yandex.ru

Токарев Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий Центром исследований Юга Африки Института Африки РАН, Москва. E-mail: stp79@yandex.ru

Фан дер Вестхейзен Г. (Van der Westhuizen G.), научный сотрудник факультета военных наук Стелленбошского университета (Faculty of Military Science (FMS), Stellenbosch University), г. Салданья (ЮАР). E-mail: GvanderW@24.com

Фон Зейл Э.-Г. (Von Zeil A.-G.), сотрудник Кейптаунского университета (University of Cape Town), г. Кейптаун (ЮАР). E-mail: glenn.vonzeil@uct.ac.za

Коллективная монография

**АНГЛО-БУРСКАЯ ВОЙНА 1899–1902 ГОДОВ:
ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Утверждено к печати

Ученым советом Института Африки РАН

Редактор

Л.Ю. Тенякова

Компьютерная верстка

Г.М. Абишевой

Подписано в печать 24.11.2023. Усл. печ. л. 23.
Формат 60х90/16. Тираж 500 экз. Заказ № 221

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Cherry Pie»

www.cherrypie.ru

Тел./факс: +7 (495) 994-49-94

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д. 12.